

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
«ОБЪЕДИНЕНИЕ „ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ“»

НАУЧНЫЙ ОТЧЁТ
за 2015 г.

Тула, 2016

ББК 63.3 (2Р–4Тул)

**Научный отчет Государственного учреждения культуры Тульской области
«Объединение „Историко-краеведческий и художественный музей“» за 2015 год.**

Ответственный за выпуск:

Дроздова Е. Е. – заместитель генерального директора по научной и экспозиционной работе
Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей», доктор исторических наук

В сборник вошли статьи, обобщающие результаты научных исследований специалистов
Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей» за 2015 г.

В сборник не включены статьи, находящиеся в стадии подготовки к публикации
в других изданиях.

Содержание

Раздел 1. Археология

- Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Охранные археологические раскопки в историческом центре г. Тулы.....6
- Зацаринный С.В. Исследования в пролетарском районе г. Тулы в 2010 г.....8

Раздел 2. Естествознание

- Поступальский В.В. Закарстованный участок оврага между ж.д. станциями Байдики и Ревякино как пример мелкого карста на территории Тульской области.....11

Раздел 3. Искусство

- Кузнецова О.Е. Работы П. Н. Крылова периода Великой Отечественной войны в собрании тульского областного художественного музея.....16
- Мечетина О. А. Творческие путешествия художника П. Н. Крылова в Италию.....19
- Скопинцева З. Н. Эстонский пейзаж в гравюре из собрания Тульского областного художественного музея.....22

Раздел 4. Литература

- Кожемяко Н. В. Стилистические и языковые средства изображения культурно-исторической действительности и патриотических настроений в произведениях поэтов-фронтовиков.....25
- Кожемяко Н. В. Тульский край во времена Великой Отечественной войны в творчестве современных тульских поэтов.....27
- Николаев Н. Н. Изобразительное искусство в жизни В. В. Вересаева.....35
- Ткач В. Ю. Истоки духовности в произведениях В. В. Вересаева.....38
- Ткач В. Ю. Медицина в жизни и творчестве писателя В. В. Вересаева.....41

Раздел 5. Отечественная история

- Авдюшкина И. Н. Военная повседневность как «нормальное исключение».....44
- Авдюшкина И. Н. Победный сорок пятый.....54
- Белов А. Г. Судьба тульских храмов в годы Великой Отечественной войны.....60
- Боть В.И. Военные формирования на территории Тульской области и их путь к Победе (1941–1945 гг.).....69
- Двойникова Е. Е. Первая усадьба Демидовых в Туле.....71
- Двойникова Е.Е. Научно-исследовательская экспедиция по югу России, организованная А. Н. Демидовым в 1837 г. (по материалам выставки «Анатолий Демидов. Путешествие по Крыму»).....75

Демидов С.И. Танковая колонна «Димитрий Донской» в фокусе различных аспектов истории Великой Отечественной войны.....	78
Дроздова Е.Е. Система здравоохранения на оружейных заводах военного ведомства России в XVIII – начале XX века.....	86
Дутова В.А. Богородицкие шахты в годы Великой Отечественной войны.....	92
Дутова В.А. Война, глядящая со страниц «районки».....	99
Жерздева М.В. Алексей Львович Бобринский – участник Сталинградской битвы.....	104
Жерздева М.В. В Богородицке он нашел свою душу.....	110
Жерздева М.В. Усадьба графов Бобринских в Богородицке.....	113
Зыкова Е.Г. К вопросу исторической топографии Тульского кремля. Осадные дворы XVI–XVII вв.....	133
Малолетнева О.А. Из истории Тульского Успенского женского монастыря.....	139
Маршавина М.В. Дети и внуки Н.И. Белобородова, изобретателя первой в России хроматической гармоника.....	144
Перова О.В. Богородицкий старец схиархимандрит Иринарх.....	146
Архангельская Т.Н., Перова О.В. Из истории имения графов Олсуфьевых «Красные Буйцы».....	151
Перова О.В. Основные этапы и организационные аспекты послевоенного восстановления памятника дворцово-паркового искусства последней четверти XVIII века в г. Богородицке тульской области....	161
Перова О.В. «Управительская» деятельность А.Т. Болотова или пример идеального усадебного менеджмента.....	168
Печников В.Е. Работа эвакогоспиталей Тульской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	177
Полозов Е.М., Немова С.Н. Туляк – полный Георгиевский кавалер. К 125-летию (1891) со дня рождения М.И. Кисельникова.....	184
Полозов Е.М., Немова С.Н. Гончие – радость всей его жизни. К 100-летию со дня рождения тульского охотника В.Н. Петрова.....	187
Савко И.Л. Династия талантливых гармонных мастеров Чулковых. Середина XIX – середина XX в...189	
Тимачев Д.Ю. Военно-археологические находки на месте формирования частей 3-й гвардейской танковой армии в Тепло-Огаревском районе Тульской области.....	191
Чернова Б.А. Роль Викентия Игнатьевича Смидовича в развитии системы здравоохранения г. Тулы. 1860–1894.....	194
Чулицкий А.В. Советские танковые войска и герои-танкисты в Тульской оборонительной операции 1941 г.....	199

Раздел 6. Фондовые коллекции

Дементьева И.Н. Коллекция фотографий периода Великой Отечественной войны в объединении «Тульский историко-краеведческий и художественный музей».....	204
Гнидина Т.Г. Духовная книга – «связующая нить времен». Из коллекции старопечатных и церковных книг Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей».....	209

Раздел 7. Экспозиционно-выставочная деятельность

- Авдюшкина И. Н. Во все времена. XIV–XX вв. Научная концепция экспозиции Тульского военно-исторического музея.....212
- Зыкова Е. Г. История тульского кремля. XVI–XXI вв. Концепция экспозиции музея тульского кремля..216
- Полозов Е. М., Немова С. Н. Великая Отечественная война как тема выставочного проекта (по материалам выставки в Тульском областном краеведческом музее.....221

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ г. ТУЛЫ

В 2011–12 гг. экспедицией Фонда научного краеведения Липецкой области проводились охранные археологические раскопки на месте строительства комплекса жилых домов в историческом центре г. Тулы (ул. Советская, 53). Заложено три раскопа общей площадью 2858 м². Под строительным балластом XX в. частично сохранились напластования XVI–XIX вв. мощностью от 0,2 м до 2 м (в основном 0,4–0,8 м).

Судя по единичным, переотложенным находкам, на изучаемой территории мог существовать незначительный по мощности культурный слой раннего железного века. Сохранившиеся же наслоения начали формироваться с XVI в. Интенсивной строительной и хозяйственной деятельностью XVIII–XIX вв. культурные отложения более раннего времени оказались практически полностью переработаны (отметим, впрочем, выявление на небольших участках остатков пашни и/или огородов XVI–XVII вв.). В свою очередь, напластования собственно XIX в. существенно разрушены в XX в. и сохранились в сравнительно небольшом объеме.

В слое и материке выявлено более 500 комплексов XVI – начала XX вв.: постройки жилого и хозяйственного назначения (49), хозяйственные и столбовые ямы (свыше 400), открытые очаги летних кухонь, погребения домашних животных (лошадей), следы усадебных оград, деревянной мостовой (?), разнообразные конструкции, настилы, колодцы, дренажные каналы и др. К XVI в. относятся 2 постройки, к XVII в. – 14, к XVIII в. – 6, к XIX в. – 19, на рубеж XVI–XVII вв. и XVII–XVIII вв. приходится по 1 постройке, на рубеж XVIII–XIX вв. – 2, на начало XX в. – 4.

Постройки XVI–XVIII вв. выявлены по углубленным в материк котлованам, постройки кон. XVIII в. – начала XX в. – большей частью по остаткам различных ленточных фундаментов, сооруженных в основном из бутового или тесаного камня, часто с применением положенных в основание деревянных бревен (лаг), иногда с использованием вбитых в землю свай. Фундаменты являются собой остатки как жилых построек, так и хозяйственных (надворных) строений дорегулярного и регулярного этапов городской застройки. Два из них можно предположительно связать с казармами Таврического и Елифанского полков.

Совокупность данных позволила предположить также существование во 2-й пол. XVIII в. – нач. XIX в. на участке, частично попавшем в площадь раскопа 1, производства, связанного с выделкой кож и/или забоем скота.

Особый интерес представляют гидротехнические сооружения: колодцы и дренажные каналы. Выявлено и полностью (до основания) изучено три разновременных колодца. Колодец 1 (раскоп 1) существовал до рубежа XVI–XVII вв. Глубина колодезной ямы составила 1,75 м от уровня материка, внутри находился квадратный в плане сруб (1×1 м), сохранившийся на высоту 5–6 венцов. Скорее всего, колодец являлся внутриусадебным. Колодец 1 (раскоп 3) функционировал до конца 1-й четв. XIX в. В колодезной яме (глубина от уровня материка 3,4 м) находилась массивная конструкция, верхняя часть которой представляла собой квадратный в плане сруб (1,5×1,5 м.), сохранившийся на высоту 12 венцов, нижняя – облицовку рублеными досками стенок ямы. Этот колодец был, скорее всего, уличным. Колодец 2 (раскоп 3) представлял собой конструкцию из трех вкопанных в землю поставленных друг на друга бочек без днищ и крышек диаметром 1,2 м. Глубина его от уровня материка 2,7 м, датировка – 2-я пол. XIX в. По-видимому, он служил техническим нуждам (например, для обеспечения водой домашнего скота).

На раскопе 1 выявлены углубленные в материк нижние части четырёх масштабных (шириной 1,8 м – 4,0 м, глубиной 0,5 м – 1,3 м) дренажных канав конца XVI–XVIII вв. Две из них (канавы 4

и 5) изучены на значительном протяжении (65 и 110 м соответственно). Удалось выявить от 2-х до 3-х этапов их функционирования, следы прочисток. Канавы 5 по меньшей мере какой-то период своего существования была крытой. Любопытна канавы 8, прослеженная на протяжении около 110 м. Она находилась в слое, лишь местами доходя до материка. Ширина ее по верху 0,8–1,5 м, ко дну она сужалась до 0,6–0,8 м. Стенки канавы на всем протяжении были укреплены плетнями. По меньшей мере один раз она перестраивалась. Объект может быть датирован кон. XVIII в. – нач. XIX в.

Из слоя и комплексов происходит значительное количество вещевых находок и керамики (более 20000 фр.), остеологическая коллекция, серии изделий массового и индивидуального характера из черного и цветных металлов, стекла, фарфора, фаянса, керамики, камня и др., характеризующих материальную культуру городского населения Тулы XVI – нач. XX вв. Высокая влажность грунта обеспечила и сравнительно хорошую сохранность изделий из органических материалов: дерева, кожи, бересты, кости и др.

Рис.1. Находки из культурного слоя исторической части Тулы (ул. Советская, 53)

- 1 – нательные кресты;
- 2 – перстень-печатка;
- 3 – булавка типа «пус-йеппи»;
- 4 – накладки на рукоять; 5 – пряжка;
- 6 – монеты XVII–XVIII вв.;
- 7 – нож;
- 8 – ключ от навесного замка;
- 9 – «чеснок»;
- 10 – снаряды для ручного огнестрельного оружия;
- 11 – створка щипцов для колки орехов;
- 12 – штоф;
- 13 – прясло;
- 14 – игрушки;
- 15 – фрагменты печных изразцов XVII–XVIII вв. / 1–5 бронза; 6 – серебро, медь; 7–9, 11 чёрный металл; 10 – свинец; 12 – стекло; 13–15 глина/.

Опубликовано:

Археологические открытия 2010–2013 годов // Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 227–228.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНЕ г. ТУЛЫ В 2010 г.

Отрядом археологической экспедиции ГУК ТО Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» проведены раскопки селища Глушана-1 и разведки в бассейне Щегловского ручья (пр. приток р.Упы) в Пролетарском р-не г.Тулы.

Поселение Глушана-1 расположено в верхнем течении Щегловского ручья на его левом берегу в 250 м к СВ от Щегловского монастыря. Памятник выявлен разведкой В.П.Гриценко в 1991 г. Площадь селища – ок. 9,5 га. Большая часть его территории в последние годы была застроена многоквартирными домами. Впервые поселение упоминается в Писцовой книге Тульского уезда 1587–1589 гг. как «дер. Щеглова на речке на Суходоле». С целью уточнения хронологии памятника и выяснения характера его культурного слоя в ЮЗ части поселения были заложены два рекогносцировочных раскопа.

Раскопом 1 (20 м²) был исследован участок хозяйственной ямы в сгоревшем деревянном строении 2-й трети XVI в. Остатки самой постройки, находившейся в слое (его мощность до 0,5 м), были уничтожены многолетней распашкой территории памятника, а значительная часть погребка оказалась срезанной современной траншеей для коммуникаций. Керамическая серия из заполнения ямы представлена исключительно круговой белоглиняной посудой окислительного обжига без искусственных отощающих примесей в тесте (858 фр.). Горшки украшены в основном редкими горизонтальными линиями, прочерченными по шейке и плечу сосудов. Помимо горшков из комплекса происходят несколько обломков керамических крышек и широкогорлых крынок с проушинами для подвешивания. Индивидуальные находки представлены ножами, кресальными кремнями, фрагментами глиняной игрушки и дисковидной погремушки с ангобной росписью, обломком сопла и куском железной крицы.

Раскопом 2 (20 м²) был исследован погреб в жилой постройке 1-й четверти XVIII в.: из заполнения происходят две петровских «денги», одна из которых 1704 г. Размеры овального в плане котлована – 4,0×2,4 м, глубина в материке – 0,6 м. В погребке содержались многочисленные обломки печных кирпичей (313 фр.). Полученная из заполнения котлована керамическая серия (1320 фр.) включает в себя посуду окислительного (68,5%) и окислительно-восстановительного обжига (31,5%): горшки, крышки, миски, кувшины и рукомойки. Некоторые сосуды (1,2%) украшены ангобной росписью. Среди других находок отметим два креста-тельника, навесной замок, ножи, конские и сапожные подковы, фрагменты глиняных игрушек и погремушек, пряслица из стенок сосудов, обломок глиняного рыболовного грузила. В 50 м к ЮВ от раскопа 2 на стройплощадке у многоэтажного дома было собрано 57 медных монет XVIII в. (номиналы: полушка, денга, 1, 2 и 5 копеек), датирующихся в диапазоне с 1735 по 1766 гг. Подавляющая часть монет (39 экз.) относится к 1757–66 гг. Учитывая это обстоятельство, а также компактность скопления монет (они концентрировались на участке около 100 м²), эту выборку, очевидно, следует рассматривать как часть распаханного клада, сокрытого в конце 60-х гг. XVIII в. По сведениям местных жителей множество монет было найдено здесь строителями и здешними подростками во время срезки культурного слоя землеройной техникой.

Собранная на памятнике представительная коллекция подъёмного материала позволила существенно уточнить его общую хронологию. Небольшая серия невыразительных орудий из кремня – скобели и скребки на отщепках – по-видимому, связана с эпохой камня. Лепная керамика раннего железного века датируется кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. Остальные артефакты относятся к периодам развитого (XIV – нач. XV вв.), позднего средневековья (2-я треть XVI в.; XVII в.) и к новому времени (XVIII в.). К последнему периоду принадлежит подавляющая часть индивидуальных

находок: железный кузнечный молоток, кирка, обломки двух топоров, конские и сапожные подковы, стремя, свинцовая пуля и выплески свинца, каменные оселки, фрагменты глиняных курительных трубок, изразцов, игрушек и погремушек, фрагменты стеклянных сосудов и др.

В результате разведки по Щегловскому ручью были осмотрены известные здесь ранее поселения Metallургов-1,-2. На первом из них расположена автостоянка, низинная часть этого памятника засыпается строительным мусором. Поселение Metallургов-2 задерновано. Напротив него, на правом берегу Щегловского ручья выявлено поселение РЖВ Дементьева-1, датирующееся по керамике кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. Судя по зачищенному обнажению на памятнике частично сохранился ненарушенный культурный слой. В среднем течении ручья на его левом берегу обнаружено селище XVI в. Комбайновая-1, а в верхнем течении, в районе Щегловского монастыря, выявлены ещё два поселения – Щегловский монастырь-1, -2. Селище Щегловский монастырь-1, занятое в XX в. коллективными садами, в настоящее время отводится под застройку (южная часть поселения уже частично разрушена при прокладке автодороги). Судя по подъёмному материалу памятник является многослойным и содержит артефакты позднего бронзового века (кон. II тыс. до н.э.), РЖВ (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) и развитого средневековья (XIV–XV вв.). Среди находок отметим кремневый скребок на отщепе, ручку амфоры и лощёное битрапиевидное глиняное пряслице с широким каналом (мощинский тип). В центральной части памятника на участке с уничтоженным слоем заложен шурф 2×2 м, которым была исследована овальная в плане подпечная яма XIV–XV вв. Её размеры 1,56×1,34 м, глубина в материке – 0,6 м. Из ямы происходят 130 фрагментов круговых белоглиняных горшков. Селище Щегловский монастырь-2 по керамическому материалу датируется XIV–XV и XVIII вв. Территория памятника занята коллективными садами и интенсивно застраивается коттеджами.

Рис. 1 Археологические исследования древних поселений Глушана-1 и Щегловский монастырь-1 в 2010 г.

А – центральная часть селища Глушана-1, уничтоженная при строительстве нового микрорайона (вид с запада); Б – селище Глушана-1, раскоп 1 (на заднем плане – Щегловский монастырь); В – селище Глушана-1, раскоп 2: доисследование разрушенных при строительстве археологических объектов; Г – селище Глушана-1, раскоп 2: общий вид погребя 1-й четв. XVIII в.; Д – поселение Щегловский монастырь-1, шурф 2: исследование погребя 2-й пол. XIV – нач. XV вв.; Е – фрагменты разновременных керамических сосудов с поселений Щегловский монастырь-1 (1-9) и Глушана-1 (10): 1 – венчик сосуда периода позднего бронзового века (кон. 2 тыс. до н.э.); 2-5 – венчики и стенки сосудов раннего железного века (кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.); 6 – венчик сосуда мощинской культуры (IV–VII вв. н.э.); 7 – ручка античной (?) амфоры; 8-9 – стенки красноглиняных ордынских сосудов XIV в.; 10 – стенка московского краснолощёного кувшина (кубышки-?) XV–XVII вв.

Рис. 2 Археологические находки, полученные в результате исследования поселений Щегловский монастырь-1 и Глушана-1 в 2010 г.

1 – кремневый наконечник стрелы эпохи неолита; 2 – глиняное пряслице мощинской культуры (IV-VII вв.); 3 – глиняное изделие из стенки кругового сосуда XIV-XV вв.; 4 – глиняная шаровидная погремушка XVIII в.; 5 – пуля ружейная свинцовая XVI-XVIII вв.; 6 – пряслице из стенки кругового сосуда 1-й четв. XVIII в.; 7 – перстень бронзовый XIV-XV вв.; 8 – бронзовый нательный крест 2-я пол. XVI – нач. XVII вв.; 9-10 – бронзовые нательные кресты кон. XVII – 1-я четв. XVIII вв.; 11 – свинцовая товарная пломба «Тульская городская скотобойня» кон. XIX – нач. XX вв.; 12 – свинцовая товарная пломба «Московская таможня 1904»; 13 – медная монета «денга» 1704 г.; 14 – обломок костяной зубной щётки XVIII в.; 15 – часть монет из клада 2-й пол. 60-х гг. XVIII в.

Опубликовано: Археологические открытия 2010–2013 годов // Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 183–184.

ЗАКАРСТОВАННЫЙ УЧАСТОК ОВРАГА МЕЖДУ Ж. Д. СТАНЦИЕЙ БАЙДИКИ И РЕВЯКИНО КАК ПРИМЕР МЕЛКОГО КАРСТА НА ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Различные проявления карста в нашей области встречаются часто. Это связано с повсеместным распространением на нашей территории горных пород, способных под действием подземных вод к растворению и выщелачиванию. Из таких пород у нас наиболее распространены известняки, реже доломиты, гипсы и некоторые другие породы. При их растворении и выщелачивании, в скальных толщах образуются пустоты – от мелких каверн и небольших полостей, до огромных пещер. Если свод такой пещеры выходит за пределы скальной толщи в более рыхлые перекрывающие породы, и даже если просто становится слишком тонким, происходит провал и на поверхности образуется карстовая воронка. Поначалу такая воронка имеет почти цилиндрическую форму, стенки почти отвесные, а глубина или равна ширине или даже в несколько раз ее превосходит. Но крутые стенки быстро обваливаются, затем начинается более медленное оползание рыхлого материала, почти цилиндрический провал превращается в плоско-коническую воронку, а на последних стадиях существования приобретает почти блюдцеобразную форму. При этом ширина воронки увеличивается в несколько раз, и примерно также уменьшается глубина. Часто такие воронки или сразу после провала, или на более поздних стадиях заполняются водой и образуются озера. Таких карстовых озер в Тульской области немало, для примера можно назвать два, расположенных близко от Тулы. Многим тулякам известно озеро Бездонное (или Бездонка), расположенное у Веневского шоссе на выезде из города. Озеро конечно не бездонное, но его глубина в центральной части составляла около 15 м, по данным конца 70-х-начала 80-х годов XX в. Другой пример – сравнительно недавний карстовый провал к югу от Тулы, вблизи н.п. Фалдино. Он произошёл в 1981 г. и еще многие местные жители помнят о его возникновении. Сейчас это тоже озеро. Со временем многие (но не все) такие озера зарастают водной растительностью, покрываются торфяной сплавной и превращаются в болота. В большинстве случаев озера и болота карстового происхождения легко отличить от других озер и болот по более-менее округлой форме и довольно значительной глубине в центральной части.

Приведенные примеры относятся к крупным проявлениям карста, размеры таких воронок и возникших из них озер и болот достигают в поперечнике от нескольких десятков до сотни, а иногда и более метров. Возникают они при обвалах больших пещер в мощных толщах карстующихся пород. Более мелкие формы карста, проявляющие себя на поверхности небольшими воронками, измеряемыми метрами, чаще всего остаются незамеченными (если только они не представляют угрозу каким-либо сооружениям). Упоминания о карсте Тульской области в специальной литературе в основном также ограничиваются крупными формами, подобными, приведенным выше. Однако, мелкие формы карста по-своему не менее интересны. Как в живой, так и в неживой природе для мелких форм характерен более быстрый цикл развития. Не является исключением и мелкий карст, на участках его распространения ситуация меняется быстро, и эти изменения могут быть заметны всего за несколько лет. Поскольку, как было отмечено, мелкие проявления карста часто остаются незамеченными, информация о фактах их выявления почти всегда интересна.

С одним из таких фактов проявления мелкого карста автор и хочет познакомить читателя – как того, кого интересуют собственно карст, так и тех, кого интересуют природа Тульской области вообще. Вначале следует пояснить, что выражения «мелкий карст», «мелкие формы (или проявления) карста» заключен двоякий смысл. Во-первых, в сравнении с большими карстовыми воронками, озерами и болотами это действительно мелкие формы, то есть слово «мелкий»

выступает здесь в значении маленький, небольшой. Во-вторых, слово «мелкий» выступает здесь еще в значении неглубокий. Для образования маленькой воронки необходимо, чтобы карстовая полость возникла близко от земной поверхности. Тогда ее кровля быстро достигнет рыхлых, перекрывающих отложений, произойдет обвал и образуется небольшая воронка. Если же карстовая полость возникла на большой глубине, в мощной толще скальных пород, она может существовать очень долго, и если обвалиться, то только по достижении очень больших размеров, но тогда это будет уже далеко не мелкий карст.

Необходимо еще сказать, что в отличие от крупных карстовых воронок мелкие воронки легко перепутать с другими округлыми углублениями разного происхождения. Особенно это относится к воронкам, в которых крутые стенки уже обрушились, глубина уменьшилась, а ширина увеличилась, и форма из цилиндрической превратилась в коническую. В таком виде они очень похожи на воронки от бомб и снарядов. И так как в Тульской области можно часто встретить и следы войны, и мелкий карст, одно нередко принимают за другое.

Но в дальнейшем речь пойдет о поглощающих карстовых воронках. Благодаря активному водопоглощению их трудно с чем-то перепутать. Многие читали или слышали об исчезающих под землей ручьях и речках, о «слепых» оврагах, не впадающих ни в другой овраг, ни в реку. Правда, все это как будто «не про нас» потому, что примеры, как правило, берутся не с нашей территории. Но все это можно увидеть и у нас, и даже не отъезжая далеко от Тулы.

Наглядным примером всего этого может быть овраг, расположенный к востоку от участка Московской ж.д., между ж.д. станциями Байдик и Ревякино. Овраг берет начало недалеко от полотна ж.д. вблизи расположенных там дачных участков, идет сквозь лес на юго-восток, выходит на более открытую местность все больше отклоняясь к востоку, проходит рядом с д. Долматовка и дачными участками вокруг нее, получившими название «Долматовские дачи» и наконец впадает в р. Тулица. Его общая протяженность от начала до устья ≈ 5 км. На пути в овраг впадает много отвершков (боковых ответвлений). На самом верхнем участке (менее 1 км, считая от вершины оврага) по дну течет почти постоянный ручей (в засушливые годы пересыхает к середине лета и даже раньше, а в более влажные течет круглый год). Такой же почти постоянный водоток наблюдается ниже по оврагу, в его средней и нижней части. За счет этого водотока в районе Долматовских дач на овраге оборудован целый каскад прудов, два из которых довольно крупные. Но между этим водотоком в средней и нижней части и водотоком в самом начале оврага существует разрыв около 1 км или даже чуть более, где постоянное течение отсутствует. Причина – поглощающие карстовые воронки, способные перехватывать всю текущую по оврагу воду.

Первая такая воронка была замечена здесь сравнительно давно, около 20 лет назад, или даже немного раньше. Тогда она имела довольно крутые стенки, глубину около 1,5 м (считая от дна оврага) и наибольшую ширину около 2 м или чуть меньше. На дне воронки был хорошо заметен понор (отверстие поглощающее воду). Была весна и, хотя основной паводок уже прошел, по оврагу еще протекал весьма полноводный ручей. Он полностью перехватывался воронкой и со значительным шумом уходил в понор. Сразу за воронкой водоток по дну оврага отсутствовал полностью. Более того, следы недавних паводковых потоков и изменившийся уклон дна оврага вблизи воронки указывали, что в разгар паводка, при обильном поступлении в овраг талых вод, на каком-то расстоянии ниже воронки течение менялось на обратное и вода шла не вниз по оврагу, а в воронку.

Уже на основании наблюдений за первой воронкой (в дальнейшем будем называть ее воронкой №1) можно было сделать следующие выводы. Во-первых, воронка значительно моложе оврага. Иначе, так как воронка способна перехватывать всю текущую по оврагу воду (и даже в паводок), овраг бы не имел продолжения, а слепо заканчивался у воронки. Значит, воронка появилась сравнительно недавно в дне уже сформированного оврага. Во-вторых, карстующиеся породы залегают здесь недалеко от земной поверхности, потому что при локализации карста на значительной глубине воронка была бы гораздо больше. И, наконец, исходя из места расположения воронки и стратиграфии данной территории, можно было с уверенностью сказать, что данная воронка связана с известняками верх-

ней части окско-тарусского водоносного горизонта. Поскольку дальнейшее обследование оврага тогда не планировалось, то на тот момент все ограничилось констатацией этих фактов.

Но в 2012 г. возникла необходимость уточнить, как далеко после поглощающей воронки тянется вниз по оврагу осушенный участок, где и каким образом восстанавливается более-менее постоянный водоток по дну оврага (об этом свидетельствует каскад прудов в Долматовских дачах). При новом обследовании оврага установлено, что воронка №1 не единственная. Правда, большинство обнаруженных новых воронок намного меньше первой и выглядят небольшими углублениями в дне оврага. По сути, это небольшие и частично заиленные поноры (видимо на этом участке кровля карстующейся толщи очень близка к дну оврага). Но, несмотря на малые размеры, они обладают значительным водопоглощением. Как уже было сказано, текущий в верховьях ручей полностью исчезает в воронке №1. Но весной и даже летом после сильных и продолжительных дождей по боковым притокам (отвершкам) текут ручейки. Они попадают в основной овраг и создают в нем временные водотоки, но текут они лишь до первого из описанных выше углублений на дне оврага, где исчезают. Если после такой «миниворонки» в овраг впадает еще приток, то все повторяется до следующей. Но не все поглощающие воронки, обнаруженные в ходе новых обследований, оказались столь малы. Две из них оказались даже больше, чем воронка №1.

Рис. 1. Карстовая воронка № 2

новой воронки, молодой овраг, врезанный в уплощенное дно старого, однозначно указывают, что воронка №2 намного моложе уже начавшего превращаться в балку старого оврага. Вслед за воронкой появился впадающий в нее молодой овраг, который, следовательно, является самым молодым элементом рельефа на данном участке.

Рис. 2. Новый молодой овраг врезан в дно старого и впадает в воронку № 2

Одна из них (назовем ее воронка №2) расположена на расстоянии чуть меньше 1 км ниже по оврагу от воронки №1.

Овраг на этом месте уже почти превратился в балку с плоским дном. Глубина воронки (считая от плоского дна балки) – 2,5 м, при поперечнике около 3 м. Также, как у воронки №1 20 лет назад, на дне воронки №2 хорошо заметен понор. Стенки новой воронки весьма крутые, но перед ней уже образовался глубоко врезанный в плоское дно старого молодой овраг, по которому в нее легко спуститься. Молодой овраг глубокий, но короткий, начинается в 30–50 м выше воронки №2 по старому оврагу и слепо в ней заканчивается. Крутые склоны

Воронка № 2 не только моложе оврага, но и явно моложе воронки №1. На это указывают изменения, произошедшие с воронкой №1 за последние 20 лет. Из когда-то крупной и довольно узкой воронки с хорошо заметным понором на дне, она превратилась в пологое и довольно широкое углубление, глубина сильно уменьшилась, понор полностью скрыт рыхлыми аллювиальными отложениями. Но и в 2012 году, как и 20 лет назад ручей полностью поглощался воронкой, что указывало на значительную рыхлость и водопроницаемость аллювиальных отложений. Тогда можно было предположить, что со временем эти рыхлые отложения

Рис. 3. Ручей, впадающий в новый понор перед заиленной воронкой №1

От оврага она отделена стенкой в несколько метров толщины и примыкает к его восточному склону, чуть ниже по оврагу от воронки №1. Как и воронка №2, воронка №3 вызвала рост молодого оврага, впадающего в нее. Так как воронка №3 отделена от старого оврага стенкой, слепо заканчивающейся в ней, молодой овраг со старым не соединяется. Однако, со временем ситуация может измениться – стенка не велика, состоит из рыхлых пород и может обрушиться. Пока воронка №3 и размерами, и крутизной стенок, и общим видом весьма напоминает воронку №2, вероятно они близки и по возрасту.

Общая протяженность закарстованного участка с активным водопоглощением составляет немногим более 1 км, считая от поглощающей воронки №1 до появления в овраге более-менее постоянного водотока. Восстановление водотока происходит за счет воды, приносимой боковыми ответвлениями (притоками), но как было отмечено выше, на закарстованном участке это невозможно, так как приносимая притоками вода тут же перехватывается одной из воронок. А как только поглощающий воду закарстованный участок заканчивается, водоток быстро восстанавливается за счет притоков, впадающих в овраг с юго-запада.

Итак, поблизости от Тулы выявлен участок с активно идущими экзогенными геологическими процессами. Здесь можно наблюдать поглощающие карстовые воронки, исчезающие ручьи, слепые овраги, заиливание старых воронок и образование новых поноров прямо в дне оврага. Закарстованный участок оврага может быть объектом туризма для тех, кого интересует такое явление как карет и просто для любителей природы. А близость к Туле делает его доступным для коротких однодневных экскурсий.

Однако, помимо чисто познавательного интереса, обследованный участок вызывает и некоторые опасения. Карстующиеся известняки гидрогеологически приурочены к окско-тарусскому водоносному горизонту, а он в Тульской области является одним из основных горизонтов, используемых для хозяйственно-питьевого водоснабжения. В обычных условиях, дождевые и снеговые воды с поверхности попадают в основной водоносный горизонт после долгой фильтрации через перекрывающие его слабопроницаемые породы, в какой-то мере подвергаясь при этом естественной очистке. Но на этом участке такая фильтрация отсутствует, через поглощающие воронки поверхностные воды попадают в основной водоносный горизонт практически сразу. Поэтому загрязнение данного участка оврага даже бытовыми (а тем более промышленными) отходами может привести к быстрому загрязнению окско-тарусского водоносного горизонта. К счастью, большая часть закарстованного участка оврага проходит по лесистой и недоступной для проезда транспорта местности. Однако, в нижней части участка, расположенной ближе к Долматовским дачам, при обследовании уже обнаружена на склоне оврага небольшая свалка бытовых отходов. К сожалению, у несознатель-

все же уплотнятся, поглощение воды воронкой №1 прекратится или сильно уменьшится и ручей станет проходить ниже по оврагу, то есть удлинится. Однако, при обследовании, проведенном в 2013 году, выяснилось, что выше по течению от воронки №1 на 4–7 м, под стволом дерева, упавшего в ручей, образовался новый понор, куда и уходит ручей, не доходя до воронки №1. Следовательно, ручей стал еще на несколько метров короче. Отмеченный факт иллюстрирует быстроту происходящих на данном участке изменений.

Еще одна крупная воронка, обнаруженная в ходе обследований 2012 года (назовем ее воронка №3), расположена не в обследуемом овраге, а рядом с ним.

ной части населения есть стойкая привычка превращать в свалки ближайшие овраги, балки, берега небольших водоемов и вообще любые понижения и впадины. Но, во-первых, как ясно из всего предыдущего текста этот овраг необычный и расположенные в нем поглощающие воронки являются открытыми воротами для загрязнения подземных вод. А во-вторых необходимо учитывать, что даже там, где никаких поглощающих воронок нет, и карст совершенно не развит, любая впадина как естественного, так и искусственного происхождения является местом, где защищенность подземных вод ослаблена (за счет уменьшения толщи перекрывающих пород). Может быть, следует создать специальную организацию – «Общество охраны понижений рельефа»? Но, наверное, для борьбы со стихийными свалками прежде всего необходимо, чтобы уже существующие природоохранные организации работали более эффективно.

Обследованный участок развития мелкого карста, безусловно, интересен с научной и краеведческой точек зрения. Экзогенные геологические процессы здесь весьма активны и изменения происходят по геологическим меркам очень быстро. Он может быть привлекателен для туристов, так как позволяет воочию наблюдать процессы и явления, обычно знакомые только по специальной литературе. С другой стороны участок вызывает некоторые опасения природоохранного характера (в плане защиты подземных вод от загрязнения). Остается надеяться, что наиболее сознательная часть туристов, которым захочется посетить это место, в какой-то степени возложит на себя функции если не по его охране, то по контролю за быстро меняющейся там ситуацией.

Опубликовано: Тульское краеведение: опыт работы и перспективы развития: науч.-практ. конф., посвященная 95-летию создания Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей» (Тула, 21–22 мая 2014 г.): материалы конф. – Тула, 2015. – С. 38–144.

РАБОТЫ П. Н. КРЫЛОВА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Музей Порфирия Никитича Крылова посвящен жизни и творчеству нашего земляка выдающегося советского художника Порфирия Никитича Крылова.

П. Н. Крылов (1902–1990) – Герой Социалистического Труда, действительный член Академии художеств СССР, Народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, почетный гражданин Города-героя Тулы и Тульской области, один из знаменитой триады художников-карикатуристов Кукрыниксов.

Известные художники-сатирики Кукрыниксы – участники Великой Отечественной войны, прошли всю войну: их плакаты, карикатуры, листовки сопровождали советских солдат в военные годы. Почти каждый номер газеты «Правда» выходил с карикатурами художников, они откликались на значимые события, происходящие на фронте. Период Великой Отечественной войны для П. Н. Крылова неотделим от совместного творчества Кукрыниксов. Во время войны художники выезжали в расположение воинских частей, в освобожденные города. В таких поездках каждый из них выполнял зарисовки, этюды, показывающие разрушительные следы войны. Кукрыниксы оставили литературные воспоминания о своих фронтовых поездках, основанные на личных впечатлениях и отражающие переживания, мысли художников, передающие атмосферу военных лет.¹

В собрании Тульского областного художественного музея хранятся произведения П. Н. Крылова, выполненные во время фронтовых поездок. Они недостаточно изучены, и целью данного исследования является систематизация военного цикла работ П. Н. Крылова. Это позволит выстроить и представить визуально маршрут его творческих поездок данного хронологического периода в контексте с мемуарным наследием Кукрыниксов.

За время войны художники несколько раз совершали поездки по фронтовым дорогам. В таких поездках рождались замыслы будущих произведений. Ранней весной 1942 года Кукрыниксы выехали в деревню Петрищево, на место казни Зои Космодемьянской. Художники решили написать картину, посвященную подвигу юной девушки. Для того чтобы картина стала достоверной, им необходимо было прочувствовать трагические события, побеседовать с очевидцами Зоинной гибели, побывать в избе, где её допрашивали, увидеть, что окружало партизанку в последние часы её жизни. Живописные работы П. Н. Крылова, выполненные в этой поездке, представляют «подготовительный материал» к картине «Таня». Это этюды местных жителей, солдат одетых в немецкую форму, написанные с натуры. Эскиз П. Н. Крылова «Таня», хранящийся в собрании ТОХМ, лег в основу будущей картины.

В ноябре-декабре 1943 года Кукрыниксы проехали в автомашине 3400 километров. Выехав из Москвы, художники проехали через Тулу, Орел, Курск, Бровары в Киев. Этот путь можно проследить по этюдам П. Н. Крылова, которые стали бесценными живописными документами. Небольшие пейзажные этюды представляют изображение разрушенных городов, в которых побывали художники. В них важно и содержание, имеющее документальную направленность, и авторское восприятие увиденного, его интерпретация средствами живописи. Воспоминания художников вместе этюдами составляют документальную картину военного времени. «Эти дороги помнят горечь отступления и радость побед, – вспоминают Кукрыниксы, – руины, остовы печей, фантастические скелеты обугленных деревьев, разрушенные мосты напоминают о недавнем пребывании здесь врага,

о прошедших жестоких сражениях, о потерянном нашими людьми крове, об оскорбленной красоте природы. Но везде в трагическом пейзаже, потрясенном войной уже видны черты возрождающейся жизни – это свежие заплатки на крышах наших деревень, пятна новых срубов в орловских колхозах, вновь выросшие плетни вокруг полуразрушенных украинских мазанок».²

Первый город, в котором Кукрыниксы увидели последствия оккупации, был Орел. «Перед нами большой изувеченный город, – пишут художники, – громады развалин и груды кирпича и железа, пустые стены с огромными пробоинами тянутся по всему городу».³ В коллекции военных работ П. Н. Крылова есть этюды, с изображением разрушенного города («Орел. Декабрь 1943», «Орел. После изгнания фашистов. 1943»). Низкое декабрьское небо, грязный снег, дома, от которых остались только стены, но город не пустой, жизнь постепенно налаживается – на улицах люди, спешащие по своим делам.

Рис. 1. П. Н. Крылов. Курск. Баррикады. 1943

Следующий город, через который проехали художники, Курск. «Курск опоясан каменными стенами с маленькими бойницами, закрывающимися железными крышками, как заслонки».⁴ Это описание очень точно соответствует этюду П. Н. Крылова «Курск. Баррикады. 1943».

«Все больше и больше отдаляемся мы от Москвы, все ближе становится Киев – конечный пункт нашей поездки. Приехали в местечко Бровары – до Киева всего тридцать километров. Тут чувствуется близость фронта».⁵ («Возвращение. Бровары под Киевом». 1943). «Переезжаем в Киев. Будем писать пейзажи украинской столицы. Самое удручающее впечатление оставляет главная улица Киева – Крещатик. Гигантские глыбы с торчащими из них ржавыми остатками металлических конструкций. Руины огромных стен. Все это засыпано снегом и занимает огромное пространство»,⁶ – таким увидели старинный город художники. Таким и предстает перед нами Киев в работе П. Н. Крылова «Киев. Ольшанская улица». 1943. И еще одно яркое впечатление – поездка на знаменитую киевскую переправу. «В один из дней нашего пребывания в Киеве мы собрались писать переправу, благо стояла солнечная погода. Вдруг послышалось уханье разрывов и частые залпы зениток. Выйдя на улицу, мы увидели в небе на большой высоте немецкие самолеты. На следующий день стояла облачная погода, нелетная, и мы решили ехать писать переправу. По дороге и около переправы, на правом берегу Днепра, мы увидели около десятка больших воронок от бомб, сброшенных вчерашними самолетами. На берегу снег засыпан черной землей, деревья исковерканы и вырваны с корнем. Хаты разбиты. С левого берега Днепра мы писали этюды взорванного немцами моста на фоне Киева с колокольней Киево-Печерской лавры».⁷

Рис.2. П. Н. Крылов. У переправы. 1943

В первых числах марта 1944 года художники Кукрыниксы выехали по маршруту Москва – Новгород – Ленинград. В этой поездке, появился план будущей картины. Художники вспоминают о том, как возник замысел написания известного полотна «Бегство фашистов из Новгорода»: «Объезжаем кремль. Пустынно. Развалины. Гнущее железо. Остатки немецкой техники. При въезде в кремль открывается страшное зрелище, вначале даже непонятное. Какие-то гигантские окоченевшие черные люди валяются в различных позах на снегу. Одни – с поднятыми руками, другие с задранными вверх ногами. Оказывается, это фигуры размонтированного фашистами памятника «Ты-

Рис. 3. П. Н. Крылов. Петергоф. Петродворец. 1944

де, затем писали этюды в Петергофе. Кукрыниксы были потрясены видом знаменитого дворцового ансамбля. «Вдали – Петергофские строения. Издали разрушений не видно, вблизи же – это пустые обгорелые стены. Главный дворец разрушен, нет крыши, около него – разбитый немецкий броневик. Внутри здания – снег. Снегом засыпаны и мертвые фонтаны. В парке целые поля мин».⁹

В мае 1945 года спецкорреспонденты «Правды» Кукрыниксы командированы в Берлин. И там с документальной точностью фиксируют художники следы войны. «Улицы Берлина так разрушены, что стали похожи одна на другую. Как огромные обломанные зубы, стоят разрушенные дома».¹⁰ (П. Н. Крылов «Берлин. Руины». 1945). «Бронзовая лошадь с памятника Вильгельму осталась без передней согнутой ноги. На зеленых ржавых львах памятника, на его скульптурах сидят советские бойцы. В колоннаде всегда толпится народ».¹¹ (П. Н. Крылов «Дворец и памятник Вильгельму I». 1945). «Деревья с обломанными ветвями все равно празднуют весну. Зелень прет у них прямо из стволов. Широкая Унтер ден Линден ведет к Бранденбургским воротам. На них – красный лозунг и на скульптурной группе несколько красных флагов. Ворота почти доверху были замурованы кирпичом, здесь оборонялись фашисты».¹²

Рис. 4. П. Н. Крылов. Берлин. У Бранденбургских ворот. 1945

Документальные работы П. Н. Крылова в единстве с литературными воспоминаниями Кукрыниксов являются бесценными свидетельствами времени, позволяют не только понять, но и на эмоциональном уровне почувствовать ужасные последствия войны. Искусство периода Великой Отечественной войны, созданное очевидцами, несет в себе правду истории и никогда не утратит силу высокого нравственного и патриотического воздействия.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.- обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 2. – С. 94–98.

1. Кукрыниксы. Втроем. М.: Советский художник, 1975. 293 с.
2. Там же. С. 134.
3. Там же. С. 135.
4. Там же. С. 136.
5. Там же. С. 138.
6. Там же. С. 140.
7. Там же. С. 142.
8. Там же. С. 146.
9. Там же. С. 151.
10. Там же. С. 163.
11. Там же. С. 164.
12. Там же. С. 165.

ТВОРЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ХУДОЖНИКА П. Н. КРЫЛОВА В ИТАЛИЮ

Картины Порфирия Никитича Крылова представляют собой богатое творческое наследие, изучение которого позволяет открыть новые страницы жизни мастера. В середине XX века П. Н. Крылов неоднократно совершал творческие поездки за рубеж. Самые яркие впечатления на художника произвела солнечная, живописная Италия. Каждой поездке в эту страну мастер посвятил цикл своих картин, рассказывающих об удивительной красоте Италии, ее городах с многовековой историей и традициями. В собрании Тульского Областного художественного музея хранятся произведения П. Н. Крылова, которые были выполнены художником непосредственно в поездках по Италии или же после приезда из творческих командировок.

Изучение источников по теме исследования, а также систематизация цикла работ П. Н. Крылова, посвященных Италии, позволили выстроить хронологический маршрут поездок художника в эту страну. Таким образом, стало известно, что впервые художник посетил Италию в 1953 году. Одна из последних поездок состоялась в 1974 году. Всего живописец посещал Италию 8 раз. Среди городов Италии, которые художник посетил с творческими поездками, были: Рим, Венеция, Неаполь, Ассизи, Болонья, Флоренция, Милан, Капри, Перуджия, Ареццо, Сиена, Помпеи, Сорренто, Капри. В фондах Тульского областного художественного музея находится более 80 живописных и графических работ П. Н. Крылова, свидетельствующих об особом отношении художника к этой стране.¹ Италия стала для П. Н. Крылова мощным источником вдохновения. Любуясь картинами, посвященными поездкам в Италию, можно представить себя в этой теплой, колоритной атмосфере, ощутить эмоциональное погружение в каждую из них.

В числе первых городов Италии, которые посетил художник, были Венеция и Неаполь. П. Н. Крылов так вспоминает об этих поездках:

«... 2 июля 1956 года. Венеция. Прогулки по Гранд-Каналу. Серое утро. Гондольер предложил белую тряпочку для обтирания кистей – очень трогательно. Написал этюд. Гондолы, украшенные цветными электрическими лампочками, с музыкантами и певцами. Две песни и уплыли под аплодисменты...»² или: «...13 июля 1956 года. Уезжаем на пару дней в Неаполь. Виды (пейзажи) в окне вагона завораживают. Замечательное утро... Горы дышат в Неаполь... Все голубое, все тает. Поездка в Помпею. Интересно очень... Написал этюд...».³

Рис. 1. П. Н. Крылов. Венеция. Большой канал. 1974

Картина П. Н. Крылова «Венеция. Большой канал» – живописный рассказ о завораживающей красоте этого города. Венеция раскрывается перед нами в ее водной стихии, строения с окнами-арками помнят многовековые страницы истории, гондольер ждет своего пассажира, а вдали, среди множества зданий, возвышается величественный купол храма Санта Мария дель Салюте. Монументальный барочный фасад и купол, спроектированные архитектором Балдассаром Лонгена (Baldassare Longhena), являются иконой панорамы Венеции.⁴

Рис. 2. П. Н. Крылов. Неаполь. Порт. 1957

Виды Неаполя неоднократно становились темой живописных произведений П. Н. Крылова. «Неаполь. (с Везувием)» – картина, пропитанная особым светом и воздухом, морской пейзаж вдаль, в легкой дымке угадываются черты легендарного вулкана Везувия, извержение которого в 79 году н.э. навсегда вошло в историю и стало также мотивом для известного произведения К. Брюллова «Последний день Помпеи». П. Н. Крылов неоднократно посещал Венецию и Неаполь, и благодаря этим поездкам появилось множество итальянских шедевров мастера, например: «Венеция» (1953 г.), «Неаполь. Порт» (1957 г.), «Неаполь (с Везувием)» (1974 г.), «Венеция. Большой канал» (1974 г.)⁵ и другие.

П. Н. Крылов был также восхищен величественной красотой Рима. Вечный город, город на семи холмах – это все Рим, один из самых прекрасных и романтических городов мира. Римским мотивам П. Н. Крылов посвятил более 40 своих картин. С этим городом у живописца сложились особенно теплые отношения, о поездках в Рим он неоднократно писал в своих письмах друзьям и коллегам: «...28 июня 1956 года... Прошлись по улицам Рима. Осмотрели собор Св. Петра. Внутри из купола бил яркий луч солнца... Посетили Колизей, и тоже грандиозно... Поглядели на Триумфальную арку императора Константина и поднялись на Форум и Палаatin. Статуя Марка Аврелия – одно из чудес...»⁶

Сюжетами для римских картин П. Н. Крылова становились: Вилла Боргезе, уютные римские улочки с местными жителями, памятник знаменитому исследователю, физику-астроному Джордано Бруно, Собор Святого Петра, домик Гарибальди, замок Св. Ангела.⁷ Особенно часто художник, пребывая в Риме, изображал Замок Св. Ангела и виллу Абамелек. У этих двух достопримечательностей Рима свои особенные истории. Вилла Абамелек, являющаяся официальной резиденцией посла России в Италии, носит имя своего последнего владельца – русского князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева. Это типичное городское поместье, расположенное в самом центре Рима рядом с Ватиканом и его главным символом – Собором Св. Петра, который также был запечатлен в одной из картин П. Н. Крылова. Знатный молодой человек Семен Абамелек-Лазарев был очень образованным и талантливым: увлекался литературой, искусством и археологией, мечтал о научной карьере. В 1885 году князь путешествовал по восточному Средиземноморью, в маршрут путешествия входил и Рим. Именно тогда он пленился виллой. Князь отреставрировал виллу, и она стала одним из центров русской культуры в Риме. После смерти Семена Семеновича и его жены вилла по завещанию должна была перейти в собственность Российской Императорской Академии художеств с целью организации на ней пансиона для художников и скульпторов как продолжение традиций, сложившихся при жизни князя. Прежде недоступная для посещения, вилла Абамелек известна теперь всему Риму. На ней устраиваются концерты, проводятся выставки российских художников. В дальнейшем, выполняя пожелание князя, советское правительство предоставило Академии художеств СССР право пользоваться одной из построек виллы. Здесь и по сей день останавливаются художники, скульпторы, деятели искусства, приезжающие в столицу Италии, чтобы провести выставки, конференции и другие научно-культурные мероприятия. Почетным жителем виллы Абамелек был и сам П. Н. Крылов, когда приезжал с творческими поездками в Италию.⁸

Рим – город удивительных историй. С некоторыми из них могут познакомить картины П. Н. Крылова, выполненные в творческих поездках по Италии. Замок Святого Ангела (Castel Sant'Angelo) – одна из самых знаменитых достопримечательностей Рима, которая оставила след в душе П. Н. Крылова. На картине с одноименным названием мастер запечатлел возвышающееся светлое здание, согретое теплыми лучами солнца, верхнюю часть замка украшает скульптура Святого Ангела. Каждый житель Рима знает историю о происхождении легендарного замка.

В разное время он был гробницей, крепостью, папской резиденцией и даже тюрьмой. Наречение замка в честь Архангела Михаила произошло в 590 году, когда в Рим пришла эпидемия чумы. В надежде получить снисхождение и заступничество Божьей Матери перед лицом болезни Римский Папа призвал жителей к шествию через весь город. Подойдя к замку, люди увидели на его крыше сияющую фигуру, в которой узнали Архангела Михаила. Он вложил свой меч обратно в ножны, тем самым символизировав прекращение ужасной эпидемии. Действительно, скоро чума оставила Рим, а в честь чудесного события здесь появилась фигура Архангела.

Италия неоднократно тепло и гостеприимно принимала П. Н. Крылова. Он писал в одном из своих писем: «...Был и Рим, и Неаполь, Помпеи, Сорренто, Капри, и... Болонья. Впечатлений так много, что все они еще не утряслись... В Италии мы были целый месяц. Мы показывали нашу выставку в Риме... После открытия выставки мы поехали по малым городам Италии, где знакомились с работами классической живописи. Побывали в городах Ассизи, Ареццо, Перуджии, Сиене, Флоренции и Милане... Наша выставка прошла с грандиозным успехом... наш зал вызывал непрерывающийся интерес. После Милана мы вновь вернулись в Рим, где до и после жили на вилле «Абамелек». Это была чудесная поездка...».⁹

Изучение картин художника П. Н. Крылова, посвященных Италии, позволяют сделать вывод о том, что поездки в эту страну были мощным источником вдохновения для мастера. Это, несомненно, способствовало его плодотворному творчеству и позволило написать большое количество живописных и графических работ, раскрывающих уникальность и красоту исторических мест Италии.

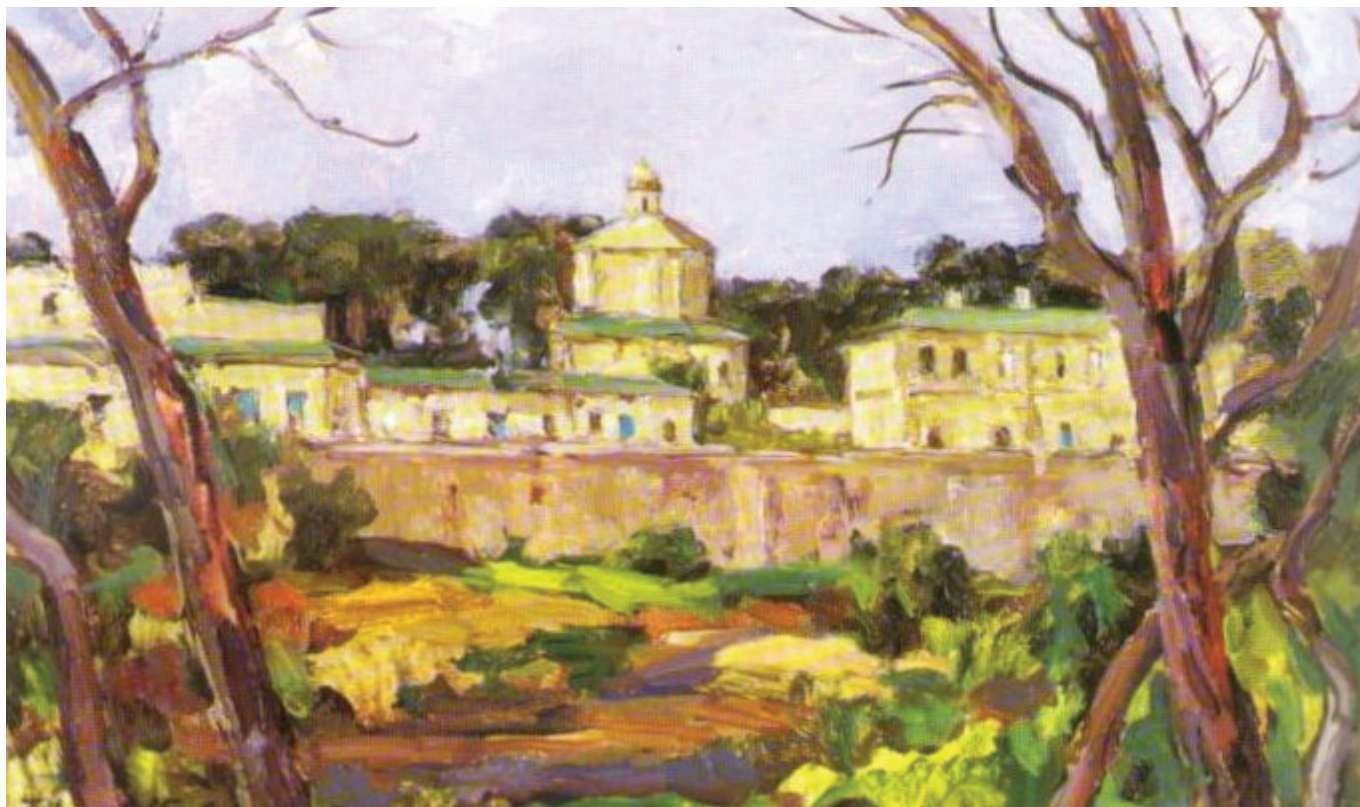

Рис. 3. П. Н. Крылов. *Вечер. Итальянский мотив*. 1965

1. Каталог работ художника П. Н. Крылова, выполненных по теме «Италия». Составитель: ведущий специалист Музея П. Н. Крылова О. А. Мечетина.
2. Кузина М.Н. Порфирий Никитич Крылов. Тула.: Гриф и К, 2002. С. 22.
3. Там же.
4. П. Н. Крылов. Венеция. Большой канал. 1974. Тульский областной художественный музей (далее – ТОХМ).
5. П. Н. Крылов. Венеция. 1953; Неаполь. Порт. 1957; Неаполь (с Везувием). 1974; Венеция. Большой канал. 1974. ТОХМ.
6. Кузина М.Н. Указ. соч. С. 22.
7. П. Н. Крылов. Вилла Боргезе. 1963; Римская улочка. 1963; Памятник Джордано Бруно. 1963; Собор Св. Петра. 1963; Домик Гарибальди (Вилла Абамелек). 1963; Замок Святого Ангела. 1963. ТОХМ.
8. <http://senator.senat.org>
9. Кузина М.Н. Указ. соч. С. 25-26.

ЭСТОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ГРАВЮРЕ ИЗ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Гравюрная коллекция Тульского областного художественного музея представляет собрание работы XX века, которое дает возможность осмыслить результаты деятельности нескольких гравюрных эпох.

Значительный интерес представляет хранящийся в фондах музея альбом «Эстонский пейзаж в гравюрах», выполненных в технике линогравюры. Авторами гравюр являются эстонские художники разных поколений: Толли Виве, Ээльма Херальд, Коллом Э., Мильдеберг Александр, Согритис Р, Лаарман Мярт, Кээренд Аво, Торн Ильмар, Кальо Рихард, Пыллу Калье, Хойдре Александр, Пуустак Кайса. В своих гравюрах художники запечатлели различные уголки Эстонии, ее леса, поля, луга, озера, морское побережье, небольшие городки, окруженные лесами. Особенно полюбили граверы Коллом, Соану, Ээльма, Торн, Витдалленн, Мильдеберг старинный Таллин в различные времена года, с его узкими улочками, крепостными башнями, соборами с красивейшими шпилями, морским портом с большими кораблями и яхтами. Великолепны гравюры, созданные эстонскими художниками, в которых мы любимся древним Таллином. На южном берегу Финского залива высятся шпили соборов и башни Вышгорода. Вдоль причалов стоят разноцветные подъемные краны, перекликаются гудки кораблей, на блестящей глади воды режутся чайки. Дымят фабричные трубы нижнего города, а позади них синеют темные полосы леса. Это Таллин – столица Эстонии.

Работа известного гравера, работавшего в 1960-е годы, Ээльма Херальда Виллемовича – «Древние башни Таллина». Две высокие округлые башни и одна прямоугольная поражают нас своим величием, простотой и в то же время изяществом. С большим мастерством, уверенностью художник передает великолепную архитектуру средневековья, атмосферу древнего города, употребляя в гравюре розовые, серые, черные тона.

«Ночной Таллин» – гравюра художника Витдаллена Александра. Узкая улица, обрамленная средневековыми зданиями, соседствующими с ренессансными, ведет на небольшую уютную площадь с высокой башней. А над чудесным мирным городом раскинулось ночное черное небо со звездами.

Коллома Эдварда в течении многих лет привлекало изображение старого Таллина в различные времена года. В альбоме его работа «Старый Таллин зимой» (1962 г.). Художник запечатлел уголок нижнего города с архитектурными постройками разных стилей от средневековья до ренессанса. Рядом – старинные округлые башни, на втором плане – шпиль Олаевской церкви, самого выдающегося сооружения нижнего города. Вдали приметы современности – две высокие дымящиеся трубы.

Самое мощное крепостное сооружение Таллина «Башня Кик ин де Кек» запечатлел в своей работе художник Мильдеберг Александр, влюбленный в свой родной город, учившийся в Таллинском государственном училище прикладного искусства им. Я. Кофта.

Работа художника Соана Якоба «Вечерний Таллин» привлекает мастерством гравера, сумевшего четкими резными линиями и плоскостями, зелено-черными тонами передать ощущение тишины, уюта, покоя ночного города, узкой улочки с различными по стилю домами с раскрытыми окнами, раскидистыми деревьями, бросающими глубокие вечерние тени на мостовую.

Ряд художников, работы которых также входят в альбом «Эстонский пейзаж в гравюрах», посвятили свое творчество пейзажам южной Эстонии, ее лесам и многочисленным озерам, а также северному морскому побережью.

Великолепна работа «Саарлемский мотив» Заслуженного художника Эстонской ССР Виве Толли, учившегося в Государственном художественном институте в Таллине у известного эстонского художника Аво Хойдре. Произведение гравера экспонировалось в Таллине, Риге, Вильнюсе, Москве, Ленинграде, а также за рубежом.

В альбоме несколько работ высокого графического уровня, выполненных в великолепной тональной гамме, известного эстонского художника Ильмара Торна: «Вечер у озера Пейпси» из серии «Рыбаки озера Пейпси», «Таллиннский мотив», «Серебристое море. Новый город». Его работы насыщены мощной энергетикой, выполнены с огромным мастерством резчика по линолеуму.

Можно подолгу любоваться произведениями Аво Кээренди «Пейзаж Южной Эстонии», «Пейзаж с озером», «Озеро», наполненными покоем, величием.

Рис. 1. Кээренд А. Ю. Пейзаж с озером

График Р. Согритс сумел передать в пейзажах «Прибрежная деревня», «Северное побережье» дыхание моря, дуновение свежего ветра, плеск волн и ежедневные заботы эстонских рыбаков.

Рис. 2. Лаарман М. К. Ручей

Великолепен пейзаж Заслуженного художника Эстонской ССР Мартина Лаармана «Ручей», в котором ощущается тишина, покой, очарование журчащей воды в ручье, обрамленном травами и цветами. Используя технику резьбы по линолеуму, график умело передает лирическое состояние великолепного уголка природы, окрашенного строгой печалью своего настроения. Не раз работы М. Лаармана выставлялись в Таллине и других прибалтийских и российских городах. Лаарман был не только графиком, но и чудесным живописцем, оформителем книг. В станковой графике прославились художники: Калье Пыллу, создавший великолепные пейзажи Эстонии, заслуженный деятель искусств Эстонской ССР Аллекс Кютт серией «Таллин», Хельги-Марет Ольвет нежными, романтическими пейзажами, плодовитый художник Вайно Тыниссон серией работ «Рыбуческие озера», в которых он объективно передает природу Эстонии.

Произведение «Эстонский пейзаж» Рихарда Кальо, Заслуженного деятеля искусств Эстонской ССР, проникнуто светлым настроением. Его персональные выставки устраивались в Таллине, Риге, Москве, Ленинграде.

Он виртуозно владеет техникой высокой печати. Его линии и штриховка в работах, как правило, гибки и энергичны, объемны, форма упруга и рельефна. Он облакает увиденное в форму живого, острого, увлекательного рассказа. Его гравюра словно «приглашает» к долгому рассматриванию.

Кайса Пуустак работала в разных техниках и обращалась к разным жанрам, особенно к жанру натюрморта. Ее работа «Большая камбала» построена на сложных, больших связях. Большая рыба изображена на фоне, вызывающем множество аналогий – он напоминает то мышцы, то каменную мозаику, то плоскостной, то объемный, распростерт по вертикали и уходит в глубину, в сущности – это лишь многозначные эмоциональные «волны», излучаемые центральным образом и внезапно конкретизированы в силуэтно намеченных сценах из быта рыбаков.

Кроме работ художников, собранных в альбоме «Эстонский пейзаж в гравюрах» в коллекции гравюры Тульского областного художественного музея хранится определенное количество станковой графики, выполненной известными эстонскими художниками, получившими образование в Высшей художественной школе «Паллас» в Тарту, в Таллиннском художественно-промышленном училище, в Таллиннском государственном институте прикладного искусства. Развитие эстонской графики началось в начале 20 века, но не все художники посвящали этому виду искусства свое творчество целиком. Они занимались живописью, декоративно-прикладным искусством, иллюстрированием книг, созданием плакатов. Это Ээльма Херальд, Мильдеберг Александр, Лаарман Мартин, Кээренд Аво, Кальо Рихард, Тыниссон Вайно, Ольвет Хельги-Марет, Пыллу Калье, Кютт Алекс, Арак Хэнно, Пуустак Кайса, Хойдре Александр, Оотсинг Э., Улас Петер и другие.

Рис. 3. Ольвет М. На лугу

Для многих из них природа Эстонии стала навсегда главной темой их станковой графики. Пейзажные мотивы для художников обладают объективной поэтической ценностью и поэтому воспроизводятся с большой точностью, осязаемостью, неизменным уважением к деталям.

Коллекция гравюры эстонских художников, хранящаяся в Тульском областном художественном музее, достаточно полно отражает особенности природы Эстонии и архитектуры старого Таллина. Кроме того, данная коллекция дает возможность оценить уровень развития живописной школы, сложившейся в Эстонии в XX в.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ-ФРОНТОВИКОВ

Литература является одним из наиболее древних и наиболее универсальных способов изображения культурно-исторической действительности той или иной эпохи, ее атмосферы, общего эмоционального и идеологического настроения различных слоев общества, верований, заблуждений. Здесь находят отражение как индивидуальное восприятие автором окружающей реальности, так и общепринятое отношение к совершившемуся или совершающемуся факту.

После войны вплоть до наших дней литераторы разных поколений продолжают посвящать стихи великим и трагическим событиям тех лет. Однако по силе эмоционального воздействия на читателя произведения поэтов-фронтовиков (даже тех, которые не были профессиональными поэтами) нередко превосходят творчество многих стихотворцев последующих поколений.

Общей чертой всех стихотворений, написанных участниками Великой Отечественной войны непосредственно в период боевых действий или вскоре после их окончания, является простота используемой лексики, ограниченное применение изобразительно-выразительных средств языка и превалирование содержания над формой.

Под простотой используемой лексики понимается применение в произведениях общеупотребительных лексических единиц, отсутствие либо малое количество заимствований, неологизмов, жаргонизмов, специфических профессиональных и иных терминов.

Стихотворения мастеров слова времен Великой Отечественной войны нацелены на возможно более широкий круг читателей и успешно достигают данной цели как раз благодаря общедоступности применяемого лексического запаса и простоте используемых грамматических конструкций (К. Симонов «Презрение к смерти»)

Что касается ограниченного применения изобразительно-выразительных средств языка, то оно не предполагает полного исключения тропов, фигур речи, стилистически окрашенных лексем, а лишь их использование в тех случаях, когда это необходимо для достижения цели стихотворения, раскрытия его идеи, замысла автора, для воздействия на эмоционально-психологическую сферу читателя.

В творчестве поэтов-фронтовиков мы встречаем и метафоры, и эпитеты, и сравнения. Довольно распространенными там являются также гиперболы и литота (Н. Кирьянов «Памяти героя», А. Кузьмичев «Баллада об истребителе», Н. Кирьянов «Мой город»). Нередко используется метонимия, перифраза или просто символизация объектов и явлений (Д. Буравцев «Герою», К. Егоров «Цветок»). Не гнушались авторы и олицетворениями, обращаясь к своей винтовке, гармонии, комсомольскому билету и многому другому (В. Лебедев-Кумач «Комсомольский билет»).

Однако данные стилистические приемы не затрудняют понимание за счет их избыточного применения, а, наоборот, облегчают понимание читателем не только темы, но и идеи стихотворения, передаваемой автором эмоциональной нагрузки произведения.

Чтобы лучше понять, что означает преобладание содержания над формой в творчестве поэтов – участников Великой Отечественной войны, можно обратиться к творчеству некоторых современных поэтов, где в погоне за выхолащиванием формы и избытком изобразительно-выразительных средств теряется смысл стихотворения, его тема и идея.

Для поэтов-фронтовиков характерна, в первую очередь, забота о содержании своих произведений, о донесении до читателя сути, идеи стихотворения, о достижении цели написания поэтического текста.

Поэты военных лет могли допустить погрешности формы, но не содержания. Однако несовершенство формы в данном случае является прощательным, поскольку, во-первых, далеко не все авторы дошедших до нас стихотворений были профессиональными поэтами или имели филологическое образование, а во-вторых, запечатленный в них материал, представляет для нас не только литературную ценность, но историческую и культурологическую.

На изображение исторической действительности в поэтических произведениях военного времени значительное влияние оказывают как психологические характеристики личности автора, так и сложившийся в обществе хронотоп войны, а также общая культурная среда, в которой развивалась личность литератора и в которой он находится в данный момент. Вот почему изображение Великой Отечественной войны как исторического события у различных авторов имеет определенное сходство. Во всех стихотворениях поэтов-фронтовиков мы видим отражение патриотического настроения и отдельного человека, и общества в целом. Для этой цели служит использование стилистически окрашенных лексических единиц.

Что касается представления исторических фактов в поэтических произведениях тех лет, то они встречаются не часто. Порой их заменяют символизация, метонимия, порой даже архетипы древних самоотверженных туляков: оружейников, металлургов, кузнецов... Однако кое-где можно найти упоминание конкретных мест боевых действий и происходивших событий, как, например, в стихотворении Алексея Брагина «Туляк».

А в стихотворении С. Маршака «На Кенигсберг» нашел свое отражение второй период Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы, терпя поражения, с боями покидали территорию нашей страны, и советские войска двигались в сторону фашистской Германии. На Кенигсберг шли многие туляки, в том числе и бойцы Тульского рабочего полка – ополчения, вошедшего в 1942 году в состав регулярных войск Красной Армии.

Все выше названное дает слабое отображение происходящих исторических событий, зато прекрасно отражает культурно-историческую ситуацию того периода, атмосферу и психологический настрой общества военных лет, характерные для того времени хронотопы Великой Отечественной войны.

Большой историчностью характеризуется так называемая плакатная поэзия. Данные стихи нередко писались как отражение происходящих событий. К примеру, в серии плакатов Кукрыниксов «Окна ТАСС» мы находим произведения, представляющие поражения гитлеровцев, их отступление (С. Маршак «Краковяк» под Краковом).

Основным изобразительно-выразительным средством языка здесь является ирония, для создания которой применяются гипербола и литота, олицетворение, метонимия, перифраз.

Такой жанр народного поэтического творчества как частушки является отражением происходящих исторических событий и хорошо изображает эмоционально-психологический настрой общества тех лет. Здесь практически отсутствуют тропы и фигуры речи, а вот стилистически окрашенные лексемы встречаются достаточно часто. Кроме того, для частушек характерно употребление лексических единиц различных жанров (разговорного, просторечного), а также жаргонизмов, диалектизмов, неологизмов или архаизмов. Здесь нередко можно увидеть недопустимые для других жанров поэтического творчества повторы, разговорные грамматические конструкции.

Таким образом, можно прийти к выводу, что стихотворения поэтов-фронтовиков, дающие нам достаточно мало историко-событийного материала, являются богатейшим источником информации культурно-исторической и психологической направленности о состоянии общества военного периода. А применяемые ими в ограниченном количестве стилистические и языковые средства оказывают большое влияние на эмоционально-психологическую сферу читателя, не заслоняя содержание произведения, а выделяя, подчеркивая его и расставляя необходимые акценты.

Использованная литература:

1. Газета «Коммунар», Тула, 1941–1942
2. Стихи тульских поэтов / Под ред. Виноградова Н. В. – Тула: Обл. кн. изд-во, 1947
3. Проект «Открытки Davno.ru» URL: <http://www.davno.ru/posters/collections/окна-тасс/>
4. Рукописные материалы туляков – современников и участников Великой Отечественной войны из фондов Тульской областной универсальной научной библиотеки

Опубликовано: Ради жизни на Земле: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году литературы в России. Тула, изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 50–52.

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Одной из наиболее распространенных форм сохранения исторической информации является литература. Отношение к художественной литературе как к такому способу неоднозначно. В художественных произведениях допустимы изменения фактов, в том числе и значительные (жанр альтернативной истории), добавление художественного вымысла, введение новых персонажей и даже новых реалий. Поэтому при использовании литературных произведений в качестве источников информации о каких-либо исторических событиях необходимо критически подходить как к описанию самих событий и роли в них тех или иных персонажей, так и, особенно, к эмоционально-оценочной характеристике, даваемой автором.

Большое количество вымысла и вводимых автором в повествование дополнительных, неисторических персонажей больше свойственно крупным прозаическим произведениям. В то же время в маленьких или относительно небольших поэтических текстах такое домысливание практически отсутствует. Происходит это именно в связи с малыми объемами произведений.

Вот почему именно стихотворные произведения допустимо рассматривать в качестве одной из наиболее благодатных форм увековечения памяти об исторических событиях. Этим и обусловлен выбор данной темы доклада.

Кроме того поэтическое творчество отражает эмоциональный настрой людей, описывающих историческое событие, их отношение к представляемому факту. При анализе достаточно большого количества стихотворений разных авторов можно с 90%-ой вероятностью выдвинуть предположение об общем настрое современников представляемого события или последующих поколений.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов по сей день остается одной из главных тем, тревожащих умы не только жителей нашей страны, но и всего мира.

До сегодняшнего дня не утихают споры не только о событиях той поры, но даже об итогах Великой катастрофы. Потому вполне естественно, что поэты и в наше время не остаются равнодушными к данной теме.

В настоящем исследовании будет прослежено, насколько точно отражены события Великой Отечественной войны в произведениях современных мастеров поэтического слова и начинающих поэтов, менялось ли отношение разных поколений граждан нашей страны к данному историческому событию, как была изображена Тула в стихотворениях авторов-туляков, непосредственно принимавших участие в боевых действиях той поры, и как она представлена в творчестве наших современников.

Данная тема была раскрыта с опорой на сравнительный анализ стихотворений различных поэтов четырех поколений (фронтовики; дети войны; дети участников войны, родившиеся после окончания трагических событий; наши современники, которые о Великой Отечественной войне и Великой Победе узнавали уже от своих дедушек и прадедушек), изучение документальных источников, повествующих о событиях 1941–1945 годов, стилистический, лексический, фонетический анализ литературных произведений.

Нами был проведен анализ историчности стихотворений, особенно произведений поэтов, не бывших участниками Великой Отечественной войны. Мы сравнили творчество данных литераторов с документальными источниками на предмет соответствия описываемых в поэзии фактов реальным событиям.

Необходимо отметить, что к современным поэтам можно отнести три из четырех выделенных нами категорий литераторов. Дети войны, дожившие до наших дней, в настоящее время продолжают писать стихи, в том числе и описывать в литературных произведениях свои воспоминания о событиях военных лет. В данный момент они являются членами Тульского отделения Союза писателей России.

В стихах поэтов-фронтовиков образы Тульского края представлены отдельными чертами, эпизодами. Здесь нет героического звучания, восхваления великого подвига, восхищения мужеством и стойкостью туляков. Простые повседневные слова с неяркой, как бы «приглушенной», стилистической окраской, любованию родным краем, описание некоторых, казалось бы незначительных, эпизодов.

В их произведениях очень мало описаний конкретных событий военных лет, боев, исторически ценной информации. Там прослеживается не пафосное воспевание боевого подвига народа, а тихая, но глубокая любовь к своей малой Родине.

Так, среди ужасных кровопролитных боев поэт-фронтовик Константин Егоров вел Фронттовую тетрадь, в которую записывал свои стихотворения-наблюдения. В одном из произведений этой тетради, написанном в 1942 году в Белеве мы видим, как поэт нежно любит случайно замеченным им крохотным цветочком, выросшим среди дорог войны:

*На перекрестке фронтовых дорог,
Где день и ночь снуют автомобили,
Стоит, качаясь, маленький цветок
И лепестки его одеты пылью.
Вокруг цветка изрытая земля,
Еще дымятся черные воронки.
Здесь смерть прошла, живое пепеля,
Остался он нетронутым в сторонке.¹*

В данном случае стойкую Тулу олицетворяет маленький уцелевший в боях цветок. Так же, как вокруг города-героя, вокруг этого цветка бушевали бои, враги почти взяли его в кольцо, но не смогли сломить.²

В других стихотворениях Тулу символизируют ее известные винтовки, гармони. У поэта Николая Кирьянова в стихотворении «Гармонь» употреблены сразу оба эти символа:

*Он ушел, мой оружейный мастер,
Захватив винтовку и гармонь...³*

Стоит, однако, отметить, что в первый год войны стихотворения тульских поэтов-фронтовиков были более пафосными и торжественными, нежели в последующем. В начале военного лихолетия люди еще верили в скорую победу над врагом, кидались в бой с радостной готовностью отдать свою жизнь за скорейшее изгнание врага с родной земли. Молодые рабочие, студенты, коммунисты, школьники отправлялись кто добровольцами на фронт, кто в партизанские отряды.⁴

У того же Николая Кирьянова в знаменитой «Песне тульских партизан» (1941 г.) звучит яркий патриотический призыв, убежденность в скорой победе туляков над врагом:

*Не страшна нам вьюга злая!
Ни метели, ни буран, -
С нами песня боевая,
Песня тульских партизан!..
<...>
Гоним мы от нашей Тулы
Оголтелых палачей.⁵*

Однако со временем на место призыва и радостной уверенности приходят суровая сосредоточенность, появляются совсем короткие, обрывочные упоминания о проходящих боях. Это проявляется как в письмах с фронта, так и в стихотворениях.⁶ В частности, в стихотворении Алексея Брагина «Туляк» мы находим следующие упоминания:

*Когда с горы в Рогожинский поселок
Ворвался генерал Гудериан,
В предплечье ранил токаря осколок,
Но быстро он оправился от ран.

Зима. Декабрь на фронте. Утро. Рано.
Морозный снег рассыпчат, ярок, чист,*

*Одним из первых в Ясную Поляну
Входил в военной форме металлист.⁷*

Другой местности посвящено стихотворение Михаила Щелокова «Московское шоссе», что уже видно из названия:

*В тульские врывается просторы
Старое московское шоссе.⁸*

Борьба за Московское шоссе была долгой и упорной. Враг окружал город. Из последних сил бились туляки за последнюю жизненную артерию, но сдержать противника не смогли. Московское шоссе так же, как и железная дорога, было перерезано фашистами.⁹

А вот стихотворения 1945 года звучат радостным восклицанием, чувством Великой Победы, проникнуты героизмом, как, например, произведение воина Тульского рабочего полка Александра Янежича «В день победы». Однако здесь Тульский край не выделяется среди других – Победа признается достоянием «Великой Родины»:

*Гудит земля под каблуками,
Сверкают ярко ордена,
И льётся песня между ними
О том, что кончилась война.
<...>
Живи и здравствуй, наш любимый,
Герой труда, герой войны.
С тобою мы непобедимы –
Великой Родины сыны!¹⁰*

Произведения поэтов – детей войны разнообразны по форме представления. Иногда они предстают как воспоминания о тяжелом детстве:

*Под осени тягостный ропот,
Раз в день получая еду,
Мы рыли под Тулой окопы
В святом сорок первом году.
С лицом утомленным, небритым –
Тебя не забыл я, боец,
И слов твоих горьких: «А ты-то,
А ты-то зачем здесь, малец?»¹¹
(В. Ф. Пахомов «Под осень тягостный ропот...»)*

*... Я с детства запомнил и гром канонады,
И хаты, сметенные диким огнем.
Казалось мне, что разрывались снаряды
Не где-нибудь рядом, а в сердце моем.¹²
(А. И. Миронов «У могилы солдата»)*

*Идя на фронт, отец сказал: «Ну, сын,
Прощай. Увидимся не скоро.
Теперь в семье мужик лишь ты один –
Во всем будь матери опорой».
<...>
Когда мне было лишь двенадцать.
На сердце столько хлынуло забот,
Что не поймешь, за что и браться.¹³
(А. И. Миронов «Моя дорога»)*

Иногда в их стихотворениях отражаются исторические факты, упоминаются названия и личности, внесшие свой вклад в общий подвиг, или, напротив, несшие гибель нашей стране, подтверждаемые документальной хроникой.¹⁴ В этих случаях литературные произведения представляются источником сохранения исторической информации:

*В громе-грохоте, свисте снарядов и мин,
Ни на миг не смолкавшего гула
Выполз, вырос, надвинулся танковый клин...
Флаги белые где твои, Тула?
<...>
И не верил глазам своим Гудериан,
Не найдя подходящего слова,
Как стратегами рейха исчисленный план
Приближает его Ватерлоо.¹⁵
(В. Ф. Пахомов «Гудериан»)*

*В сизом сумраке тумана
Первой осени войны
Полчища Гудериана
Были к Туле сведены...
<...>
Опоясавшись окопом,
Зная в этом деле толк,
Выполнив задачу к сроку,
Встал щитом рабочий полк.
Здесь Исаевы, Бобковы, –
Семьи многих туляков.
И начальник их бедовый,
Командир для всех, – Горшков.¹⁶
(М. С. Дубинский «Тула, защитившая Москву»)*

В данном произведении мы встречаем достаточно редко фиксируемую в стихах информацию – фамилии конкретных людей, участвовавших в исторических событиях, но не всегда упоминавшихся в широко распространенных исторических хрониках.

Интересны стихотворения о событиях 1941–1945 годов еще одного поэта-туляка, относящегося к детям войны – Вячеслава Ивановича Боть. Их особенностью является звучащий в них оптимизм и иногда даже некоторая доля иронии, что приближает их к произведениям некоторых поэтов-фронтовиков, например, Твардовского («Василий Теркин»). Так же, как и поэты военных лет, Вячеслав Иванович часто отмечает не конкретные места родного края, а лишь символы нашего города, как, например, в стихотворении «Баллада о тульском самоваре»:

*... Самовар бойцы раздули,
Помог яловый сапог.
Так в окопах было в Туле,
Лился ярый кипяток.
Наш комроты был любитель
После боя чай гонять.
В наш в окопчик загляните –
Самовар кипит опять.¹⁷
(В. И. Боть «Баллада о тульском самоваре»)*

Но, с другой стороны, как и у других поэтов – детей войны, в его стихах встречаются конкретные указания на место или время действия:

*Снега горели на заре,
Снега горели.
И было это в декабре,
А не в апреле.
По улицам неслись ручьи
И – замерзали.
Фашисты город подожгли
И огрызались.
<...>*

*И только в памяти людской
Остались беды.
... Заря вставала над Окой,
Заря Победы!¹⁸
(В. И. Боть «Освобождение»)*

В стихотворениях поэтов, родившихся после окончания Великой Отечественной войны, чьи родители были участниками событий военных лет, можно увидеть стремление именно к сохранению исторической памяти, хронологической и событийной информации.

Поэты данной категории, сохраняя эмоциональность своих стихотворений, нередко выступают в то же время и историками. Они описывают эпизоды войны, вписывают в рифму факты, стремятся донести до читателя исторические события в возможно краткой, эмоциональной и, следовательно, интересной и увлекательной форме.

Примеры так их произведений мы нередко находим в творчестве Валерия Николаевича Савостьянова. Так, в его стихотворении «Сумасшедшие», повествующем о захвате фашистами Петелинской психиатрической больницы г. Тулы, встречается множество местных топонимов:

*В старинных зданиях Петелинской больницы
Надёжны стены, окна – крепости бойницы.
Фашисты ставили в те окна пулемёты –
Какие мощные естественные доты!
Какой обзор – в бинокль Уна почти что рядом.
Их не достанешь тут ни пулей, ни снарядом...
<...>
Гора Осиновая, Упское, Барьково,
Вы столько видели, но только не такого!
<...>
Присады Нижние и обе Еловые,
Недалеки до вас дорожки полевые...
<...>
Помог ли кто им? Знать – не знаю. Но едва ли:
Их немцы – гнали, и свои не принимали...
Спроси в Никитино, в Бредихино, в Ильинке –
Ну, кто их вспомнит? И нужны ли им поминки,
Тем, что по улицам прошли, как привиденья,
За восемь лет почти до моего рожденья?¹⁹*

Однако, надо признать, что суть стихотворения не совсем соответствует событиям, отраженным в исторических документах: специалисты кафедры медико-биологических дисциплин и кафедры психиатрии и наркологии лечебного факультета Тульского государственного университета в своей статье утверждают, что больные и медицинский персонал оставались в больнице во время её оккупации фашистскими войсками, перенеся все тяготы жизни под властью гитлеровских войск.²⁰ Так, воспоминания очевидцев событий, отраженные в стихах поэтов, иногда расходятся с официальной хроникой.

А стихотворение В. Н. Савостьянова «Сибиряки», имеющее эпиграф «Сибирским дивизиям, спасшим не только Москву и Тулу, но и мои родные деревни Сергиевское (Упское) и Нижние Присады», посвящено 413-й и 239-й стрелковым дивизиям, прибывшим с Дальнего Востока для подкрепления 50-й армии, защищающей Тулу²¹:

*Мне рассказали старики,
Что было здесь когда-то:
Как с боем шли сибиряки
Из-за Упы и Шата.
Навек запомнили они
Тот день: их пушки, танки,
Их полушубки и ремни,
И шапки их – ушанки.²²*

Конечно же, то, что только эти дивизии защитили Москву и Тулу, – сильное преувеличение, но нельзя и отрицать немаловажный вклад их, впрочем, так же, как и остальных воинских подразделений, в оборону города оружейников – последнего важнейшего рубежа на подступах к столице нашей Родины – и оборону самой Москвы.

Топонимы и исторические имена, касающиеся обороны Тулы, встречаются и в творчестве Валерия Ходулина:

*Далеко от суеты столичной,
В городе, в котором я живу,
Тихий переулок Гусеничный
Прячется в зелёную листву.
<...>
Только я к нему привычен с детства,
Потому что, тоже под листвой,
Танковый простёрся по соседству,
А чуть-чуть подальше Броневой.
И от этой от черты суровой
Через сотни рек, полей, долин
Грозные танкисты Катукова
Путь свой открывали на Берлин.²³*

Нередко стихотворения поэтов, родившихся вскоре после окончания Великой Отечественной войны, звучат как легенды, сказы, былины о военном времени:

*Сколько сказов есть известных
В нашей тульской стороне!
Этот сказ в далеком детстве
Довелось услышать мне.
Много дней в полях-долинах
Кровь лилась, горел металл.
Шла война, и враг-зверина
Днём и ночью лютовал.
Предавал леса пожарам,
Угонял в полон народ.
И случилось в дом к Варваре
Заглянул фашистов взвод.²⁴
(Н. Дружков «Сказ о Варваре»)*

*Расскажу я вам случай один, уже ставший легендой в истории нашего рода.
Когда взяли село наше немцы – а под ним полегло половина немецкого взвода –
Были злые, как волки: из домов они гнали и старых, и малых,
Чтобы жить в тех домах, тёплых даже зимой, а село пусть – в холодных подвалах.²⁵
(В. Савостьянов «Легенда»)*

Творчество молодых поэтов, которые знают о событиях времен Великой Отечественной войны только по рассказам участвовавших в ней дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, сосредоточивает на изображении ужасов войны. Молодые поэты фокусируют внимание читателей на эпизодах, представляющих страдания отдельных людей, нередко детей, на долю которых выпали тяготы и лишения военных лет. Здесь уже почти совсем исчезает образ Тулы и Тульского края. Внуки и правнуки сражавшихся за Родину рассматривают подвиг народа в целом, не выделяя каких-либо городов и местностей.

Пожалуй, основной отличительной особенностью произведений данной категории поэтов является объединение ими различных черт и характеристик стихотворений предыдущих мастеров поэтического слова: они стараются показать чувства, переживания, вырванные из жизни эпизоды, как в произведениях поэтов-фронтовиков, часто они повествуют от лица участников тех событий или детей войны. Свой материал они берут из воспоминаний участников трагических событий, из хроники военных лет. Так, одним из наиболее популярных сюжетов является тяжкий труд детей и подростков на заводах вместо ушедших на фронт или погибших родителей.²⁶

Примером таких моментов из жизни конкретных людей, застывших в рифме, и повествования от лица детей войны являются стихи молодого поэта Романа Федины, в частности, можно обратиться к его стихотворениям из цикла «Мы»:

*Нам с Иваном – уже по дюжине.
Мы с Иваном – бывалые люди.
В наших жестких ладонях натруженных
Зреет хлеб для тяжелых орудий.
<...>
Мы выходим из цеха – чумазые,
Рукава – до локтей засучены,
В черных робах, насквозь промасленных,
Пропотевших и промазученных.²⁷
(Р. Федин «Нам с Иваном – уже по дюжине...»)*

*Жара. Миномётный огонь, как плуг,
Гречишное поле навыворот рвёт.
И рядом – набитый осколками друг –
Землю сухую горстями мнёт.
<...>
И лишь перед утром в лесной глуши
Нас вместе положат в могиле сырой.
Недолго же каждый из нас пожил:
1930-1942!²⁸
(Р. Федин «Жара. Миномётный огонь, как плуг...»)*

От лица живших в годы Великой Отечественной войны написаны и стихотворения других наших современников. Но образ Тулы и здесь отсутствует:

*По ночам почему-то мне снится
Страшный город со словом «Война».
Обреченной, подстреленной птицей
Билась паника в хрупкость окна.
И предчувствием полнились вены,
Рассеченные напополам
Хлестким криком воздушной сирены:
- Это к нам!
- Это к нам!
- Это к нам!²⁹
(В. Ткач «По ночам почему-то мне снится»)*

*Холодный дождь стучит так грубо,
Холодный пот, земля и сталь,
И мы стоим, сомкнувшись кругом,
И нам себя ничуть не жаль.
Войска ушли, ушла подмога,
Но мы остались в этот раз,
В висках стучит война, тревога,
Мы жизнь узрели без прикрас.
Но отступить нельзя нам снова,
Стоять до смерти на своём!
Нам это поле стало кровом,
Быть может, здесь мы все умрём...³⁰
(Е. Козлов «Мы не уйдем!»)*

Как видно из проведенного анализа, отражение Великой Отечественной войны в поэтических произведениях развивается как бы по спирали: от более эмоционального и эпизодического к более историческому и обобщенному, а затем – снова резкий скачок к изображению чувств, эмоций и одномоментных эпизодов. А вот Тульский край, присутствуя практически в равной степени

в стихотворениях первого витка этой спирали (у трех поколений поэтов), на втором витке практически полностью исчезает из повествования. Причем исчезают не только конкретные места, топонимы, но даже символы города и края. Историзм, достигший почти своего апогея в творчестве поэтов, родившихся вскоре после войны, совершенно исчезает в поэзии тех, кто появился на свет через два поколения после войны.

Можно предположить, что, если продолжится движение поэзии как одного из культурологических и социально-исторических аспектов общественного сознания по спирали, в произведениях поэтов следующего поколения Тульский край снова найдет отражение. Но не исключено и другое развитие событий: историзм стихотворений о Великой Отечественной войне со временем полностью исчезнет, и в будущем поэтическое творчество рискует утратить свое значение в увековечении памяти Великой войны, великой трагедии XX века. И в этом случае стихотворения о войне 1941–1945 годов станут все более походить на легенды, былины древних времен и все менее тревожить умы и сердца будущих поколений. И, следовательно, тем скорее будет забыт ужасный урок, преподнесенный нам Историей. Чтобы в будущем такого не случилось, мы уже сейчас должны задуматься над возникающими проблемами и путями их решения.

Доклад на конференции Международном научно-общественном. форуме, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тула, 2015.

1. Стихи тульских поэтов / Под ред. Виноградова Н.В. – Тула: Обл. кн. изд-во, 1947. – С. 50
2. Елькин А.А. 50 дней мужества – Тула: Приок. кн. изд-во, 1976. – 212 с.
3. Стихи тульских поэтов... С. 43 – 44
4. Климов И.Д. Героическая оборона Тулы (Оборонительная операция войск 50-й армии, октябрь – декабрь 1941 года) – М.: Воениздат, 1961. – 136 с.
5. Региональный социальный проект Тульской областной универсальной научной библиотеки, посвященный Великой Отечественной войне «Войны газетная строка – строка Победы» URL: http://tulalibrary.blogspot.ru/2010/02/blog-post_19.html (дата обращения: 19.03.2015)
6. Голоса из бессмертия: Письма с фронта, воспоминания, даты. Изд. 2-е, испр. и доп. / Сост. и гл. ред. Дружинин Н.К. – Тула: Гриф и К, 2005. – 592 с.
7. Стихи тульских поэтов..., С. 8 – 9
8. Там же. С. 25 – 27
9. Галицан А.С., Муриев Д.З. Тула – город-герой. – М.: Воениздат, 1981. – 159 с.
10. Стихи тульских поэтов..., С. 54-55
11. «Ежи» на площади Победы / Сост. Пахомов В.Ф. – Тула: Гриф и К, 2011. – С. 83–84
12. Анатолий Миронов. Луч доброй надежды. / Сборник стихов. – Щекино: Щек. типогр., 2012. – С. 288
13. Там же. С. 295–297
14. Исаев И.П. От Тулы до Кенигсберга. Воспоминания о боевых подвигах воинов Тульского рабочего полка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1972. – 236 с.
15. «Ежи» на площади Победы..., С. 84 – 85
16. Там же. С. 105-106
17. Там же. С. 98-99
18. Там же. С. 100-101
19. Савостьянов В.Н. Русский крест: стихотворения – Тула: Гриф и К, 2014. – с. 54 – 55
20. Сайт Тульского государственного университета. Статья от 15.06.2014 г. URL: <http://wwwtsu.tsu.tula.ru/news/all/4924> (дата обращения: 19.03.2015)
21. Полозов Е.М., Немова С.Н. Имена и судьбы – Тула: Тул. полиграфист, 2013. – С. 78
22. Савостьянов В.Н. Русский крест: стихотворения... С. 31 – 32
23. «Ежи» на площади Победы...С. 147 – 148
24. Там же. С. 116 – 118
25. Савостьянов В.Н. Русский крест: стихотворения... С. 26 – 30
26. Туманов А.С. Тула: Страницы хроники героической защиты города-героя в 1941 году. – М: Политиздат, 1985. – 192 с.
27. От рифмы до строчки: Альманах. Выпуск № 1 / сост., ред., авт. вступ. ст. В.Ю. Ткач. – Тула: Папирус, 2008. С. 75 – 76
28. Там же. С. 76
29. «Ежи» на площади Победы... С. 119
30. Из неопубликованного

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЖИЗНИ В. В. ВЕРЕСАЕВА

На момент написания данного доклада влияние изобразительного искусства на жизнь и творчество писателя В. В. Вересаева не становилось объектом научных исследований. Таким образом, научная новизна материала раскрывается в исследовании этого направления культурного наследия писателя, и впервые мы поговорим на эту тему в рамках конференции «Золотая осень. «Любите живопись, поэты! Слова и краски: пристрастия Мастера».

На протяжении всей жизни В. В. Вересаева живопись и скульптура были для него не только объектом неизменного интереса, но и побуждали писателя к размышлениям о значении и роли искусства. Личное же знакомство со многими знаменитыми художниками не только изменило всю его жизнь, но и для Вересаева источником творческого вдохновения.

Будучи личностью многосторонне развитой и одаренной, Вересаев рисовал сам – в экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева представлены рисунки, которые он сделал во время своего путешествия в Грецию в 1910 году. Знакомство с объектами древнеэллинической культуры, архитектуры и искусства произвело на В. В. Вересаева очень глубокое и яркое впечатление. На его рисунках изображены древнеэллинический драматург Эсхил, первый из трех великих афинских трагиков и «отец трагедии», и древнеэллиническая поэтесса Сафо, «десятая муза», единственная женщина среди «Девяти лириков», канона древних поэтов составленного филологами Александрийской школы. Вересаев не только изобразил великую поэтессу на листе бумаги. По возвращении из Греции были опубликованы сделанные им переводы «фиалкокудрой, сладкоулыбающейся, чистой» Сафо:

*«Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который, так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос...»¹*

Также из этой поездки Вересаев привез фотографии афинского Акрополя. В их числе особо выделяется фотография Эрехтейона – одного из главных храмов древних Афин, знаменитого украшающим его южную сторону Пандрозейоном – Портиком кариатид.

Поездка в Грецию не была единственным путешествием писателя. Хранящиеся в Доме-музее В. В. Вересаева фоторепродукции античных статуй и репродукции картин известных мастеров рассказывают нам не только о страсти Вересаева к живописи и скульптуре, но и о географии его путешествий. Среди них мы видим фоторепродукции античных статуй, которые экспонируются в музеях Италии – статуя Гермеса или Антиноя Бельведера из Музея Пия-Климента в Ватикане, статуи из коллекции семьи Фарнезе, хранящиеся в музеях Неаполя. Также из Италии Вересаев привез фотографию храма Посейдона в Пестуме, древней греческой колонии на юге Апеннинского полуострова.

Эта поездка пополнила и коллекцию репродукций живописных полотен писателя. Так, в специальном фотоальбоме, в котором писатель разместил свою коллекцию, находятся репродукции полотен из галереи Уффици (Флоренция), музеев Милана и Рима. Наличие этих и других репродукций говорит о том, что во время своих путешествий писатель посетил крупнейшие художественные галереи Европы. В его коллекции можно найти репродукции полотен из Лувра (Париж), Старого музея, Национальной галереи (Берлин), Галереи старых мастеров (Дрезден), Новой Пинакотеки (Мюнхен).

Важными событиями в жизни Вересаева стали личные знакомства и дружба с художниками. Об этом свидетельствует очерк «Коктебель», являющийся частью «Литературных воспоминаний»:

«С осени 1918 года до осени 1921 года мне пришлось прожить в Крыму, в дачном поселке Коктебель, где года два перед тем я купил себе дачу.

Прелестная морская бухта с отлогим пляжем из мелких разноцветных камушков, обточенных морем. Вокруг бухты горы изумительно благородных, изящных очертаний, которые мне приходилось наблюдать только в Греции и которых представить себе не могут ялтинцы, восхищающиеся своей безобразной Яйлою... Справа высятся крутые утесы Карадага; на склоне его выступы скал образуют совершенно определенно человеческий профиль, несколько напоминающий профиль Пушкина. Впрочем, постоянно живший в Коктебеле поэт Волошин утверждает, что это его профиль».²

Творчество Максимилиана Александровича Волошина было связано не только с литературной деятельностью, в которой он проявил себя как талантливый поэт, переводчик и критик. Еще одной сферой творчества Волошина была живопись, недаром он является всемирно-известным художником-пейзажистом.

Вересаев и Волошин становятся свидетелями событий Гражданской войны на территории Крыма. И именно в эти тяжелые военные годы зарождается их дружба. Переписка между В. В. Вересаевым и М. А. Волошиным будет продолжаться вплоть до 1931 года. Копия одного из писем, датированного мартом 1922 года, представлено в экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева. Как пишет в своих комментариях к очерку «Коктебель» исследователь жизни и творчества Вересаева Ю. У. Фохт-Бабушкин: «При всей несхожести их творческих позиций Вересаев высоко ценил в Волошине оригинального поэта, художника, искусствоведа и принимал живейшее участие в его судьбе. По просьбе Волошина, продолжавшего постоянно жить в Крыму, Вересаев стал его литературным представителем в Москве, многие произведения Волошина появились в печати лишь благодаря стараниям Вересаева».³

Только благодаря непосредственному вмешательству Волошина, в 1919 году Вересаев был освобожден из-под стражи. В то время писатель, совместно с палеографом, археологом и историком Н. А. Марксом, заведовал отделом театра и искусства в Феодосийском отделе народного просвещения. Этот случай описывает сам Волошин в своем рассказе «Дело Н. А. Маркса»:

«На следующ[ий] день мы с К[онстантином] Ф[едоровичем] пошли в Отдел искусства, которым заведовали Н. А. Маркс и Вересаев. Заведовали очень хорошо. Во всем был порядок, субординация и нормальные формы парламентаризма... Придя, узнал, что Маркс арестован на другой день после прихода белых. Он знал, что красные уйдут, но, наивно считая, что им никаких преступлений в качестве заведующего Отделом Народного Образования не совершено, решил остаться. И военные власти не обратили сначала никакого внимания на его присутствие в городе. Но, когда вернулись озлобленные буржуи из недалекой эмиграции (Керчь, Батум), начались доносы и запросы: “А почему генерал Маркс, служивший у большевиков, гуляет в городе по улицам на свободе?” Его арестовали».⁴

Как и В. В. Вересаева. Далее М. А. Волошин пишет: «На следующее утро я был у начальника контрразведки. Был принят сейчас же.

— Скажите, кто это Вересаев? Его фамилия Смидович?

— Да, его литературное имя Вересаев, автор «Записок врача». Вы, верно, думаете — известный большевик Смидович? Это его двоюродный брат и родной брат его жены. А больше никакого отношения к нему он не имеет.

— И Вы можете мне поручиться, что этот Вересаев-Смидович — писатель?

— Конечно.

— Тогда передайте ему, пожалуйста, — я вчера взял с него подписку, что он никуда из города не выедет, — что он совершенно свободен. У него, кажется, здесь где-то под городом есть имение?

— Да, в Коктебеле. Он мой сосед.»⁵

Благодаря взаимной помощи и опеке, Вересаеву и Волошину удалось пережить тяжелые годы Гражданской войны, и их дружба не завершилась с ее окончанием. Писатель со своей женой не раз бывали в Крыму и в 20-е годы. Одним из свидетельств дружбы между Вересаевым и Воло-

шиним являются акварели, выполненные и подаренные художником с дарственными надписями писателю и его жене Марии Гермогеновне Смидович перед их очередным отъездом из Крыма.

В экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева представлена фотография, сделанная в 1929 году. На ней, вместе с Вересаевым и Волошиным, запечатлен еще один известный художник, упомянутый в рассказе «Дело Н.А. Маркса» как К.Ф. – Константин Федорович Богаевский. Он, как и Волошин, был одним из основоположников Киммерийской школы живописи и имел личное знакомство с Вересаевым. Писатель даже считал, что Волошин в живописи подражал своему феодосийскому другу.

Сделанные Вересаевым наблюдения за повседневной и духовной жизнью обитателей Коктебеля во время Гражданской войны, легли в основу романа «В тупике», который был высоко оценен другим известным русским художником. В экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева представлен эскиз, выполненный В.Д. Поленовым «Скалы близ Судака», который художник подарил Вересаеву с дарственной надписью «В. В. Вересаеву, большому писателю за его повести, в особенности «В тупике».

Об отношении Вересаева к Поленову, о том, как высоко Вересаев ценил его как художника, мы узнаем из письма писателя:

«Вы — моя давнишняя любовь, еще со студенческих времен, когда я в первый раз увидел на Передвижной выставке «Христа и грешницу». Картина на меня произвела потрясающее впечатление — и особенно фигурой и ликом Христа: меня возмущали критики, писавшие только о колоритах и «восточных типах»... Я написал большую статью о картине и отправил ее в «Новости». Статья безвестного студента, конечно, не была напечатана. Я в ней писал, что картина дает именно такого Христа, каким мы теперь только и можем мыслить — не Бога, а Человека с огромной душой».⁶

Помимо «Скал близ Судака» Поленов подарил Вересаеву еще несколько своих работ. Они, вместе с акварелями Волошина, украшали московский кабинет писателя до конца его дней. А воссозданный в Доме-музее В. В. Вересаева интерьер этого кабинета они украшают и в наши дни.

Из всего вышесказанного мы видим – влияние изобразительного искусства на жизнь и творчество Вересаева колоссально. Оно не только формировало круг общения писателя, непосредственно влияя на его жизнь, но и служило бесконечным источником творческого вдохновения.

Опубликовано: Золотая осень. Любите живопись, поэты!: материалы науч.-практ. конф. Рос. музейной провинции, 12–14 окт. 2015 г. // Гос. мемориальный ист.-худож. и природный музей-заповедник В.Д. Поленова. [Б. м.], 2015. С. 53–60.

1. Сапфо и Алкей. Харьков: Фолио, 2008. С. 11.

2. Вересаев В.В. Литературные портреты. М.: Республика, 2000. С. 466.

3. Там же. С. 523.

4. Где обрывается Россия. Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе в 1918–1920 гг. Одесса: Оптимум, 2002. С. 330.

5. Там же.

6. Копшицер М.И. Поленов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 258.

ИСТОКИ ДУХОВНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. Вересаева

Викентий Викентьевич Вересаев – врач, известный прозаик, пушкинист, переводчик и литературный критик – посвятил творческой деятельности более 60 лет своей жизни. Произведениям писателя свойственны максимальная правдивость, предельная открытость и реалистичность. И, вместе с тем, духовная основа, высокая нравственность и этическая насыщенность. Это говорит о духовной наполненности самого писателя, его высоконравственном внутреннем мире. Однако, тема формирования духовных принципов В. В. Вересаева не была исследователями достаточно изучена.

Давая определение слову «духовность», «Толковый словарь» С. Ожегова отмечает «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными».¹ «Толковый словарь» Д. Н. Ушакова характеризует духовность в самом общем смысле как «совокупность проявлений духа в мире и человеке».² В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы.

Анализируя жизненный путь В. В. Вересаева, можно говорить о высокой духовности и нравственных ориентирах писателя. За эту возвышенную нравственность М. Горький считал Вересаева «частью духовной красоты России». А. Серафимович говорил о том, что «несмотря на подлое и жестокое время, Вересаев никогда не произнёс в своих писаниях ни одного лукавого, неверного слова».³ Предельно честный, наполненный гуманизмом и любовью к людям независимо от их политических и религиозных мировоззрений, нацеленный на понимание и помощь ближнему, В. В. Вересаев смог сохранить эти душевные качества в тяжелые исторические потрясения революций и войн первой половины XX века. Эти незыблемые для него человеческие ценности он перенесет и на страницы своих произведений.

Еще в детстве, благодаря мировоззрениям родителей, формируются у В. В. Вересаева жизненные принципы, которым он будет неуклонно следовать всю жизнь. Родители писателя Викентий Игнатьевич и Елизавета Павловна Смидовичи оказали большое влияние на становление характера будущего писателя. Почтительное отношение к старшим и неприятие лжи, недопустимость безнравственного поведения и работа над характером, взаимоуважение и духовное развитие – такими были основные принципы их домашнего воспитания.

Смидовичи воспитывали своих детей в строгости, доходящей порой до аскетизма. Царивший в семье религиозный дух с неукоснительным соблюдением христианских заповедей впоследствии будет ярко воссоздан писателем в литературных «Воспоминаниях»: «...В семье нашей царил очень строгий религиозный дух. ... Каждое воскресенье и каждый праздник мы обязательно ходили в церковь ко всенощной и обедне. После всенощной и на следующий день до конца обедни нельзя было ни петь светских песен, ни танцевать, ни играть светских пьес на фортепиано».⁴

Проводя исследование домашней библиотеки Смидовичей (книги из которой хранятся в фондах Дома-музея В. В. Вересаева) на содержание в ней религиозной литературы, можно сделать вывод, что из 1 373 единиц хранения 18 книг имеют православную тематику. Это «Жития Святых», изданные в Москве в 1856 году (номера с января по декабрь), а также ежемесячный литературно-популярный и научно-популярный журнал для самообразования «Мир Божий» за 1901 год (номера с января по июль).

В детских воспоминаниях В. В. Вересаева основой семейной религиозности и нравственности всегда были родители, связанные редкостным единодушием и любовью. И тем удивительней кажется это душевное единение, когда вспоминаешь об их разных религиозных воззрениях. В. И. Смидович – поляк по национальности – был католиком по вероисповеданию, его супруга Елизавета Павловна – православной. В свое время их брак вызвал резкое осуждение и недовольство родственников, пророчивших недолговечность их семейной жизни. Однако, как вспоминает В. В. Вересаев, «отношения между папой и мамой были редко-хорошие, мы никогда не видели, чтоб они ссорились».⁶ В семье Смидовичей не было непонимания, споров, только взаимное уважение к верованиям друг друга. Из «Воспоминаний» В. В. Вересаева: «С тех пор, как я себя помню, отец уже не был нигилистом, а был глубоко верующим. Но молился он не так, как мы все: крестился не тремя пальцами, а всею кистью, молитвы читал по-латыни, в нашу церковь не ходил. При молитве глаза его не светились таким светом, как у мамы; он стоял, благоговейно сложив руки и опустив глаза, с очень серьезным и сосредоточенным лицом. На большие праздники в Тулу приезжал из Калуги ксендз, – и тогда папа уходил в католическую церковь. И постился он не так, как мы, – с молоком, с яйцами. Но когда я был уже в гимназии, папа перешел на общий с нами православно-постный стол, – без яиц и молока, часто без рыбы, с постным маслом. Мама в душе глубоко верила, что как папа от безбожия пришел к вере, так от католичества придет к православию. Папа к обрядам относился равнодушно, видел в них только воспитывающее душу значение, но в православие не переходил».

Истинной православной верой насыщен в «Воспоминаниях» писателя образ его матери Елизаветы Павловны Смидович. «Помню, как со свечою в руке перед сном бесшумно обходит она все комнаты и проверяет, заперты ли двери и окна, – или как, стоя с нами перед образом с горящею лампадкою, подсказывает нам молитвы, и в это время ее глаза лучатся так, как будто в них какой-то свой, самостоятельный свет. Она была очень религиозна. Девушкою собиралась даже уйти в монастырь. В церкви мы с приглядывающимся изумлением смотрели на нее: ее глаза сияли особенным светом, она медленно крестилась, крепко вжимая пальцы в лоб, грудь и плечи, и казалось, что в это время она душою не тут. Веровала она строго по-православному и веровала, что только в православии может быть истинное спасение».⁷

Если врачевная и общественная деятельность В. И. Смидовича являлась примером каждодневного бескорыстного служения людям, то повседневная домашняя жизнь Е. П. Смидович была наполнена настоящим подвижничеством и мученичеством: «Всегда, во всяком из маминых предприятий, было какое-то мученичество и жертвенный подвиг: работа до крайнего изнеможения, еда кое-как, недоспанные ночи, душевные муки. Теперь, восстанавливая все в памяти, я думаю, что эта потребность превращать работу в какое-то радостно-жертвенное мученичество лежала глубоко в маминой натуре».⁸

Позднее этот трогательный, радостно-мученический образ В. В. Вересаев литературно воплотит в одной из героинь своей повести «К жизни». Маша, двоюродная сестра главного героя Чердынцева, станет выражением того духовно-религиозного начала, которое писатель видел в своей матери. И именно Маша станет одним из немногих светло-возвышенных персонажей повести, призванных сохранить в революционном безумстве духовную веру и чистоту: «... Большие кроткие глаза, и, как из прожекторов, из них льются снопы света. Маша умоляюще сказала:

— Своей семьи у меня нету. А я чувствую такую потребность любить, всю себя отдать... Мне кажется, если бы тетя меня била, я бы еще нежнее ухаживала за нею.

— Черт знает что такое! Какой-то садизм филантропии!.. И для кого! Маша, ну разве ты не видишь кругом жизни? Ведь выше и нужнее всю себя отдать ей, а не какой-то Юлии Ипполитовне!

Мы уж не раз спорили об этом.

— Ну, оставим, все равно... Вы слишком наружу смотрите. Под этим, глубже, у вас ничего нету. Поэтому все строите на ненависти. А нужно всех любить. И потому у вас — без бога.

...Понемножку со мною произошло обычное, побудешь с нею — и вдруг мягче начинаешь принимать всю ее, с ее чуждою, но большою и серьезною душевною жизнью. Бедно одетая, убивает

себя на уроках...И какое-то светящееся оправдание жизни, с терпимым и любовным уважением ко всему. ...Остается только... смотреть на ее лучистые, живущие страданием глаза и понять, что иначе для нее не может быть.»⁹

И поэтому так трогательно, так естественно стихотворение «Молитва», написанное будущим писателем в 1885 году для своей матери, так часты ощущения высшего начала в первых прозаических произведениях В. В. Вересаева.

Впоследствии В. В. Вересаев будет не раз раскрывать темы нравственности и духовности в своих произведениях: повестях «На повороте» и «Без дороги», романах «В тупике», «Сестры». В них писателя интересуют не только нравственно-идеологические вопросы, стоявшие в ту пору перед обществом, но и психологические, духовные вопросы человеческого бытия, которые, в глазах интеллигенции того времени, оказывают особое влияние на формирование личности, ее мировоззрения.

Что касается самого писателя, то до последних дней он будет жить по высоконравственным и духовным законам – помогать нуждающимся, не лукавить словом и делом. В. В. Вересаев всегда остается верен принципам нравственности и гуманизма. В его произведениях читатель вместе с автором осуждает человеческую жестокость и несправедливость. Поэтому так отталкивает спокойно-циничная ложь мнимого богомольца из рассказа «В степи»; неоправданная ненависть друг к другу во время гражданской войны и коллективизации в романах «В тупике» и «Сестры»; грубое потребительское отношение к любви в рассказах «Пари» и «Исанка».

Таким образом, темы духовности неоднократно поднимается В. В. Вересаевым в своих произведениях. Это говорит о нравственном, духовном служении писателя «литературе и людям»¹⁰ и является материалом для новых исследований жизни и творчества писателя.

Пленарный доклад на III Международной студенческой научно-практической конференции

«Молодежь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности».

Тула, ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 26–27 марта 2015 г.

-
1. Словарь русского языка // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. М.: Просвещение, 1987. С. 302.
 2. Толковый словарь русского языка / Ушаков Д. Н. М.: Астрель, 2000. С. 205.
 3. Вересаев В. В. Воспоминания. М.: Республика, 1999. С. 8.
 4. Вересаев В. В. Собр. соч. в 4 т. М.: Правда. Т.1. 1961. С. 51.
 5. Вересаев В. В. Указ.соч. Т.2. 1961. С. 38.
 6. Там же. С. 38–39.
 7. Там же. С. 41.
 8. Там же. С. 42.
 9. Вересаев В. В. Собр. соч. в 4 т. М.: Правда. Т.1. 1990. С. 62.
 10. Вересаев В. В. Воспоминания. М.: Республика, 1999. С.14.

МЕДИЦИНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ В. В. ВЕРЕСАЕВА

Тема влияния медицины на жизнь и творчество В. В. Вересаева не всегда находилась в центре внимания литературоведов. Наиболее полное исследование принадлежит И. М. Гейзеру, который в 1957 году в «Государственном издательстве медицинской литературы» опубликовал книгу «В. В. Вересаев. Писатель и врач». В ней был дан краткий очерк жизни и творческой деятельности писателя, затрагивался вопрос формирования мировоззрения В. В. Вересаева, поднимались вопросы, касающиеся врачебных взглядов писателя, его философско-этическим раздумьям. Отдельная глава была посвящена спорам, вызванным появлением «Записок врача». Однако в книге не была выявлена степень влияния медицины на литературную деятельность В. В. Вересаева, на формирование его жизненных и творческих принципов.

Тема соотношения медицины и творчества в жизни В. В. Вересаева представляет большой интерес для научного исследования. Являясь продолжателем традиций семьи Смидовичей, В. В. Вересаев многие годы своей жизни посвятил медицинской деятельности, в которой проявил себя как компетентный самоотверженный врач и общественный деятель, отстаивавший права пациентов и врачей. Опыт В. В. Вересаева-врача послужил основой для многих его произведений, принесших писателю всемирную известность.

Знакомство с разными аспектами медицины у В. В. Вересаева произошло еще в детстве. Отец В. В. Вересаева – Викентий Игнатьевич Смидович был известным в городе детским врачом, основателем Тульской городской больницы и санитарной комиссии, одним из создателей Общества санитарных врачей. Хранящиеся в фондах Дома-музея В. В. Вересаева «Материалы для описания г. Тулы. Санитарный и экономический очерк», изданные В. И. Смидовичем в 1880 году, свидетельствуют о многолетнем скрупулёзном изучении отцом В. В. Вересаева санитарного состояния города, систематических наблюдениях и исследованиях городского воздуха, почвы, воды.

В доме на улице Верхне-Дворянской, в котором родился будущий писатель, царил медицинская атмосфера, были приняты обсуждения и разговоры на медицинские темы. Медицинская практика Викентия Игнатьевича, домашние разговоры взрослых вокруг медицины находили порой самое неожиданное преломление в играх детей, участником которых был и будущий писатель. Например, дети считали, что у каждого человека в организме есть «смеятельная кишка, и если за нее тянуть, то человек смеется, хочет – не хочет».¹ Или считали, что расстройство желудка «на одном месте не остановить, оно будет идти все дальше и дальше, в руки, в ноги, голову».² Впрочем, такие буйные детские фантазии сразу прерывались строгим голосом отца «Что за чушь вы говорите!» В. И. Смидович уделял большое внимание физическому развитию детей. В одной из комнат дома он разместил гимнастическое оборудование. Эта комната так и называлась «гимнастика». В летнее время дети могли соревноваться в ловкости на специальной спортивной площадке с висячим шестом, лестницей, турникетом, которые располагались на территории усадьбы Смидовичей.

В восемь лет Викентий Смидович, будущий писатель В. В. Вересаев, поступил на подготовительные курсы Тульской мужской классической гимназии. Изо дня в день, с ранцем за плечами, он пешком проделывал путь до Менделеевской улицы, где располагалась гимназия. Гимназические товарищи Викентия, многие из которых были пациентами его отца, придумали мальчику меткое прозвище «Пузырек с медициной».

В 1884 году, закончив гимназию и ощущая в себе литературный талант, В. В. Вересаев поступил не на медицинский, а на историко-филологический факультет Петербургского университета. Однако, успешно его закончив, в 1888 г. он продолжает учиться, поступив на медицинский

факультет Дерптского университета. В своих «Воспоминаниях» писатель объясняет свой выбор «влечением к наукам точным и знаниям реальным»³, а главное желанием стать писателем. По его мнению, писатель должен хорошо знать человека, как в здоровом состоянии, так и во время болезни. В период обучения В. В. Вересаев работал в клиниках, проявлял большой интерес к научной работе. Им были написаны две научные работы «К упрощению способа количественного определения мочевой кислоты по Гайкрафту» и «О влиянии воды Вильдунген на обмен веществ». Напечатанные в медицинской прессе, они вызвали интерес медицинской общественности. Сейчас статьи представлены в экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева и вызывают неизменный интерес посетителей, связанных с медицинской деятельностью.

Летом 1892 года студент-медик Смидович прервал свои каникулы в Туле в связи с эпидемией холеры и поехал на борьбу с болезнью в Донецкий бассейн, где два месяца заведовал холерным баракком недалеко от Юзовки. По словам владельца рудника, эпидемия среди шахтеров была Смидовичем остановлена.

Получив диплом со степенью лекаря, который сейчас хранится в фондах Дома-музея писателя, В. В. Вересаев в своем дневнике отметил: «И вот я врач. Кончил одним из лучших, но с какими микроскопическими знаниями вступаю в жизнь! Да, уж записки врача я напишу и поведаю миру много такого, о чем он не знает и не подозревает».⁴ По окончании университета, в 1894 г., убедившись в том, что даже хорошая теоретическая подготовка не позволяет заниматься самостоятельной врачебной деятельностью, В. В. Вересаев уезжает в Петербург, где начинает работать в качестве сверхштатного ординатора в барачной больнице для острозаразных больных им. С. П. Боткина. Углубившись в медицину, В. В. Вересаев, тем не менее, оставался зорким и размышляющим писателем. Еще за годы учебы в Дерпте он сделал немало записей своих наблюдений, собрал огромное количество фактов, которые отразил в «Дневнике студента-медика». Именно эти записи стали основой «Записок врача» — произведения, над которым писатель работал с 1892 по 1900 годы, и которое принесло ему всемирную известность, о чем свидетельствуют книги «Записки врача» на итальянском, французском, английском языках, изданные в 1902 и 1904 годах и хранящиеся в фондах Дома-музея В. В. Вересаева. В литературе тех лет ни одно произведение не вызывало такой жаркой полемики. Официальная медицинская пресса упрекала автора в том, что его правдивый рассказ о современном состоянии здравоохранения якобы подрывает авторитет медицины. Для передовой же медицинской общественности книга Вересаева стала настольной.

Исследуя «Записки врача», изданные в 1902 году и хранящиеся в фондах Дома-музея В. В. Вересаева, можно выделить некоторые стилистические особенности этого произведения. Свообразие книги Вересаева заключается в том, что это не записки старого, опытного врача, подводящего итоги своим наблюдениям и размышлениям, выработавшего определенные ответы на все сложные вопросы врачебной науки; это также не записки врача-философа, глубоко проникшего в суть науки. «Я, — говорит В. В. Вересаев, — обыкновенный средний врач со средним умом и средним знанием; я сам путаюсь в противоречиях, я решительно не в силах разрешить многие из тех тяжелых, настоятельно требующих решения вопросов, которые возникают передо мною на каждом шагу»⁵. Дневниковая форма «Записок» позволила автору поделиться и своими личными раздумьями, и проанализировать проблемы медицины и здравоохранения того времени, и произвести социально значимые обобщения.

В. В. Вересаев, работая над «Записками», следовал примеру глубоко уважаемого им Н. И. Пирогова, основным правилом которого было ничего не скрывать от своих учеников, откровенно рассказывать обществу о своей врачебной деятельности и ее результатах, а также о своих врачебных ошибках. Работая над книгой, писатель штудировал медицинскую литературу и периодику, протоколы научных медицинских обществ, письма врачей, статистические отчеты, материалы врачебных съездов. В итоге была создана впечатляющая объективная картина состояния не только современной медицины, но и общества в целом. Немалое место в ней занимают вопросы обучения профессии, ярко описываются переживания студента-медика. В. В. Вересаев предъявляет высокие требования к людям своей профессии. Пользуясь достоверными материа-

лами, писатель дает глубокий и всесторонний анализ взаимоотношений врачей и больных, врачей и общества, ставит важные проблемы врачебной этики. Вдумчиво раскрывает Вересаев процесс формирования молодого врача, немалое место уделено вопросам врачебных ошибок, опытам на людях, соблюдению врачебной тайны.

К проблемам организации медицинской помощи В. В. Вересаев в своих произведениях обратится и позже, в рассказах о русско-японской войне и «Записках» о войне. В июне 1904 года В. В. Вересаев как врач запаса был мобилизован на фронт. Пройдя хирургическую практику в Тамбове, был определен ординатором 38 полевого госпиталя 72 дивизии 6 Сибирского корпуса и вернулся с войны лишь в начале 1906 года. Пройдя весь боевой путь, впоследствии он напишет записки «На войне». Исследуя книгу «На войне. Записки», изданные в Санкт-Петербурге в 1908 году и хранящиеся в фондах Дома-музея В. В. Вересаева, можно отметить, что в этом произведении автор подробно останавливается на плохой организации военно-санитарного обслуживания армии, а также размышляет о разрушительном биологическом начале в человеке в сценах солдатского мародерства.

С 1914 года В. В. Вересаев литературно размышляет над медицинскими вопросами в небольших произведениях – пишет несколько рассказов, в которых поднимает темы разума у животных и доминирования биологического в человеке. В рассказе «Дедушка», изданном в 1916 году в сборнике «Слово», В. В. Вересаев на основе своих наблюдений врача делится своими размышлениями о врачебной этике и художественно воспекает естественную смерть, как последнее и светлое событие в жизни человека: «Врач должен почувствовать, когда человек изжил себя и умирает; он должен знать, что такая смерть важнее банок и камфары».⁶

После событий 1917 года писатель вновь очень активно занимается медицинской практикой. В течение трех лет в Коктебеле, куда В. В. Вересаев уехал из Москвы на дачу и где застали его события гражданской войны, он был буквально завален врачебной работой. Именно тогда писатель начал работу над новым историческим романом «В тупике», посвященном событиям гражданской войны. Сложный период исторического перелома в России показан писателем через образ доктора Сартанова, оказавшегося в идеологическом и духовном тупике.

Это не единственный пример, когда в произведении В. В. Вересаева главным героем является человек, имеющий непосредственное отношение к медицинской деятельности. Анализируя творчество писателя, можно отметить, что он, будучи врачом, в большинстве случаев именно через создание образов людей, связанных с медициной, анализирует исторические события и изменение идеологического сознания на стыке эпох. К таким примерам можно отнести земского врача Дмитрия Чеканова (повести «Без дороги» и «На повороте»), доктора Розанова (повесть «К жизни») и др.

Медицинские темы находят свое отражение не только в повестях романах, но и в рассказах В. В. Вересаева. Так, проблемы пола и семьи раскрываются в молодежных рассказах «Исанка» и «Болезнь Марины». Свои впечатления о работе в Боткинской больнице писатель воплощает в невыдуманном рассказе «Фельдшер Кичунов». Теме духовного торжества человека над своим физическим недугом посвящен рассказ «Эйтемия».

Таким образом, медицина сыграла важную роль в жизни В. В. Вересаева и оказала большое влияние на его литературное творчество. Потому эмблема, помещенная на титульном листе собрания сочинений В. В. Вересаева, изданного в Санкт-Петербурге в 1913 году, аллегорично и полно отражает направления его профессиональной и литературной деятельности. На чаше, увитой змеей (символе медицины) возлежит перо (символ литературы). Так медицина и литература стали основой культурного наследия, которое создал В. В. Вересаев.

Доклад на Научно-практической конференции «Личность врача в контексте исторического и культурного наследия Тульского края», посвященной 180-летию со дня рождения тульского врача и общественного деятеля В. И. Смидовича, Тула, ТулГУ, 18 ноября 2015 г.

1. Вересаев В. В. Воспоминания. – М.: Республика, 1999. С. 24.
2. Там же. С. 31.
3. Там же. С. 304.
4. Там же. С. 373.
5. Вересаев В. В. Записки врача. Полное собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. – М.: Правда, 1985. С. 18.
6. Вересаев В. В. Эйтемия. Соч.: в 2-х т. – М.: Правда, 1982. Т. 2. С. 463.

Военная повседневность как «нормальное исключение»

*«Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес.
Она не похожа на ее описание, она и проще, и сложнее...»
«Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники.
Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи»
Илья Эренбург*

О героической обороне г. Тулы, об участии туляков в Великой Отечественной войне написано за прошедшие 70 лет достаточно много. События героической обороны города на основе документальных источников Центрального архива Министерства обороны РФ, тульских архивов, газетных публикаций, воспоминаний участников воссозданы с точностью до дня и часа. Дальнейшие же годы войны описаны крайне скупно, фрагментарно. Вместе с тем время оставило огромное количество документов, повествующих о великом трудовом подвиге туляков в лихую годину, когда и стар, и млад трудились не жалея сил для победы над врагом, когда всем миром восстанавливали разрушенное немецкими оккупантами народное хозяйство.

Комплекс документов партийных и советских органов власти Тульской области, статистические данные, газетные публикации, сводки и донесения о настроениях в обществе, материалы проверок рассказывают о действительном, а не мнимом состоянии общества, каким его видела или хотела бы видеть власть. Многие из этих документов опубликованы впервые и дают возможность разобраться в «мелочах» жизни, осмыслить правила и запреты военного времени, способы уклонения и отступления от них. Сегодня повседневная жизнь человека в условиях военного времени представляется нам как жизнь в экстремальных условиях. Во многом она таковой и являлась для тех, кто тогда жил, работал, учился. Но даже в экстремальных условиях военного времени человек в обыденной жизни решал для себя те же самые повседневные вопросы питания, жилья, работы, досуга и т.д.

Решение многих проблем повседневности лежало на партийной, гражданской и военной власти на местах, на городском комитете обороны. За период оккупации с 16 октября 1941 г. по 8 декабря 1941 г. было оккупировано около 3300 населённых пунктов, расположенных на территории современной Тульской области. Оккупанты превратили в развалины города Алексин, Белев, Богородицк, Болохово, Венев, Епифань, Крапивну, Плавск, Чернь и другие крупные населенные пункты, сожгли 625 сел и деревень, подвергли опустошению Подмосковский угольный бассейн, разрушили Косогорский, Новотульский, Мышегский, Ханинский, Черепетский, Щекинский и другие заводы, уничтожили свыше тысячи школ, множество культурных и медицинских объектов, осквернили и подожгли Ясную Поляну. В 25-ти районах области было сожжено более 19 тысяч колхозных дворов, полностью сожжено и уничтожено 316 деревень, разрушено и сожжено 299 школ. После оккупации население многих тульских деревень ютилось в землянках. Не хватало жилья в городах и рабочих поселках. Нарушены были электроснабжение, водопроводная система, железнодорожная сеть, телефонная, телеграфная и радиосвязь.

Приходилось принимать срочные меры к немедленному расселению граждан, была значительно сокращена санитарная норма жилья на человека с 8 кв. метров до 4,5 кв. метров. Стройматериалов катастрофически не хватало, и в августе 1942 года Тулгорисполком был вынужден принять экстраординарное решение «О применении промасленной бумаги взамен оконного стекла при ремонте жилых зданий».¹ Таких экстраординарных решений и постановлений органов власти в годы войны было немало: о производстве валенок, столовой посуды, об организации кустарных спичечных предприятий, мыловарен, вошебоек и т. д.

В апреле 1942 года на совещании заведующих районными отделами здравоохранения и врачей Тульской области председатель городского комитета обороны В.Г. Жаворонков отметил бедственное состояние больниц области после оккупации: «Дело дошло до того, что люди пьют из банок и консервных коробок, а между тем можно очень хорошие кружки получить на заводе Кислотупора. Я знаю, что там заказывались стаканчики для телеграфных проводов и получилась очень доброкачественная продукция».²

Рассматривая меры по борьбе с сыпным тифом, который протекал очень тяжело, тяжелей, чем в прошлое время, было предложено все районам срочно изготовить вошебойки. Проект этой вошебойки был очень прост: «...строится землянка, в ней строится печка, проводятся железные трубы, которые давали бы температуру в этой землянке, и путем выжаривания этой температурой убивается вошь». Самое простое дело.³

В мае 1942 года Тулоблисполком принимает решение № 452 об изготовлении в июне трех тысяч пар обуви на деревянных подошвах,⁴ в 24 ноября 1942 год по решению Тулоблисполкома № 1216 в Епифанском и Серебряно-Прудском районах создаются кустарные фабрики по выработке махорки.⁵

Из стенограммы партийно-хозяйственного актива весной 1942 года: «С наступлением тепла предстоит очень большая работа: Государственный Комитет Обороны обязывает выделить в районах и городах области специальные команды по сбору и захоронению трупов и очистить от них все улицы и площади. ...трупы фашистских псов зарывать на скотском кладбище, а для трупов наших бойцов организовать похороны в братские могилы, привести эти братские могилы в хороший вид.

Что касается трупов животных, то они должны быть свезены на салотопки, такие салотопки в каждом районе имеются, и тогда мы будем иметь большое количество мыла.

Тов. Жаворонков: Мне известно, что 22 и 23 февраля немцы с исключительной жестокостью бросались в атаку для захвата г. Белева, и в одном овраге уложили 3.000 немцев. Овраги переполнены трупами, сейчас тает снег, все это оседает, очевидно, поплывет с водой. Так что я очень прошу зав. райздравотделами, всех медицинских работников поработать над этим делом так, чтобы была исключена возможность разложения трупов».⁶

Только лишь в первом квартале 1942 г. было захоронено и перезахоронено 6255 трупов фашистских солдат и офицеров, а также 8680 трупов животных.⁷

Главным в повседневной жизни человека все годы войны была производственная деятельность, работа во имя победы над врагом. Ценой огромного напряжения, мобилизовав для отпора врагу огромные материальные и людские ресурсы, в тылу ковалась победа. На все военные годы лозунг «Все для фронта, все для победы» стал главным жизненным принципом туляков.

В первые же дни после освобождения области в январе 1942 г. Тульский городской комитет обороны принял постановление о восстановлении производства вооружения и боеприпасов на тульских заводах, в котором призвал всех туляков «работать не покладая рук на восстановление тульских оборонных заводов, помнить, что каждый новый пулемет, каждая новая винтовка, каждый патрон, изготовленные на возрожденных тульских заводах – есть новый сокрушительный удар по фашистским оккупантам».⁸ И уже в феврале на предприятии было выпущено 1080 винтовок, в марте – 3430, в апреле – 5250, в мае запланировали увеличить апрельский объем ориентировочно вдвое. На заводы возвращались рабочие, разъехавшиеся по деревням и работавшие на мелких предприятиях и артелях. На предприятиях области были созданы 400 комсомольско-молодежных бригад, из них 100 фронтовых. Первенство в социалистическом соревновании весь год держала фронтовая бригада т. Грызловой завода № 539 г. Тулы (в настоящее время ОАО «Тульский патронный завод»), выполняющая задание на 250%. Труд оружейников был по достоинству оценен Советским правительством. Завод с июня 1942 по май 1945 года 14 раз занимал классные места в социалистическом соревновании среди предприятий Наркомата вооружения, многие оружейники были награждены различными орденами и медалями.

В связи с успешным наступлением Красной Армии под Москвой и Тулой в декабре 1942 года перед Тульским патронным заводом была поставлена задача - в короткий срок восстановить производство боеприпасов для нашей армии.

С целью восстановления производства патронов было демонтировано на предприятиях местной промышленности и завезено на завод около ста единиц металлорежущего и прессового оборудования. В апреле 1942 года завод вновь оформился как самостоятельное предприятие и выпустил к концу года более ста тысяч патронов, а к концу 1943 года - свыше 388 млн. патронов.

Вклад в Победу был настолько весом, что коллективу предприятия вручено на вечное хранение Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Завод №535 Наркомата Вооружения (ныне машиностроительный завод) за годы войны выпустил 52290 станковых пулеметов всех типов, 922 станка всех типов и видов, большое количество авиационных пулеметов «ШКАС», 1380 120-мм минометов, 335 тысяч корпусов мин.

По решению городского комитета обороны на площадях завода «Штамп» было организован ремонт военной техники. В дни обороны Тулы коллектив завода восстановил и передал воинам около 50 танков, 150 автомашин, 100 орудий, 117 автокузовов, 250 комплектов траков, а также изготовил партию минометных стволов и противотанковых ежей. В декабре коллектив начал производство артиллерийских и авиационных изделий для фронта. Для этого пришлось срочно организовать цеха: литейно-прокатный, прессовый, токарно-механический, кузнечно-сварочный, инструментальный и другие. Цеха и оборудование восстанавливали без чертежей, на память, проявляя при этом немало инициативы, изобретательности. И вот победа: фронту отправлены первые 10 тысяч изделий. В том же месяце приступили к восстановлению стреляных гильз, которые собирали на боевых позициях в самом городе и за его пределами.

Не забыли и о том, что Тула - город самоварщиков. Собрали группу мастеров самоварного дела. И уже в ноябре стали выпускать жаровые самовары. Одновременно коллектив изготавливал трехгорелочные примусы для госпиталей, паяльные лампы для походных военных мастерских, солдатские котелки, кружки, ремонтировал военные кухни.

20 августа 1943 г. в областной комитет ВКП(б) пришло письмо за подписью начальника политуправления Брянского фронта генерал-майора Пигурнова: «По нашей просьбе коллектив работников Тульского радиозавода № 716 (в настоящее время ОАО «Октава») в сравнительно короткий срок разработал и изготовил 10 звуковещательных установок для агитпередач войскам противника, при этом завод не имел специальной производственной базы по изготовлению вышеуказанной аппаратуры. Сконструированные и изготовленные заводом звукоустановки полностью отвечают предъявляемым требованиям для работы среди войск противника, удобны для переноски на передовой линии и дают хорошую слышимость».⁹

Туляки, как и все советские люди, работали, не считаясь со временем: они не уходили с предприятий сутками и даже неделями, отдавая все силы выполнению и перевыполнению производственных планов. В условиях военного времени очень жестко стояли вопросы трудовой дисциплины. «За отказ выехать на завод [№] 66 в г. Златоуст, материал на рабочего цеха № 14 передать военному прокурору г. Тулы».¹⁰ Все годы войны в приказах по основной деятельности любого предприятия Тульской области мы сможем увидеть приказы со следующей формулировкой: «...за сон на работе [в течение] 25 мин.... Материал передать в суд», «...за опоздание на работу на 30 мин. материал передать в суд» и т. д.

Только 30 декабря 1944 года, когда до победы оставалось всего несколько месяцев, был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР от «О предоставлении амнистии лицам самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на предприятия».

Вместе с тем в военный период большое внимание уделялось организации социалистического соревнования, награждению передовиков производства. Награждались передовые работники не только орденами, медалями и почетными грамотами. Так например, на Щекинских шахтах был учрежден переходящий отбойный молоток горкома партии, который по итогам работы за месяц вручался передовой бригаде.¹¹ В 1942 году Совет Народных Комиссаров разрешил выплачивать премии рабочим за досрочное выполнение заданий правительства по восстановлению разрушенных предприятий и освоение новых производственных мощностей. Размеры премий определялись в зависимости от стоимости работ и были часто от одного до трех месячных окладов.

На тульские оборонные заводы, на шахты взамен ушедших на фронт мужчин пришла работать молодежь в возрасте от 15 до 20 лет. «Многие из вновь прибывших на производство, стали стахановцами, например, Тарелкина – цех № 9, три месяца тому назад прибыла из колхоза Куркинского района, сейчас работает самостоятельно, перевыполняет норму на 300-384%. Молодая работница Марушкина, прибывшая из Заокского района, пришла впервые на производство 6 месяцев тому назад, сейчас работает на одном из самых ответственных переходов, выполняет норму на 350% и сама обучает молодую работницу, пришедшую на завод из колхоза. Комсомолка – бригадир фронтовой комсомольско-молодежной бригады Полозова – цех № 14, добилась того, что ее бригада ежедневно выполняет норму на 230%. Бригадир молодежной бригады Конева – цех № 7, ежедневно на формовке стержней выполняет норму на 180-200%. Стахановка Леднева выполняет норму на 158–200% и др.»¹². Для стимулирования производительности труда правительство ввело дополнительные виды питания сверх основных пайков. Например, рабочие, выполняющие и перевыполняющие нормы выработки, с мая 1942 г. дополнительно получали второе горячее питание, к которому отпускался дополнительно, сверх карточек, хлеб по 100 или 200 г на человека в зависимости от характера производства. В основу распределения продовольствия (в том числе и хлеба) был положен принцип обеспечения повышенного потребления за ударный труд. Кадровые рабочие получали более высокую зарплату и более полновесные пайки.

В областных и районных газетах регулярно печатали заметки о трудовых достижениях туляков. Например, 7 марта 1943 года в газете «За уголь» было опубликовано письмо навалоотбойщицы шахты № 63 А. Бондаренко «Женщины, идите в забой», в котором она писала: «Осенью 1941 г. мой муж ушел на фронт защищать родину, свой дом, свою семью от гитлеровских мерзавцев. Он был шахтер, и я решила стать шахтеркой. Вначале было трудно, но на помощь мне пришли опытные горняки, которые рассказали, как надо владеть отбойным молотком, как выбирать пласт для удара. В первый месяц я заработала 260 рублей, во второй месяц, работая в паре с навалоотбойщиком т. Моргачевым, я заработала 400 рублей. Сейчас я работаю с навалоотбойщиком т. Карякиным, и мой заработок достиг 600 рублей в месяц. Когда я добываю уголь, то я приговариваю: вот еще один снаряд, вот другой, вот третий. Летите, мои угольки-снаряды и бейте, бейте проклятых фашистов. Я обращаюсь ко всем женщинам-горнячкам: идите в забой, идите в лаву».¹³ Однако в частных письмах иногда проходила информация совсем иного толка. Военная цензура проверяя письма на фронт и с фронта, такие случаи отслеживала и сведения по этим письмам, как правило, анализировались партийными, советскими и правоохранительными органами. Из информации Тульского обкома ВКП(б) об отдельных отсталых политических настроениях в Болоховском и Чернском районах Тульской области от 3 мая 1943 года: «Болоховский район. Наблюдаются случаи отрицательного политического настроения среди трудящихся района. Факты отрицательного политического настроения в большинстве случаев связаны с неудовлетворительными бытовыми условиями, с недостаточным питанием. Так, например, рабочий шахты № 18 треста «Болоховуголь» <АА> пишет в г. Пензу: «Дожили до самого последнего. Зарплату почти совсем не дают, говорят, что все для фронта. Кормят очень плохо. Вот и живи, как хочешь». Работница шахты № 20 бис треста «Болоховуголь» <ББ> пишет своим родственникам в Бабынинский район: «Я здесь голодаю, холодная, грязная, а работа трудная, как жить здесь дальше. Остаться здесь и умирать голодной смертью, а сил в таких условиях хватит только на один месяц». Рабочий шахты № 23 треста «Болоховуголь» <ВВ> своим родственникам в Арсеньевский район пишет: «Живу плохо, обувать нечего, одевать тоже, хожу разутый и раздетый, платят мало, купить невозможно. Харчи плохие, хожу совсем голодный, хлеба не хватает, видно пришел крах моей жизни».¹⁴ В целом условия труда и условия жизни мобилизованных на шахты Подмосквовного угольного бассейна были настолько тяжелыми, что приходилось изымать паспорта у рабочих шахт, устраивать на дорогах заслоны, выявляя, таким образом, дезертиров угольной промышленности.

Вместе с тульскими шахтерами добывали уголь репрессированные немцы Поволжья, которые составляли особый спецконтингент. Только лишь на шахтах комбината «Тулауголь» на 20 апреля 1943 г. работало свыше девяти тысяч немцев. На пленуме обкома партии, где рассматривались вопросы работы со спецконтингентом отмечалось, что отдельные бригады и лица дают высокую производительность труда. Так, например, на шахте № 9 бригада, руководимая немцем Бельц, производственные задачи из месяца в месяц перевыполняет: в феврале месяце план выполнен на 116%, в марте месяце 208%, в апреле месяце 125 %. И в то же время пленум отмечал, что до сих пор имеют место по отношению к немцам факты грубости, избиения, незаслуженных оскорблений, обман со стороны руководящих работников. В тресте «Болоховуголь» «зав. шахтой Мартынов 9 марта 1943 г. вызвал к себе в кабинет больного Зингер, отобрал у него справку об освобождении от работы и послал на работу. В результате после 5 дней работы Зингер 15 марта 1943 г., придя с работы в общежитие, умер.

На шахте № 19 десятник Кулешов 5 марта 1943 г. ударом кулака сбил с ног мобилизованного немца Миллер, работающего грузчиком, после чего избивал его ногами».¹⁵

Мобилизованные немцы находились в тяжелых бытовых условиях. На большинстве шахт помещения, где жили немцы, для жилья были не приспособлены, некоторые даже не освещались. Велика была и смертность среди немцев: в Болоховском районе с ноября 1941 г. по 15 апреля 1943 г. умерло 318 чел. В тресте «Калининуголь» – 64 чел. В тресте «Щекинуголь» – 38 чел.

Иногда самые отчаянные рабочие, не выдержав концлагерных условий труда, писали заявления с просьбой отправить на фронт, пытались записаться на курсы шоферов, но им почти всегда отказывали и возвращали обратно. Из заявления горного мастера шахты № 23 треста «Болоховуголь» Г. И. Гейнриг И. В. Сталину и Наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии

«Может быть лучше не писать заявление, не забивать Вам голову отдельной личностью в эти тяжелые дни, но что сделаешь, обстоятельства так сложились, что я должен просить Вас вмешаться в мою жизнь. Я прошу Вас освободить меня от работы шахтера и мобилизовать на работу по моей специальности шлаковщиком.

В чем собственно дело: все дело в том, что 2,5 года тому назад к началу войны я имел Родину, имел партию, имел семью, имел друзей – любил Родину, партию, семью и друзей. Я не хотел другой Родины, другой партии, другой семьи, других друзей – вот вдруг из меня сделали немца. Кто? – жизнь?, война?, окружающие люди? – не знаю.

Я повторяю, сегодня или вообще, больше в шахту не спущусь. Знаю, что будет арест, суд и т.д., все равно. Почему стало все равно, потому что нет у меня больше Родины, нет партии, нет семьи (нет фактически).

У Родины сегодня праздник, у партии праздник, у друзей праздник, а у меня это паскудное заявление. Ну, что же, пусть будет так, как есть, что оно мне принесет и когда, я не знаю.

Прошу только одно, в случае чего, если меня не будет, верните Родину моей семье. Они ни в чем не виноваты и пусть жене разрешат работать как прежде на заводе».¹⁶ Неизвестно как сложилась в дальнейшем судьба этого человека, но письмо это хранится по сей день в государственном архиве Тульской области в фонде Тульского обкома ВКП(б).

Наряду со спецпоселениями для немцев Поволжья, на станции Узловая и в г. Сталиногорск Московской области располагались лагеря для военнопленных рядового состава, а в г. Алексин – фронтовой приемно-пересыльный лагерь. Условия существования военнопленных в этих лагерях были очень тяжелые. 30 апреля 1943 года заместитель Народного комиссара внутренних дел СССР комиссар госбезопасности т.Круглов предписывает начальнику Управления НКВД по Тульской области В. Н. Суходольскому принять меры к снижению смертности в Алексинском лагере военнопленных, где только за время с 15 по 25 апреля смертность составила 305 случаев. В приказе говорится: «Предлагается покончить с недооценкой работы по наведению порядка в лагерях военнопленных. Впредь до наведения полного порядка в лагерях военнопленных, прекращения смертности и инфекционных заболеваний, лично Вам, как начальнику УНКВД, заниматься повседневно

этим лагерем, следя за своевременным осуществлением мероприятий по лагерю и строго наказывая людей, халатно относящихся к своим обязанностям и не выполняющим их. Вынуждены вам еще раз напомнить, что там, где руководители наших органов отнеслись по-большевистски к выполнению указаний о содержании военнопленных, в тех лагерях наведен уже полный порядок».¹⁷

Страшно тяжело было всем, в том числе и тульским колхозникам. Фронту нужен был хлеб, требовалось огромное количество продовольствия, поэтому восстановление сельского хозяйства являлось одной из первоочередных задач. В колхозном крестьянстве за годы войны произошли существенные изменения. Большинство мужского населения деревни было мобилизовано в армию. Многие колхозники ушли на фабрики и заводы. Особенно резко уменьшилось число трактористов, комбайнеров, механиков и других наиболее квалифицированных специалистов. Удельный вес мужчин в возрасте 18–54 лет снизился среди сельского населения с 21 процента в 1939 г. до 8,3 процента в 1945 г. Основная тяжесть работы легла на женщин, подростков и стариков, составлявших четыре пятых всех работавших в колхозах и совхозах. Между тем труд в сельском хозяйстве требовал огромного физического напряжения, так как техническая его вооруженность в связи с войной стала намного слабее. Первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков, выступая на пленуме Тульского городского комитета ВКП (б), отмечал: «Что характерно для весеннего сева этого года? Характерно мужество, упорство и самоотверженность в работе наших колхозников и колхозниц». По колхозам и совхозам области были организовано проведены все сельскохозяйственные работы, за что Тульскую область зачислили кандидатом на получение переходящего Красного Знамени ГКО. 23 октября 1942 года газета «Знамя Ильича» писала: «Сезонная норма выработки на одну лошадь на подъеме зяби установлена 5 гектаров. В колхозе «Красный борец колхозницы Моисеева и Гребнева, изо дня в день выполняя установленные дневные нормы выработки, на двух парах лошадей уже вспахали 39 гектаров. Так, только так, должны работать на вспашке зяби и в каждом колхозе».¹⁸

Обстановка военного времени заставила государство прибегнуть также к системе трудовой повинности. Если в мирное время эту повинность разрешалось применять только в случае борьбы со стихийными бедствиями и эпидемиями, то в годы войны она использовалась для проведения оборонных работ, заготовок топлива, охраны путей сообщения, сооружений и средств связи. В дни напряженных сельскохозяйственных работ к ним привлекали все трудоспособное население городов, а также лиц, проживающих в сельской местности, но не занятых в колхозном и совхозном производстве. Это позволило частично компенсировать убыль тысяч трудоспособных колхозников, призванных в действующую армию. 2 мая 1943 г. газета «Белевская правда» опубликовала заметку «Поздравительное письмо на фронт», в которой колхозница сельхозартели «Красный строитель» Еремина Елизавета Акимовна пишет: «Дорогие наши защитники – бойцы, командиры и политработники Красной Армии, посылаю я вам свой скромный подарок и поздравляю вас с 1 Мая. Год тому назад я, провожая в Действующую Красную Армию своего мужа, дала ему наказ – не жалеть ни сил, ни самой жизни, без всякой пощады бить фашистских гадов. В свою очередь я дала мужу клятву, что, оставаясь здесь, в тылу, буду, не покладая рук, работать на благо своей счастливой родины, на помощь фронту». Однако в личных письмах на фронт, колхозники нередко писали о том, как тяжело живется, как несправедливо поступает начальство и т.д. Под грифом «Сов. секретно» в обком ВКП(б) в августе 1943 г. поступило спецсообщение отделения военной цензуры № 16 НКГБ Брянского фронта с выдержками из писем туляков о неблагополучии в разных сферах жизни: «Привет папа! ... Трудней у нас в этом году будет мало. Каждый устанавливает свои порядки. Бригадир поставит свою выработку, а счетоводу покажется много, он возьмет да и снизит, как например: для того чтобы свезти в Кулешово дрова по норме выработки полагается 1 трудодень, а он ставит 0,75. И много таких примеров можно привести. Да разве таким эгоистам можно работать в обществе, когда он заботится только о себе? Никак нет». Как правило, после получения подобной информации, эти вопросы выносились на обсуждение бюро и пленумов партийных органов, передавались в военную прокуратуру.

Так, например, военный прокурор Тульской области И. М. Садовников сообщает председателю Тульского облисполкома А. М. Батамирову о том, «что по состоянию на 30 октября 1943 г. за преступления, связанные с уборкой и заготовками сельскохозяйственных продуктов (саботаж, а расхищение урожая, за преступно-халатное отношение к уборке и др. преступления) предано суду 320 человек». Причем подавляющее большинство дел было расследовано и рассмотрено судом в срок до 5-10 дней.¹⁹

Но как бы трудно и голодно не было в деревнях, туляки все годы войны собирали посылки на фронт, отправляли продукты в блокадный Ленинград. На фронт отправляли тысячи подарков, посылали все, что могли: от полушубков до носовых платков, от сотен килограммов мяса до нескольких штук яиц. Узловские железнодорожники в подарок Красной Армии оборудовали со всеми удобствами поезд-баню.

В марте 1943 г. газета «Коммунар» опубликовала благодарственную телеграмму И. В. Сталина секретарю Тульского обкома ВКП(б) В. Г. Жаворонкову: «Передайте трудящимся Тульской области, собравшим 102 млн 679 тыс. руб. на танковую колонну, авиасоединение «Тула», эскадрилью имени Героя Советского Союза партизана Александра Чекалина и подарки Красной Армии, – мой братский привет и благодарность».²⁰

16 апреля 1943 года опубликована правительственная телеграмма с благодарностью И. В. Сталина за собранные средства на автоколонну «Боевая подруга»: «Передайте семьям начсостава тульского гарнизона, собравшим 86.000 руб. на строительство автоколонны «Боевая подруга» мой братский привет и благодарность Красной Армии».²¹

Наряду с фактами патриотического подъема в информациях секретарей райкомов партии можно встретить и отрицательные факты, когда отдельные работники отказывались добровольно подписываться на Военный заем.

В своей докладной записке секретарь Привокзального райкома ВКП (б) Ф. Т. Храмайков сообщал: «наряду с хорошими показателями в подписке на заем на некоторых предприятиях есть отрицательные стороны: например, в мебельно-фурнитурной фабрике при проведении подписки на заем один из рабочих заявил: «Нам самим не хватает денег на хлеб, поэтому я подписываться на заем не буду». Но после проведенной с ним разъяснительной работы он подписался на месячный заработок.

В артели «Шорник» работница Иванова заявила, [что] денег не хватает на картошку, я голодать не буду, [и] при заработке 350 руб. подписалась на 300 руб.»²²

Трудно жили не только взрослые, но и дети. Им приходилось работать в полевую страду в поле, выполняя подчас взрослые нормы, они работали в госпиталях, собирали металлолом, помогали семьям фронтовиков. За период фашистской оккупации в Тульской области были сожжены или разрушены 1032 школы. И, тем не менее, уже в начале апреля, школьная сеть города Тулы была восстановлена на 80%. Заведующий областным отделом народного образования т. Саванюк, подводя итоги учебного года, отмечал, что дисциплина стала несравненно выше, чем до оккупации: ребята, пережив ужас фашистского варварства, как бы выросли, стали серьезнее, почти не стало «неисправимых» дезорганизаторов. Положение с учебниками и учебным оборудованием школ области было очень напряженное, школьно-письменные принадлежности через розничную торговую сеть не продавались, все было строго учтено и распределялось сверху: перья, классные мелки, чернильницы-непроливайки. В каникулы и городские и сельские школьники работали на колхозных полях, заготавливали лекарственные травы, поэтому учебный начинался, как правило, не первого сентября, а на месяц позже.

Война сделала многих детей сиротами. Было принято решение открыть в Туле, Калуге, Сталиногорске приемники-распределители для безнадзорных детей. Ответственность за это возлагалась на органы НКВД. Если детей-сирот брали в семьи, то за каждого патронированного ребенка, согласно постановлению Совнаркома СССР от 23 января 1942 г. выплачивалось по 50 руб. в месяц. Только лишь за один 1942 год 3144 детей-сирот были взяты на воспитание в тульские семьи, усыновлено на этот период 122 чел., причем дети усыновлены преимущественно рабочими семьями. Для детей фронтовиков организовывалось бесплатное питание в специализированных столовых.

На фоне трудового героизма туляков, патриотических настроений населения, особенно резко бросаются в глаза случаи предательства, пособничества фашистам, мародерства, уклонения от трудовой повинности, хищений и растрат. В областной и районных газетах были специальные рубрики «В военном трибунале», «В прокуратуре Тульской области», в которых публиковалась подобная информация.

Война резко повысила общественную опасность всех преступлений и, естественно, потребовала усиления ответственности за их совершение. Появились и новые составы преступлений, специфичные для военного времени. Особую опасность представляли преступления государственные: измена, шпионаж, диверсия и др. Распространение ложных слухов каралось тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, разглашение сведений, составляющих государственную тайну, наказывалось лишением свободы до 10 лет. Характерна для этого времени информация организационно-инструкторского отдела Тульского обкома ВКП(б) об отдельных политически нездоровых настроениях в Мордовесском районе Тульской области: «В районе имели место следующие отрицательные факты. В связи с изменением знаков отличия в Красной Армии – введение погон, был пущен слух, что введение погон в Красной Армии проводится по предложению Америки. В колхозе «Красное пламя» Тюнедского сельсовета, в связи с этим распространили разговор, что вводятся американские порядки и колхозы сейчас не обязательны, а поэтому и работать в колхозе стараться не нужно. При проверке установлено, что слух распространили женщины, приехавшие из Москвы за хлебом в деревни района».²³

В сферу деятельности НКВД в годы войны входили и борьба со шпионами и дезертирами, агентурная деятельность, расследование экономических преступлений, поддержание общественного порядка, военная цензура, работа со спецконтингентом и военнопленными, охрана промышленных предприятий. Работы было много, только в 1942 г. было разоблачено 123 немецких агента, в 1943 году – 136 агентов.

«В ночь с 6 на 7 июля [1942 г.] в районе д. Шмелевки Крапивинского района Тульской области были сброшены с немецкого самолета парашютисты – военнопленные красноармейцы. Приземлившись, двое из них оставили вооружение, боеприпасы и парашюты на месте приземления, явились в ближайший сельсовет и заявили о том, что они сброшены с немецкого самолета и просили сообщить об этом в НКВД. Они показали, что в октябре месяце 1941 г. попали в плен, в мае месяце 1942 г. были отобраны и направлены в Орловскую школу, где в числе других военнопленных красноармейцев в течение нескольких дней подготавливались к диверсионной работе в тылу Красной Армии. С этого же самолета были сброшены еще 2 диверсанта с заданием взрыва железнодорожного полотна. Один также явился с повинной. Принятыми мерами на станции Манаенки был задержан четвертый и последний из четырех парашютистов диверсантов. Он выполнил задание – подложил тыловые шашки под рельсы железнодорожного полотна, в результате чего при движении воинского поезда произошел взрыв. 22.07.1942, в соответствии с приказом Народного комиссара о расстреле на месте задержания парашютистов, диверсантов в присутствии лиц, участвовавших в поимке диверсанта, <АА> был нами расстрелян».²⁴

В годы войны особое внимание уделялось строжайшей охране военного имущества и объектов военного хозяйства, продовольственных и промышленных товаров, предназначенных для снабжения тыла и фронта.

Была ужесточена борьба с хищениями государственной и общественной собственности. Особо сурово карались лица, участвовавшие в хищениях, если по долгу службы они сами должны были охранять государственную и общественную собственность.

В разработке Тульского НКВД в один из военных периодов было агентурное дело «Хищники»: «Контрреволюционная деятельность работников треста «Товарковуголь заключается в том, что они проводят вредительство в рабочем снабжении горняков, разбазаривая и расхищая в массовом масштабе, предназначенные горнякам фондовые продукты питания и промтовары. При этом умышленно не выбирают из квартала в квартал товарные фонды. Несмотря на преимущественное

снабжение, в которое поставлены горняки, последние не получают отпускаемое им правительством количество продуктов питания и отмечены факты, когда горняки собирают отбросы и их едят. В результате среди рабочих появились массовые нездоровые настроения. Об этом свидетельствуют перехваченные сотни писем горняков к своим родным и знакомым.

В то же время разрабатываемые лица на многие десятки тысяч присваивают себе продукты питания, устраивают коллективные пьянки под видом «банкетов». Об этом можно судить по следующему факту: по преступной договоренности с другими объектами разработки, <ЖЖ> за один только раз получил бесплатно:

Масло животное– 9кг
Шоколад– 15 кг
Какао «Золотой ярлык»– 9 кг
Окорок копченый– 12 кг
Грудинка– 12кг
Рыба лещ– 12кг
Рыба вобла– 12 кг
Печенье «Ленч»– 15 кг
Конфеты «Фронтные»– 14 кг
Вино «Карданахи»на 342 руб.
Вино «Агит»на 263 руб.
Сыр– 15 кг
Табак «Дукат»– 15 пачек
Икра кетовая– 9 кг
Всего на сумму 4494 руб. 70 коп.»²⁵

Огромную работу вела военная цензура, которая за год просматривала более 6 млн. писем. Выполняя указание Народного комиссара т. Берия по предотвращению сообщений в письмах антисоветских, клеветнических проявлений, разглашения государственной тайны – работниками цензуры принимали меры к изъятию текста или вычеркиванию, когда сообщается о налетах вражеской авиации, арестах родственников военнослужащих, строительстве оборонительных сооружений, о тяжелом материальном положении, о высоких рыночных ценах, продовольственном затруднении в тылу и в армии и др. сообщения отрицательного характера.

«Здравствуй дорогой дядя Ваня!

...Бабушка не получает за два месяца никакого пособия. Ходила раза 4 в райвоенкомат, но ей отказывают, по какому делу не знает...».

Жалобы на продовольственные затруднения

«Здравствуй дорогой папа!

...Папа, из военкомата нам нет никакой помощи. Папа, народ стал умирать с голодовки. Папа, а мы сейчас чего едим – клевер, головки рвем, сушим на листе в печке, а потом трем, получается мука черная. Папа, если нам помощи никакой не будет, то мы помрем с голоду. Нет у нас ни хлеба, ни добра, хотя бы было добро, на хлеб можно было променять».

Только лишь за время с 1 января по 15 ноября [1942 г.] военная цензура Тульской области проверила свыше 6 млн. писем, более 380 тысяч телеграмм, из которых было писем с зачеркнутым текстом всего 92.135 шт. или всего 1,5 процента от общества количества просмотренной корреспонденции, конфисковано писем 875. Эти цифры очень красноречиво говорят о бережном отношении мирного населения к своим родным, которые воевали и защищали их, о понимании трудностей, переживаемых страной, о патриотизме советских людей.

В эти военные годы, туляки, не жалея сил, ковали оружие, выращивали хлеб, лечили раненых, воспитывали детей. И каждая семья ждала весточку с фронта от своих родных и близких. Кто-то получал заветный треугольничек, написанный родным почерком, который перечитывали десятки раз и хранили как драгоценность. А тысячи и тысячи туляков получили официальные известия, что их муж, сын, дочь, отец погибли смертью храбрых в боях за Родину.

Недоедали, недосыпали, работали от зари до зари, носили чуни из транспортной ленты и босоножки на деревянной подошве, болели туберкулезом и тифом – это все приметы военного времени. Могилы, салотопки и вошебойки, чай из сушеной моркови и кофе из желудей, спекуляция и грабежи – это все повседневность военного времени.

Передовики, дающие по 350 % рабочей нормы, пахота на лошадях и личных коровах, десятки тысяч туляков, преимущественно женщин, работающих на строительстве оборонительных сооружений, фонтаны в центральном парке, переделанные под ДЗОТы, сводки Совинформбюро, военные займы, усыновление сирот – это тоже повседневность военного времени.

Повседневная жизнь человека в экстремальных условиях военного времени была крайне сложной и противоречивой. Она была очень горькой, когда приходили похорожки, и радостной, когда получали заветный треугольник.

Она была такой все 1418 дней Великой Отечественной войны.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.- обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 202–216

1. ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 5. Д. 43. Л. 52.
2. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 8. Д. 30. Л. 132.
3. Там же. Л.152.
4. ГАТО Ф. Р-252. Оп. 5. Д. 28. Л. 163.
5. ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 2. Д. 10. Л. 345.
6. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 8. Д. 30. Л. 202.
7. ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 7. Д. 49. Л. 98.
8. ГАТО. Ф. П-3039. Оп. 1. Д. 33. Л. 9, 11.
9. ГАТО. Ф. П-3039. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.
10. ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 10. Д. 2. Л. 106.
11. ГАТО. Ф. П-65. Оп. 3. Д. 2. Л. 16.
12. ГАТО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 55. Л. 27–31.
13. За уголь (Товарково). 1943. 7 марта. № 23 (1275). С. 2.
14. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 35. Л. 78–78 об.
15. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 38. Д. 11. Л. 173.
16. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 60. Л. 283–283 об.
17. Архив УМВД России по Тульской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
18. Знамя Ильича (Алексин). 1942. 23 октября. № 116 (223). С. 1.
19. ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 7. Д. 64. Л. 29.
20. Коммунар (Тула). 1943. 14 марта. № 60 (8171). С. 1.
21. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 43. Л. 172–172 об.
22. ГАТО. Ф. П-3. Оп.4. Д. 14. Л. 76-77.
23. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 35. Л. 55.
24. Архив УМВД России по Тульской области. Ф. 4. Оп. 1с. Д. 6а. Л. 42-44
25. Архив УМВД России по Тульской области. Ф. 4. Оп. 1с. Д. 6б.

ПОБЕДНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ

*Ещё война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.*

Эти пронзительные строки фронтовик Семен Гудзенко написал в 1944 году, когда еще шли тяжелые кровопролитные бои, но уже вся страна жила ожиданием скорой победы. Боевые операции этого года вошли в историю Великой Отечественной войны как «десять сталинских ударов», в результате которых была полностью освобождена территория СССР, значительная часть Европы, а советские войска уверенно приближались к Берлину.

В письмах, которые с любовью и надеждой ждали тогда в каждой семье, не писали о трудностях фронтового быта, о потере боевых товарищей, о пролитой крови и ранах. Но почти в каждом письме того времени, бережно хранимом вот уже семь десятилетий в семьях, музейных и архивных фондах есть удивительно патриотические строки о будущей, но уже скорой победе. «1 июля 1944 г. Надя, здравствуй! Дни бегут также стремительно, как это наступление. Мы около Минска, поглощены порывом вперед. Вчера краткую ночевку провели прямо на шоссе, заснув в кузове автомашины на ящиках с боеприпасами. Ночью противник бил по шоссе из кустов автоматным и пулеметным огнем, шлепал минами. Минск вот-вот будет наш: на него пошли огромные колонны тяжелых танков и мотопехоты – неудержимая сокрушительная сила. Впервые на четвертом году тяжелых битв втайне думаешь: «Вот, вот скоро победа, или погибнем за нее или вкусим ее чудесные результаты. Я обещаю тебе свидеться с тобой лично, мне только с другими надо завоевать этот день...».¹

«Здравствуй, дорогой Борис! Мы продолжаем успешно гнать гитлеровское зверье к себе поганое логово. Теперь уже совсем скоро, как мы его загоним туда и там добьем. На самом деле, как хорошо и замечательно идет разгром фашистского отребья. Борис! Конечно, эти победы нам даются нелегко. Но зато, как радостно, что наши труды не пропадают даром. С каждым днем приближается наша победа все ближе и ближе. Я здоров, чувствую себя хорошо. Ну, а как ты, мой дорогой? Как проходят твои боевые дела? Будь здоров и счастлив. Желаю тебе самых наилучших успехов во всех твоих делах. Привет всем. Крепко целую».² Это строки из последнего письма лейтенанта Петра Ивановича Маликова, командира пулеметного взвода 7-го гвардейского стрелкового полка 2-й воздушно-десантной дивизии, которое он написал летом 1944 года своему воюющему неподалеку сыну-артиллеристу, выпускнику Тульского оружейно-технического училища Борису Маликову. Всего через три дня он погиб смертью храбрых, освобождая Прикарпатье.

Ожиданием близкой и долгожданной победы были пронизаны письма с фронта, напечатанные в новогодних выпусках тульских газет. «Трудящимся города Тулы от офицерского, сержантского и рядового состава истребительного авиационного Тульского краснознаменного полка. Здравствуйте, дорогие товарищи!

Шлём вам, труженикам Тулы – арсенала вооружения Красной Армии, города-героя, пламенный фронтовой привет.

Мы, лётчики, техники и младшие авиаспециалисты истребительного авиационного Тульского Краснознаменного полка, поздравляем вас с Новым, 1945 годом – годом окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков. От всего сердца желаем новых успехов на трудовом фронте. Выпускайте больше вооружения и боеприпасов для нашей победоносной Красной Армии! Пусть ваш самоотверженный труд поможет быстрейшему и полному уничтожению гитлеровской нечисти.

Дорогие товарищи туляки! Клянёмся вам, что в предстоящих решающих боях за окончательный разгром гитлеровских полчищ мы прославим боевое знамя Тульского полка новыми победами».³

«Здравствуйте, дорогие земляки: колхозники, колхозницы Венёвского района! Мы, артиллеристы 1-го Прибалтийского фронта, участники боёв с немецко-фашистскими захватчиками с 1941 года, неустанно громим гитлеровцев своим могучим и грозным оружием, уничтожаем этих двуногих зверей.

Ваш земляк Жилин Михаил Куприянович – кавалер ордена Славы. В орудийном расчёте он наводчик. Его расчёт в боях с врагом всегда выходит победителем. На своём счету он имеет 30 истреблённых фрицев, много пулемётов и орудий. Недавно он подбил немецкий «Тигр». Обращаемся к вам, колхозники и колхозницы: усиливайте помощь фронту, успешнее готовьтесь к весне, чтобы получить высокий урожай – урожай победы».⁴

«С самого начала Великой Отечественной войны в нашем подразделении служат три ваших земляка: М. Лякишев, А. Калинин и П. Чурилов. По фронтовым дорогам вместе с подразделением они прошли немалый путь, участвуя в жарких боях. Три земляка-ефремовца неразлучны. Они вместе ходят на выполнение заданий и всегда возвращаются с удачей. Сейчас они сражаются на вражеской земле, жестоко мстят фашистской гадине. На их личном счету не один десяток убитых фашистов и много уничтоженной техники. За боевое мастерство все они имеют по несколько правительственных наград. Михаил Лякишев – кавалер четырёх орденов, Александр Калинин имеет четыре ордена, на груди Петра Чурилова красуются два боевых ордена. Не жалея жизни, сражаются ваши земляки. Мы уверены, что вы так же, не покладая рук, работаете в тылу, приближая час победы. Ст. сержант Панфилов. П.п. 12446».⁵

По-прежнему, миллионы людей по всему Союзу замирали у радиоприемников, когда Юрий Левитан читал сводки Совинформбюро о положении дел на фронтах. Враг сопротивлялся отчаянно, бои носили ожесточенный характер. Но остановить победное продвижение наших войск было уже невозможно. В каждой сводке зимой-весной 1945 года звучали названия неизвестных нам немецких, австрийских, чехословацких, венгерских городов и крепостей, которые с боями брали наши войска. Так 25 января 1945 года сообщалось о наступательной операции 1-го Прибалтийского фронта в районе Клайпеды, о боях войск 3-го Белорусского фронта на подступах к Кенигсбергу, о тяжелых наступательных боях в Чехословакии и Венгрии. В этот 1314-ый день войны наш земляк Олег Матвеев, выпускник 29-й зареченской школы, которому было в ту последнюю военную весну всего 20 лет, написал своей маме:

«Здравствуй, дорогая мама! Я знаю, ты сейчас беспокоишься за меня. Мы с такой быстротой идем вперед к Германии, что тебе надо не печалиться, а радоваться. Через два-три десятка километров – Германия, логово фашистского зверя. Чем скорее придем мы туда, тем быстрее кончится война. Про себя писать особенно нечего: живу, воюю, движусь вперед. Твой сын Олег. 25.01.45 г.». Это письмо сына оказалось последним. Через десять дней он пал смертью храбрых в боях на Одере. А спустя три недели командиру «тридцатьчетверки» лейтенанту О. П. Матвееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. За несколько дней до победы его мать получила письмо от боевых товарищей своего погибшего сына: «Здравствуйте, уважаемая Вера Федоровна! Очень большое горе постигло нас и Вас. Вы потеряли сына, а мы лучшего друга и товарища, лучшего офицера. Но он не умер, он жив, он живет в наших сердцах. С его именем, с именем Героя Советского Союза Олега Матвеева мы идем в бой на врага. Не один десяток фрицев нашел могилу от танка, которым командовал Олег. Не одна пушка, самолет, автомашина врага трещали под гусеницами его танка. Он погиб 5 февраля 1945 года в бою за село Грабов на Одере. Машина Олега первой ворвалась в село. Олег был ранен, но продолжал вести бой. Его машина прошла село, прорвалась сквозь вражеские баррикады, но на другой окраине его подбили. Олег был ранен вторично и умер. За смерть Олега враг заплатит сотнями смертей. 12.04.45 г.».

Война заканчивалась, и это понимали все. Убежденность в скорой победе была настолько сильной, что в начале 1945 года по всей стране, на всех уровнях, проходили партийно-хозяйственные активы, собрания, которые подводили итоги работы за военный период. С гордостью отчитывались туляки о своих трудовых достижениях за долгие и неимоверно трудные годы войны.

«...посевные площади по сравнению с 1942 г. увеличились и близко подходят к посевным площадям довоенного времени; район успешно и досрочно справился в 1944 г. с выполнением плана хлебозаготовок, сдал государству хлеба на 3000 тонн больше, чем в 1943 г....

Важнейший итог в области общественного животноводства заключается в том, что в течение 1942 – 1944 гг. район перешагнул на довоенный уровень по поголовью крупного рогатого скота, перевыполнив план 1944 г. по всем видам скота, за исключением птицы».⁶

«За истекший период трудящиеся Советского Союза, находясь в объятии пламени Отечественной войны, и как патриоты родины всемерно оказывали нашей доблестной Красной Армии и нашему правительству помощь в быстрейшем разгроме вероломно напавшего на нашу родину немецко-фашистских извергов. Не жалея своих сил в работе, вносили свои сбережения на постройку танков и самолетов, а также вкладывали свои займы на укрепление обороноспособности.

За 1942–43–44 гг. по району размещено займа 15 984 тыс. руб., к плану 10 224 тыс. руб., что составляет 156,6%. Размещено лотереи за два года войны – 4042 тыс. руб. к плану 3445 тыс. руб., что составляет 117,3%. Собрано денег на танковую колонну «Тульский колхозник» – 3 042 750 рублей. На самолет истребитель им. Чекалина – 300 тыс. рублей. Собрано подарков для Красной Армии: яиц – 49 716 шт., индивидуальных посылок – 1517 шт., хлеба – 153 тонны, овощей – 213 тонн, молока – 73 000 литров, варежек – 1533 шт., овчин – 5085 шт., шерсти – 2500 кг, телогреек – 180 шт., белья – 1836 пар, валенок – 480 пар, портянок – 3091 пар, табаку – 181 кг, кроме того собрано деньгами – 15 100 руб., сухарей – 1086 кг, кур – 545 шт., масла топленого – 142 кг, свинины – 180 кг, шуб – 59 шт., свитеров – 248 шт., варежек – 1533 шт. и множество мелких подарков: кисетов, носовых платков, конвертов, бумаги, карандашей и т. п. Все указанные факты говорят о том, что трудящиеся района были призваны на дело оказания помощи и имели один лозунг «Все для фронта, все для победы над врагом».⁷

В честь каждой новой победы на фронте проходили митинги и собрания, в честь каждого события брались повышенные социалистические обязательства. «Тульские оружейники с исключительным воодушевлением встретили исторический приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, посвященный 27-й годовщине Красной Армии. Во всех цехах завода состоялись митинги и собрания. Обсуждая приказ, оружейники взяли новые социалистические обязательства, дали слово работать ещё лучше... Наш долг – бесперебойно снабжать Красную Армию боевой продукцией. От имени бригады заявляю: сегодня встаём на стахановскую вахту и обязуемся выработать не меньше двух норм».⁸

«Коллектив горняков шахты № 73 первым вступил в предмайское социалистическое соревнование и взял на себя почётные обязательства по повышению производительности труда, по добыче эшелонов угля сверх плана в фонд Победы. 26 и 27 апреля план дня они выполнили на 121,2 процентов. 28 апреля, когда весь наш народ горячо приветствовал приказ Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина о соединении наших войск с англо-американскими войсками на территории Германии, горняки шахты отметили стахановским трудом, выполнив план дня на 140 процентов. Свой долг перед Родиной в решающие дни борьбы с гитлеровской Германией горняки шахты выполнили с честью, добыв в течение апреля месяца в фонд Победы около 4 тысяч тонн угля».⁹

Фронту помогали всем, чем могли. Каждый трудовой коллектив на предприятиях, в колхозах, школах собирал средства и подарки в фонд Красной армии. К 27-й годовщине Красной Армии колхозники, служащие и учащиеся Лаптевского района развернули сбор подарков и сдали муки пшеничной – 600 килограммов, гороха – 215 килограммов, мяса – 55 килограммов, молока – 200 литров, а также кисеты с табаком.¹⁰

Церкви тульской епархии только лишь за январь–март 1945 года -внесли в госбанк на помощь сиротам и семьям воинов Красной Армии свыше 330 тысяч рублей, в том числе прихожане церкви 12-ти Апостолов внесли наличными деньгами для областного дома ребенка в г. Туле 13 000 руб. и подарили 20 полотенцев на сумму 2000 руб.¹¹ Тимуровцы Синетулицкого сельсовета Тульско-

го района изготовили массу игрушек для детского сада и участвовали в сборе средств, в Лаптевском районе тимуровцы организовали спектакль, собрали 1,5 тысячи рублей и передали их в фонд помощи семьям военнослужащих.¹²

Понимая, осознавая все трудности военного времени, туляки, как и все советские люди, отказывали себе во многом необходимом, сознательно шли на серьёзные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Весной 1945 года успешно прошел четвёртый Государственный Военный Заём.

В газете «По ленинскому пути» (Ефремов) напечатали слова матери фронтовика грузчицы железнодорожного узла Зайцевой, которая в своём выступлении на митинге сказала: «Гитлеровской Германии приходит конец. Скоро возвратятся наши родные воины. Чтобы быстрее встретиться с сыном и помочь Красной Армии нанести окончательный удар по фашистским войскам, я отдаю на заём больше месячного заработка».¹³

3-го мая повсюду прошли митинги, посвящённые новой исторической победе нашей доблестной Красной Армии – взятию Берлина.

И вот наконец наступил тот долгожданный день Победы, который так долго ждали. «Надя, добрый день! ...9 мая – День Победы! Встретили его в самом Берлине. Объездили его вдоль и поперек. Старался запомнить все. Рейхстаг и сейчас в глазах: огромный, мрачно-серый, исковыренный снарядами, из подвальных окон и пробоин дымящийся струями дыма, а над ним в вышине – большой яркий флаг, развевающийся в струях ветра. Флаг выглядел именно символично: сталинское знамя победы над распроклятым мракобесием и цивилизованным игом. В этот день вздох облегчения грянул последним победным салютом...».¹⁴

В ночь на 9 мая передали о том, что будет чрезвычайное сообщение. В домах начали зажигаться огни. В Туле, в районных центрах, поселках и деревнях люди поспешно выходили на улицы и собирались у репродукторов. В 3 часа ночи радио принесло радостную весть о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Война советского народа против немецко-фашистских захватчиков увенчалась полной победой над врагом.

Страна не помнит такого массового гулянья, как то, что было в ночь с 8 на 9 мая. До утра на улицах не смолкали песни, крики «ура!», возгласы: «Да здравствует Победа!», «Да здравствует великий Сталин!».

«В 10 часов утра по всей Тульской области состоялись многолюдные митинги. Под бурные аплодисменты на митингах принимались приветственные письма товарищу Сталину, звучали совершенно искренние и горячие слова благодарности в его адрес. Это было время, когда слова «Сталин» и «Победа» были едины. Поистине это было неопишное ликование народа, величайшее торжество в день великого праздника. С чувством огромной радости выступали трудящиеся на митингах и горячо благодарили великого полководца, вождя, отца и учителя т. Сталина, героическую Красную Армию, под чьим водительством была достигнута Победа. На митинге сельхозартели «Труд и знание» Кукуйского сельсовета колхозник Лагутин сказал: «Светло и радостно у меня на душе. Я слушал по радио товарища Сталина. Он сердечно говорил о каждом из нас и поздравил нас с победой. Со Сталиным мы быстро залечим раны, нанесённые войной».

В колхозе им. Чкалова Семьянского сельсовета на митинге, посвящённом празднику Победы, колхозник Никишин М. Г. заявил: «Трудно найти слова, чтобы ими передать то, чем наполнена душа моя в эти минуты. Одно скажу – товарищу Сталину наша колхозная благодарность за все великие победы».¹⁵

На митинге в городе Богородицке выступила партизанка, мать погибших сыновей-партизан, С.П.Григина: «Дорогие товарищи! Поздравляю вас с радостным днём победы! Желанный час возмездия наступил. Советский народ победил. Мы победили своим единством. Мы не дрогнули перед фашистским зверем, громили его, не щадя своей жизни. Я со своими сыновьями за нашу родину сражалась в партизанском отряде. Наш отряд истребил десятки гитлеровцев. Мои сыновья погибли. Тяжела для меня эта утрата, но наступивший день победы смягчил моё горе. В блеске нынешнего дня я вижу героизм своих детей. Вечная слава сынам отчизны, павшим смертью храбрых! Да здравствует наша могучая Родина!»¹⁶

Газета «Коммунар» 10 мая писала: «Радость такая, что в себе её не сдержать. Дома не сидится никому. На улицы и площади вышли взрослые и дети, мужчины и женщины. Вышла ликующая Тула. Город расцвечен флагами, знамёнами. Ярким пламенем развеваются они над учреждениями, предприятиями, жилыми домами. Такие же алые советские знамёна реют сейчас и над Берлином, городом, где в течение долгих лет рождались и разрабатывались каннибальские планы войны, разрушения, убийств. Германия у ног победителей.

Красная Армия! Ей сегодня первый почёт и слава. С каким уважением смотрит народ на бойцов и командиров, идущих по улицам! Вот вышли из госпиталя раненые. К ним подходят незнакомые люди, обнимают их, как родных сыновей, говорят им нежные слова:

Сынок, сыночек мой! Дай-ка я тебя поцелую. Милые! Спасибо вам! Это вы спасли нас, – взволнованно говорит пожилая женщина раненому бойцу.

На площади Челюскинцев людское половодье. Монументальную скульптуру красноармейца густо облепила детвора. Дети всюду поспевают первыми. Сейчас они избрали себе наиболее удобную позицию, чтобы лучше видеть всё, что делается на площади. А здесь, возле Дворца труда, в ряд установились грузовики, на которых выступают артисты и коллективы художественной самодеятельности. С горняцким джазом соревнуется хор русской народной песни клуба оружейников. Здесь же выступают артисты областной филармонии. Площадь кипит народом. Артисты поют о героях фронта, о победе. По-особенному звучат слова:

*С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт!
Сколько новых сил дала людям Победа!
Утро мирной жизни занимается над Родиной.
В. Белякова».¹⁷*

11 мая Тульский обком ВКП(б) отправил в Центральный комитет партии информацию о политических настроениях трудящихся Тульской области и вопросах, интересующих их в связи окончанием войны.

«Весть о завершении Великой Отечественной войны полной победой над гитлеровской Германией трудящиеся Тульской области встретили с величайшей радостью и воодушевлением.

На всех заводах, фабриках, предприятиях, в учреждениях, колхозах были проведены многотысячные митинги, которые с новой силой подчеркнули беспредельную преданность нашего народа великой партии большевиков и любимому вождю товарищу Сталину.

Бригадир фронтовой передовой бригады тов. Алексеев сказал: «С величайшим вниманием мы слушали обращение товарища Сталина к народу. Вождь поздравил нас с Победой и сказал, что наступает период мирного развития. Тульские оружейники много сделали для разгрома врага, сейчас наша задача состоит в том, чтобы ещё более усилить могущество нашей Родины. 2,5 нормы в смену вместо двух – вот моё обязательство».

Токарь патронного завода Синицина, взявшая ранее обязательство выполнять норму на 150 процентов, сейчас выполняет на 172 процента.

Знатный проходчик шахты № 26 треста «Красногвардейскуголь» тов. Карпачёв, выполнявший в период войны норму выработки на 200 процентов сейчас взял обязательство давать пять норм в смену.

Колхозник колхоза «Путь Ленина» Титовского сельсовета Каменского района тов. Шулитов Ф.И., 62-х лет, в День Победы посеял 10 гектар при норме 4 гектара.

С 10 мая на всех заводах, фабриках, предприятиях местной промышленности, в колхозах, учреждениях и в учебных заведениях докладчики и агитаторы проводят беседы, доклады, читки газет по текущему моменту. К агитаторам и докладчикам поступает большое количество вопросов. Наиболее характерными вопросами, которые интересуют сейчас трудящихся, следующие:

Будет ли отменён военный налог?

Будет ли выплачена компенсация за неиспользованный отпуск в течение четырёх военных лет?

Будут ли переведены предприятия на 8-часовой рабочий день?
С какого времени начнутся очередные отпуска?
Будет ли увеличена норма выдачи хлеба и когда будут отменены хлебные карточки?
Отпустим ли мы германских военнопленных?
Скоро ли будет суд над преступниками Германии?
Секретарь Тульского обкома ВКП(б) Чмутов».¹⁸

Наступала новая мирная жизнь. Летом 1945 Тула встречала своих героев. К встрече готовились, ее ждали. Партийные и советские органы составляли планы мероприятий по встрече демобилизованных, в которых предусматривалось и устройство на работу, и помощь в ремонте квартир, и сбор подарков, и проведение торжественных мероприятий. Что-то удавалось сделать, что-то нет. Жизнь была сложной и противоречивой.

Но и тогда, весной сорок пятого, и сегодня, спустя 70 лет, было и осталось чувство огромной благодарности и вечной памяти всем, кто в бою и труде, ценою жизни, напряжением всех человеческих сил одержал Великую Победу.

Опубликовано: Тульский краеведческий альманах. – Тула, 2015. – Вып. 12. С. 139–147.

1. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р–2230. Оп. 2. Д. 106. Л. 35. Из письма Б. Петровича.
2. Из личного архива Б. П. Маликова
3. Прославим наши боевые знамёна новыми победами! // Коммунар (Тула). 1945. 1 января. №1 (8521). С.2.
4. Бесстрашные воины // Колхозная газета (Венёв). 1945. 21 января. № 4 (1207). С. 1.
5. Панфилов П. Так сражаются наши земляки // По ленинскому пути (Ефремов). 1945. 22 марта. № 12 (2292). С.1.
6. ГАТО. Ф. П–15. Оп. 3. Д. 73. Л. 15.
7. ГАТО. Ф. П–49. Оп. 1. Д. 145. Л. 33–37.
8. Дадим больше оружия // Коммунар (Тула). 1945. 24 февраля. № 38 (8558). С. 1.
9. Котов А. Уголь в фонд победы // За уголь (Богородицк). 1945. 2 мая. № 18 (1393).
10. Шмелев А. Подарки бойцам в честь 27-й годовщины Красной Армии // Красное знамя (Лаптево). 1945. 24 февраля. № 8 (2099). С. 1.
11. ГАТО. Ф. Р–3354. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–11
12. ГАТО. Ф. П–177. Оп. 9. Д. 126. Л. 163–167
13. Лопатина Н. Наш вклад в дело победы // По ленинскому пути (Ефремов). 1945. 6 мая. № 19 (2299). С. 1.
14. ГАТО. Ф. Р–2230. Оп. 2. Д. 106. Л. 131. Из письма Б. Петровича.
15. ГАТО. Ф. П–13. Оп. 2. Д. 46. Л. 2.
16. Славься, отечество наше свободное // За уголь (Богородицк). 1945. 10 мая. № 20 (1395). С.2.
17. Белякова В. Душа поёт // Коммунар (Тула). 1945. 10 мая. № 91 (8611). С. 1.
18. ГАТО. Ф.П–177. Оп.11. Д. 24. Л. 16–20.

СУДЬБА ТУЛЬСКИХ ХРАМОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Служба не прекращалась

В самой Туле в годы Великой Отечественной войны действовали всего два храма – Святых Двенадцати Апостолов и кладбищенский Всехсвятский, который в течение двух десятков лет был обновленческим, а с начала 1944 года стал кафедральным собором Тульской епархии.

Несомненный интерес представляет следующая выписка из дневника Льва Александровича Федотова, мастера строительно-ремонтного цеха завода Н.К.П.С. (ныне «Тулажелдормаш»), которая показывает, что даже в самые тяжелые дни осады нашего города не прекращалось духовное окормление туляков:

«Пошел к обедне ко Всем Святым. Не успел я войти в ворота, как раздался близкий выстрел зенитки, другой, третий, все мое настроение вмиг пропало. Но вот я в церкви, в безопасности. Молящихся немало, больше женщины. Поставив свечку, я молился о многом и многих.

Но тут раздалась такие оглушительные выстрелы, что молитва отошла и опять страх за жизнь. При выстрелах посыпались стекла, а люстры и цепочки на люстрах и висячих подсвечниках долго звенели. Молящиеся в испуге разбежались по сторонам, но чей-то голос в толпе призывал их не бояться. Служба приближалась к концу, стало много исповедников... В церкви было много побитых стекол, холодно и дул сквозной ветер...

Да, думал ли я, что мне на 74-м году жизни 4 ноября 1941 года придется стоять обедню под близкие сильные выстрелы зенитных орудий. Сегодня праздник Казанской Иконы Божьей Матери, но для нашей семьи тяжелый день».

В самый сложный для города момент на колокольне был установлен пост наблюдения противовоздушной обороны. Немцы не раз бомбили колокольню, однако разрушить ее им так и не удалось. Но в память об этих напряженных днях осады Тулы осталась трещина в стене колокольни.

По данным доктора богословия, протоиерея Ростислава Лозинского, во время Великой Отечественной войны кладбищенская ограда Всехсвятского некрополя Тулы использовалась защитниками города. По улице Тимирязева проходил передний край обороны, и массивная стена надежно предохраняла их от пуль. В ней было сделано не менее шести огневых щелей для отражения атак. Во многих местах в кирпичной ограде и сейчас видны следы от разрывов снарядов.¹

Заложенный в 1903 году епископом Питиримом и построенный местным кондитером В.Е. Сериковым храм Двенадцати Святых Апостолов в советские времена не закрывался, а его настоятель протоиерей Михаил Понятский, служивший в нем в годы Великой Отечественной войны, один из немногих священнослужителей в 1944 году награжден медалью «За оборону Москвы».

Вот как описывал он в своем докладе в Московскую Патриархию мужество верующих, проявленное в дни обороны Тулы:

«Окраина города, где находится церковь Святых Двенадцати Апостолов, непрерывно подвергалась артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Снаряды ложились возле храма, их осколками испещрены все стены, выбиты кирпичи, пробита крыша и сбит крест с колокольни. Люди собирались в разбитом храме, где не оставалось ни одного стекла, пели молебны, панихиды и другие службы. 21 ноября, в день памяти св. архистратига Михаила, немцы подвергли ожесточенному обстрелу сам храм. Несколько снарядов разорвалось внутри храма. В храме был снег. Несмотря на такую обстановку, верующие под грохот канонады в разбитом, занесенном снегом храме при горящих кострах горячо молились».

30 марта 1942 года, в день преподобного Алексия, человека Божия, при переполненном прихожанами храме отец Михаил обратился к молящимся с такими словами:

«Немцы-фашисты среди вас вели пропаганду, что они идут «крестовым походом» освободить Русскую Церковь и религию от большевиков. Врут поганые изверги. Не Церковь шли они освободить... а нас полонить, нас сделать своими рабами, завладеть нашими богатствами. Они изуродовали наш храм, но службы мы не прерывали».

В завершение богослужения батюшка произнес здравицу о даровании победы русскому воинству и вечную память тем из них, кому судил Господь положить души свои на поле брани. Не прекращавшаяся даже в период осады служба в православных храмах Тулы вселяла веру в Победу не только прихожан, но и всех жителей города.

Никогда не закрывался и построенный в 1773 году кладбищенский Иоанно-Предтеченский храм в городе Веневе, где во время Великой Отечественной войны служил священник Николай Преображенский.

Всегда были открыты для прихожан Свято-Георгиевский храм города Калуги и Свято-Успенский храм поселка Истомино Тарусского района, которые до середины 1944 года относились к Тульской епархии.

Щит и меч

Но даже те храмы, которые были закрыты на замок в богоборческие времена, в самый горький час служили плотной защитой от неприятелей, когда, например, объявлялась воздушная тревога.

По свидетельству окрестных старожилов, подвальные помещения Богородичного Щегловского монастыря, Свято-Знаменского храма и Благовещенской церкви Тулы использовались под бомбоубежища.

Рис. 1. Благовещенская церковь в годы войны

Жители близлежащих домов прятались там во время бомбежек, и никто не сомневался, что намоленные церковные стены надежно защитят их от вражеских бомб. Так и случилось: ни храмы, ни люди тогда не пострадали.

Вот как описывает свои переживания в спасительном для нее храме в честь Владимирской иконы Божией Матери и святителя Николая, что за валом, тулячка А.Б. Князева-Карукина:

«И вот грянула война. Самое страшное началось осенью 1941 года. Наш район немцы обстреливали, над нашими головами свистели снаряды: говорили, что немцы целились в бронепоезд, который стоял за рекой. Жители нашего района спасались в церкви, так как считали, что стены ее не пробиваемы. Да и вообще, русский народ привык искать убежище в церкви. Каждая семья занимала место между стеллажами, папки с документами снимали с верхних полок, укладывали между стеллажами, (там тогда располагался Госархив Тульской области – прим. автора) сверху стелили одеяла, так прожили полтора месяца. Как и чем питались, не могу сейчас представить.

Вспоминается одна страшная ночь. Долго свистели снаряды, один попал в близстоящий дом, осколком были ранены старушка и мальчик лет 12, их принесли в церковь, мама их перевязала, ухаживала за ними. В это время учреждения и многие больницы не работали...

Больные потянулись к нам в церковь, где мама проводила им процедуры, а я ей помогала. Кончилась осада Тулы, все разошлись по домам. Мы увидели, что бедная церковь, наша спасительница, вся изрешечена осколками».

А построенный в год смерти А.С. Пушкина храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Никитино Заокского района использовался в годы Великой Отечественной войны под госпиталь. Об этом сообщил недавно настоятель Свято-Казанского храма в селе Савино того же района протоиерей Александр Тузков, который в настоящее время занимается его восстановлением.

По воспоминаниям местной жительницы, Отличника народного просвещения Т.П. Чистяковой, верхний храм Николо-Успенской церкви Венева монастыря использовали для сортировки и хранения зерна, а в нижнем стояла веялка. И вместе со школьниками во время войны они насы-

Рис. 2. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Никитино Заокского района

здесь еще псаломщиком в 1914 году, в двадцатые годы был диаконом, а с 1947 года в течение десяти лет – священником.

Как зернохранилище в годы войны использовались и Знаменская церковь в поселке Волово, и Свято-Сергиевский храм в селе Черкассy Каменского района, который вновь был открыт для богослужения в 1947 году.

Зерно хранилось и в Свято-Никольском храме в поселке Крапивна, который никогда не закрывался. Лишь тогда, когда на колокольне располагалась вражеская пулеметная точка, службы не велись. По словам нынешнего настоятеля Владимира Роста, весьма знаменательно, что наши части освободили Крапивну 19 декабря 1941 года – в день Николая Чудотворца, имя которого носит храм.

пали в церкви лучшее зерно в мешки, клали на подводы, красили фуксином транспарант «Все для фронта – все для победы!» и везли хлеб на вокзал.²

В 1943 году церковь снова открыли, начались службы, которые вели иерей Алексей Гастев и священник Сергей Божанов, на следующий год их сменили иерей Иоанн Злобин и священник Павел Иванов. Но особый след в душах прихожан оставил батюшка Павел Федотов, которого уважали и любили во всей округе. Он начинал

Рис. 3. Церковь Александра Свирского в селе Хомяково

Однако в годы Великой Отечественной войны храмы выступали в роли не только богоспасаемого убежища и надежного хранилища, но и карающего меча.

Так, на колокольне церкви Александра Свирского в селе Хомяково в 1941 году при наступлении немцев был устроен наблюдательный пункт.

По воспоминаниям Виктора Николаева, на колокольне храма святого великомученика Георгия Победоносца в селе Ломинцево Щекинского района в период боевых действий оборудовали пулемётную точку.

Наш пулеметчик находился и на колокольне старинного каменного храма Владимирской иконы Божией Матери в селе Сергиево Веневского района, построенного еще в 1743 году генерал-лейтенантом М.С. Хрущевым. Об этом говорят не только живые свидетели, но и немые факты.

В стене, отделяющей колокольню от храма, на шестиметровой высоте сохранилась полутораметровая пробоина от пущенного с противоположного берега реки Шат немецкого снаряда. Им был убит наповал красноармеец-пулеметчик, которого похоронили сначала справа от церкви, а затем перенесли его прах в братскую могилу в деревне Кукуй.

Закрытый ровно за два года до начала Великой Отечественной войны храм Нерукотворного образа Спасителя в Туле на несколько месяцев тоже стал огневой позицией.

Осенью 1941 года по Спасскому кладбищу проходила северная линия обороны города от немецко-фашистских войск. На колокольне храма установили пулемет, а в самом здании размещалась воинская часть, которая отнеслась к нему на удивление бережно.

Варварское отношение к святыням

В отличие от солдат сухопутных сил вермахта, у которых на бляхах ремней сияли слова: «Gott mit uns» – «С нами Бог». На самом деле немцы преднамеренно разрушали святыне храмы, обращали их в конюшни, тюрьмы, кладовые и даже уборные, оскверняли и грабили церковные святыни, глумились над духовенством, убивали верующих, грабили их имущество, сжигали дома. От непосредственных свидетелей чудовищных издевательств фашистов над православными святынями неслись поистине страшные вопли и стенания.

Вот что, например, передавал епископу Калужскому Питириму (Свиридову) со слезами на глазах и надорванным голосом, убитый сединами и сторбленный от горя игумен Мартирий Гришин из села Ровки Плавского района Тульской области:

«Прожил я на веку 68 лет, из них полсотни лет своей жизни отдал на служение святой Церкви. На веку своем видел всякие ужасы, но то, что я видел и пережил при немцах, поистине является неопишными мерзостью и запустением святыни.

Немецкая армия, прибывшая в наше село в октябре 1941 года, творила до своего изгнания советскими войсками неопишемые злодеяния и учинила омерзительное запустение в нашем храме. Немецкие безнравственные богоотступники, совершая поругание русской святой церкви, заходили в храм в шапках и с оружием в руках, действовали в святом алтаре во время богослужения без всякого человеческого сознания, дерзко хозяйничали на святом престоле, касаясь всей святыни.

Меня ужасало не то, что немцы ограбили меня дочиста и что они меня, старика, заставили раболепствовать перед ними и служить им, как раба, но мне было обидно за свой священный сан, который подвергся такому унижению со стороны фашистов, и тяжело было переживать осквернение нашего храма и его святынь. Во время службы они заходили в алтарь и своими погаными руками прикасались к престолу, святому евангелию, кресту. На ночь вводили в храм лошадей и тут же в храме испражнялись.

А когда стали отступать, то взламывали замки, грабили наш храм и пушечными выстрелами привели его в негодность. Горит мое сердце глубокой ненавистью к этому проклятому врагу христианства, и свои старческие силы я рад отдать на защиту родины».

И подобных свидетельств варварского отношения гитлеровцев к православным святыням великое множество. Практически в каждом районе нашей области они оставили свой неизгладимый след, а проще говоря, наследили.

В Свято-Никольском храме села Карачево Дубенского района одна из главных его святынь – икона Николая Чудотворца чуть не пострадала в годы Великой Отечественной войны: ее хотели похитить, но дьякон Андрей вернул образ в храм. Об этом сообщила корреспонденту ГТРК «Тула» Виктории Живейновой его внучка Анна Георгиевна.

А вот что рассказывал тогда протоиерей Михаил Понятский тому же епископу Калужскому Питириму (Свиридову):

«В момент оккупации немцами Тульской области немецкие армии подошли к самым окраинам нашего родного города Тулы и стали, не разбирая ничего, бомбить и обстреливать город, в том числе преднамеренно стреляли из орудий и минометов по нашему дорогому храму, церкви Двенадцати Апостолов.

Следы этих обстрелов видны и сейчас: все стекла и часть железных рам побиты. Одна бомба попала в стену подвального помещения центрального отопления, повредила центральные печи, изуродовала весь пол в храме, плиты все покороблены. Было сделано несколько выстрелов и по колокольне. Мы, верующие, сильно возмущены варварским разрушением и второго нашего храма — при поселке Рогожине, где немецкими снарядами снесены колокольня, купол и крыша».

Разрушениям несть числа

Спасо-Преображенский храм в Рогожинском поселке находился в то время на углу улиц Циолковского и переулка Котовского. Об уровне его тотального разрушения говорит отчет представителя «Госархстройконтроля» в июле 1945 года:

«...Своды и верхнее строение крыши с кровлей отсутствуют, кирпичные стены имеют вертикальные трещины, двухэтажная кирпичная колокольня значительно повреждена в верхнем ярусе, шпиль сильно накренился, перемычка одного из световых проемов особенно разрушена и грозит обвалом».

Рис. 4. Спасо-Преображенская церковь в поселке Рогожине Заокского района

Сильно пострадало во время осады города Тулы и здание Петропавловского храма на улице Ленина. Оставшаяся часть двух верхних ярусов колокольни во время бомбежки обвалилась в сторону ротонды, повредив часть белокаменного карниза, своды и стены западного фасада.

Серьезно была разрушена во время осады города оружейников и Свято-Казанская церковь в селе Маслово, что под Тулой. А в храме Святой Троицы в селе Медведки в дни оккупации немцы устроили в кинотеатр, где смотрели документальные и художественные фильмы. Недалеко от храма находилось здание старой деревянной церкви, но оно было окончательно разрушено при бомбежке в 1941 году, из-за попадания снаряда рухнула и колокольня.

В годы Великой Отечественной войны прямым попаданием бомбы полностью уничтожен центральный алтарь Свято-Никольского храма в Алексине.

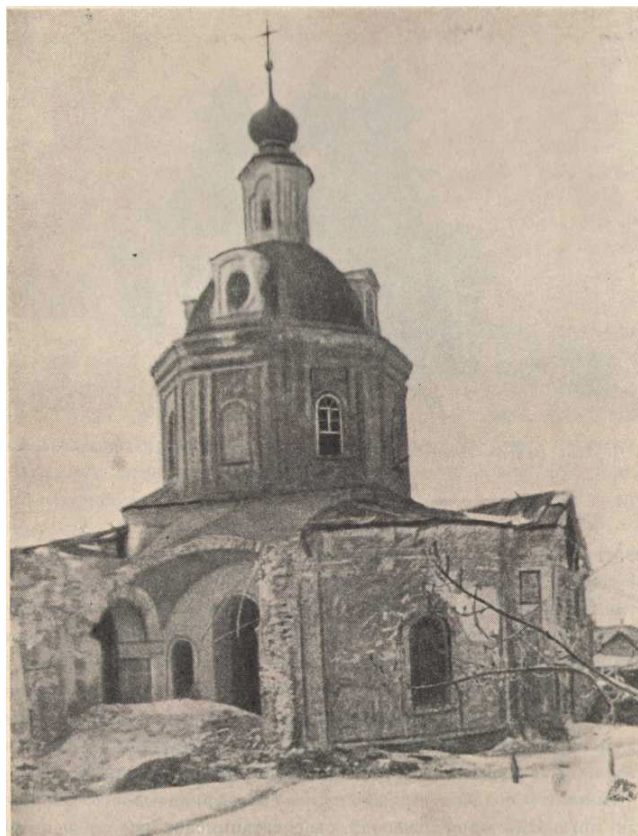

Рис. 5. Свято-Никольский храм в Алексине

В ноябре 1941 года при взятии фашистами города в купол Свято-Троицкого храма в Ефремове попал снаряд, который его повредил.

В тот же период довольно сильно пострадал Свято-Никольский собор в поселке Епифань, электростанцию взорвали, трапезная обрушилась.

Во время Великой Отечественной войны был разрушен и Свято-Никольский храм в Веневе. Местные жители рассказывали, что по Никольскому кресту стреляли. И действительно, на его фрагментах, как и на самой колокольне, остались следы от снарядов и пуль.

Пострадал в военный период и храм Иоанна Богослова в селе Богословском Ясногорского района. В крышу закрытой в 30-е годы церкви попал снаряд, и с тех пор она находится в заброшенном состоянии.

В течение двух недель оккупации немецкими войсками села Тулубьево Веневского района расположенный там храм Архистратига Михаила неоднократно был подвергнут обстрелу, а всего за 17 дней «нового порядка» оказался полностью разрушен храм Иверской иконы Божией Матери в селе Карачево Кимовского района.

Место для узников и... лошадей

Во время войны в Свято-Сергиевском храме города Плавска погибла большая часть икон XVII-XVIII веков, они были сожжены, хотя иконостас остался цел, но следы пуль остались на нем. Гитлеровцы превратили храм в лагерь для советских военнопленных, куда были заключены и мирные жители из соседних районов, поселков и сел.

Вот что, например, писала областная газета «Коммунар» 21 декабря 1941 года: «Около месяца томились они голодные, больные, полузамерзшие, раздетые вместе со своими умершими товарищами... Ежедневно от истощения, зверств и всякого рода издевательств умирали около 30 человек».

Милосердные плавчане, жители окрестных деревень ежедневно шли к храму с кусками хлеба, картошкой и свеклой во спасение невольников и себя. Нескольким военнопленным удалось даже бежать через случайно обнаруженный ими подземный ход. Но основная часть – 840 уцелевших узников из пяти тысяч содержащихся в Свято-Сергиевском храме были освобождены в день памяти святителя Николая Чудотворца войсками 10-й армии под командованием генерала Ф.И. Голикова.

В кандидатской диссертации игумена Герасима (Дьячкова), посвященной Белевскому Спасо-Преображенскому мужскому монастырю, по воспоминаниям старожилов, удалось установить, что не позднее апреля 1942 года во время одного из артиллерийских обстрелов немецкими войсками города Белева церковь Иоанна Предтечи и часть корпуса, примыкающего к ней, были разрушены. Средняя часть корпуса сохранилась и была приспособлена под жилье, а другая часть корпуса, располагавшаяся ближе к Введенской церкви, полностью выгорела, остались только стены.

В зоне активных боевых действий в конце 1941 года оказалась и Жабынь.

Массированным огнем немецкой артиллерии был разрушен главный Введенский собор Макариево-Жабынской пустыни, на крыше которого находился корректировщик огня и бомбардировок по группировке противника под Белевом.

Собор лишился глав, купол обрушился, в стене зияли две огромные пробоины, как след от прямого попадания снарядов, не говоря уже о многочисленных осколках которыми испещрены его стены.

В сводке Совинформбюро от 1 января 1942 года отмечено, какие трагические события связаны с этим храмом: «...Красноармейцев в этом лагере было немного. Фашисты загнали сюда главным образом жителей города и соседних районов. Пища заключенных на день состояла из двух картофелин. Воды в лагере не было. Заключенным предлагалось утолять жажду снегом. Больных и обессиленных, неспособных выполнять тяжелую работу, фашисты расстреливали...»

В период оккупации поселка Чернь военнопленные содержались и в стенах построенного в середине XIX века храма Покрова Пресвятой Богородицы. И только в 1947 году на праздник Святой Пасхи в этой церкви были возобновлены богослужения.

Во время Великой Отечественной войны в храме Воскресения Словоущего в Веневе также находились советские военнопленные, о чем свидетельствует табличка на фасаде, укрепленная его настоятелем протоиереем Павлом Кузнецовым.

В оккупированный 1941 год, когда в селе Руднево находились немецкие войска, Свято-Никольская церковь испытала очередное надругательство и осквернение. На её территории гитлеровцами совершалась казнь наших воинов.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Волчья Дубрава Тепло-Огаревского района работал до 1940 года, перед войной его отдали под клуб, а в период оккупации немцы сделали в нем конюшню. В дальнейшем местные жители остатки церкви и колокольню разобрали на кирпичи под свинарник, который вскоре сгорел.

Свято-Успенский храм села Нарышкино Тепло-Огаревского района закрыли в приснопамятном тридцать седьмом, сняв крест, колокола и иконы, которые сжигали в печи клуба, дабы проводить вечера в теплой атмосфере. Тогда же арестовали и вскоре расстреляли священника Иоанна Быковского, которому было около 60 лет.

В ноябре 1941 года это село было захвачено оккупантами, а колокольню немцы использовали как наблюдательный пункт, ибо с нее можно увидеть все прилегающие окрестности. В самом же храме находились их лошади, туда же они свозили наших раненых бойцов, попавших в плен.

В период Великой Отечественной войны церковь не функционировала, а лишь служила в качестве зернохранилища. И только в начале осени 1947 года храм вновь был открыт для прихожан.

Около сорока лет верой и правдой служил здесь уроженец города Почаева Тернопольской области, участник Великой Отечественной войны Михаил Тихонович Козачинский. Отец Михаил не только сумел полностью восстановить церковь, но и оставил добрый след в душах своих прихожан.

Остались в памяти народной

Никогда не был закрыт храм Архистратига Михаила в селе Татарском Заокского района, где во время войны служил священник Алексей Егорович Федоров, которого очень любили прихожане, но в 1947 года убили бандиты. К сожалению, ныне от этой церкви не осталось, как говорится, камня на камне, в чем воочию довелось убедиться минувшей осенью.

Но всего семь действующих храмов на 1 января 1944 года были, конечно, каплей в море по сравнению с 467 недействующими православными церквями, расположенными тогда на территории Тульской области.³

Освященный ровно двести лет назад тульским епископом Амвросием (Протасовым) соборный храм в честь Успения Божией Матери в Алексине в период революционной смуты был закрыт и подвергнут разрушению. В годовщину октябрьского переворота в нем открылся музей произведений искусств, куда свозили имущество разоренных дворянских усадеб, а затем здесь располагались валяльный и деревообрабатывающий цеха, где на месте алтаря была оборудована котельная.

В 1932 году взорвали колокольню, разрушили иконостасы. 13 лет помещение храма использовалось под зерносклад. Его вернули верующим только осенью 1945 года, когда отгремела первая, всепоглощающая радость Победы, но осталась неизбывная боль невосполнимых утрат. Говорят, памятью душа утешится, а поскольку в народе чувствовалась огромная потребность в утешении, безбожное руководство вынуждено было пойти на некоторые уступки верующим.

Непростая история сложилась и у храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Рудаково под Тулой. 29 октября 1941 года немецкие войска оккупировали эту территорию, а через полтора месяца под натиском Красной Армии вынуждены были отступить в сторону города Щекино.

По воспоминаниям А. А. Бушуевой, церковь служила складом для посевного зерна. А в 1943 году, когда вокруг стали открываться скуратовские шахты, храм переделали под рабочую столовую. Стены покрасили, а внутри выложили плиту, на которой готовили. Иногда здесь показывали кино, а когда на шахте построили новую столовую, церковь использовалась как совхозный склад. В настоящее время уцелела только заметно наклонившаяся колокольня да часть стен четверика без сводов.

Печальная участь постигла еще за три года до войны и храм Смоленской иконы Божией Матери в БуныревоАлексинского района. После его закрытия в 1938 году все иконы пошли на создание ульев на колхозной пасеке, а сам храм разобран на кирпичи.

По словам краеведа Александра Ермакова, храм Преображения Господня в селе Пятницком Алексинского района работал вплоть до 1937 года. А потом борцы с религией и сюда добрались: сняли колокол, батюшку сослали в Сибирь, церковь разграбили, разобрали на кирпичи и построили из них клуб.

В том же 1937 году местные власти закрыли Свято-Троицкий храм в Узловой, а в 1941 взорвали колокольню и трапезную, так как они могли быть ориентирами для воздушных налетов немцев на железнодорожную станцию.

Свято-Введенский храм Лихвина (ныне Чекалин) в 1935 году отреставрировали, а через два года закрыли. Богослужение там возобновилось в 1941 году, но после освобождения города от немцев церковь снова решили закрыть. Срезали колокольню, чтобы переоборудовать под водонапорную башню. Затем здесь последовательно располагались электрическая подстанция, пилорама и столярный цех.

В селе Большое Хорошово Ясногорского района в годы войны на втором этаже здания церкви Иоанна Дамаскина продолжались занятия в начальной школе, а на первом хранилось зерно, и вечерами работала вейлка.

Старожилы села Тросна Щекинского района вспоминают, что в 1941 году немцы пытались взорвать храм великомученицы Параскевы Пятницы, даже подложили динамит, но у них ничего не вышло. Правда, верхняя часть здания основательно пострадала от снарядов и бомб.

Самый южный Чернский район Тульской области в период Великой Отечественной войны до конца июля 1943 года оставался прифронтовым. По его территории проходила линия сопротивления Брянского и Западного фронтов.

Здесь были основательно разрушены храмы Архистратига Михаила в селе Красивка, святителя Николая Чудотворца в селе Репно-Никольское, Преображения Господня в селе Черноусово и сожжен храм святого великомученика Никиты в селе Бортном.

Вера жила!

Даже относительно благополучный в этом отношении Заокский район, единственный из сорока районов области который не был оккупирован, и тот понес определенные потери во время войны. Дело в том, что линия фронта проходила тогда по реке Оке: на правом берегу находились наши войска, а на противоположном – немецкие.

Поэтому расположенное на высоком живописном берегу село Велегож не раз простреливалось, снаряды попадали в храм Рождества Богородицы, но разрушения, к счастью, не были столь существенными.

Не случайно уже с конца 1943 года он стал действующим, хотя открылся самовольно, без разрешения уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Тульской области А.Ф. Гришина, о чем тот не преминул сообщить в своем информационном отчете за 1 квартал 1946 года.⁴

Нелегкая судьба сложилась и у построенного в 1906 году по проекту художника В. Д. Поленова Свято-Троицкого храма, расположенного неподалеку, в селе Бехово, на холмистом месте крутого берега реки Оки. В богоборческие времена церковь закрыли, колокола сняли и разбили.

Однако особенно сильно она пострадала во время Великой Отечественной войны, оказавшись в руинах от интенсивного обстрела немецких снарядов и мин с противоположного берега реки. Их осколки буквально изрешетили не только кровлю, но и церковную паперть.

На Рождество Христово, 7 января 1945 года, вновь открыт для богослужений Свято-Никольский храм в селе Ровки Щекинского района.

21 апреля 1945 года был возвращен Тульской епархии Свято-Казанский храм в селе Дубики Ефремовского района, 3 мая 1945 года освящен храм во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи в поселке Епифань, где около полувека служил протоиерей Михаил Чудаков.

В пасхальную ночь 5 мая победоносного года передан верующим храм Рождества Богородицы в городе Белеве, а накануне долгожданного Дня Победы 8 мая открыт для богослужественной деятельности после шестилетнего перерыва занятый вначале воинской частью, а затем для хранения фуража конторой «Заготзерно» Свято-Успенский храм в городе Богородицке с настоятелем протоиереем Федором Чемагиным, прослужившим здесь до 1957 года.

Отзвуки войны доносятся до нас и сейчас, спустя семь десятков лет. В декабре прошлого года специалисты тульского МЧС извлекли и обезвредили застрявший на высоте сорока метров в стене колокольни церкви Казанской иконы Божией Матери в селе Липово Щекинского района снаряд времен Великой Отечественной войны калибра 122 мм, находившийся на боевом взводе. Его случайно обнаружили строители, которые занимались реставрацией колокольни. По словам местных жителей, на колокольне находилась огневая точка немцев, которую все же удалось уничтожить нашим солдатам.

Подводя итог, можно утверждать: церкви были порушены, но вера жила! Эта была вера в Победу, вера в Божию помощь, которая не оставляла людей даже в самые тяжелые дни оккупации и осады.

Опубликовано: Аргументы и факты. – 2015. – 6-12 мая (№19). – С. 15 (регион. прилож. «Аргументы и факты в Туле»).

-
1. Лозинский Ростислав. «Всехсвятский некрополь Тулы». Тульские епархиальные ведомости. 1998. №3 (25). С. 75.
 2. Коновалова Е.В. Венев монастырь. В отдаленной древности среди мрачных лесов. Тула, 2012. С. 59.
 3. ГАТО. Ф. Р-3354. Оп. 1. Д. 1. Л. 21-22.
 4. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 42. Л. 81.

В. И. Боть

ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ПУТЬ К ПОБЕДЕ (1941–1945 гг.)

В период Великой Отечественной войны, кроме находившихся тогда в нашей стране частей армии, авиации и флота, внутренних и пограничных войск, создавались новые части, соединения и объединения. Некоторые из них формировались в Тульской области.

В 1941 году в Туле были сформированы 732-й зенитный артиллерийский полк и 171-й истребительный авиационный полк, которые вошли в состав Тульского бригадного района ПВО. Эти части отличились при обороне Тулы осенью и зимой 1941 года.

23 октября 1941 года постановлением Тульского городского комитета обороны началось формирование Тульского рабочего полка, 26 октября полк был сформирован, а 27 октября ополченцы уже заняли оборонительный рубеж, защищали родной город. Позже полк стал регулярной частью Красной Армии, получил номер 766 и в составе 217-й стрелковой дивизии прошел боевой путь от Тулы до Кенигсберга.

В марте 1942 года в Туле была сформирована 125-я истребительная авиационная дивизия ПВО (командир Герой Советского Союза генерал-майор авиации Н. С. Торопчин) в составе 171, 497 и 787 полков.

В 1942 году (май – июль) на территории Тульской области была сформирована 1-я резервная армия в составе 18-й, 29-й, 112-й, 131-й, 214-й и 229-й стрелковых дивизий, 55-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад, артиллерийских и других частей. Это объединение стало 64-й армией, и генерал-лейтенант В. И. Чуйков повел ее под Сталинград, вскоре ему поручили командовать 62-й армией, а 64-й стал командовать генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Эти армии стойко обороняли Сталинград, а 64-я пленила генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, была преобразована в 7-ю гвардейскую армию, прошла большой боевой путь в составе Сталинградского, Юго-Восточного, Донского, Воронежского, Степного и 2-го Украинского фронтов, участвовала в Курской битве, освобождала Правобережную Украину, принимала участие в Яско-Кишиневской, Дебреценской, Будапештской, Братиславско-Брновской и Пражской операциях.

В 1942 году (май – июль) в Тульской области формировалась 3-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант П. Л. Романенко). В состав этой армии вошли 12-й и 15-й танковые корпуса, 159-я отдельная танковая бригада, 154-я и 264-я стрелковые дивизии, артиллерийские, минометные и другие части. В середине июня 1942 года 3-я танковая армия сосредоточилась в лесах южнее Тулы, а затем участвовала в боях в районе Козельска, в командование вступил генерал-майор П. С. Рыбалко. Затем армия была выведена в резерв Ставки, позже в составе Воронежского фронта вела бои в районе Кантемировка, участвовала в сражениях за Харьков, Полтаву, понесла потери и была переформирована в 57-ю армию.

В 1942 году (май – июнь) в районе Ефремова Тульской области формировалась 5-я танковая армия (командующий генерал-майор А. И. Лизюков), но формирование не было закончено, части и соединения были направлены на оборону Воронежа, позже расформирована.

В 1942 году (январь – июнь) в южных районах Тульской области был сформирован 8-й кавалерийский корпус в составе 21-й, 55-й и 112 кавалерийских дивизий, артиллерийских и минометных частей, ставший позже 7-м гвардейским кавалерийским корпусом и завершивший свой боевой путь на Эльбе.

В 1943 году (май – июль) в Тульской области была сформирована 3-я гвардейская танковая армия (командарм генерал-лейтенант П. С. Рыбалко) в составе 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, 91-й отдельной танковой бригады и других частей. До 14 июля 1943 года армия находи-

лась в резерве Ставки ВГК южнее Плавска в Кобылинских лесах и готовилась к предстоящим боям. Затем вошла в состав Брянского фронта, пополнена 2-м механизированным корпусом, сформированным в районе Калуги, и 9-м механизированным корпусом, сформированным в районе Ясной Поляны, участвовала в наступательных боях в Курской битве, битве за Днепр, в освобождении Киева, Львова, Украины и Польши, в штурме Берлина и освобождении Праги. Эта армия завершила войну в составе 1-го Украинского фронта, участвуя в разгроме немецко-фашистских войск в районе Берлина, внесла весомый вклад в достижение Победы.

В районе Тулы находился на переформировании французский истребительный авиационный полк «Нормандия» (ноябрь 1943 года – май 1944 года), позже получивший наименование «Нормандия-Неман».

В 1944 году в г. Ефремове Тульской области формировалась 2-я чехословацкая парашютно-десантная бригада (январь – апрель), переброшенная затем в Карпаты на помощь Словацкому восстанию. В мае 1944 года под Тулой была сформирована югославская танковая бригада, участвовавшая в боях по освобождению столицы Югославии Белграда.

Таким образом, на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны формировались полки, бригады, дивизии, корпуса и армии, которые прошли славный боевой путь и вместе с другими войсками участвовали в достижении Победы.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.-обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 342–344.

ПЕРВАЯ УСАДЬБА ДЕМИДОВЫХ В ТУЛЕ

Данная статья посвящена первой усадьбе Демидовых, которая располагалась в Туле и была построена старшим сыном Никиты Демидова – Акинфием Никитичем Демидовых в 30-е годы XVIII века.

Усадьба (от «садить», «сажать») – комплекс жилых построек, хозяйственных, парковых и иных строений. Подавляющее большинство понятий, связанных со словом усадьба, имеют оттенок постоянности, неподвижности. Поэтому к владениям Демидовых в Туле можно смело применить понятие усадьба. Они прочно здесь обосновались, положили начало производству, а некоторые представители рода здесь похоронены.

Несмотря на наличие большого количества литературы по демидовской теме, история их первой усадьбы не являлась предметом специального исследования. Большая часть трудов о хозяйстве Демидовых не затрагивают тему тульской усадьбы известных заводчиков.

К сожалению, дом Демидовых в Оружейной слободе не сохранился до нашего времени, но отдельные помещения, относящиеся с большой вероятностью к остаткам демидовской усадьбы, уцелели. Подробный осмотр данной территории позволил сделать некоторые выводы о первой усадьбе Демидовых:

- расположение владений было закономерным и находилось во владении Демидовых на правом берегу реки Упы, где когда-то родился Никита Демидов и жил изначально в деревянной избе;
- участок, принадлежавший Демидовым, постоянно расширялся, что позволило им построить трехэтажный дом и разбить ботанический сад;
- сохранившиеся постройки (флигели) в XIX веке переделаны и изменены;

Многие связывают промышленную и иную деятельность Демидовых исключительно с Уралом, забывая, что истоки рода находятся в Туле и Тульском крае, и что здесь они также оставили значительный след, оказав определенное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Тульской земли.

Чтобы установить, где находилось родовое гнездо Демидовых, необходимо провести анализ начального их становления, как крупных металлопромышленников.

В Туле центром металлопромышленности была Кузнецкая (Оружейная) слобода, основание которой связывают с именем царя Федора Ивановича, который в 1595 году повелел создать казенную слободу кузнецов. Здесь в 1656 году в семье кузнеца-молотобойца Демида Клементьевича Антюфеева родился сын Никита – будущий кузнец-оружейник и заводчик. Именно на этой территории в Заречье на правом берегу реки Упы Демидовы начинали как простые кузнецы, закладывали и развивали свое производство. По преданию, здесь же, в Заречье, в Кузнецкой слободе произошла встреча Никиты с Петром I. Доказать подлинность этой истории сложно, но по словам Юркина И.Н., известного исследователя династии Демидовых, «сам факт их встречи и знакомства подвергать сомнению не приходится».¹

После указанных событий началась вторая половина жизненного пути Никиты Демидова – удивительная, почти беспрецедентная по высоте взлета, по масштабу задуманного и совершенного. Свой первый вододействующий металлургический завод Никита поставил в 1694-1695 годах на реке Тулице, неподалеку от ее впадения в реку Упу - в настоящее время это место находится в черте города Тулы.

Завод сыграл значительную роль в предпринимательской биографии металлургов Демидовых, так как явился первой попыткой, началом их металлургической деятельности. Большое значение этот завод имел для Тульского края, на котором оттачивалось мастерство тульских металлургов, и вместе с этим рос авторитет Тулы как крупного промышленного центра страны.

Где же проживал в Туле Никита Демидов? Наиболее раннее упоминание демидовского двора относится ко времени строительства его хозяином тульского завода. Двор находился в приходе Николо-Зарецкой церкви по дороге в Гончарную слободу.

Главной опорой и поддержкой отца был его старший сын Акинфий. Именно с ним связано строительство тульской городской усадьбы Демидовых. Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) родился в Туле, здесь прошли его детство и юность. Женат он был дважды, оба раза на представительницах тульских посадских родов: первый раз на дочери Тараса Коробкова Евдокии, второй – на дочери Ивана Пальцова Евфимии. Имел трех сыновей: Прокофия, Григория и Никиту. Став главным сподвижником отца, Акинфий уехал из Тулы и долгое время жил на Урале, где вместе с отцом руководил Невьянскими заводами. После смерти Никиты Демидова в 1725 году все его владения в Казенной слободе по закону 1714 года «о единонаследии» перешли к старшему сыну Акинфию. Он стал единственным наследником отцовской недвижимости, в список которой входила и жилая изба, и хозяйственные постройки, и даже мясные лавки.

Став вельможей и придворным императрицы Елизаветы Петровны, он уже не мог позволить себе жить в отцовской избе. В 1730 годах Акинфий развернул здесь активную строительную деятельность, следы которой сохранились до наших дней.

Основным районом демидовского строительства было старое оружейное Заречье. В первую очередь, радикальной перестройке подверглась отцовская городская усадьба в приходе Николо-Зарецкой церкви. К сожалению, документов того времени или зарисовок демидовского дома не выявлено. Описание каменного дворца мы находим у историка-краеведа XIX века Ивана Федоровича Афремова. Дом был трехэтажный, каменный, высотой 15 метров и 64 метра в длину. Стены украшали картины итальянских мастеров. В комнатах висели зеркала, и стояла немецкая мебель. Упоминаются редкие растения, которые украшали окна и лестницы, а также заморские птицы в золотых клетках.²

Это описание представляет нам сказочный дворец, обставленный с небывалой роскошью, редкой и даже исключительной для провинциального города того времени. Под домом, как пишет Афремов, находились помещения для хранения железа и меди, которые привозили в Тулу с заводов.

В 1744 году 4–5 августа в гостях у Акинфия проездом через Тулу (в Киев на богомолье) остановилась императрица Елизавета Петровна и сопровождавшие ее наследник престола Петр Федорович и его невеста Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II). История о посещении тульской усадьбы Демидовых Екатериной II имела продолжение, об этом мы упомянем позже.

В своем тульском доме Акинфий бывал наездами, много времени проводил на уральских заводах, а в Туле жил его старший сын Прокофий, любитель цветов и растений. На участке у демидовского дома на берегу реки Упы он разбил небольшой ботанический сад. Это были его первые шаги на пути создания знаменитого Нескучного сада в Москве. У Акинфия уже было два сына, Прокофий и Григорий, когда родился третий сын – Никита. Он родился на берегу реки Чусовой, и по сей день на месте его рождения можно увидеть крест, который Никита Акинфиевич повелел установить в 1778 году.

Безусловно, Акинфий Демидов вряд ли представлял, какой огромной удачей для судьбы демидовского наследия было рождение этого мальчика, названного в честь деда Никитой. В отличие от старших братьев, младший не помнил основателя династии, но именно он приумножил заводское достояние, перешедшее к нему после деда и отца.

Вероятно, молодые годы жизни Никиты Акинфиевича проходили в Туле. Известно короткое письмо Никиты, написанное им в возрасте десяти лет приказчику Нижнетагильского завода, в котором он распоряжается о присылке ему в Тулу магнитного камня, выточенного и откованного с хорошим мастерством. Задание было выполнено. В детской комнате дома в Тульской оружейной слободе среди игрушек появился еще и магнит.³

Именно Никите Акинфиевичу перешла впоследствии тульская усадьба, и, как много лет назад его отец принимал у себя в Туле императрицу Елизавету Петровну, так и ему суждено было встречать и размещать в своем доме в конце 1775 года Екатерину II.

О том, что демидовский дом и в самом деле выделялся среди прочих городских усадеб, свидетельствует тот факт, что в 1777 году, во время открытия Тульского наместничества, Демидов предоставил свой дом для проживания наместнику М.Н. Кречетникову. А.Т. Болотов, который был лично знаком с Никитой Акинфиевичем Демидовым, в своих записках вспоминал о демидовском доме, как о самом большом и просторном в Туле, с огромным залом, который мог вместить всех приглашенных гостей. Путешественник Ф.Г. Дильтей также упоминает демидовскую усадьбу и тоже в контексте празднования образования Тульского наместничества. Он сообщает, что 26 декабря 1777 года по завершению всех выборов от дворянства в уездные и земские суды в доме Демидова состоялся бал-маскарад с фейерверком, на который пришло 900 человек.⁵

В 1779 году дом Демидовых сильно пострадал во время большого пожара, и Никита Акинфиевич продал строения, по одним данным, А.И. Баташеву, по другим – дворянам Тульской губернии, позднее же в 1798 году, продан вновь – на этот раз в казну на слом.

Известно, что часть усадьбы была приобретена казной, и в конце XVIII – начале XIX веков здание (ул. Сакко и Ванцетти, дом 1, литера А) принадлежало Казенной палате, а в середине XIX века его занимал председатель Казенной палаты. Остатки демидовской усадьбы сохранились до наших дней. В настоящее время в одном из зданий находится служба судебно-медицинской экспертизы. Соседнее строение (ул. Сакко и Ванцетти, дом 1, литера Б), вероятно, тоже относится к постройкам демидовской усадьбы, сейчас в нем находится морг.⁶

Несомненно, что здания претерпели значительные перестройки, и в них трудно узнать роскошный демидовский дворец, скорее всего, это два флигеля демидовской усадьбы. В ходе проведенных исследований данных строений было выявлено, что внутренние помещения сильно перестроены, но сохранились низкие сводчатые потолки, широкие оконные проемы, ажурные оконные решетки.⁷ Под одной из комнат располагается идентичная комната, тоже сводчатая, ныне засыпанная землей. Во двор выходит северный фасад здания кирпичной кладки, на котором виден сохранившийся фриз.

Эти два здания являются ценными объектами эпохи Демидовых. Составной частью усадьбы была фамильная усыпальница Демидовых в Николо-Зарецкой церкви, построенной на средства старшего сына Никиты – Акинфия Никитича. Все эти объекты располагаются в непосредственной близости друг от друга на берегу реки Упы.

Если говорить о последующих поколениях Демидовых, богатство которых только преумножалось, они также не скупились на свое жилье. Есть несколько городских усадеб в Москве – дома Прокофия Демидова в Толмачевском переулке и на Ленинском проспекте, также известны «Золотые комнаты» И.И. Демидова в доме в Гороховском переулке в Басманной слободе. В Санкт-Петербурге сохранились дом Григория Акинфиевича Демидова и великолепный особняк Павла Николаевича Демидова.

Некоторые представители знаменитого рода переехали на постоянное место жительства в Италию. Николай Никитич Демидов между 1825 и 1827 годами приобрел к северу от Флоренции за огромную сумму у монахов Санта-Крочи земли для грандиозного строительства виллы Сан-Донатто. Оформление проекта виллы было поручено молодому сиенскому архитектору Джованни Батиста Сильвестри. Первый камень заложили 27 июня 1827 года. Сооружались залы, украшенные мозаиками и уральским золотом, монументальные лестницы, вестибюли. После смерти Николая Никитича в 1828 году, виллу Сан-Донатто младший сын Анатолий превратил в настоящий дворец. Современники восхваляли ее, как не имеющую себе равных во всей Европе, говорили о «верхе элегантности и хорошего вкуса», сравнивали с замком и «вторым королевским дворцом во Флоренции», сюда «съезжалась, в свое время, вся великосветская Италия».⁸

Здесь Анатолий Николаевич собрал огромную коллекцию картин, скульптуры, мебели, фарфора, бронзы. Эта была одна из самых огромных и роскошных частных коллекций во всей Европе. Во время II Мировой войны вилла Сан-Донатто была разорена квартировавшими в ней немцами. После войны вилла отошла к флорентийской администрации, и вскоре рядом с ней вырос новый городской квартал. Сохранились обветшавшие здания усадьбы, Одеона и домашней церкви. Напоминанием о Демидовых служат названия главных улиц нового квартала: виа Сан-Донатто и виа дела Вилла Демидофф.

В 1880 г. Павел Павлович Демидов продал на аукционе виллу Сан-Донато вместе со всем антиквариатом. Ранее в 1872 году им было приобретено у наследников бельгийского короля Леопольда II еще одно поместье в 18 км от Флоренции – Пратолино. Его площадь 150 гектаров, а создавалось это огромное владение в XVI веке для герцога Флоренции Франческо I Медичи и считалось одним из чудес света. Вилла была построена по проекту друга и учителя Медичи – известного архитектора и скульптора Бернардо Буонталенти в период с 1569 по 1584 год. В ее создании принимали участие лучшие скульпторы XVI века. Великолепный парк украшали многочисленные фонтаны, скульптуры, гроты. Но со временем дворец пришел в запустение и был разобран в 1824 году.

Приобретя Пратолино, Павел Павлович Демидов начинает воссоздание его бывшего великолепия. Реставрируются Пажеский корпус и конюшни, прокладываются аллеи в парке, восстанавливаются водоемы и скульптуры, самая эффектная из которых – «Аллегория Апеннин» работы мастера Джамболонья (1580 год). Пратолино превращается в парадную княжескую резиденцию. Позже на этой вилле жила дочь Павла Демидова княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева, последняя из итальянской ветви рода Демидовых. Она прожила на вилле полвека. Княгиня заботилась о поддержании виллы: привела в порядок парк, восстановила старинную лестницу у южного фасада. Во время Второй мировой войны территорию виллы заняли нацисты. Они поселились в здании, вилла неоднократно подвергалась бомбежке, парк служил местом погребения погибших. В 1955 году княгиня скончалась, похоронена она была на своей вилле. Согласно завещанию, имение отошло к племяннику, сыну ее сестры Авроры, князю Павлу Карагеоргиевичу, а затем было продано им, вместе со значительной частью демидовской коллекции, в 1969 году на аукционе «Сотбис». В настоящее время вилла является государственной собственностью – принадлежит провинции Флоренция. В бывшей усадьбе устроен общественный парк-музей с концертно-выставочной деятельностью.

Таким образом, многочисленные строения, принадлежавшие Демидовым, представляют архитектурный комплекс, достойный глубокого изучения. В контексте такого исследования усадьба в Кузнецкой слободе, как их первое известное жилище, должна занять место условной стартовой точки отсчета истории этого знаменитого российского рода металлостроителей.

Опубликовано: Знаменитые Тульские усадьбы и их владельцы. – М., 2015. – С. 9–19.

1. Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2012. С. 32
2. Афремов И.Ф. История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии). Тула, 2002. С. 236
3. Юркин И.Н. Демидовы... С. 327
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков, 1738-1793. Т. I-IV. СПб., 1870-1873. Т. III. С. 544, 557
5. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей для сочинения новой географии Российской Империи трудами Филиппа Генриха Дильтея обеих прав доктора и профессора [Электронный ресурс] Ч. I. О Тульском наместничестве. СПб., 1781. URL: <http://www.veneva.ru/lib/1777-Diltey.htm>
6. Юркин И.Н. Индустриальное наследие Тульского края. Тула, 1994. С. 13.
7. Идентичные ажурные решетки можно увидеть еще в одном доме XVIII века, имеющем отношение к роду Демидовых, – это дом Красильниковых (ул. Демидовская дом 11). Этот дом принадлежал Петру Красильникову, сыну Лукьяна Красильникова, служившего у Акинфия Демидова приказчиком и женатого на его родной сестре Анастасии Демидовой.
8. I Demidoff a Firenze in Toscana. Firenze: Leo S. Olschki, 1996.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ЮГУ РОССИИ, ОРГАНИЗОВАННАЯ А. Н. ДЕМИДОВЫМ В 1837 г.

(по материалам выставки «Анатолий Демидов.

Путешествие по Крыму»)

Двадцать шестого февраля 2015 года в Историко-мемориальном музее Демидовых открылась выставка «Анатолий Демидов. Путешествие по Крыму», на которой были представлены репродукции гравюр французского художника О. Раффе.

Анатолий Николаевич Демидов (1813–1870) – одна из самых неоднозначных фигур в династии знаменитых промышленников. Родился в семье потомственного заводчика Николая Никитича Демидова и баронессы Елизаветы Александровны Строгановой. Современники о нем много писали и говорили, в основном в контексте его женитьбы на Матильде Бонапарт, представляли его как легкомысленного, скандального богача. Между тем, Анатолий Николаевич был членом четырех академий – Петербургской, Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. Учился в Париже, состоял на службе при русских посольствах в Европе.¹

Продолжая семейные традиции, Анатолий Николаевич был крупным коллекционером, покровителем изящных искусств и наук. Известно, что именно А.Н. Демидов заказал художнику Карлу Брюллову картину «Последний день Помпеи». Помогал он и науке, возродил Демидовскую научную премию, основанную его братом Павлом.

В 1840 году Анатолий получил от тосканского герцога Леопольда II титул князя Сан-Донато и через год женился на Матильде де Монфор, дочери Жерома Бонапарта, короля Вестфальского (брата Наполеона I). На этом связь Анатолия Демидова с первым французским императором не закончилась. Он войдет в историю как основатель музея Наполеона на острове Эльба.

Большая часть жизни А.Н. Демидова прошла в Европе. В России он бывал редко и даже не знал русского языка. Интересно отметить, что именно ему пришла мысль организовать экспедицию на юг России с целью описания увиденного. Он и сам не мог объяснить столь странный для него поступок: «Давно уже занимала меня мысль о путешествии в южные провинции России. Какая-то неодолимая потребность влекла меня к изучению стран, столь долго невозданных и варварских, а ныне покорных и образованных...».²

В то время недостаточность изучения Крыма была очевидна всем, включая первых лиц государства. Это касалось не только флоры и фауны, но и, самое главное, полезных ископаемых. Получив высочайшее разрешение от императора Николая I, А.Н. Демидов начинает собирать экспедицию – утверждает состав участников и маршрут путешествия.

В Россию из Парижа во главе со знаменитым профессором горной парижской школы Ф. Ле-Пле отправились 22 человека – французские топографы, химики, палеонтологи, медики. На протяжении нескольких месяцев они передвигались по Крыму и Новороссии. Первый отряд двигался в устье Дона из Петербурга, второй через Германию, третий во главе с Анатолием Демидовым через Вену и Бухарест. Особую роль

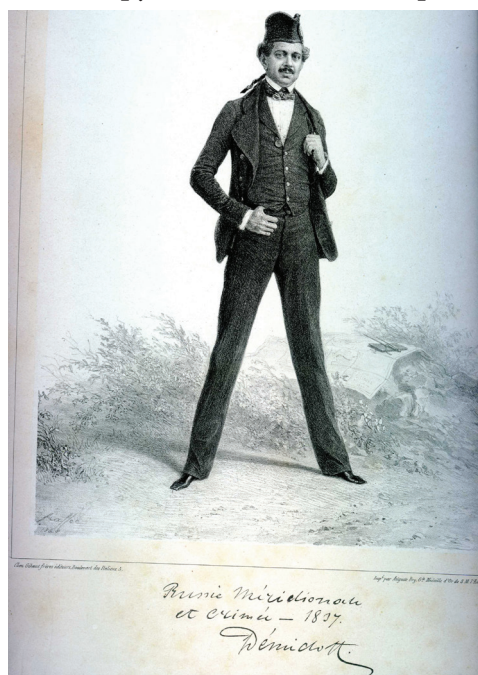

Рис.1. Огюст Раффе. Глава экспедиции в Крым Анатолий Демидов

Рис. 2. Подпись на фото: Огюст Раффе.
Мечеть в ханском дворе. Бахчисарай (Крым)

ряд изданий, в подготовке и распространении которых принимал личное участие. Материалы экспедиции были впервые опубликованы в Париже в виде четырехтомника «Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavi, exécuté en 1837 par M. Anatol de Démidoff». К изданию прилагалось два крупноформатных тома атласов с гравюрами Раффе. Первый том атласа вышел в 1842 году – 95 цветных изображений животных, птиц, минералов и четыре цветные карты. Второй том вышел в 1848 году – 100 черно-белых листов – 88 с видами местностей, которые проезжали путешественники с бытовыми сценами, 12 листов с портретами участников экспедиции.⁴

Рис. 3. Огюст Раффе. Семья татар на прогулке

VERBA» (Дела, не слова). Каждая глава оформлена виньеткой, представляющей собой жанровую сцену этнографического характера. Иллюстрации имеют неправильные формы и относятся к числу «открытых изображений» т. е. без четкой рамки, развернуты по горизонтали.⁵

В начале своего путешествия экспедиция оказалась на юге России. Маршрут лежал через Одессу в Кишинев, Бендеры, Тирасполь. Одесса, которую Демидов назвал «черноморским Марселем», стала местом для сборов, отсюда участники отправлялись в путешествие по городам, сюда возвращались. В V главе появляются первые впечатления от встречи с Крымом: «вскоре очарованным взорам нашим представились высокие красивые горы».⁶

На пароходе «Петр Великий» они отплыли в Ялту. Автор пишет: «самая гавань ее может скорее называться украшением, нежели гаванью».

В Симферополе Анатолий Демидов отмечает особенности местных жителей, как «странное сочетание итальянской наружности со следами мусульманского быта».

Из Таганрога Демидов направляется в Ростов-на-Дону. Недалеко от города, путешественников встречает делегация армян. Данное событие сопровождает иллюстрация, на которой представлен сам автор. Анатолий Николаевич Демидов изображен с тростью в руке рядом с дорожным экипажем, поодаль, сняв шапки, стоят крестьяне. Здесь же автор описывает огромные косы здешних красавиц, расположенные на голове венцом, и их шелковые платья.

в этом путешествии сыграл известный литограф и живописец Дени-Огюст-Мари Раффе (1804–1860). Все, чем восхищался Анатолий Демидов, было сразу перенесено на бумагу художником. Именно он зарисовал особенности Крыма – его архитектурные памятники, природные красоты, ландшафты, большое внимание художник уделит национальным особенностям народов полуострова, их укладу жизни, национальной одежде. В ходе путешествия О. Раффе сделал не менее 100 рисунков, которые позже были выполнены в технике литографии.

По итогам экспедиции Анатолий Демидов выпустил за свой счет ряд изданий, в подготовке и распространении которых принимал личное участие. Материалы экспедиции были впервые опубликованы в Париже в виде четырехтомника «Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavi, exécuté en 1837 par M. Anatol de Démidoff». К изданию прилагалось два крупноформатных тома атласов с гравюрами Раффе. Первый том атласа вышел в 1842 году – 95 цветных изображений животных, птиц, минералов и четыре цветные карты. Второй том вышел в 1848 году – 100 черно-белых листов – 88 с видами местностей, которые проезжали путешественники с бытовыми сценами, 12 листов с портретами участников экспедиции.⁴

В России результаты исследований были опубликованы через 16 лет после завершения экспедиции в 1853 году. Книга называлась «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 году под руководством Анатолия Демидова в 1840–42 годах». Именно это издание позволило подробно ознакомиться с путешествием Анатолия Николаевича Демидова.

Книгу открывает красивый гравированный титульный лист, на котором помещено символическое изображение герба и семейный девиз Демидовых «ACTA NON

Недалеко от Новочеркасска произошла неприятность: карета Анатолия опрокинулась и вместе с лошадьми упала на берег Донца, где увязла в топкой тине.

Позже Демидов отправляется в Луганск, где его особенно интересует чугунолитейный завод.

Наконец, 15 августа был составлен маршрут путешествия по землям Тавриды. Главными объектами для посещения были выбраны Бахчисарай и Севастополь. Здесь путешественники обнаружили особую породу сосен «столь же красивых как в Италии» и назвали породу «таврической сосной».⁷

18 августа верхом на татарских конях члены экспедиции отправились осматривать пещерный город караимов Чуфут-Кале. Далее были осмотрены Инкерманские развалины, Херсонесский маяк, Балаклавская гавань, Кастрополь – фамильное имение Демидовых.⁸

В главе VIII рассказывается о Севастополе, его холмах, корабельных доках. 29 августа путешественники вернулись в Ялту, а 1 сентября на пароходе «Петр Великий» направились в Одессу и в Вознесенск, где проходили военные торжества. 12 сентября возвратились в Крым. В Симферополе путешественники осмотрели подготовленную для императора сельскохозяйственную выставку. В Феодосии посетили музей древностей.

4 октября путешественники направились в Керчь. Этот город Анатолию показался похожим на европейский, он отметил чистоту и «добротные тротуары».

В итоговой главе XII «Исторические сведения о Крыме. – Одесса. – Возвращение» описан заключительный этап крымского путешествия.

В течение нескольких месяцев, проезжая по бездорожью крымские города и деревни, экспедиция благополучно завершила весь задуманный маршрут.

Позже книга «Путешествие в Южную Россию и Крым ...» издавалась и переиздавалась в разных странах на разных языках. И парадокс истории в том, что именно Анатолию Николаевичу – тому Демидову, который уже был далек от России, большую часть жизни жил в Париже, суждено было рассказать Европе о русской культуре. Благодаря ему европейская общественность познакомилась с российскими провинциями, их народами и оценила масштабы российских владений.

Иллюстрации предоставлены научной библиотекой «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Крым, Симферополь) из следующих изданий:

Demidoff Anatole (1812–1870). Esquisses d'un voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee Paris, 1838. 102 p.: il. - франц. яз.

Demidoff A. Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, sous la direction de M. Anatol de Demidoff par M. M. de Sainson, Le-Play, Huot, Leveille, de Nordmann, Rousseau, et du Ponceau. Dessine d'apres nature et lithographie par Raffet; ill. Raffet. – Paris: cher Ginaut Freres, editeurs, 1848. 64 p.: il, 100 tab.

1. Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. М., 2001. С.210.
2. Демидов. А. Н. «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 году под руководством Анатолия Демидова в 1840–42 годах». М., 1853. С.1.
3. Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, sous la direction de M. Anatol de Demidoff par M. M. de Sainson, Le-Play, Huot, Leveille, de Nordmann, Rousseau, et du Ponceau. Dessine d'apres nature et lithographie par Raffet / A. Demidoff; ill. Raffet. - Paris: cher Ginaut Freres, editeurs, 1848. - 64 p.: il, 100 tab.
4. Колесникова Н. Н. Путешествие в Крым Анатолия Демидова (рукопись) // Материалы Центрального музея Тавриды.
5. Борщ Е. В. Крымский вояж Анатолия Демидова 1837: От текста к иллюстрациям (рукопись) // Материалы Центрального музея Тавриды.
6. Демидов. А.Н. «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 году под руководством Анатолия Демидова в 1840–42 годах». М., 1853. С.282.
7. Там же. С.324.
8. Кастрополь - крымский поселок, принадлежал Н.Н. Демидову с 1823 г. Он разбил виноградники, организовал хранение вина и производство бочек.

ТАНКОВАЯ КОЛОННА «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ» В ФОКУСЕ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из интереснейших тем истории Великой Отечественной войны является история танковой колонны «Димитрий Донской». Будучи созданной на средства, собранные православными верующими Московской патриархии Русской православной церкви, колонна была одной из 150 танковых колонн, созданных в годы войны на средства населения страны. Танки колонны и их экипажи активно участвовали в боевых действиях Советской армии в 1944 г. и внесли свой вклад в нашу общую победу над врагом. Колонна стала одним из символов нашей победы.

Историографию по данной теме нельзя назвать обширной. Колонне посвящен ряд коротких статей, опубликованных в печати и на электронных ресурсах. Информация о ней представлена в сводках танковых колонн, созданных в годы войны, и справочных изданиях,¹ в работах по истории Русской православной церкви.² Несмотря на внимание историков церкви к танковой колонне все-таки остаются некоторые проблемы, касающиеся разных аспектов ее создания (организации сбора средств, места производства танков, их боевого пути и др.). Привлечение к исследованию истории колонны новых фактических данных из исследований историков танковых войск, документов о боевом пути воинских частей,³ в которых действовали танки колонны, открывают перед нами новые аспекты истории последней. В целом, она предстает перед нами как один из эпизодов войны, связанный с самыми разными аспектами ее истории. Безусловно, такими же эпизодами истории войны являются и истории всех прочих танковых колонн и авиаэскадрилий, созданных в годы войны на средства населения страны. В этой связи представляется важной в научном плане разработка на примере этой танковой колонны подходов к изучению аналогичных эпизодов истории Великой Отечественной войны.

Прежде всего следует отметить, что история танковой колонны «Димитрий Донской» – это первый опыт сотрудничества Советского государства и Московской патриархии Русской православной церкви. Сферой этого сотрудничества стала их совместная деятельность по организации обороны страны, касающаяся ее богослужебной, пропагандистской и практической деятельности, способствующей разгрому врага. Церковью был организован сбор пожертвований среди верующих в Фонд обороны страны. К октябрю 1944 г. эти пожертвования составили 150 млн. руб. Всего же за годы войны было перечислено 300 млн. руб.⁴ Эти сборы влились в общее движение трудящихся СССР за сбор средств в Фонд обороны Красной армии на строительство танков, самолетов, боевых кораблей. С духовной точки зрения это движение стало выражением непреходящего патриотизма населения страны в годы войны.

Развертыванию всей этой деятельности церкви способствовала принципиальная позиция руководства Московской патриархии, выраженная ее иерархами уже в первые дни войны. Сыграли свою роль и личные качества иерархов церкви, которые были патриотами своей страны, искренне желали победы над фашизмом и способствовали ей своей деятельностью. Вместе с тем и Советское государство, оказавшись перед необходимостью сплотить все население страны и мобилизовать его на достижение победы над врагом, стало отказываться от лобового воинствующего атеизма, антирелигиозной пропаганды и репрессивной политики в отношении церкви и верующих. Оно пошло навстречу чаяниям и просьбам иерархов церкви и верующих. Большое значение для развертывания деятельности церкви имела историческая встреча митрополита Сергия с И. В. Сталиным 4 сентября 1943 г. В январе 1943 г. Московская патриархия получила его разрешение на открытие банковского счета, что превращало ее в юридическое лицо и давало ей возможность осуществлять свои сборы пожертвований легально.

Особое место в сборе средств в Фонд обороны Московской патриархией занимает танковая колонна «Димитрий Донской». Начиная сбор средств на танки, иерархи церкви никогда не скрывали своего стремления быть с народом в трудный период существования страны и помочь в разгроме

врага. В своем обращении к пастве с призывом собрать средства на сооружение танковой колонны имени Димитрия Донского (30 декабря 1942 г.) митрополит Сергей писал: «Пусть наша церковная колонна понесет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского оружия. Нам же всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения родины».⁵ Идейно-содержательной основой сотрудничества церкви и Советского государства в ходе создания танковой колонны стала история России, выраженная в образе ее исторической личности – великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского.

Большой патриотический заряд нес в себе и сам акт передачи танков колонны воинскими частям. Все созданные на средства верующих и священнослужителей танки были собраны вместе и торжественно переданы действующей армии. Впервые в советской практике иерархи получили возможность не только лично передать танки воинским частям, но и напутствовать воинов перед отправкой на фронт. 7 марта 1944 г. при передаче танков митрополит Николай лично вручал командирам танков паспорта (формуляры) танков и подарки от патриархии, принимал их рапорты, выступил с напутственной речью на митинге, посвященном передаче танков. Это была первая официальная встреча представителя духовенства Русской Православной Церкви с бойцами и командирами Красной Армии. Для руководства страны эта торжественная передача колонны была акцией, позволяющей значительно повысить боевой дух советских воинов.

Важно отметить, что усилия церкви нашли отклик у советских воинов. Танкисты 516-го отдельного танкового полка, получившие эти танки, в своем благодарственном письме благодарили митрополита Николая за боевую технику и выражали готовность сражаться на ней.⁶ По форме это письмо можно было бы назвать типичным документом эпохи, в котором воины благодарят за поддержку и помощь тружеников тыла. Но по своему адресату оно уникально для советской действительности. Командование части, ее партийная и комсомольская организации благодарили церковного иерарха!

В процессе создания колонны получила свое дальнейшее развитие и идейно-историческая основа сотрудничества – история страны и государства, ее исторические личности – в частности, великий московский князь Дмитрий Донской. В своих патриотических посланиях первых месяцев войны в поисках исторических примеров борьбы руководителей Российского государства церковные иерархи обращаются к историческим личностям российской истории. В «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» 22 июня 1941 г. местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей говорил: «Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину ... не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую гадину». К образам Дмитрия Донского и Сергия Радонежского как примерам борьбы России за независимость митрополит Сергей обращается и в своем Послании к пастырям и пастве 14 октября 1941 г.⁷

К первой половине 1942 г. в проповедях и обращениях церковных иерархов наиболее часто встречаются упоминания Александра Невского и Дмитрия Донского. Имя Александра Невского в апреле – ноябре 1942 г. было использовано для эскадрильи самолетов.⁸ Теперь наступила очередь для имени Дмитрия Донского. Начиная с XV в. Дмитрий Донской был почитаем в Русской Православной церкви как местночтимый святой (его общероссийская канонизация произошла на Поместном соборе РПЦ в 1988 г.). В его почитании часто подчеркивалась заслуга великого князя не только как проводника веры, но и защитника Отечества.⁹ Обращаясь к образу Дмитрия Донского, церковные иерархии постоянно подчеркивали преемственность его подвигов и подвигов воинов Красной Армии. В обращении с призывом начать сбор средств на танковую колонну местоблюститель Сергей писал: «Повторим от лица всей нашей Православной Церкви пример Преподобного Сергия Радонежского и пошлем нашей армии вместе с нашими молитвами и благословением вещественное показание нашего участия в общем подвиге: соорудим на наши пожертвования колонну танков имени Димитрия Донского». Эта же мысль подчеркивалась Сергием в речи на приеме по случаю передачи колонны 30 марта 1944 г.¹⁰ Таким образом, это обращение стало выражением неколебимой приверженности русской церкви своим историческим традициям.

Историческая преемственность прозвучала и в самом названии колонны. Был выбран именно церковный вариант написания имени великого московского князя – Димитрий Донской. Церковь всегда прославляла его по имени данному ему в крещении. Эта редакция его имени была зафиксирована в литературных произведениях, иконах, молитвах церкви и использовалась во всей богослужеб-

ной практике церкви. Характерно, что в 1988 г. канонизирован он был именно как «Святой и благоверный князь Димитрий Донской».¹¹

Обращение к выдающимся российским историческим личностям лежало и в русле изменений в официальной советской государственной идеологии. Уже с начала 1930-х г., по мере возрастания внешней угрозы для СССР, наметилось усиление национально-патриотических тенденций и обращение в качестве успешного примера борьбы российского государства с внешними врагами к образу Александра Невского. В годы войны происходит и пик идеологической популярности Дмитрия Донского.¹² К осени 1941 г. был определен круг исторических личностей, которых следовало использовать в официальной пропаганде. В речи И. В. Сталина на параде на Красной площади 7 ноября говорилось: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»¹³. Образы, предложенные Московской патриархией, соответствовали этому официальному перечню исторических личностей.

Среди прочих танковых колонн, единичных танков, самолетов, созданных в годы войны, танковая колонна «Димитрий Донской», благодаря историко-патриотическому содержанию своего названия, заняла особое место. В ряду сугубо советских, классовых названий было совсем мало названий, отражающих историю государства, ее выдающихся личностей (Димитрий Донской, Суворов, Кутузов). Наша колонна стала первым опытом использования исторического прошлого страны для развития патриотизма в советских войсках.

Всего на колонну было собрано свыше 8 млн. руб. В общей сумме средств, внесенных в Фонд обороны в годы войны и использованных для создания военной техники для фронта (5 873 000 руб.) сумма представляется весьма скромной (около 0,4).¹⁴ Но патриотическое и психологическое значение танковой колонны заключалось в том, что впервые православные верующие СССР получили возможность сделать свой вклад в победу, почувствовать себя не изгоями, осуждаемыми атеистическим большинством, а равноправными гражданами страны, искренне трудившимися для победы. Танковая колонна стала первым символом духовного примирения и единения населения страны.

Сборы проходили организованно, и их порядок был изложен в Обращении Патриаршего местоблюстителя 30 декабря 1942 г.¹⁵ Они осуществлялись церковными причтами и приходами. В храмах устанавливались церковные кружки. Сборы могли проводиться особыми сборщиками, ходившими по домам. Собранные средства вносились в местные отделения Госбанка и затем переводились в главную контору Госбанка, в специальный фонд на сооружение колонны. Частные лица, прихожане, священнослужители, лица, желавшие остаться неизвестными, могли перечислить средства непосредственно в отделении Госбанка. О пожертвованиях извещались руководители епархий и через них – сам Местоблюститель, который передавал собранные средства в распоряжение Председателя Совета обороны И. В. Сталина вместе с отчетами о жертвователях и их пожертвованиях.

Митрополит Николай был вполне искренен, когда писал: «Сбор этих пожертвований... проходил с огромным воодушевлением. Он был демонстрацией высоких патриотических настроений Русской церкви, полного единения церкви со всем народом в общем порыве защитить Родину от подлого врага».¹⁶ Свидетельств такой искренности пожертвований верующих немало. Историк М. Спирин, ссылаясь на рассказ своего деда, писал как рабочий-инструментальщик Никифоров, уже отдавший все свои сбережения в фонд обороны, узнав о сборах на колонну «отписал» «Димитрию Донскому» всю свою зарплату за полгода вперед».¹⁷ Проходили сборы на недавно освобожденных от врага территориях. Протоиерей церкви с. Троицкого Днепропетровской области вспоминал: «В церковной кассе денег не было, а их надо было достать... Я благословил двух 75-летних старушек на это великое дело. Пусть имена их будут известны людям: Ковригина Мария Максимовна и Горбенко Матрена Максимовна. И они пошли, пошли уже после того, как весь народ уже внес свою посильную лепту через сельсовет. Пошли две Максимовны просить Христовым именем на защиту дорогой Родины от насильников. Обошли весь приход – деревни, хутора и поселки, отстоящие в 5-20 километрах от села и в результате – 10 тысяч рублей, сумма по нашим разоренным немецкими извергами местам значительная».¹⁸ К марту 1944 г. в Саратовской и Сталинградской епархии было собрано 1814455 руб. К участию в создании колонны в декабре 1943 г. призывал свою паству в Донбассе временно исполняющий дела благочинного протоиерей Г. Паханов.¹⁹

В блокадном Ленинграде был собран 1 млн. руб. Сборы проходили даже на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории. Не имея денег, жители этих мест приносили свои обручальные кольца, часы, оклады икон. Священник Фёдор Пузанов из села Бродовичи-Заполье

на оккупированной Псковщине сумел собрать среди верующих целую котомку золотых монет, серебра, церковной утвари и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500 тыс. руб. были переданы через партизан на Большую землю.²⁰

Среди самых активных по сбору средств регионов были Куйбышев, Астрахань, Пенза, Вологда, Казань, Саратов, Пермь, Уфа. 2 млн. руб. было собрано в Москве, из них только в Московском Богоявленском соборе – более 400 тыс. руб. Были и более скромные пожертвования. Прихожане Введенской церкви Кировского района г. Курска собрали 10 тыс. руб. Деньги перечислялись и самими священнослужителями. В январе 1943 г. были перечислены 100 тыс. руб. Московской патриархией, 300 тыс. руб. Елоховским кафедральным собором в Москве и 100 тыс. руб. лично священником собора Н. Ф. Колчицким.²¹

Следующий аспект истории войны, с которым тесным образом связана история танковой колонны «Димитрий Донской», – это военный аспект, включающий в себя вопросы организации воинских подразделений, получивших танки колонны, их боевых действий, военно-технических характеристик этих танков и мест их производства.

Торжественная передача танков колонны танковым частям Советской Армии 7 марта 1944 г. состоялась под Тулой у д. Горелки на территории Тульского танкового лагеря, (Тульского учебного лагеря танкистов), где в 1944–1945 гг. формировались и находились на переформировании танковые части и подразделения. Тульский лагерь был создан в 1943 г. на основе переведенного сначала в район Рязань – Воронеж – Тула, а затем под Тулу лагеря в с. Татищево Саратовской области. Здесь он просуществовал до конца войны.²² Тульский лагерь находился севернее Тулы в районе д. Волоть, Хомяково, Горелки, Тесницких лагерей.

Танковые колонны никогда не были ни постоянными воинскими подразделениями, ни временными тактическими единицами. Они представляли собой группы танков, направлявшихся для передачи воинским частям. Именные танковые колонны представляли собой группы боевых машин, созданных на средства отдельных лиц, различных групп и слоев населения. Наша танковая колонна реально существовала как единое целое лишь с момента создания танков на заводе до передачи их воинским частям. После передачи танки были разделены между разными танковыми полками и никогда не воевали вместе. Всех их объединяла только сделанная краской на их грязно-белых башнях надпись «Димитрий Донской». И эта надпись имела большое психологическое значение на фронте. М. Коломиец, И. Мощанский пишут: «Лозунги, рисунки и надписи, нанесенные на боевую машину, имели не только идентификационное, но и морально-психологическое значение. Танк или броневомобиль, имевший личное имя, уподоблялся живому существу, сражающемуся вместе с экипажем против общего врага. Этот своеобразный фетишизм достаточно эффективно укрепляет психику воина в особо трудных боевых ситуациях».²³

Танки колонны были переданы отдельным 38 и 516 огнеметному танковым полкам. Эти воинские части не входили в состав танковых и механизированных бригад и корпусов. Они находились в непосредственном подчинении командующих фронтами и придавались для выполнения конкретных боевых задач общевойсковым армиям и стрелковым и инженерным частям. По штату № 010/507 от 4 марта 1944 г. отдельный танковый полк имел 21 танк, распределенный между двумя танковыми ротами. Огнеметные танковые полки стали формироваться начиная с 1944 г. на базе отдельных огнеметных танковых батальонов и имели специфические 500-е номера. По штату № 010/463 (февраль 1944 г.) в таком полку предусматривался также 21 танк, из которых 18 были огнеметными и 3 обычными линейными.²⁴

Обе танковые части имели уже опыт боевых действий на фронтах войны. Еще в январе – первой половине февраля 1944 г. они действовали в составе 2-го Прибалтийского фронта,²⁵ где в тяжелых боях с противником полностью утратили свою боевую технику. 22 февраля в Тульский танковый лагерь прибыл 38 полк (командир полка подполковник И. Ф. Горлач)²⁶. Примерно в то же время сюда прибыл и 516-й полк (командир полка майор Н. И. Лобанов).²⁷

В состав колонны, переданной указанным полкам, вошли 40 танков. 21 машину получил 516-й отдельный огнеметный танковый полк. Это были особые огнеметные танки ОТ-34, выпускавшиеся в СССР с 1942 г. и уже вскоре после этого снятые с производства. При сохранении главного орудия (76,2 мм) такой танк был вооружен еще и пороховым поршневым огнеметом АТО-42 (с начала 1943 г.) вместо курсового пулемета Огнемет, скорострельность которого была 24–30 выстрелов в минуту, дальность метания 100 – 130 метров, стрелял специальной вязкой огнесмесью, выбрасываемой сжатым воздухом. Экипаж танка включал в себя трех человек.²⁸ Подойдя к вражеским укреплениям, ог-

неметные танки буквально поливали противника огнем, разрушали и уничтожали его укрепления, облегчая тем самым последующий штурм пехоте, значительно сокращая ее потери.²⁹ Со второй половины 1943 г. в ходе разворачивающегося советского наступления для уничтожения сильных укреплений противника и подавления его огневых точек нужда в таких танках была велика.

19 машин было передано 38-му отдельному танковому полку. Это были новейшие танки Т-34-85, серийное производство которых только началось в декабре 1943 г. (приняты на вооружение армии 23 января 1944 г.).³⁰ Полк получил их одним из первых. Будучи вооруженным более мощной 85-мм пушкой Д-5Т (создана на основе зенитной пушки) и имея усиленную бронезащиту, танк Т-34-85 сохранил маневренность и подвижность прежних моделей танка Т-34 и так же мог вступать в поединки с тяжелыми и средними немецкими танками. Снаряд его пушки пробивал прямым попаданием броню немецких «Пантер» и «Тигров» толщиной до 111 мм на расстоянии до 1 км и до 138 мм с расстояния 500 метров. Отличительной особенностью этого танка была и командирская наблюдательная башенка с радиостанцией на стене башни, обеспечивавшая командиру наблюдение за картиной боя и корректировку огня.³¹ Экипаж танка составлял 5 человек. К середине 1944 г. танк Т-34-85 стал основным советским средним танком, выпускался в СССР до 1950 г. и достаточно долгое время в некоторых странах Европы и Азии. Д.Устьянцев, С.Колмаков пишут: «В отличие от «тридцатьчетверки» образца 1941 г. танк Т-34-85 никто не называет «чудо-оружием» или «супертанком». Это правильно – недостатков у него хватало, тем не менее, по совокупности основных параметров: маневр, огонь, броня – Т-34-85 не имел равных соперников. Танк Т-34-85 не был идеальной машиной. Он просто был лучшим средним танком Второй мировой войны».³²

После получения танков уже к апрелю 1944 г. 38 полк был отправлен с новой техникой на 2-й Украинский фронт, где был подчинен командованию 53-й армии.³³ 516-й полк еще до 1 мая 1944 г. находился в Тульском лагере, затем на 1 июня 1944 г. находился в резерве ВГК, а к 1 июля 1944 г. был отправлен на 1-й Белорусский фронт, где был включен в состав 2-й штурмовой инженерно-саперной бригады, действовавшей совместно с 28 армией.³⁴ Этот был один из пяти огнеметных танковых полков, включенных весной 1944 г. в состав штурмовых инженерно-саперных бригад наряду с инженерно-танковыми полками для лучшего обеспечения штурма укреплений противника. Формирование 2-й бригады было завершено к июню 1944 г., с чем, видимо, и была связана задержка в отправлении полка на фронт.³⁵

Отдельного рассмотрения требует вопрос о месте производства танков колонны. В большинстве статей по этой теме местом их производства называется Челябинский завод.³⁶ Однако это предприятие выпускало в основном тяжелые танки КВ и лишь в июле 1942 г. было подключено к производству танков Т-34, среди которых могли быть и огнеметные танки ОТ-34. В марте 1944 г. по постановлению ГКО производство Т-34 на Челябинском заводе прекращалось для увеличения изготовления тяжелых танков ИС-2 и к апрелю этого года было свернуто полностью. Таким образом, Т-34 на заводе выпускались лишь в июле 1942 – апреле 1944 г. Танки же Т-34-85 в Челябинске стали выпускаться лишь в первой половине 1945 г.³⁷ Поэтому о производстве танков колонны на Челябинском заводе можно говорить лишь применительно к ОТ-34.

Местом производства танков Т-34-85, вошедших в состав колонны, называют также Нижнетагильский танковый завод (завод №183, Имени Коминтерна, Уралвагонзавод)³⁸. Но постановлением ГКО в ноябре 1943 г. производство этих танков было поручено сначала только заводу № 112 («Красное Сормово», г. Горький). Оно должно было начаться здесь в декабре 1943 г., но реально началось лишь в феврале 1944 г. Причем до 15 марта, когда к производству Т-34-85 приступил Уралвагонзавод (а реально – в апреле), эти танки выпускал только завод № 112. В июне 1944 г. эти танки освоил завод № 174 в Омске, в первой половине 1945 г. их выпускали в равной мере три завода – «Красное Сормово», Уралвагонзавод и завод № 174 в Омске. Всего по апрель 1944 г. на заводе «Красное Сормово» было выпущено 255 таких танков³⁹.

Ошибочный вывод об Уралвагонзаводе как месте выпуска танков колонны обусловлен тем, что все конструкторские и испытательные работы по новому танку Т-34-85 были проведены именно на Уралвагонзаводе, обладавшем мощной производственной базой, конструкторско-проектным бюро и кадрами таких крупных заводов, как Харьковский тракторный завод, Московский станколитейный завод им. С. Орджоникидзе, Орловский завод, Мариупольский. Передачу серийного производства заводу «Красное Сормово» можно объяснить прежде всего стремлением отработать технологию серийного производства новой модели танков сначала на одном предприятии, а затем уже отработанную технологию быстро внедрить на всех прочих предприятиях, а также особым режимом секретности

в условиях военного времени, стремлением не сосредотачивать все производство и документацию на одном предприятии во избежание попадания информации противнику и его возможных диверсий.

Таким образом, местом производства танков Т-34-85, следует считать горьковский завод «Красное Сормово». Этой точки зрения придерживаются также и такие авторитетные исследователи истории советских танков, как М. Спирин и И. Мощанский.⁴⁰ Что же касается места производства самых массовых танков периода войны ОТ-34, то они могли быть выпущены как на Уралвагонзаводе (где, кстати, они также были разработаны), так и на заводе «Красное Сормово», а также на заводе в Омске (завод № 79) и Челябинском тракторном заводе.

Первыми из танков колонны «Димитрий Донской» в бой вступили танки 38-го полка. Полк участвовал в Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта (5 марта – 17 апреля 1944 г.). 23–29 марта танкисты совместно с 94-й гвардейской стрелковой дивизией 53-й армии 1944 г. освободили ряд населенных пунктов в районе г. Умани и Балту (Одесская область), г. Котовск, форсировали р. Днестр. В апреле 1944 г. полк вел бои на территории Молдавии совместно с 25-й и 89-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Менее чем за два месяца полк прошел с боями свыше 130 километров.⁴¹

В боях полка отличились многие офицеры и солдаты полка. Всего орденами и медалями СССР в полку были награждены 49 танкистов. За все время боев 21 солдат и 10 офицеров полка пали смертью храбрых на полях сражений. В боях под городом Котовском пал смертью героя стрелок-радист А. А. Морозов. 8 апреля 1944 г. в бою у д. Устя в горящем танке до последнего сражался с врагом экипаж младшего лейтенанта Н. М. Румянцева. За успешное выполнение боевых задач в апреле 1944 г. полку было присвоено почетное звание «Гвардейский» и наименование «Днестровский». После этих тяжелых боев полк был выведен из боевых действий и вновь отправлен на переформирование.

В июне 1944 г. в Белоруссии в бой вступил 516-й полк. В июне – августе 1944 г. 516-й полк в составе 2 штурмовой инженерно-саперной бригады участвовал в Бобруйской операции (24–29 июня 1944 г.), а затем в окружении брестской группировки противника (Люблин – Брестская операция). 18 июля – 2 августа 1944 г. 28-я армия, в полосе наступления которой действовала бригада, вместе с 65-й армией отразила контрудар противника, вышла к Западному Бугу и охватила вражеские войска с севера и северо-запада. Вместе с 70-й армией, 9 гвардейским стрелковым корпусом 61-й армии ее войска заняли Брест и завершили разгром врага в лесах западнее города. 2 августа полк вступил на территорию Польши и затем участвовал в боях по прорыву Внешнего Варшавского оборонительного обвода. 2-я бригада была награждена орденом Красного Знамени, а за участие в Люблинско-Брестской операции личному составу полка была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.⁴³

19 июня 1944 г. полк, вместе с инженерными частями поротно приданный 96 и 55-й стрелковой дивизиям 3-го гвардейского и 20 стрелковых корпусов, участвовал в очень тяжелых боях за населенные пункты Гороховищи, Броды, Вяжны, Дубрава, Пружинищи, Корма. В этих боях танкистами полка было уничтожено 68 орудий и минометов, 83 пулемета и противотанкового ружья противника, множество живой силы, сожжено 33 дота, было захвачено в плен 45 солдат и офицеров противника. В бою за Гороховищи командир танка младший лейтенант С. И. Марченко, выскочив из своего танка после подрыва его на mine, нашел проход в минном поле и провел танки до переднего края противника, а затем он заменил выбывшего из строя механика-водителя другого танка. В бою за д. Глева механик-водитель М. К. Досов, направив танк на группу противника, уничтожил ее огнеметанием.⁴⁴

К 1945 г. сложилась тактика применения огнеметных танков в составе штурмовых инженерных бригад. Они использовались наряду с ранцевыми минометами для уничтожения танков, других средств обороны противника, его укреплений и живой силы. Вступая в бой после инженерных танков, уничтожавших мины и проделывавших проходы в минных полях противника, огнеметные танки, двигаясь в общей линии наступающих и поддерживая пехоту, буквально поливали огнем противника и его укрепления. При необходимости подавить огневые точки противника они выдвигались вперед, вели огонь из огнеметов, выжигали пехоту в окопах и уничтожали бронетехнику.⁴⁵ Решающее значение в бою имело успешное взаимодействие танков, пехоты и саперов, что достигалось тренировками.

Танки с надписями «Димитрий Донской» были потеряны достаточно быстро. Известно, что уже к началу апреля 1944 г. в составе 38-го полка оставалось только 9 машин, а к концу апреля их осталось всего две. 24 апреля 1944 г. танки с надписью «Димитрий Донской» приняли последний бой в составе 38-го полка.⁴⁶ Полк был выведен с фронта. На переформировании в Московском военном округе в июле он получает на вооружение тяжелые танки и новый номер – 74-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк, а затем переименовывается в 364-й танково-самоходно-артиллерийский полк и заканчивает войну под этим номером и названием.⁴⁷

Можно предположить, что определенная часть танков «Дмитрий Донской» после вывода 38-го полка продолжала участвовать в боевых действиях в составе стрелковых частей. Они также могли использоваться в качестве ремонтно-эвакуационных машин и тягачей для доставки подбитой и поврежденной техники и трофейной техники на места ее ремонта, утилизации и хранения.⁴⁸ В таком качестве эти танки могли действовать и в 1945 г. Возможно, это как раз и были те танки, которые после войны были переданы в музеи и теперь установлены в московском Донском монастыре.

К 10 октября 1944 г. в 516-м полку также оставалось только два танка с надписью «Дмитрий Донской», которые вскоре были отправлены на капитальный ремонт. К октябрю этого года полк уже не упоминается как отдельная боевая единица, хотя 2 штурмовая инженерно-саперная бригада продолжала воевать в составе уже 70 армии 1-го Белорусского фронта. Вновь как отдельное подразделение полк появляется в январе 1945 г. и действует в составе указанной бригады до конца войны.⁴⁹ Объяснить это можно лишь тем, что к этому моменту оставшиеся в строю танки полка были подчинены напрямую подразделениям бригады или даже вообще другим частям. В начале 1945 г. 516-й полк уже с новой техникой участвует в боях на территории Польши и освобождении Лодзи, Познани, на Зееловских высотах.⁵⁰

Большие потери огнеметных и инженерных танков были характерны для всех штурмовых инженерных бригад. Находясь на самых опасных передовых участках боя, они использовались сравнительно короткое время.⁵¹ Сами танкисты-огнеметчики подвергались смертельной опасности, не имея возможности быстро покинуть горящие и взрывающиеся от собственной же смеси танки. Многие из них часто заживо сгорали в своих боевых машинах. Только в 516-м полку 19 танкистов сгорели в боевых машинах заживо, сражаясь до последнего вздоха.⁵²

Дальнейших сведений об отправленных на ремонт танках 516-го полка нет. Гипотетически можно допустить, что после ремонта они могли вернуться в строй и продолжить воевать. Как пишет Н. Никифоров, большие потери огнеметных танков приводили к тому, что они стали использоваться как простые линейные танки. Такая же судьба могла ожидать и названные танки.⁵³ В настоящее время не сохранилось ни одного танка ОТ-34 из колонны «Дмитрий Донской». В России известен только один сохранившийся образец этого танка, утонувший при переправе в Подмосковье в 1943 г. и найденный в 1999 г. Он в настоящее время установлен как памятник на Уралвагонзаводе.⁵⁴

Реальный боевой путь танков танковой колонны «Дмитрий Донской» закончился осенью 1944 г. Боевой путь колонны был сравнительно недолгим. Но наряду с реальной боевой историей этой техники существует духовный и идеологический аспект ее истории как одного из символов неразрывной связи нашего далекого героического прошлого и событий Великой Отечественной войны. И в этом смысле танки танковой колонны «Дмитрий Донской» и их экипажи внесли свой вклад в нашу победу. Они тоже герои этой войны.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.-обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 349-363.

1. Бирюков А.Н. Танки, построенные на народные деньги // Военно-исторический архив. 2004, № 9. С.27- 31; Васильева О. С. Именем Дмитрия Донского. Архив. Документы истории // «Православие.ru», [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/dmitrydonskoj.htm>; Спирин М. «Дмитрий Донской» // Мир оружия, март 2006 // ВИФ2 [сайт]. URL: <http://vif2ne.ru/nvk/forum/athprint/1313841>; Коломиец М., Мощанский И. Камуфляж танков Красной Армии 1930-1945. М: Экспринт 2005.50 с; Танковая колонна «Дмитрий Донской» // Куликово поле. Большая иллюстрированная энциклопедия / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». Тула, 2007. С. 611-613.
2. Поспеловский В. Русская православная церковь в XX веке. М: Республика, 1995. С. 187; Цыпин В. История Русской Православной церкви 1917-1990: учебник для православных духовных семинарий // Московская Патриархия: Хроника, 1994. С.114-115; Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сб. документов / Сост. Васильева О.Р. Кудрявцев И.Н, Лыкова Л.А. // Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей древностей и истории. М: 2009. С. 21; Кузнецов А. С кем был бог в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. // [Персональный сайт А. Кузнецова]. URL: <http://kuzhist.narod.ru/Religia/Religia2.html>.
3. Танковый фронт 1939-1945. Все о бронетанковых частях и танкистах второй мировой, сайт. URL: <http://tankfront.ru/index.html>; Никифоров Н. Штурмовые бригады Красной Армии: В боях за советскую Родину. М: «Яуза-Эксмо», 2008.331с.
4. Мордиков Н. Вклад русского православия в победу над фашизмом: страница // Николай Мордиков. История и современность, [сайт]. URL: http://mordikov.fatal.ru/rpc_pobeda.html.
5. Сергей, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Обращение к верующим с призывом // Непридуманные рассказы о войне, [сайт]. URL: <http://www.world-war.ru/obrashhenie-k-veruyushhim-s-prizyvom>.
6. Русская Православная церковь в годы ... С. 35.
7. Там же С. 39; Цыпин В. Указ. соч. С. 110.

8. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту М.: Воениздат, 1985. С.175; Танковая колонна «Дмитрий Донской»: страница // Танковый фронт 1939-1945. Все о бронетанковых частях и танкистах Второй мировой, сайт. URL: http://www.tankfront.ru/ussr/columns/dimitri_donskoi.html.
9. Демидов С.И. К вопросу о наименовании «Донской» великого московского князя Дмитрия Ивановича // Н.И. Троицкий и современные исследования историко - культурного наследия центральной России в 2-х т. Т. 2 / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». Тульское региональное отделение Всероссийской общественной организации ВООПИК.: Тула: ИНФР», 2002. С. 90-94.
10. Танковая колонна «Дмитрий Донской»: страница // «Танковый фронт ...
11. Цыпин В. Указ. соч. С. 195.
12. Чугунова Н.В. Дмитрий Донской в советской исторической науке 1930- х – 1-й половины 1940-х годов: от рядового феодала до национального героя // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской - государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001 / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульский государственный университет: Тула: Тульский полиграфист, 2001. С.201-202.
13. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза: М: Госполитиздат, 1951. С. 40.
14. Сеницын А.М. Указ. соч. С. 172.
15. Русская Православная церковь в годы ... С. 92.
16. Митрополит Николай На алтарь Родины // Журнал Московской патриархии. 1944, №4; ... С. 2 ; См. также: Поспеловский В. С. Указ. соч. С. 97.
17. Свиринов М. Танковая мощь СССР... С.510-511.
18. Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 5. С. 26.
19. Русская Православная церковь в годы ... С. 79-81.
20. Свиринов М. Танковая мощь СССР... С. 510.
21. Русская Православная церковь в годы ... С. 90,60; Цыпин В. Указ. соч. С. 115.
22. Бирюков Н. Танки – фронту: Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005. С. 221, 225, 312, 374, 389.
23. Коломиец М, Мощанский И. Камуфляж... С. 38.
24. Отдельный огнеметно-танковый полк: страница // Танковый фронт ...; Никифоров Н Указ. соч. С.231.
25. Боевой состав Советской Армии. Ч. IV. / Отв. ред. полковник П. А. Жилин // Институт военной истории Министерства обороны СССР, Историко-архивный отдел Генерального штаба Вооруженных сил СССР, Центральный архив Министерства обороны СССР. М.: Ордена трудового Красного Знамени Воен. изд-во Мин. обороны СССР, 1988. С. 10, 38.
26. 38-й отдельный танковый полк: страница. «Танковый фронт...»
27. 516-й отдельный огнеметно-танковый полк: страница // Там же.....
28. Карпенко А. Обзорение отечественной бронетанковой техники (1905-1995).....С.253; П. Ардашев С.Л. Федосеев Огнеметные танки Второй мировой войны М. 2005,, С. 18-21; Коломиец М. Т-34: Первая полная энциклопедия....., С. 320.
29. Коломиец М. Т-34: Первая полная энциклопедия:..., С.321.
30. Барятинский О.М. Танк Великой Победы // Моделист-Конструктор. 2002, № 5.С.35.
31. Карпенко А. Указ. соч...., С.250; Устьянцев С., Колмаков Д.. Боевые машины Уралвагонзавода: Т-34. М: «Медиа-принт», 2005, С.77-79,83-84; Мощанский И. Советский средний танк Т 34-85: Ранние версии завода № 112....., С.11-13.
32. Устьянцев С., Колмаков Д. Указ. соч. С.105; Свиринов М. Танковая мощь СССР....., С.165
33. Боевой состав Советской АрмииЧ. V., С.107.
34. Там же, С.110, 149, 178, 192.
35. Никифоров Н. Указ. соч. С.57, 193.
36. Русская Православная церковь в годы....., С.21.
37. Устьянцев С., Колмаков Д. Указ. соч. С.103, Коломиец М. Т-34: Первая полная энциклопедия..... С.312-313.
38. Православная газета «Екатеринбург». [Интернет-версия: Главная страница]. URL: <http://orthodox.etel.ru/2003/21/2donsktag.shtml>.
39. Устьянцев С., Колмаков Д. Указ. соч. С.103, Коломиец М. Т-34: Первая полная энциклопедия....., С.312-313, 258-260, 290, Свиринов М. Танковая мощь СССР....., С.509,163,513-514, Мощанский И. Советский средний танк Т 34-85...С. 14-15, 25.
40. Свиринов М. Танковая мощь СССР... С. 511.
41. Грылев А.Н. Днепр – Карпаты - Крым. Прикарпатье. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. М: Наука, 1970. С. 174, 278; Танковая колонна «Дмитрий Донской»: страница // Танковый фронт 1939-1945.....
42. Свиринов М. Танковая мощь СССР. С.511-512; Мощанский И. Советский средний танк Т 34-85. С.48.
43. Никифоров Н. Указ. соч. С. 212, 34; Операция «Багратион»: Освобождение Белоруссии. М: Олма – пресс, 2004, С.135-136,161, 228; Мельтюхов М.И. Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944г // Вопросы истории 2004. № 11. С. 46-47, 50-51.
44. Дмитриев Д.М, Якубов В.Е. Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне (1941-1945): Сб. примеров. М: Воен. изд., 1969, С. 113-117.
45. Никифоров Н. Указ, соч. С.72-73.
46. Танковая колонна «Дмитрий Донской»: страница //Танковый фронт 1939-1945.....
47. Боевой состав... Ч. IV. С. 208.
48. Средний танк Т-34-85 страница. Бронетехника // Боевые действия Красной Армии в Великой Отечественной войне. [сайт]. URL: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=992&Itemid=163.
49. Боевой состав... Ч. IV, С. 192, 286; ч.V. Отв. ред. полковник Гареев М. А.; Министерство обороны СССР, Историко-архивный отдел Генерального Штаба: М: Военное изд. 1990, С.17, 51-52, 86, 122, 159.
50. 516-й отдельный огнеметно-танковый полк: страница // «Танковый фронт 1939-1945....»
51. Никифоров Н. Указ. соч. С.124.
52. Танковая колонна «Дмитрий Донской»
53. Никифоров... С. 131.
54. Ардашев А.П., Федосеев С.Л. Указ. соч. С.10.

АННОТАЦИЯ

Демидов С.И. Танковая колонна «Дмитрий Донской» в фокусе различных аспектов истории Великой Отечественной войны
 В сообщении рассматриваются вопросы организации Московской патриархией Русской православной церкви сбора пожертвований среди православных верующих и священнослужителей на создание колонны, а также технические характеристики модификаций танков, вошедших в состав колонны, места их производств, боевой путь танков колонны в 1944г
 Ключевые слова: танковая колонна «Дмитрий Донской», Русская Православная церковь Тульский танковый лагерь, танки ОТ-34, Т-34-85, завод «Красное Сормово».

Demidov S. I. Tank column «Dimitri Donskoi» in focus of various aspects of the history of the Great Patriotic war
 The report deals with the organization of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church fundraising among Orthodox believers and clergy to create column as well as technical specifications modifications of tanks that were part of a column, place of production, the battle path column of tanks in 1944

Keywords: tank column «Dimitri Donskoi», the Russian Orthodox Church Tula tank camp, tanks ot-34, T-34-85, factory «Krasnoe Sormovo»

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДАХ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История государственных оружейных заводов России – Тульского, Сестрорецкого и Ижевского благодаря пристальному вниманию исследователей относится к числу достаточно глубоко исследованных проблем. Тем не менее, вопросы организации охраны здоровья мастеровых этих предприятий принадлежат к числу незначительных лакунов, которые обнаруживает подробно описанный исторический процесс развития российской промышленности стрелкового оружия.

Наиболее ранние свидетельства медицинского обслуживания мастеровых оружейных заводов относятся к периоду становления этих предприятий¹. На тульском заводе медицинская помощь работникам была организована в 1739 г. Первоначально ее оказывали фельдшеры. Спустя 10 лет был приглашен один лекарь². В Сестрорецке медицинское обслуживание оружейников было организовано в лазарете, открытом в 1748 г. на 50 коек³. В 1808 г. этот лазарет был преобразован в полугоспиталь и расширен до 77 коек. В селении ижевского завода госпиталь на 500 чел. строился одновременно с предприятием⁴.

Более позднее учреждение госпиталя тульского завода было связано с возможностью стационарного размещения больных в городских медицинских учреждениях. В 1800 г. вопрос об учреждении госпиталя при тульском заводе находился в стадии обсуждения. Командир завода Ф.А. Экельн предлагал выстроить под госпиталь дом «на оружейной стороне». При этом он считал необходимым сохранить возможность медицинского обслуживания оружейников в учреждениях Приказа общественного призрения, перечисляя туда часть финансовых средств. Финансировать госпиталь он предложил из процентов, образованных ссудной суммой в 25 тыс. руб., пожалованной оружейникам в 1782 г. Екатериной II⁵.

Предложение об открытии госпиталя выдвигал и командир тульского завода В.Н. Чичерин. В 1807 г. он обратился в правление завода с предложением нанять дом и собрать там всех больных, т.к. заводской лекарь Гель не успевает посещать их на дому, поскольку они живут в разных сторонах. Он не имеет возможности следить за их питанием и пр. Завод же подходящего помещения не имеет⁶.

В XVIII – первой половине XIX в. основной причиной потери трудоспособности оружейников являлось периодическое ухудшение эпидемиологической обстановки в местах их расселения. Так, в первое десятилетие существования Ижевского оружейного завода «эпидемическая болезнь» стала причиной крайне высокой смертности мастеровых. В 1807 г. из числа прихожан местной церкви умер каждый десятый, в 1810 г. – каждый восьмой. Не произошло значительного улучшения эпидемиологической обстановки и позднее. Так, в 1843 г. эпидемия унесла жизни каждого семнадцатого жителя села Ижевский завод⁷.

В Сестрорецке в начале XIX в. наиболее распространенными болезнями являлись цынготная, кровавый понос, чахотка, кровотечение при родах, весенняя лихорадка. Только в июле 1810 г. в сестрорецком лазарете умерло 23 чел.⁸ Согласно рапорту директора сестрорецкого завода подполковника И. Ланкри, датированного 1814 годом, большая часть мастеров этого предприятия страдала «грудными болезнями и слабостью во всех членах», что, вероятно, означало туберкулез⁹. В середине XIX в. эпидемия холеры привела к существенному сокращению численности тульских оружейников¹⁰.

Распространению болезней способствовало плохое санитарное состояние заводских поселений. В летние месяцы обычными были желудочно-кишечные заболевания. Например, на ижевском заводе рабочие брали воду из местного пруда, в который вследствие рельефа местности поступали все стоки, включая заводские¹¹.

Штат заводских лечебных заведений был различным. В Ижевске, где не существовало других медицинских учреждений кроме заводских, штат был больше, как, впрочем, и госпиталь. По первому штату ижевского завода, утвержденному в 1807 г., при заводском госпитале состояли доктор, лекарь, 4 лекарских ученика, 2 цирюльника, 2 работника в аптеке и лазарете,¹² в середине XIX в. – один старший лекарь, двое младших и повивальная бабка¹³.

На тульском заводе в первой половине XIX в. хронически не хватало медицинского персонала. Об этом свидетельствует приведенное выше предложение командира завода В. Н. Чичерина о централизации медицинского обслуживания оружейников, а также записка старшего медика этого завода доктора медицины Моритца, направленная в 1849 г. Главному инспектору всей артиллерии. Моритц просил увеличить число заводских фельдшеров с двух до четырех. Его просьба была удовлетворена¹⁴. Однако в 1864 г. при госпитале этого предприятия состоял только 1 фельдшер. Кроме него в штате госпиталя числились 1 аптекарский ученик, 2 унтер-офицера, 16 рядовых, 1 писарь. При организации приемного покоя на завод был прислан младший лекарь Шмигера, которого планировали назначить старшим лекарем покоя¹⁵.

После освобождения оружейников от обязательного труда и их перехода в податное сословие заводские госпитали были переданы в гражданское ведомство. Взамен для оказания экстренной медицинской помощи на тульском и ижевском заводах были организованы приемные покои. При тульском заводе приемный покой был рассчитан всего на 8 мест. Больных с трудноизлечимыми и хроническими болезнями теперь следовало направлять в больницы Тульского приказа общественного призрения¹⁶.

В Сестрорецке, где численность мастеровых была значительно ниже по сравнению с двумя другими оружейными заводами, персонал подлежал медицинскому обслуживанию в местном лазарете. Завод оплачивал содержание больных. Хозяйственный комитет завода контролировал расходования выделенных средств¹⁷.

Упразднение заводских госпиталей не прошло без осложнений, так как было сопряжено с необходимостью размещения находящихся на лечении больных. Так, в Туле в 1865 г. старший лекарь завода надворный советник Федоров ходатайствовал о двух больных, находившихся в госпитале, которых некуда было выписывать. У них не было собственных домов, родственники их не брали. Попытка перевести их в городскую больницу также закончилась без результата по причине отсутствия мест¹⁸.

Формирование системы заводского здравоохранения завершилось в 1870-е гг., т.е. после возвращения завода из арендно-коммерческого управления в государственное. Период арендно-коммерческого управления стал переходным ввиду многочисленных изменений, обусловленных освобождением оружейников от обязательного труда.

Интересно, что за годы арендно-коммерческого управления произошло некоторое расширение функций заводских лечебных учреждений: от оказания экстренной медицинской помощи до первоначального лечения несложных заболеваний и незначительных травм¹⁹.

Судя по перечню болезней, с которыми в 1869 г. обратились в покой тульского завода пациенты, и в котором наряду с катаром преобладали раны и нарывы, наиболее востребованной была хирургическая помощь. Список медицинских инструментов из 24 наименований свидетельствует о том, что там оказывалась и акушерская помощь²⁰.

При учреждении приемного покоя тульского завода на службе там состояли 1 старший врач и 3 фельдшера. Затем число врачей было доведено до 3 штатных единиц, фельдшеров – до 6²¹. На ижевском заводе в 90-х гг. XIX в. при лазарете числились один старший врач и один младший²². В 1901 г. в штат сестрорецкого завода была введена должность акушерки-фельдшерицы²³.

Медицинский персонал оружейных заводов был высококвалифицированным. В начале XX в. врачи заводских приемных покоев были, в основном, выпускниками Военно-медицинской академии²⁴. Это учебное заведение, открытое в 1800 г., было средоточием лучших научных кадров. Здесь работали С. П. Боткин, И. М. Сеченов, Н. И. Пирогов, Н. В. Склифосовский²⁵. Фельдшеры приемного

покая проходили обучение при лазаретах по установленной программе под руководством младших врачей по 3-летнему курсу, после чего им выдавалось свидетельство и назначение к месту службы²⁶.

Сравнение уровня медицинского обслуживания на заводах и в местах их расположения в целом позволяет объяснить более низкий уровень заболеваемости оружейников на фоне аналогичных общих показателей. Например, в Туле в 1880-х гг., где численность населения превышала 60 тыс. чел., было всего две больницы,²⁷ в то время как оружейный завод располагал собственным приемным покоем.

Более низкий уровень заболеваемости оружейников среди населения Тулы в некоторой мере было обусловлен их лучшими жилищными условиями. Большинство рабочих проживали в собственных одноэтажных домах, построенных еще в дореформенный период, когда завод выделял на эти цели лес государственных засек. И хотя эти дома постепенно приходили в упадок, они выгодно отличались от большинства жилищ городских рабочих и мастеровых, среди которых встречались глиняные мазанки в одну комнату, насквозь промерзавшие зимой.²⁸

Слабость медицинской помощи и плохое санитарное состояние Тулы были причиной того, что в Туле нередко случались эпидемии холеры, тифа и других болезней²⁹. До 1866 г. в тульские больницы в огромном количестве поступали больные с кровавыми поносами, особенно летом. Практически каждую зиму повторялись тифозные горячки. В 70-е гг. XIX в. в Туле участились эпидемии скарлатины, дифтерита, коклюша, кори. Нередкими были случаи лихорадки, обусловленной расположением города в болотистой местности³⁰. В 1875 г. Ижевск захватила вспыхнувшая в Вятской губернии эпидемия оспы³¹. В Туле это заболевание особенно активизировалось на рубеже веков, эпидемия повторялась ежегодно в декабре-феврале³².

В начале XX в. вследствие некоторого улучшения эпидемиологической обстановки характер заболеваемости оружейников изменился. Распространение инфекционных заболеваний в определенной мере ограничивало вышедшее в 1902 г. запрещение выхода на работу мастеровым, в семьях которых имелись заболевшие³³. Однако из этого не следует, что эпидемии со смертельными случаями остались в прошлом. Например, в 1912 г. в Туле такие последствия имела эпидемия брюшного тифа³⁴.

К началу XX в. на одно из первых мест среди заболеваний оружейников выходит туберкулез, особенно распространенный среди рабочих, занятых на вредном производстве - точильных камнях, полировке, перезубке пил, окраске и травлении ружейных частей³⁵. Еще в 70-е гг. XIX в. исследователь проблемы заболеваемости рабочих Ижевского оружейного завода Иван Андржеевский установил, что наиболее вредное влияние на состояние здоровья оружейников оказывало ложное производство, где воздух был наполнен мельчайшей древесной пылью, а также полировочное и точильное, где рабочие вдыхали раскаленную от трения минеральную пыль, образующуюся при обработке металла точильным камнем и наждаком. Еще более опасными И. Андржеевский находил работы по покрытию коробок, стволов и штыков лаком, во время которых мастеровые дышали парами минеральных кислот³⁶.

К числу основных причин потери трудоспособности мастеровых оружейных заводов в этот период следует отнести высокий уровень травматизма. Например, только в январе 1914 г. травмы разной степени тяжести получили на тульском заводе 7 чел.³⁷

Число несчастных случаев увеличивалось по мере расширения использования станочного оборудования. Ситуация усугублялась проходившими на заводах испытаниями оружия. Так, в 1861 г. при пристрелке призового револьвера иностранным мастером Иоганном Норманном был ранен в руку оружейный ученик Дмитрий Полосатов, который, нарушив правила, отправился поправить мишень.³⁸

Нередки были травмы со смертельным исходом. В 1863 г. мастер ствольного цеха тульского завода Александр Рудаков получил ранение правого локтевого сустава «со значительной потерей мясистых частей без повреждения кости» в результате попадания рукава между шкивом и раскатом

прокатной машины, находившейся на полном ходу³⁹. На сестрорецком заводе с 1872 по 1886 гг. число производственных травм достигло 3 880, из них 113 были со смертельным исходом⁴⁰.

Если возможность получить медицинскую помощь в приемном покое была предусмотрена только для проработавших на заводе не менее двух месяцев, то в случае болезни или увечья, полученных во время работы, стаж работы во внимание не принимался⁴¹.

С 1897 г. на оружейных заводах действовало «Положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений», которое предусматривало предоставление бесплатной консультации врача, состоявшего при заведении, медикаментов из приемного покоя, а при необходимости – возможности поступать в военные госпитали, лазареты и приемные покои с довольствием от казны в продолжение двух месяцев безвозмездно. Когда же болезнь или увечья были получены во время работы, казенное содержание назначалось до выздоровления.

В 1905 г. была предусмотрена выплата компенсации потерпевшим при несчастных случаях и «получившим повреждение в здоровье» в артиллерийском заведении военного ведомства, а также членам их семей⁴². Ранее же при продолжительном лечении и даже при утрате способности к выполнению работы по специальности получение компенсации было маловероятным даже по суду. Примером может служить несчастный случай, произошедший в 1891 г. со слесарем механической мастерской тульского завода Петром Фроловым, которому в глаз попал фрагмент раскрошившегося инструмента. Он перенес две операции, однако остроту зрения ему вернуть не смогли.

Вследствие того, что до полученной травмы он занимался доведением копиров на станках, для чего необходимо видеть просвет от неплотного прилегания указателя к копиру в две или три тысячных дюйма, ему пришлось поменять род занятий, что негативно отразилось на его заработке. Через семь лет подобным образом П. Фролов травмировал и другой глаз.

Этот и другие подобные случаи неоднократно являлись основанием для обращения в суд с требованием выплаты компенсации. Что касается П. Фролова, так же как и большинства других истцов из числа рабочих оружейных заводов, их дела ими были проиграны. Издержки за ведение дела, возложенные на П. Фролова, составили 443 руб. 5 коп.⁴³

В период болезни мастеровые получали пособие. В дореформенный период рабочим, не поступившим в госпиталь, выплачивали половину поденной платы. Позднее решение о выделении средств на эти цели в каждом конкретном случае принималось заводской администрацией⁴⁴.

Такие выплаты производились избирательно в зависимости от ценности работника для завода. Например, в 1886 г. было положено выдавать рабочим во время болезни половинную поденную плату, но не всем, а только тем, «которые своим усердием к работам были особенно полезны заводу». Это правило часто нарушалось. Так, начальник тульского завода В. Н. Бестужев-Рюмин не только распространил это правило на всех рабочих, но в особых случаях выдавал еще и пособия из штрафной суммы⁴⁵.

В начале XX в. размер выплат в связи с нетрудоспособностью мог составить либо полную поденную плату, либо ее половину, что подлежало согласованию с Главным артиллерийским управлением. Например, в 1902 г. начальник тульского завода А. В. Кун направил в Главное артиллерийское управление на утверждение назначение пособия троим рабочим сроком на два месяца «ввиду усердной и полезной их службы на заводе». Двоим из них предлагалось установить полную оплату, а одному – половинную⁴⁶. Полную плату на время болезни можно было сохранять не более 4 мес., половинную – не более полугода⁴⁷.

Положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений 1897 г. предусматривало предоставление бесплатной консультации врача, состоящего при заведении, медикаментов из приемного покоя, а при необходимости – возможности поступать в военные госпитали, лазареты и приемные покои с довольствием от казны в продолжение 2 месяцев безвозмездно. Когда же болезнь или увечья были получены во время работы, казенное содержание назначалось до выздоровления. Жены и дети рабочих имели право обращаться к заводскому врачу и получать медицинские пособия⁴⁸.

Кроме всех вышеперечисленных видов медицинской помощи, оказываемой рабочим завода, следует также упомянуть предусмотренное постановлением 1893 г. право учреждений военного ведомства направлять на минеральные воды и другие курорты нуждающихся в таком лечении. Правда, когда тульским заводом была предпринята подобная попытка, из Главного артиллерийского управления пришел отказ ввиду отсутствия средств⁴⁹.

В 1912 г. для служивших на заводах военно-технических специалистов была предусмотрена возможность командирования на лечение на минеральные воды. Например, в 1912 г. было принято решение командировать офицера тульского завода Б. И. Каневского на предстоящий летний сезон для лечения болезни на казенный счет на минеральные воды, для чего он прошел освидетельствование состояния здоровья заводскими врачами⁵⁰.

Несмотря на хорошо налаженную медицинскую помощь, рабочие считали, что она нуждается в улучшении и расширении. Во время революционных событий 1905 г. тульские оружейники потребовали введения в штат медицинских работников узких специалистов – стоматолога, окулиста, акушерки⁵¹.

Таким образом, система здравоохранения на каждом из оружейных заводов военного ведомства России имела свои отличия, связанные с уровнем развития здравоохранения в местах расположения этих предприятий, а также численностью работников.

В развитии заводского здравоохранения XVIII–XX вв. представляется возможным выделить три этапа.

1 этап. Введение в штат предприятия медицинского работника при оказании стационарной медицинской помощи в учреждениях городского подчинения.

2 этап. Учреждение заводских госпиталей.

3 этап. Упразднение госпиталей при освобождении оружейников от обязательного труда и учреждение заводских приемных покоев.

Оценивая результаты развития системы здравоохранения на предприятиях оружейной промышленности на протяжении двух столетий, следует обратиться к требовательным ведомостям о причитающихся пособиях за утраченную трудоспособность. Так, ведомость Тульского оружейного завода за вторую половину января 1914 г. содержит всего 11 фамилий, за первую половину марта того же года – 16 фамилий⁵². Учитывая, что в начале 1914 г. на этом предприятии трудились 8 150 рабочих⁵³, следует признать существовавшую заводскую систему здравоохранения достаточно эффективной.

Опубликовано: Труды Шестой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы» 13–15 мая 2015 г. в 4 ч. ч. 2. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2015 г. С. 104–114.

1. Тульский оружейный завод был основан в 1712 г., Сестрорецкий – в 1721 г., Ижевский – в 1807 г.
2. Обзор Тульской области: история здравоохранения: [Электронный ресурс]. URL: info.senatorvtule.ru/info/index.php?...327...com...view
3. История городской больницы № 40 – прошлое, настоящее и будущее: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gb40.ru/about/history>
4. Соловьев А. Материалы по истории Ижевского сталелитейного завода // Оружейный сб. 1902. № 2. Отд. 2. С. 16–18.
5. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 401. Л. 16, 23, 24.
6. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 555. Л. 1.
7. Ижевск. Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26.
8. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 76. Л. 66–69.
9. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 191. Л. 26.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 503. Оп. 5. Д. 146. Л. 1–33.
11. Ижевский оружейный завод // Военно-медицинский журн. 1877. Май. Ч. 129. Раздел 8. Критика. С. 16.
12. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 576. Л. 1–3.
13. Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее – ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1563. Л. 48–49 об.
14. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1435. Л. 1.
15. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6584. Л. 36, 49–50, 55–56.
16. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6596. Л. 1, 2, 4; Об упразднении госпиталя при Ижевском оружейном заводе и учреждении приемного покоя: Приказ военного министра от 29 октября 1866 г. № 397 // Оружейный сб. 1866. № 1. Правительств. распоряжения. С. 3–4;

- Положение и штат хозяйственных отделений при оружейных заводах: Приказ военного министра от 6 октября 1866 г. № 292 // Оружейный сб. 1867. № 1. Правительств. распоряжения. С. 3–4; Об упразднении госпиталя при Тульском заводе и учреждении приемного покоя: Приказ военного министра от 25 февраля 1865 г. № 76 // Оружейный сб. 1865. № 2. Правительств. распоряжения. С. 1.
17. Центральный государственный исторический архив С-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.) Ф. 1290. Оп. 1. Д. 2162. Л. 20, 41.
 18. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6584. Л. 141.
 19. О новом положении и штате для Тульского оружейного завода: Приказ по военному ведомству от 17 июня 1870 г. № 180 // Оружейный сб. 1870. № 3. Правительств. распоряжения. С. 35.
 20. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8167. Л. 1–7, 22, 25–26.
 21. РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2–7, 13–17, 24–28, 33; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/1. Д. 73. Л. 10.
 22. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3054. Л. 44.
 23. О добавлении в штат Сестрорецкого оружейного завода одной акушерки-фельдшерицы: Приказ по военному ведомству 1901 г. № 407 // Патин К.А. Справочник: Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному с 1859 по 1911 г. Кн 1. СПб., 1911. С. 489.
 24. ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 321. Л. 37–38.
 25. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 260–261.
 26. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8012. Л. 99.
 27. Ашурков В.Н. Царство «прижимки» // В.Н. Ашурков. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки. Тула: Приок. кн. изд-во, 2003. С. 371; Тула. Из истории города: [Электронный ресурс]. URL: <http://xreferat.ru/35/1832-1-tula.html>.
 28. Смидович В. Материалы для описания г. Тулы: Санитарный и экономический очерк. Тула, 1880. С. 20.
 29. Ашурков В.Н. Указ. соч. С. 371.
 30. Симонова Е. Демографическая ситуация в Туле на рубеже XIX–XX вв. // Тульский краевед. альманах. Вып. 1. Тула, 2003. С. 44.
 31. Блинов Н.Н. Извлечения из статьи: Оспенная эпидемия в Вятской губернии в 1875 г. Вятка, 1876. С. 1–2.
 32. Симонова Е. ... С. 46.
 33. О запрещении мастеровым и рабочим технических артиллерийских заведений посещать эти заведения при появлении в их семействах заразных болезней: Приказ по военному ведомству от 12 июля 1902 г. № 267 // Оружейный сб. 1903. № 4. Правительств. распоряжения. С. 3–4.
 34. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9540. Л. 45.
 35. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 191. Л. 26; ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9421. Л. 127.
 36. Андреевский И. Болотные болезни на севере. Медикотопографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 35.
 37. ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 454. Л. 2, 6, 12, 15, 23, 24, 25, 29.
 38. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5782. Л. 1.
 39. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6038. Л. 2, 5, 12.
 40. Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова / Н.Ф. Никольцева [и др.]. Л.: Лениздат, 1968. С. 91.
 41. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8012. Л. 99, 106.
 42. О выплате вознаграждения потерпевшим при несчастных случаях: Приказ по артиллерии от 3 февраля 1905 г. № 15 // Приказы по артиллерии. 1905 г. СПб., 1905.
 43. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9485. Л. 37–38.
 44. ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 142. Л. 2, 3, 7, 14, 15.
 45. ГАТО. Ф. 187. Оп. 4. Д. 3. Л. 30.
 46. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/1. Д. 73. Л. 8 об.–9.
 47. ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 152. Л. 209.
 48. РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2–7.
 49. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 5/2. Д. 1195. Л. 1.
 50. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 59. Д. 5 Л. 42.
 51. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9478. Л. 7–8.
 52. ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–4, 37–40.
 53. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9560. Л. 62.

БОГОРОДИЦКИЕ ШАХТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Богородицкая земля – колыбель Подмосковского угольного бассейна. Первые разработки угля начались близ здешних сел Малевка и Товарково, и на долгие десятилетия угледобывающая промышленность стала ведущей отраслью местной экономики. Тема «Шахты Подмосковья в период Великой Отечественной войны» еще ждет непредвзятого исследования и анализа, и одним из подступов к ее изучению стала настоящая работа.

В предвоенные годы ни одна из шахт района (с 1937 г. он назывался Товарковский с центром в Богородицке)¹ «в наиболее мощных в Подмосковном угольном бассейне не значится»². Несмотря на низкую техническую оснащенность (всего 39 единиц), отсталость богородицкой группы шахт и высокий травматизм (из-за этого каждые три дня простаивали две шахты), по итогам 1940 г. трест «Товарковуголь» занял первое место в бассейне. В тресте, объединяющем 21 шахту, числилось 8 420 человек, в том числе 7 300 рабочих и 250 инженерно-технических работников. Уголь использовали для местных нужд и отгружали на Каширскую ГРЭС и Ефремовский завод синтетического каучука.

С начала Великой Отечественной войны от руководителей шахт потребовали иметь в отвалах не менее полуторамесячного запаса угля для бесперебойного снабжения топливом промышленности и железной дороги центральных районов. Хотя в отдельные дни трест работал с перевыполнением плана, а передовые горняки перекрывали нормы на 180-236%, в целом июльская суточная добыча составляла 8 006 т (проектная мощность шахт была рассчитана на добычу 11 300 т в сутки).

10 августа на шахтах прошел воскресник с отчислением дневного заработка – по тресту он составлял почти 100 тыс. руб. – в фонд обороны страны. В тот день горняки выполнили план на 113,1%. Коллектив 59-й шахты, до этого систематически отстающей, решил ежемесячно до конца войны отчислять в помощь фронту свой однодневный заработок, а для «весомости» взноса труженники обязались выполнять по полторы нормы.

К 20 октября «шахты кончили работать. Промышленность остановилась»³. Начатую в адрес «Кузбасстроя» эвакуацию ценного шахтного имущества – кабелей, канатов, компрессоров, электрооборудования – из-за транспортных затруднений произвели не полностью. 10 ноября бюро райкома ВКП(б) решило «ограничиться завалом крестов, демонтажом водоотлива и вентиляции, оборудование затащить в глухие штреки и завалить, подъем разобрать и сбросить в ствол, канат изрубить и также сбросить в ствол. Стволы не взрывать, поверхность не сжигать»⁴.

Перед отходом частей Красной Армии Наркомат угольной промышленности приказал взорвать основные производственные объекты. 13-16 ноября на шахтах треста подрывались шейки стволов, копры, машинные здания и электроподстанции. Из трансформаторов выпускали масло и разбивали изоляторы. Останов водоотливных установок привел к затоплению шахт, большей частью вместе с оборудованием, что потом осложнило восстановление.

Прибывшие в обозе фашистской армии промышленники пытались организовать восстановление шахт и добычу угля. Для этого гитлеровцы проводили принудительную мобилизацию рабочих и техперсонала, не успевших эвакуироваться.

Оккупация района с 15 ноября⁵ по 15 декабря 1941 г. принесла тресту материальный ущерб в 50 млн.⁶ руб. Пострадали все шахты, но степень их разрушения оказалась не одинакова.

Первую группу составили крупные, сложной конструкции шахты, построенные в последние годы, которые претерпели значительные повреждения и трудно поддавались восстановлению: Богородицкие №№ 64, 68, 72.

Во вторую вошли шахты, претерпевшие значительные разрушения или сильно обводненные, но простой конструкции и поддающиеся восстановлению в более короткое время.

Наибольшую группу составили средние и мелкие шахты, сохранившиеся почти полностью или незначительно поврежденные: Товарковские №№ 13, 15, 20, 24, 50, 55, 57.

29 декабря 1941 г. правительство приняло Постановление «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне». Оно потребовало обеспечить электроснабжение товарковских шахт к 5 января 1942 г., богородицких к 15 января и довести добычу в январе до 5 тыс. т в сутки, в феврале до 7 тыс., в марте до 10 тыс. (в октябре до 40 тыс. т). Нереальность планов опровергнет суровая действительность. Наркомат путей сообщения обязали к 1 марта «восстановить линейное, путевое, селекторное и подъездное хозяйство и сигнализацию, связь на подъездных путях «Товарковугля»⁷.

Оставшиеся в районе горняки едва ли не сразу после его освобождения вернулись на свои израненные шахты. Из более чем 4 000 рабочих, зарегистрированных на 15 декабря 1941 г., в середине января систематически работали чуть больше 2 000. Во время оккупации трест потерял 25 600 квадратных метров жилой площади⁸. Если прежде шахты на 35% были обеспечены жильем, то сейчас этот показатель почти равнялся 0. Поселки большинства шахт и села по соседству были «буквально спалены»⁹. В поисках крыши над головой многие отправились в другие края: только на 60-й, считавшейся «гигантом», из 830-840 работавших осталось 214 человек.

Наркомат угольной промышленности обязал «Товарковуголь» до 15 февраля 1942 г. возобновить работу 12 шахт. «Пересмотрев на месте, нашли нужным восстановить»¹⁰ к этому сроку все шахты. Как признался управляющий трестом Н. С. Бодряков, «не совсем правильно выражаюсь, они будут пущены (курсив – В. Д.) и будут давать уголь»¹¹. Восстановление же разрушенного своими и врагом окажется долгим и трудным.

Работая день и ночь, горняки 24-й уже 3 января¹² вернули шахту к жизни, и она выдала нагору первые тонны угля. Закончив полугодовую программу 4 июня, шахта удостоится ордена Трудового Красного Знамени, завоюет переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны и получит звание «Лучшей шахты Советского Союза»¹³. Задание 1942 г. 24-я выполнит на 117,2%.

Пока же к середине января на 15 шахтах «раскрепляются кресты», устанавливаются подъемники, трансформаторы в 100 и 50 кВт, восстанавливаются водоотливы и вентиляция. Есть «электроэнергия, подъем, водоотлив и воздух»¹⁴ – шахту можно пускать в эксплуатацию, но без механизированной добычи угля. Первое время его прямо в забое грузили в вагонетки. Двухсменная отгрузка угля (обкомовское задание – 120 вагонов) и восстановительные работы шли одновременно.

Первоочередные работы по восстановлению механического хозяйства сдерживала нехватка кадров. «Из 10 шахт только 2 обеспечены главными инженерами, и 2 шахтоуправления обеспечены механиками», в тресте «главный энергетик, начальник технического отдела, главные инженеры шахт 68, 64, 63, 20 работали у немцев»¹⁵. Механики также оставались на работе у немцев». Зачастую вся вина этих людей состояла в том, что они, как миллионы советских граждан, имели несчастье быть на оккупированной территории¹⁶.

Темп работ тормозило отсутствие баббита,¹⁷ строительство копров, зачастую откачка воды. Бригада слесарей 63-й шахты в составе Кулакова, Нечаева, Бородина и бригадира Баранчикова, без света, при большом скоплении газов, идя по пояс (в другом месте: по горло) в воде, вытасила затопленные насосы, за двое суток вместо пяти капитально отремонтировала их, просушила моторы и установила на «рабочие» места.

Эта же бригада, чтобы откачать воду, с риском для жизни опускала насосы по обледенелому вентиляционному стволу. Люди 3 дня не выходили из шахты, пока не выполнили задание.

68-й шахте 1 и 2 февраля угрожало затопление. Комсомольская бригада в составе Рогова (бригадир), Бочарова, Подшибякина и Бадера (в другом месте: Ведерова), работая без отдыха 25 часов (в другом месте: 36), отремонтировала и установила насосы, предотвратив аварию¹⁸.

Несмотря на героизм многих горняков, январскую программу трест, в котором уже работало 10 шахт, выполнил лишь на 32,8%: вместо 12 тыс. т добыл 3 941¹⁹.

21 февраля пустили в эксплуатацию последние три шахты, при этом на восстановительных работах было занято лишь 1 733 человека: 72% от потребности. Всего же в тресте досрочно – с опережением в 36-68 дней – сдали 10 шахт.

Если «Товарковуголь» выполнил февральскую программу добычи угля, то мартовскую осилили всего 5 шахт. Квартальный план трест выполнил на 98,4%, а с заданиями справились только 6 коллективов. Среднесуточная добыча составила 3 992 т при плане 4 100²⁰. Нормативы добычи, утвержденные полгода назад, для треста «Товарковуголь» пришлось уменьшать: июль 6 500 т, август 6 900, сентябрь 7 600, октябрь 8 200²¹.

При нехватке врубовых машин – вместо положенных трех всего одна, увеличить добычу одними отбойными молотками – вместо 15 плановых был 31 – не представлялось возможным. Применение взрывных работ, которые прежде в шахтах треста не использовали, стала бы сдерживать ручная откатка. Выход нашли в переходе «на трудоемкие работы ручным способом»²².

«Рабочие колонны» из мобилизованного окрестного населения, раненых и побывавших в плену, спецконтингент из депортированных немцев, которым «должны сохранить жизнь и выкачать из нее все, что могло бы обеспечить выпуск добываемой продукции»²³ и прибывшая летом 1942 г. молодежь из Москвы, «ранее никогда не видевшая шахт»²⁴, с лихвой обеспечат трест мускульной силой. Всего к концу 1942 г. на шахтах около 10 тыс. рабочих, в том числе на эксплуатации 7 800. В 1943 г. пришлют рабочих из Курской области.

В результате людских «вливаний» шахту № 55/69 обеспечили рабочими на 139,8%, шахту № 57/49 – на 115,2%²⁵. Даже на орденоносной 24-й, где на 1 февраля 1943 г. был 1 121 рабочий, из профессиональных горняков всего 80 крепильщиков, по 48 забойщиков и вагонщиков и 32 навалотбойщика²⁶. На тонну добычи приходилось 4–5 человек, тогда как раньше был 1.

«За образцовое выполнение задания правительства по восстановлению шахт и перевыполнение плана добычи угля» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1942 г. по тресту «Товарковуголь» 42 человека получают правительственные награды. Хотя к 1 сентября все шахты треста достигли довоенного уровня добычи, план восстановительных работ в комбинате «Тулауголь» хуже всего выполнял «Товарковуголь» – 56%, по подготовительным работам у него также были худшие показатели – 85,2%²⁷.

Итоги 1942 г. оказались неутешительными: «вышли из строя 4 шахты. Новые не строятся, нет оборудования, все компрессоры разбиты, из-за этого 10–11 шахт (половина – В. Д.) недодают добычу»²⁸. Хищническая выемка угля шла, как на заре колонизации: «добыча ведется исключительно вблизи ствола – выбирается небольшой заходочный участок и около ствольного целика нарезается лава»²⁹. Подготовительные работы «ведутся бессистемно», но цель – «вложить максимум энергии в работу и выжать из шахты максимум»³⁰ – оправдывала средства.

Московские шефы – заводы «Красный богатырь», имени Калинина, «Арматура», «Калибр», завод внутришлифовальных станков, имени Владимира Ильича, «Газоаппарат», «номерные» заводы (37, 59, 47 МК, 476 минометный, № 2 Наркомата обороны), Наркомат боеприпасов – помогали шахтам треста оборудованием и ширпотребом. Посланные столицей бригады слесарей ремонтировали механическое хозяйство, а 4 завода отправили горнякам «12 токарных, фрезерных, строгальных и др. станков, электросварочные аппараты»³¹. Бригада артистов Малого театра на одной из шахт дала «2 больших концерта в клубе горняков» и выступила «на нарядах каждой смены в 6 утра и в 12 ночи»³².

Для подготовки профессиональных рабочих-угольщиков в районе открываются школы ФЗО: Товарковская № 1 и № 19 в Богородицке. 19-я «подготовила за войну 758 крепильщиков, навалотбойщиков, забойщиков, машинистов шахтных механизмов, врубмашинистов, плотников, штукатуров, слесарей»³³.

Несмотря на сходство проблем – низкий уровень механизации, частые поломки немногочисленной техники и, как следствие, простои лав и забоев – богородицкие шахты, как и в предвоенные годы, отставали. Для «более оперативного руководства»³⁴, к 9 декабря 1942 г. трест «Товарковуголь» разукрупнили на тресты «Товарковуголь» в поселке имени Кагановича и «Калининуголь» в городе Богородицке.

20 декабря 1942 г. Постановлением ГКО СССР «О мерах помощи Подмосковному угольному бассейну» на базе ЦЭММ треста «Товарковуголь» создается механический завод, который станет ремонтировать старое горно-шахтное оборудование и изготавливать новое для комбината «Тулауголь». За 9 месяцев 1943 г. товарковцы поставили 175 скребковых транспортеров. По отзывам, механизм «в основном оказался неплохим в работе»³⁵, но редкая местная шахта имела его у себя.

Шло время, шахты перемещались со старых выработанных участков на новые, возводились новостройки: в IV квартале 1942 г. дала первый уголь заложенная еще до войны 73-я шахта (выйти на проектную мощность она должна была к 1 мая 1945 г.), 1 сентября 1944 г., с большим опозданием, сдали Бегичевскую шахту № 2. За 1943–1945 гг. только в тресте «Товарковуголь» было построено 36 мелких шахт, которые дали 42,8% всей добычи тех лет³⁶. Крупнейшими потребителями богородицко-товарковского угля оставались паровозные топки составов, курсировавших по ближнему и дальнему Подмосковию, сама столица и Каширская ГРЭС.

Раздел треста мало что изменит в работе шахт. В 1943–1944 гг. по-прежнему «основным недостатком является слабая подготовка рабочего места, большие простои»³⁷. Из-за неполадок на механизмах, перебоев в доставке леса и порожняка навалотбойщики были заняты в смену лишь 3–3,5 часа. Не способствовала повышению производительности труда и заинтересованности в результатах уравниловка, существующая по отдельным профессиям.

Весной 1943 г. на всех шахтах ввели двухсменный режим работы лав, а на некоторых стали применять буро-взрывные работы, способствующие «быстрейшему продвижению лавы и скоростной проходке штреков». Двухсменка повысила производительность труда и угледобычу, но не уменьшила «затраты мускульной энергии навалотбойщика и забойщика»³⁸.

Государственный план 1943 г. трест «Товарковуголь» выполнил на 100,5% («Калининуголь» на 99,6%), при этом на шахтах лидирующего треста 50,7% забойщиков, 57,2% вагонщиков и 92% навалотбойщиков не выполняли норм выработки⁴⁰.

Неудовлетворительно использовались врубовые машины. Из имеющихся в 1944 г. в тресте «Товарковуголь» пяти машин работали три, в тресте «Калининуголь» из четырех не использовалась ни одна.

Шахты преследовала высокая аварийность: в 1944 г. только по тресту «Товарковуголь» произошло 606 несчастных случаев, в том числе 8 смертельных и столько же тяжелых⁴¹.

Положение усугубляла бытовая неустроенность. «Постоянная ругань за план и требование выполнить его любой ценой»⁴² приводили к тому, что проблемы, как живут рабочие, как кормят в столовых, как снабжают продуктами и промтоварами, считались мелочами, непосредственно не связанными с производством. 5 сентября 1942 г. рабочий 68-й шахты писал знакомым: «Работают на шахте москвичи-девчата. Просто страшно смотреть и жаль их. Все грязные. Умываться негде, все разуты, спецовок нет, не пойдешь же в шахту в шелковом платье и модельных туфлях. Да и положение тяжелое. Много сбежало, да и не мудрено сбежать от такой жизни»⁴³.

Отсутствие жилья заставило наскоро сооружать помещения «упрощенного типа» и землянки. Дома, от которых сохранились коробки, а внутренность сгорела, быстро приспособляли под общежития с 2–3-хъярусной системой, порой по двое на кровати, обычно без белья и нередко без матраца,⁴⁴ часто без воды (на одном горняцком поселке ее не было свыше трех месяцев) и тепла. Топливо горнякам отпускали из отвалов, и в нем преобладала синика и порода. Воистину, шахтер без угля.

В общежитии 60-й шахты в 7-местной нетопленной комнате, без дневного и электрического света, ютилось по 15 человек. Подчас горняк стоял перед выбором: оставаться на шахте и спать в нарядной или в бане или идти около 6 километров до ночлега, поскольку поезд, подвозивший рабочих, уходил раньше окончания смены.

Для 50 рабочих 63-й шахты общежитием стал наскоро переоборудованный гараж: сколотили сплошные нары, сделали дверь и печи. Они непрерывно дымили, и новая дверь послужила вытяжной трубой в топившейся по-черному ночлежке.

Общежития школы ФЗО–19 вовсе пребывали «в полуразрушенном состоянии: На 100 учащихся 1 умывальник с 3 отсосами, во втором умывальника совсем нет. Не отапливались по 3–4 дня. Завшивленность. Мыла не имеется. Столовая работает плохо»⁴⁵. Выпускники школ ФЗО – голодные, полуодетые подростки – переходили из своего грязного и холодного общежития в смрадный рабочий барак и через 2–3 дня убегали с шахты.

Даже в победном 1945 г. по тресту «Калининуголь» на каждого рабочего приходилось полтора метра жилья, по тресту «Товарковуголь» на 7 квадратных сантиметров больше.

Настоящим бедствием стало отсутствие одежды и обуви: за 10 месяцев 1942 г. в тресте получили 8 тыс. пар чуней, так что не удалось обеспечить веревочными лаптями каждого рабочего. Одному горняку, позже оправданному по суду, вместо спецобуви в январские морозы выдали тапочки, и он 3 дня не появлялся на работе.

Нужда заставила вспомнить, как еще до оккупации в тресте «организовали поделку чунь, починку резиновых сапог, пошивку сапог из старой резины, ремонт старой одежды»⁴⁷.

Кроме «нечего надеть-обуть», на настроение рабочих влияло плохое отоваривание продовольственных карточек (в очереди за хлебом простаивали по 12 часов) и в целом плохое питание. В столовых «много фактов обвеса и обмера... плохое приготовление пищи»⁴⁸. Так, в столовой 60-й шахты 12 июня 1942 г. горняков потчевали щами из крапивы без мяса, гуляшом с овсяной кашей и пшеничным супом без мяса. Обед в столовой 24-й шахты, приготовленный из тех же продуктов, не по-военному изобилен и разнообразен: 10 июня на первое можно было выбрать суп пшеничный без мяса, суп-лапшу по-домашнему или щи зеленые с мясом, на второе котлеты с пшеничной кашей, гуляш с пшенкой, тушеное мясо с кашей, оладьи с маслом. Неудивительно, что все военные годы 24-я являлась «одной из лучших шахт Подмосковского бассейна»⁴⁹: по пословице, «что пожуешь, то и поживешь». Когда же «в столовых – один бульон»⁵⁰, рабочие порой жаловались на температуру 35,5°.

Из-за рабских условий труда и жизни «прогулы захлестнули шахты»⁵¹. Если в январе 1942 г. численность прогульщиков по тресту составляла 16 человек, то в феврале уже 82, в марте 303, в апреле 895, а в мае выросла до 1125. За 5 месяцев процент прогульщиков к числу рабочих составил 6,4%, и по этому показателю «Товарковуголь» «уступал» лишь тресту «Сталиногорскуголь» с его 6,65%. Только на 60-й шахте из 1458 рабочих за год прогуляло и дезертировало 964. Главным образом дезертирами являлись рабочие, мобилизованные райвоенкоматами, и, видимо, уверенные, что все равно «дальше фронта не пошлют».

После третьего прогула материалы направлялись в прокуратуру, а прогульщик предстал перед военным трибуналом. Из направленных в суд материалов на 498 человек за январь-май 1942 г. осудили 255 беглецов. Правительственное постановление от 18 октября 1942 г. о снижении прогульщику нормы хлеба на 200 граммов до 5 ноября в районе не применялось.

Пугала ли неотвратимость наказания, но в 1944 г. было совершено 800 прогулов против 1018 в 1943, а число самовольно ушедших с производства сократилось до 312 против 498⁵².

Сон на двухэтажных нарах, жидкая похлебка в столовой – и в забой, нередко в состоянии полного упадка физических сил.

Фронт потребовал величайшего напряжения сил. Язык заголовков и статей районной газеты «За уголь» порой напоминает сводки с полей сражений, объем работ стали называть боевым заданием или фронтом работ, шахтерская доска почета именовалась «Передовики угольного фронта».

В тылу, как на передовой, были свои герои. Комсомольско – молодежная бригада Майорова Малевского шахтоуправления в течение всех военных лет держала знамя областного комитета комсомола и премию комбината «Тулауголь».

Забойщики Малевского шахтоуправления Асламов и Санин, завоевавший звание «Лучший забойщик комбината „Тулауголь“», ежедневно выполняли норму добычи на 200% (их называли «двухсотниками», а бывали и «пятисотниками»). Передовые горняки Ф.С. Перцев, И.Х. Гойса, В.М.Томиленко, Я.М. Козлитин, И.П. Капусткин, К.С. Монахов, З.Е. Бондаренко выполняли по полторы – две годовых нормы.

На 68-й шахте фронтовая бригада Фархулина, выполняющая план добычи на 200%, «оправдывает название – дерется за добычу угля»⁵³.

Богородицкие горняки по итогам года не раз включались в список лучших людей шахт Подмосковского угольного бассейна. Оказалась среди них и мотористка на насосах Струева. Всего же к концу 1942 г. на шахтах района работает 1 237 женщин.

Они становилась навалщиками, вагонщиками, не самой редкой сделалась основная и труднейшая горняцкая специальность забойщика-навалоотбойщика. На обращение к горнякам «Идите в забой, идите в лаву» откликнулись сотни женщин. Бригада Шуры Карякиной 29 ноября 1943 г. свое задание выполнила на 270%. Бригады Фени Ляхер и Крутилиной в тот же день за смену

прошли 1,5 и 1,35 метра соответственно при норме 1,15. Приглядываясь и слушая советы опытных горняков, как «самой рубать уголь, владеть отбойным молотком, как выбирать пласт для удара»⁵⁴, «шахтерки» выполняли, а потом и перевыполняли свои нормы, порой оставляя позади себя мужчин: 189% против 139 у сильного пола.

Рысин, забойщик 24-й шахты, и его сестра, вагонщица, работая на пару, систематически выполняли норму 150-300%. В один из дней очередной фронтовой декады семейный дуэт выполнит сменную норму на 314%.

Москвичка Лена Егорова на шахте стала люковой. Ее задача – «наполненную углем вагонетку оттолкнуть (курсив – В.Д.) и под беспрерывно движущийся уголь из лавы подставить пустую»⁵⁵. Опоздаешь – придется останавливать конвейер. Девушка, до недавнего времени не знакомая с горняцким делом, перекрывала сменные задания на 150–200%. Вагонщица Курганская октябрьскую норму 1944 г. выполнила на 305%.

В 1944 г. трест «Калининуголь» в составе 7 шахт выполнил план на 105,5%, дополнительно добыв в фонд Победы 50 900 т.⁵⁶ По сравнению с 1943 г., общая добыча выросла более чем на четверть (26,6%). Трест «Товарковуголь» программу 1944 г. завершил досрочно на 37 дней, добыв сверх плана 160 331 т угля. Прирост по сравнению с 1943 г. составил 10%, а удельный вес механизированной добычи достиг 66,1%⁵⁷, и все военные годы шахтеры этого треста «шли в авангарде армии горняков страны»⁵⁸.

Богородицкие шахты ушли в историю, а подлинная история их военного быта и бытия только приоткрывается. Сомнительность казенного советского оптимизма, что восстановление шахт, шедшее «более ускоренными темпами, чем намечалось планом», позволило «значительно превысить довоенный уровень добычи угля и улучшить технические показатели»⁵⁹, подтверждается архивными материалами. Обращение к ним воссоздает не «чернушную», а реальную картину военного прошлого, где баланс факторов по объективным причинам оказался на стороне негативных.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.- обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 217-227.

1. 15 февраля 1944 г., за счет разукрупнения Товарковского района, образовался Богородицкий район. Центром Товарковского района стал рабочий поселок им. Кагановича (24 сентября 1957 г. переименован в рабочий поселок Товарковский). 12 мая 1959 г. Товарковский район упразднили, а территорию передали в состав Богородицкого района. В статье речь идет о шахтах, находившихся в границах современного Богородицкого района.
2. ГАТО (Гос. архив Тульской области). Ф. 177. Оп. 5. Д.132. Л. 14.
3. Богородицкий дворец-музей и парк. Дневник 1го секретаря Товарковского РК ВКП(б) В.Р. Ребрикова. Ф. Великая Отечественная война. – Ротатор. экз.
4. Там же.
5. Малевка оккупирована 17 ноября 1941 г.
6. Потери коммунального хозяйства Богородицка оценят в 10 млн.106 тыс. руб.
7. Там же. Л. 36.
8. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 175.
9. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 2. Л. 217.
10. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 176.
11. Там же. Л.175.
12. За уголь. – 1942. – 7 ноября. Встречается и другая дата – 15 января 1942 г. // ГАТО. Ф. 77. Оп. 8. Д. 59. Л. 57.
13. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 103. Л. 18.
14. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д.2. Л. 217.
15. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 219.
16. В районе «плановой эвакуации не было... при полном отсутствии транспорта» // Архив муниципального образования Богородицкий район. Ф. 1. Д. 70. Л. 30 об.
17. Антифрикционный сплав, применяемый в подшипниках.
18. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д.5. Л. 321-322; Д. 101. Л. 19.
19. ГАТО. Ф.177. Оп. 8. Д. 59. Л. 40.
20. ГАТО. Ф. 177. Оп.8. Д. 50. Л. 31,58.
21. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 103. Л. 18.
22. ГАТО. Ф 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 175.
23. ГАТО. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
24. За уголь – 1942. – 25 сентября.
25. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 102. Л. 127, 130–131.

26. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 51. Л. 25.
27. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 56. Л. 121.
28. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 3. Л. 69–70.
29. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 134. Л. 34.
30. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 155.
31. За уголь. – 1942. – 25 ноября.
32. За уголь. – 1942. – 9 декабря.
33. За уголь. – 1945. – 23 сентября.
34. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 47. Л. 15 об.
35. ГАТО. Ф. 177. Оп. 9. Д. 28. Л. 50.
36. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.
37. За уголь. – 1943. – 6 января.
38. За уголь. – 1943. – 8 июля.
39. ГАТО. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
40. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 118. Л. 47.
41. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 125. Л. 28.
42. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 76. Л. 81.
43. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 56. Л. 126–126 об.
44. На некоторых шахтах выполнение норм выработки пытались стимулировать выдачей матрацев и водки. Только в октябре 1943 г. шахты треста «Калининуголь» получили почти 7 тыс. л водки, однако использовали ее «отдельные руководители не по назначению».
45. ГАТО. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 21. Л. 4 об.
46. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 14. Л. 26 об; Ф. 58. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.
47. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 25. Л. 141.
48. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 62. Л. 67; Д. 3. Л. 21.
49. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.
50. Там же. Л. 13.
51. Там же. Л. 6.
52. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 125. Л. 26.
53. ГАТО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 5. Л. 327.
54. За уголь. – 1943. – 7 марта.
55. Там же.
56. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 13. Л. 17–18.
57. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 125. Л. 8, 17, 21.
58. ГАТО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.
59. Аксенов И.В., Дубовский П.И. и др. Подмосковский угольный бассейн. М.: Недра, 1967. С. 23.

ВОЙНА, ГЛЯДЯЩАЯ СО СТРАНИЦ «РАЙОНКИ»

Не перестаю убеждаться в ошибочности утверждения о скоротечности газетной жизни. Еще раз утвердилась в своем мнении, когда солнечным мартовским днем просматривала нашу «районку» 1941–1942 гг.

Хотя была она и не в комплекте, и не «настоящая», а микрофильм (подлинники газеты хранятся в Российской Государственной библиотеке), не могла побороть даже не сердечный трепет – сердечный грохот. Особенно, как говорят артисты, «волнительно» было вчитываться в газеты 1941 года издания. Это я знаю, что скоро случится, а для «тех» читателей время еще не разделилось на «до войны» и «после».

Газета с призывным названием «За уголь» выходила на 4 полосах тиражом 6 050 экземпляров. Редакция во главе с ответственным редактором П. Пугачевым размещалась в доме № 8 на улице Урицкого (сейчас д. 10).

Кроме редких, сильно ретушированных портретов, других изобразительных материалов не было. Из известных лиц – горняк Алексей Семенович Прощалькин и учительница Анна Александровна Рудакова. За полувековое педагогическое служение ее наградили орденом «Знак Почета».

В одном из материалов нашла знакомую фамилию – М.А.Панюков, председатель шахткома шахты № 59. В декабре 1941 г. Михаил Андреевич станет участником освобождения Богородицка от гитлеровцев, а в апреле 1980-го его Почетным гражданином.

Номер от 1 января, как водится, подводил итоги минувшего года. В 1940-м трест «Товарковуголь» (район с центром в Богородицке назывался Товарковский) занял первое место в Подмосковном бассейне. На шахты – к началу войны их 21 – поступило 1 290 пневматических отбойных молотков и 14 врубовых машин БШ. Подготовкой специалистов занимались Товарковская школа ФЗО и Товарковский филиал горного техникума. Там можно было получить специальность техника-эксплуатационника для горной промышленности и техника-электромеханика. Где находилось головное учебное заведение, не указано, возможно, в Скопине Рязанской области.

В июле 1940 г. в городе организовали райпищекombинат и райпромкомбинат, и уже 1 октября пустили в эксплуатацию Богородицкую кондитерскую мастерскую. Она выпускала «мучные изделия»¹ и конфеты.

Среди «райпромкомбинатовских» организаций упоминаются швейная мастерская «Ревтруд» и Богородицкая сапожная артель «Победа». Ее мастера не только ремонтировали, но и тачали обувь, товар в те времена весьма дефицитный.

В 1940 г. Богородицк получил новое родильное отделение на 30 коек с изолятором. Роддом открылся и в Иевлевском сельсовете. Об этих новшествах сообщал зав. райздравотделом Г. В. Широбоков. О здоровье юных жителей заботились специалисты Богородицкой и Товарковской детских консультаций. Люди с ограничениями по здоровью поступали в Богородицкий Дом инвалидов.

В последнем мирном году начались занятия в школах-новостройках: неполной средней в Ломовском сельсовете и Богородицкой средней. В двух сельских средних школах района – Иевлевской и Малевской – впервые появились десятые классы, в которых обучалось 57 человек.

Количество учащихся по сравнению с 1939 г. увеличилось почти на 2000. До 500 выросло и число учителей – два года назад их было 414.

Районная библиотека – ею заведовал Н. Вережкин – обслуживала 3731 читателя (в 1939 г. было 2 914). Фонд превысил 25 тыс. книг, «имелась большая читальня»².

В поселке им. Кагановича (ныне Товарковский) в первый день нового года в клубе им. Воровского давали концерт артисты московского театра. Вечером местная средняя школа (директор

А. А. Шишкова) устроила для старшеклассников новогодний бал. Товарковский дом отдыха в дни зимних каникул предоставили пионерам и школьникам. Пионервожатыми были десятиклассницы Богородицкой средней школы №1 Магдалина Панова и Аня Санкина. Обе девушки станут участницами Великой Отечественной войны, причем Аня – впоследствии Анна Никифоровна Сусанова – единственная из наших «фронтовичек» вернется домой офицером.

1–2 января в Богородицком кинотеатре им. Степанова «крутили» вторую часть нового звукового художественного фильма «Петр Первый». Сеансы начинались в 5, 7, 8.30 и 10 часов вечера. В зимнем репертуаре трогательные картины «Тимур и его команда», «Большой вальс» и «Музыкальная история».

Свою историю начала писать Богородицкая музыкальная школа. В начале 1941 г. она встретила годовщину со дня открытия. К этой дате учебное заведение получило 2 новых пианино ленинградской фабрики «Красный Октябрь».

В старинном доме по ул. Коммунаров, д. 16 (сейчас д.10), отданном под школу, занятия велись на отделениях фортепьяно и народных инструментов (домра, балалайка, 4-хструнная испанская и 6-струнная гитара). Школа регулярно выпускала стенную газету и фотогазету: родителем одной из учениц – Лии Юрьевой, впоследствии талантливого педагога музыкальной школы – был известный в городе фотограф Константин Михайлович Юрьев.

В праздничном выпуске в честь 23 февраля газета поместила материал о земляке Григории Сергееве, служащем в Западном особом военном округе. Что станет с ним через 4 месяца?

1 мая в Богородицке состоялась праздничная демонстрация. В ту пору все массовые торжества проходили на стадионе треста «Товарковуголь» (ныне территория сельскохозяйственного колледжа). Впереди сводной колонны к месту общегородского митинга шествовали осоавиахимовцы.

В июне учебные заведения – Товарковский филиал горного техникума и Богородицкая музыкальная школа – открыли прием на новый учебный год.

Июнь – это и пора школьных выпускных экзаменов. Для итогового сочинения десятиклассникам предложили три темы: «Рождение нового человека в огне революционной бури» (по роману М. Горького «Мать»), «Партизанская масса в революционной войне» (по «Разгрому» А. Фадеева) и «Поэма Маяковского „Хорошо“ как блестящий образец социалистического реализма».

17 июня в Богородицкой средней школе № 2 (директор Иван Кузьмич Давыдков) прошел вечер, посвященный первому выпуску. Со школой простились 29 юношей и девушек.

Накануне Тульский областной горняцкий театр показал в горсаду для учащихся и домохозяйек утренний спектакль по одноактным пьесам «Часы с боем», «С теплым ветром» и «Родственник из деревни». Вечером артисты играли комедию Бомарше «Севильский цирюльник». 21 июня, в 21.30, гастролеры снова пригласил зрителей в горсад на «последний спектакль „Севильский цирюльник“»³, которому и впрямь суждено было стать последним...

22 июня, когда миллионы сограждан «теряли этот день и мир – минуту за минутой», типография печатала 144-й номер газеты, самый обычный. В то памятное воскресенье в кинотеатре должен был идти фильм «Фронтовые подруги». Киношная история скоро станет явью.

23 июня газета опубликовала первые Указы Президиума Верховного Совета СССР, в том числе о мобилизации, и заявление Молотова, 4 июля поместила текст запоздалого обращения Сталина. Отныне и до конца войны значительное место на страницах газеты станут занимать официальные материалы: сводки Совинформбюро, публикации Указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений правительства. Вскользь промелькнет, что «25 июня суточный план добычи по тресту перекрыт»⁴ или «В начале Отечественной войны в Богородицке открылись курсы шоферов. Обучаются жены красноармейцев и девушки»⁵.

Последний сохранившийся номер газеты 1941 г. – 216-й – датируется 17 октября. Между тем издание продолжало выходить: известно, что 10 ноября газета поместила речь Сталина на параде 7 ноября.

Издание «районки» возобновилось примерно в конце февраля – начале марта 1942 г., однако самый ранний сохранившийся ее выпуск – 91-й – относится к 25 сентября.

Исполняющим обязанности (позже ответственным редактором) был Иван Никитович Гречишкин. Война не пощадила редакционное здание, и газетчики переехали в дом №51, располагавшийся на улице Коммунаров (видимо, находился между современными улицами Ленина и Урицкого). От бывшей редакции и типографии осталась одна коробка, и в 1946 г. ее передадут тресту «Калининуголь» для восстановления под жилое помещение на условиях постройки второго этажа и выделения в этом здании площади под магазин и городскую аптеку.

Газета, словно оправдывая свое название, большинство материалов посвящала угольной тематике. Подмосковный бассейн, куда входили богородицко-товарковские шахты, был «призван обеспечить топливом электростанции, железнодорожный транспорт, промышленность центральных и волжских районов и Москву»⁶. Горняки уже на следующий день после освобождения района вернулись на свои израненные шахты, работали день и ночь, чтобы вернуть их к жизни. Благодаря упорству и героизму горняков некогда мощная шахта №24 уже 3 января⁷ (по данным бывшего партийного архива, 15 января) вступила в строй, выдав на-гора первые тонны угля. За образцовое выполнение задания правительства по восстановлению шахт и выполнение плана добычи угля по тресту «Товарковуголь» 42 человека удостоились орденов и медалей. Заведующему шахтой №24 П. В. Родионову вручили орден Ленина, заведующему Малевским шахтоуправлением – оно возобновило добычу 21 января – А.С. Прощалыкину орден «Знак Почета». В 1948 г. Алексею Семеновичу присвоят звание Героя Социалистического Труда.

Среди награжденных забойщики П. Боронин (шахта № 59), М.Я. Михайленко (№ 55), И.И. Капустин (№ 24), Д.Г. Морозов (№ 64), М.И. Кургин (№ 49/57). Крепильщик 24-й Петр Иванович Боронин восстановил завалы главного откаточного штрека, раскрепил 25 м, закончив работу досрочно на 4 дня. За ударную работу был награжден медалью «За трудовую доблесть».

К 1 сентября 1942 г. коллективы всех шахт треста освоили довоенный план угледобычи. Как писала литсотрудник М. Жданова, «не выполнять заданий фронта – это значит помогать врагу»⁸. Многим читателям старшего поколения Мария Михайловна Жданова была известна как старейший библиотекарь.

Газетные полосы открывались призывными лозунгами: «Иди, шахтер, в родной забой, как красный воин идет в бой»⁹; «Будь, шахтер, в труде героем, приближай врагу конец, нынче шахта поле боя, уголь – порох и свинец»¹⁰.

Поразили литературно несовершенные, но глубоко прочувствованные строки неизвестного автора:

*Помни, шахтер, сейчас об одном,
Что Гитлер-собака рвется в твой //дом.
Тебя уничтожить собрался, гад,
Он предал огню родной Сталинград.
Он хочет в твоей купаться крови,
Ты тоннами угля его подави.
Иди нынче в шахту, как воины в бой,
Добудь себе славу, спустившись // в забой.
Всю ярость и злобу поставь сатане.
И слава пойдет о тебе по стране.
За каждую лишнюю тонну угля
Народ поцелует, обнимет тебя!¹¹*

В 1942 г. «на шахты приходят новые рабочие, многие из них совершенно не знакомы с горняцким делом»¹². Среди них «молодежь, прибывшая из Москвы, ранее никогда не видевшая шахт»¹³. Четыре крупнейших завода Кировского района столицы взяли шефство над шахтами № 15, 20, 24 и 60. Посланные ими бригады слесарей ремонтировали оборудование, а 20 ноября заводы отправили шахтам «12 токарных, фрезерных, строгальных и др. станков, электросварочные аппараты»¹⁴. В конце года в шахтоуправление № 55/69 приехали артисты Малого театра. Их бригада дала «2 больших концерта в клубе горняков. Выступили на нарядах каждой смены в 6 утра и в 12 ночи»¹⁵.

В благодарность за помощь горняки Малевского шахтоуправления обязались отработать для Москвы два выходных дня. Только в сентябре шахтеры отработали 1400 рабочих дней и добыли 1100 тонн угля. Забойщик М. М. Лапин 27 сентября выполнил норму на 270%.

Женщины «овладели мужскими профессиями вагонщица, навалоотбойщица»¹⁶. По инициативе Валентины Уваровой на шахте № 20 женщины пошли работать в забой. Две из них – Т. Тарасова, Т. Климова – вскоре уйдут добровольцами в ряды Красной Армии.

Молодым деревенским пареньком в 1932 г. на 51-ю шахту пришел Костя Монахов. 10 лет спустя передовой горняк Константин Степанович Монахов работает на 63-й. Его слова – «надо так работать, чтобы всё кругом горело»¹⁷ – не расходились с делом: в конце войны Монахова представят к медали «За трудовую доблесть».

Бытовую сторону жизни горняков 63-й шахты живописала небольшая заметка: 50 рабочих обитали... в гараже. Его наскоро переоборудовали под общежитие, сделав сплошные нары, дверь и печи. Печи нещадно дымили, и вытяжной трубой стала новая дверь.

Жизнь тыла всецело подчинялась фронту. Жители регулярно собирали подарки «для любимых бойцов»¹⁸. В октябре «на военно-учебном пункте приступила к обучению по 110-часовой программе третьей очереди новая группа бойцов Всевобуча»¹⁹.

15 октября в Богородицке состоялся выпускной экзамен курсантов-медсестер. «Готовить медицинские кадры для фронта – первоочередная задача райкома»²⁰ районного общества Красного Креста. Среди недавних курсисток Шура Пятеряхина (? нрзбр.), Нина Туренко, Дуся Голышева. «Выпускницы объявляют большое желание пойти на фронт и оказывать медицинскую помощь раненым бойцам»²¹. 25 октября районное общество Красного Креста открыло второй набор на курсы медсестер, и 1 ноября они начали работать.

Иногда в газете появлялась рубрика «Письмо с фронта». 7 октября там поместили послание бывшего учителя химии Богородицкой средней школы № 1, а ныне политрука армии Андрея Дмитриевича Гребенёва: «Дорогие пионеры и школьники! Война с гитлеровскими мерзавцами, детоубийцами наложила свой отпечаток и на вашу жизнь. В тяжелых военных условиях начался новый учебный год. В грозные дни войны не отставайте от взрослых, всемерно помогайте фронту, изучайте военное дело»²².

24 октября депутаты собрались на IX сессию райсовета. Еще были свежи в памяти события декабря 1941 г., когда «героическая Красная Армия вышибла из нашего района фашистских мерзавцев. Разрушили в районе 2036 колхозных дворов, оставили без крова более 12 тысяч человек. На восстановление жилого фонда государство отпустило 200 000 рублей и 16 тысяч (кубометров-В. Д.) строительного леса»²³. Восстановление шло «крайне медленно. По сельсоветам восстановлено только 116 колхозных дворов, в городе – всего 90 домов»²⁴.

На организацию районной библиотеки «государство отпустило 30 тысяч рублей, из них на литературу 10 тысяч. Библиотека сумела приобрести 3200 книг на 7 500 рублей»²⁵. Этой радостью поделилась с читателями заведующая библиотекой Неонила Константиновна Осокина.

К годовщине освобождения района появилось несколько материалов на эту тему. «14 декабря немецкое командование предложило населению города покинуть его»²⁶. В ночь на 15-е начали жечь Богородицк. Из числа разрушенных и сожженных зданий санаторий, кинотеатр, 2 неполных средних школы, 3 средних. В 1946 г. «остатки совершенно разрушенного здания»²⁷ средней школе № 1 передадут «тресту «Калининуголь» для постройки на этом месте районного горняцкого клуба. «Основательно разрушены» Богородицкая и Товарковская больницы.

В колхозах Суходольского сельсовета уничтожено и сожжено 360 жилых домов, 2 школы. В Балахне из 183 домов сгорело 178. Разрушены и сожжены рабочие поселки шахт 68, 63, 72, 60.

В период временной оккупации села Кузовки в колхозе «Ударный» «гитлеровские палачи учинили расправу над семьей Зуевых. Войдя в дом, немецкие обжоры потребовали поросенка»²⁸. В ответ на отказ хозяйки Евдокии Зуевой выполнять требование, «немцы с ругательствами и угрозами, выйдя на улицу, подожгли дом вместе с его обитателями. Сгорела Евдокия Зуева, мать двух детей, погибла

старушка Евдокия Трофимовна, а вырвавшуюся из пламени Феклу Зуеву немцы закололи штыками»²⁹. Несколько дней спустя газета вернулась к той страшной истории. Гитлеровцы «застрелили колхозницу Зуеву Феклу Григорьевну, членов семьи, в том числе и двух детей. Заперли в доме и сожгли»³⁰.

Так неизвестные ранее газетные публикации дополнили знания и представления о городе и районе периода Великой Отечественной войны.

Опубликовано: Богородицкие вести. 2015. 4, 11, 18, 25 июня.

1. За уголь. 1942. 4 января.
2. За уголь. 1942. 9 декабря.
3. За уголь. 1941. 17 июня.
4. За уголь. 1941. 26 июня.
5. За уголь. 1941. 18 августа.
6. За уголь. 1942. 25 ноября.
7. За уголь. 1942. 15 декабря.
8. За уголь. 1942. 25 октября.
9. За уголь. 1942. 4 октября.
10. За уголь. 1942. 7 ноября.
11. За уголь. 1942. 4 октября.
12. За уголь. 1942. 11 октября.
13. За уголь. 1942. 25 сентября.
14. За уголь. 1942. 25 ноября.
15. За уголь. 1942. 9 декабря.
16. За уголь. 1942. 7 октября.
17. За уголь. 1942. 7 ноября.
18. За уголь. 1942. 4 октября.
19. За уголь. 1942. 9 октября.
20. За уголь. 1942. 21 октября.
21. Там же.
22. За уголь. 1942. 7 октября.
23. За уголь. 1942. 28 октября.
24. Там же.
25. За уголь. 1942. 9 декабря.
26. За уголь. 1942. 15 декабря.
27. Муниципальный архив МО Богородицкий район. Ф.1. Д. 7.
28. За уголь. 1942. 2 декабря.
29. Там же.
30. За уголь. 1942. 15 декабря.

М. В. Жерздева

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ БОБРИНСКИЙ – УЧАСТНИК СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В год 70-летия Великой Победы над фашистской Германией все актуальнее становится тема о защитниках Отечества. Потомки известного дворянского рода графов Бобринских, берущего начала от императрицы Екатерины Великой, тоже защищали Родину на полях сражений во все времена российской истории. Один из представителей рода, Алексей Львович Бобринский, был участником Великой Отечественной войны и сражался под Сталинградом. Однако после войны в городе Богородицке ходили слухи о том, что Алексей Бобринский служил у немцев и был с ними во время оккупации города. Реабилитировать потомка знатного рода помогли письма из личного архива известного богородицкого краеведа, художника Петра Андреевича Кобякова, переданные в богородицкий музей наследниками художника.

Алексей Львович Бобринский родился 9 июля 1906 года в городе Каменец-Подольске¹. Его отец – граф Лев Алексеевич Бобринский². Мать – Вера Владимировна, урожденная княжна Голицына³.

Детские годы маленького графа прошли в безмятежной тишине Богородицкой усадьбы. Семья проживала в южном флигеле дворца (сам дворец принадлежал его дяде графу Владимиру Алексеевичу Бобринскому⁴, известному государственному деятелю). Алексей был окружен любовью матушки и заботой тети Мисси (так звали в семье сестру отца графиню Софью Алексеевну Бобринскую⁵). Для него, его старших сестер Александры⁶ и Софьи⁷, а также многочисленных кузин и кузенов, часто бывавших в усадьбе, было множество мест, где они все вместе могли посвятить себя играм. Так, недалеко от южного флигеля стоял «миниатюрный домик с малюсеньким мезонинчиком»⁸, настоящей русской печью, сенями и соломенной крышей. По воспоминаниям современников, эта изба-сруб в три окна «была центром многих игр»⁹. На площадке к юго-западу от дворца дети вместе со взрослыми играли в теннис, рядом были устроены «гигантские шаги»¹⁰, качели, трапеции и площадка для гимнастики. В одном из боскетов играли в крокет, а во внутреннем двореке на круглой лужайке перед дворцом – в лапту и футбол с дворовыми. С крестьянскими ребятами «графчата» ловили рыбу в прудах и ходили за грибами в ближайшие леса. Графский конюх катал детей в английском экипаже, который представлял собой «некий элегантный ящик на колесах с сиденьями, расположенными боком к направлению движения и одно напротив другого»¹¹. В экипаж-ящик запрягали любимую детьми лошадь по кличке Волна. Довольно часто их брали в поездку по хуторам, например, на Товарковский сахарный завод или копи, где они с разрешения взрослых «с замираньем сердца спускались вниз, в штреки и забои»¹². Самым маленьким мужики для игры приносили из леса волчат. Жизнь в усадьбе детям напоминала сказку.

Все изменилось после октября 1917 года.

Поначалу в Богородицке было относительно спокойно, и к Бобринским по приглашению Веры Владимировны приехали родственники князя Голицыны и Трубецкие. Семья насчитывала теперь почти три десятка ртов, и всем взрослым приходилось искать всевозможные способы для заработков. Граф Лев Алексеевич, например, шил на продажу кошельки и бумажники из кожи, снятой с переплетов старинных книг из семейной библиотеки, а планы из графского архива, выполненные на полотняной кальке, после кипячения «превращались в великолепное полотно на платки и пеленки»¹³. В 1918 году бывшие хозяева еще продолжали пользоваться своей усадьбой, «правда, во многом их ограничили: лошадей отобрали, службу обратили на более полезные дела, фруктовый сад и ягодники получили нового владельца – государство»¹⁴.

Дети не вполне осознавали все трудности, свалившиеся на взрослых, они, можно сказать, даже обрели некую свободу, которая вносила романтику в происходящее. Мальчишки с целью раздобыть пропитание «устраивали набеги» на сады и воровали то, что совсем недавно было своим.

Алексей Бобринский оказался «особенно азартным похитителем «государственных» яблок»¹⁵. В старости он с умилением вспоминал те времена, когда они, «голоногие мальчишки, бегали, купались, пасли коров в лесу»¹⁶. Однако вскоре жизнь в усадьбе стала меняться, и дети тоже все больше стали понимать все тяготы того страшного времени. В доме участились обыски, революционные элементы реквизируют ценные вещи, теплую одежду, забирали кровати, матрасы, одеяла. В один из осенних дней 1918 года после обыска, в результате которого якобы спрятанное оружие не было найдено, арестовали Льва Алексеевича Бобринского и отправили в Богородицкую тюрьму, которая находилась довольно далеко от имения, «на отлете от города, рядом с городским кладбищем» и представляла собой большой одноэтажный дом под тесовой крышей, окруженный высоким забором¹⁷. Вера Владимировна ходила к мужу пешком с детьми, через две недели после ее хлопот графа освободили, но, как оказалось, ненадолго.

Вскоре усадьба, бывшая родовым гнездом для четырех поколений графов Бобринских, была национализирована. Хозяев и их родственников выселили, и они были рассредоточены по небольшим городским квартирам¹⁸. Можно сказать, семье Алексея Львовича «повезло» более других, они получили ордер на две комнаты в небольшом двухэтажном доме мещанина Кобякова на Воронежской улице напротив Покровской церкви¹⁹. Наш герой всю жизнь помнил этот дом, в котором «крутая-крутая лесенка шла на чердак»²⁰, подтверждая известный факт, что «детские воспоминания крепко в голове держатся»²¹.

В 1919 году вновь арестовали Льва Алексеевича Бобринского, направили в Тулу, затем в Бутырскую тюрьму в Москву. Вере Владимировне было тяжело прокормить пятерых детей, а на помощь сына рассчитывать не приходилось: Алексей «совсем вышел из-под контроля»²². По словам его двоюродного брата, Кирилла Голицына²³, он не преуспевал ни в каких науках, был ленив, сквернословил и «целыми днями шлялся по городу с сомнительной компанией мальчишек». В оправдание его можно предположить, что тринадцатилетний подросток просто пытался не выделяться из общей массы богородицких мальчишек²⁴. К тому же на его долю свалилось немало горя. На глазах подростка происходили аресты родственников. В 1921 году умер от дизентерии младший брат Николай²⁵, по воспоминаниям Сергея Голицына, четырехлетний мальчик подобрал в пыли яблоко, съел его и через три дня умер²⁶. В московской тюрьме скончался отец, Лев Алексеевич Бобринский. Печальное известие Алексей получил в Богородицке, мать и сестры были в Москве, поэтому поддержать в горе его мог только двоюродный брат Сергей Голицын.

В 1923 году Алексей окончил в Богородицке 2-ю школу 2-й ступени²⁷ и уехал в Москву, где поселился в Хлебном переулке у брата матери Владимира Владимировича Голицына. В 1926 году его первый раз арестовали за графское происхождение, правда, вскоре освободили после обращения родственников к Смидовичу²⁸ и Пешковой²⁹. Многих близких Алексею людей его скорое освобождение заставило усомниться в нем: его заподозрили в связи с ГПУ. В обществе, когда он приближался, разговоры смолкали или переходили на нейтральные темы³⁰. Невидимая стена встала между ним и всеми, кто его окружал. Сегодня трудно судить, но я не верю в слабость этого человека. Благодаря чьему-то злословию он стал одинок, одинок в толпе.

В 1926 году Алексей Бобринский решил жениться. Мать и сестра Соня «резко восстали против этого брака с дочерью тамбовского мещанина»³¹ Александрой Павловной Колодиной. «Все родные и близкие пытались, как могли, уговорить Алексея отказаться от женитьбы, но тщетно»³². Венчание все-таки состоялось, оно происходило в церкви Симеона Столпника на Поварской улице. Чем занимался Алексей в те годы в Москве, можно судить только по воспоминаниям Сергея Голицына. Из них следует, что Бобринский служил секретарем у известного американского корреспондента Вальтера Дюранти, который удостоился чести в 1934 году взять интервью у И.В. Сталина. На момент встречи американца с Иосифом Виссарионовичем Алексей Бобринский был арестован, или, как говорили тогда, «изъят» за контрреволюционную агитацию. Ответ Сталина на вопрос Дюранти «Почему вы арестовали моего секретаря?»³³ до сих пор не известен. Бобринского отправили тогда на пять лет в Воркутинские лагеря³⁴. За время, проведенное им там, умерла жена Аля (так звали ее в семье).

В 1940 году Алексей Бобринский вновь женился на женщине, которую тоже звали Александрой, как и первую жену (фамилия и отчество неизвестны). Молодые проживали в городе Энгельсе. Счастье их, однако, оказалось недолгим: началась Великая Отечественная война. В 1941 году Алексея Львовича Бобринского призвали на фронт, а супруга отправилась добровольцем за ним. К сожалению, я не могу сказать, какой боевой путь прошел Бобринский, мне пока не удалось узнать об этом в архивах. Однако из писем Николаю Андреевичу Кобякову известно, что воевал он под Сталинградом.

Сталинградская битва – решающее сражение всей Второй мировой войны, в котором советские войска одержали блестящую победу. Приятно осознавать, что в нем принимал участие наш земляк Алексей Львович Бобринский.

Во время боев под Сталинградом солдат Советской Армии Алексей Бобринский в землянке, бывшей вражеским блиндажом, нашел подробную немецкую топографическую карту города Богородицка и его окрестностей с поправками на 1941 год. Алексей Львович считал это «замечательным совпадением»³⁵, которое после страшной битвы вернуло его в далекий мир детства. Как же прав Э.-М.Ремарк, утверждая, что «случайностей не бывает только в хорошей литературе», в жизни же ничего не бывает случайно.

Бобринский не закончил войну под Сталинградом, по воспоминаниям его племянника Николая Уиттера, он дошел до Будапешта в 1944-м³⁶. Демобилизовался в 1946 году, по утверждению Сергея Голицына, в звании сержанта. После войны работал директором санатория в Крыму, затем где-то в Сибири. В 1949-м поселился в Ростове-на-Дону, на родине жены. Спокойно жить не пришлось: в том же году его вновь арестовали по политическим мотивам и отправили в Джесказганский лагерь³⁷. Освободили в 1956-м. Таким образом, к пятидесяти годам Алексей Львович Бобринский провел в лагерях в общей сложности 17 лет.

Вернувшись домой в Ростов, освоил профессию штукатур-маляра. Жизнь рабочего человека его совершенно не смущала, а вот Кирилл Голицын с осуждением отмечал, что «в жизни он ничего не достиг»³⁸. А когда? Война, аресты, долгие годы лагерей.... Он принимал все тяготы своего существования как должное, не роптал на судьбу. Летом 1963 года Алексей Львович похоронил жену Александру, с которой прожил 23 года. «Хороший человек и друг она была», - с горечью писал он школьному другу³⁹. Он остался совсем один в городе, который так и не стал родным. Судя по письмам Н.А. Кобякову, у Алексея Львовича, вероятно, были дети, но они умерли⁴⁰. Родные сестры Алексея Львовича, Александра, Софья и Елена⁴¹, а также матушка, Вера Владимировна, жили в Англии. В 1964-м умер в Москве его двоюродный брат, Николай Алексеевич Бобринский⁴², известный профессор зоологии. Таким образом, в России из ближайших родственников у него осталась лишь вдова Николая Алексеевича, Мария Алексеевна. С Трубецкими и Голицыными он не общался.

Одиночество для пожилого человека было очень мучительным. «Трудно жить одному – бытовые мелочи заедают», – писал он⁴³. В 1965-м он женился в третий раз. У его супруги Марии Федоровны (фамилия неизвестна) был внук, который стал для Алексея Львовича лучшим другом. Маленький мальчик стал хорошим слушателем, а рассказать деду было что...

Бобринский по-прежнему жил в Ростове-на-Дону, в маленьком одноэтажном домике на шесть семей с длинным коридором, в почти полуподвальном помещении. Работал штукатуром-маляром, в 60 лет вышел на пенсию. Денег на жизнь хватало с трудом, поэтому постоянно подрабатывал. Очень гордился, что его профессия позволяла ему это делать, ведь ремонтные работы и тогда пользовались большим спросом. Большую часть времени Бобринский проводил на даче, на своих шести сотках. Там у него были сад и ягодник. Работал с усердием, выращивал большие урожаи, хотя сам был небольшой любитель фруктов. Любил он грибы и уж очень расстраивался, что плохо они растут в Ростовской области, что нельзя их выращивать на даче. Он часто вспоминал рыбалку и детские походы за грибами в Богородицке. Он вообще никогда не забывал Богородицк и родительский дом.

Братья Кобяковы в своих письмах сообщали Бобринскому о том, что происходит на родине. Ему посылал свои статьи о Богородицке известный краевед Николай Александрович Малеванов⁴⁴. Алексей Львович был счастлив узнать о восстановлении из руин дворца, пострадавшего во время немецко-фашистской оккупации, о строительстве въездной башни, разрушенной в кон-

це 1920-х годов, о приведении в порядок парка. «Я рад, что не дают погибнуть этой исторической и художественной ценности. Мечтаю сам попасть в город, с которым у меня связано столько воспоминаний детства»⁴⁵. Он мечтал побродить по любимым лиственничным аллеям, поклониться родным могилам у Казанского храма. Не только детские воспоминания тянули его в родной город, он соскучился по красотам средней полосы. В Ростове, по его словам, «климат паршивый, то мороз, то дождь и постоянные ветры... Нет нашей русской зимы с морозами, чтоб под ногами скрипело, со снегом, лыжами, санками»⁴⁶.

Из писем школьных друзей Бобринский знал и о своей «измене» Родине, но сознавать это ему было очень больно. Так, в письме однокласснику Николаю Андреевичу Кобякову он с горечью восклицал, как хочется ему приехать в Богородицк и «пройтись по улице Коммунаров с армейскими наградами на груди... Пускай болтуны посмотрят!»⁴⁷

День Победы для Алексея Бобринского был особым праздником. Каждый год 9 мая, несмотря на язву желудка, заработанную на фронте и в сталинских лагерях, он позволял себе рюмку водки, поднимая ее «за всех фронтовых друзей, живых и мертвых»⁴⁸, а в первую очередь за свою жену Александру, которая прошла с ним всю войну.

Похоже, что Алексей Львович так и не побывал больше в Богородицке, а вот Петр Андреевич Кобяков посещал его в Ростове. «Мне было очень приятно встретиться с Петром... мы долго шли пешком по городу и я с наслаждением слушал его рассказы о Богородицке, все эти названия – Вязовка, Малевка, Коптевка – что-то очень хорошее и давнее вспоминается»⁴⁹.

Алексей Львович никогда не терял связи с родными, живущими в Англии. Дважды посещал их там. Накануне первой его поездки в октябре 1967 года умерла его старшая сестра Алька, Александра Львовна, а в декабре того же года – мать Вера Владимировна. Расставшись в середине 20-х годов XX века, они так больше никогда и не увидели друг друга.

Получив нужные документы, в марте 1968 года Бобринский полетел в Лондон. Он пробыл там два месяца, целых два месяца с сестрами Соней и Бибкой (так звали в семье младшую сестру Елену). «Я просто душой отдыхал между родными сестрами, которые тащили меня нарасхват»⁵⁰. Встречали его с радостью, но надолго в чужих краях он никогда не задерживался: «слишком там жизнь сложная»⁵¹. В 1975 году у Алексея Львовича умерла сестра Соня, «как не печально это, а осталась лишь Еленка»⁵².

До старости Алексей Львович вел активный образ жизни, ежедневно много ходил по городу, «чтоб не залежаться и не обрасти жиром»⁵³. Ходьба без цели ему казалась скучной, и он находил себе цель – «покупка коробка спичек в другом конце города». Каждый день разный маршрут! Почти ежедневно ездил поработать на дачу, а обратно возвращался пешком. Кормил бездомных собак, собирая для них еду у всех соседей. Каждый день много читал, смотрел телевизор... Жизнь в целом считал однообразной, а возраст – скучным. С восторгом любовался хорошенькими девушками, второя: «Люблю красоту!»⁵⁵

Свое 70-летие Алексей Львович встретил с грустью – «не было указов о награждении и массовых поздравлений. Полез на восьмой десяток!»⁵⁶ К этому времени Бобринский уже не работал. Жить на пенсию было, конечно, тяжело, но этот скромный человек не унывал: «Так ведь покупать надо только продукты»⁵⁷. К тому же помогали жить цветы: его жена на продажу разводила прекрасные розы, пионы и гладиолусы.

9 октября 1979 года Алексей Львович Бобринский тихо умер. Богородицким адресатам эту печальную весть сообщила его супруга Мария Федоровна.

Жизнь Алексея Львовича Бобринского помогли воссоздать немногочисленные воспоминания современников и его письма из архива П. А. Кобякова, переданные в музей. К сожалению, почти ничего неизвестно о его славном боевом пути, о его семье, но я надеюсь, что все-таки удастся разыскать когда-нибудь внука его последней жены, того маленького мальчика, лучшего друга, который расскажет нам о нем...

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.-обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 294–295.

1. Город Каменец-Подольский в конце XIX — начале XX в. носил название «Каменец-Подольск».
2. Лев Алексеевич Бобринский родился в Богородицке 5 ноября 1878 г., умер в тюрьме в Москве 29 марта 1922 г., погребен на Новодевичьем кладбище. Председатель Богородицкого земства, адъютант Варшавского генерал-губернатора, австрийско-Венгерским правительством пожалован орденом Железной Короны III степени, кавалер ордена Св. Станислава III степени. Женится в Бучалках Епифанского уезда Тульской губернии 12 июля 1901 г. на княжне Вере Владимировне Голицыной (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 15.)
3. Вера Владимировна Бобринская, урожденная княжна Голицына, родилась в Москве 12 января 1878 г., умерла в Великобритании в декабре 1967 г. Фрейлина императрицы Марии Федоровны и Александры Федоровны. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 15.)
4. Бобринский Владимир Алексеевич родился в Петербурге 9 января 1868 г., умер в Париже 9 ноября 1927 г., погребен на кладбище Монмартр. Предводитель дворянства Богородицкого уезда, мировой судья, гласный Тульского губернского и Богородицкого уездного земств, председатель богородицкой уездной земской управы, депутат II, III, IV Государственной думы, в Первую мировую войну вступил в армию как самый старый корнет, поручик, адъютант генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Женится в Туле 7 мая 1900 г. на Марии Матвеевне Никоновой (родилась в селе Никитском Тульской губернии в 1883 г., умерла в Париже 18 марта 1956 г.). Дочь дьякона села Никитского. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 15.)
5. Софья Алексеевна Бобринская родилась в Богородицке 27 января 1866 г., умерла в Москве 30 мая 1927 г., погребена на Востряковском кладбище. Основала общину сестер милосердия в Богородицке, награждена двумя серебряными Георгиевскими крестами за работу сестрой милосердия в Первую мировую войну. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 14.)
6. Александра Львовна Бобринская, родилась в Москве 20 апреля 1903 г.; умерла в Великобритании в октябре 1967 г. Вышла замуж в Москве 29 июня 1923 г. за американского подданного Филиппа Болдуина (родился во Флоренции 18 ноября 1890 г.; умер (?)). Их потомство – два сына. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 25.)
7. Софья Львовна Бобринская, родилась в Варшаве 29 декабря 1904 г.; умерла в Великобритании в 1975 г. Вышла замуж в Москве 20 декабря 1924 г. за Реджинальда Уиттера (родился в Ливерпуле 1 июля 1898 г.; умер в Великобритании в 1968 г.).
8. Их потомство – сын и две дочери. (Старшая дочь – Вера. Сын - Николай Реджинальдович Уиттер (родился в июле 1930 г., проживает в Лондоне)). (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 25.)
9. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 355.
10. Там же.
11. Атракцион для катания по кругу в виде столба с вертушкой наверху, к которой прикреплены длинные верёвки с лямками; сидя в лямках, играющие, разбегаясь и взлетая, кружатся вокруг столба.
12. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 353.
13. Там же. С. 355.
14. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 37.
15. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 356.
16. Там же.
17. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову от 17.01.1971 г. Л.1.
18. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 33–36.
19. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 128.
20. Разрушена в 1939 году.
21. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н.А. Кобякову от 11.01.1975 г.
22. Там же.
23. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 130.
24. Голицын Кирилл Николаевич – двоюродный брат А. Л. Бобринского по матери В. В. Бобринской, урожденной княжне Голицыной.
25. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 130.
26. Николай Львович Бобринский, родился в Богородицке 25 сентября 1917 г.; умер там же 18 июля 1921 г.; погребен возле Казанской церкви в Богородицке. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 26.)
27. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 104.
28. ГАУ ТО. Ф. Р616. Оп. 1. Д. 837.
29. Смидович Петр Германович – политический и общественный деятель СССР (М.В. Жерздева).
30. Пешкова Екатерина Павловна – первая супруга писателя Максима Горького – помогала политическим заключенным и ссыльным (М. В. Жерздева).
31. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 221.
32. Там же. С. 261.
33. Раевский С.П. Пять веков Раевских. – М.: Вагриус, 2005, С. 336.
34. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 607.
35. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // URL: <http://lists.memo.ru/d4/f383.htm> (дата обращения: 11.03.2015).
36. Фонд БДМ. Письмо А.Л. Бобринского Н. А. Кобякову от 18.08.1968 г.
37. Фонд БДМ. Письмо Н.Р. Уиттера М.В. Жерздевой от 26.01.2010 [Электронный ресурс].
38. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 607.
39. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 131.
40. Фонд БДМ. Почтовая открытка А. Л. Бобринского Н.А. Кобякову 03.05.1973 г.
41. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову от 25.05.1969 г.
42. Елена Львовна Бобринская, родилась в Богородицке 9 января 1914 г.; умерла в Англии в 1996 г. Вышла замуж 23 ноября 1935 г. в Лондоне за Вильгельма (Вильяма) Чарльза Риела (родился в Москве 15 февраля 1905 г.). Их потомство – две дочери: Марина

- и Наталья. (Старшая – Марина Шеррок, у нее четверо детей. У Натальи – сын Антоний и две дочери: Дебора и Александра.) (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 26.)
43. Николай Алексеевич Бобринский, родился в Москве 10 апреля 1890 г.; умер в Москве в 1964 г.; погребен на Востряковском кладбище. Профессор зоологии позвоночных и зоогеографии Московского университета, автор труда “Животный мир и природа СССР” и других многочисленных печатных изданий, в Первую мировую ротмистр Татарского полка Дикой Дивизии, награжден золотым Георгиевским оружием, двумя Георгиевскими крестами. Женится в церкви Николая на Песках в Москве 11 мая 1919 г. на Марии Алексеевне Челищевой (родилась в с. Федяшево Тульской губернии 8 июля 1886г.; умерла в Москве 16 мая 1973 г.; погребена на Востряковском кладбище). Внучка богослова и славянофила Алексея Степановича Хомякова. (Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева М.В. – Тула: Свамия, 2012. С. 24.)
44. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 05.08.1971 г.
45. Малеванов Николай Александрович - историк-архивист, краевед. (Род. 13.08.1923, г. Богородицк Тульской обл., умер в 2007 г.).
46. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 18.08.1968 г.
47. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 14.02.1971 г.
48. Фонд Богородицкого дворца-музея и парка (далее БДМ). Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову от 17.01.1971г. Лл. 3-4.
49. Фонд БДМ. Почтовая открытка А.Л. Бобринского Н.А. Кобякову от 03.05.1973г.
50. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 17.01.1971г.
51. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 18.08.1968г.
52. Там же.
53. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 11.01.1975г.
54. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 16.01.1977г.
55. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 07.02.1979г.
56. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 05.08.1971г.
57. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 16.01.1977г.
58. Фонд БДМ. Письмо А. Л. Бобринского Н. А. Кобякову 03.06.1976г.

В БОГОРОДИЦКЕ ОН НАШЕЛ СВОЮ ДУШУ...

Мое знакомство с Алексеем Валериановичем Брагиным-Бобринским состоялось 21 сентября 2010 года. На музейную почту пришло письмо: «Многоуважаемые господа! Мне было очень приятно случайно найти ваш сайт и увидеть дом моих предков. Я сын Юлии Владимировны Бобринской, рожденной в Богородицке в 1904-м году». Из этого короткого сообщения я узнала точную дату смерти его матери – она скончалась в Сан-Франциско в 1982 году, мы же считали, что в 1971-м.

Алексей Валерианович Брагин-Бобринский родился в Чили 24 ноября 1938 года. Его родители русские эмигранты: отец Валериан Брагин – доблестный офицер, а мать Юлия Бобринская – представительница славного дворянского рода, дочь последнего хозяина дома в Богородицке Владимира Алексеевича Бобринского.

Детские годы Алексея прошли в дружной атмосфере, которая сложилась в среде российских эмигрантов. Жизнь складывалась по-разному, часто было трудно, но помогали взаимопонимание и взаимовыручка.

В 1954 году Брагины переехали из Чили в США и обосновались в Сан-Франциско, где была большая русская колония. В ней были православные церкви и монастыри, школы и большой русский центр, печаталась ежедневная газета.

Примечательно, что читать и писать Алексея научил русский профессор Афанасьев. С детских лет ему вообще нравилось общаться с русскими, он говорил, что с американцами у него «не клеилось», да и сама страна «казалась бездушной». Закончив обучение в русской школе, Алексей вступил в морскую пехоту и попал на крейсер с базой в Японии. Отслужив на флоте, вернулся в Сан-Франциско. По ночам работал охранником, а днем учился в школе летчиков.

Начал летную карьеру в 1963-м году в грузовой авиакомпании. В его жизни были Лаос и Вьетнам. Там он летал на старых транспортных машинах «CURTIS C46», о которых очень нелестно отзывался. Говорил, что молился Богу, и взлетая, и совершая посадку. Восхищался при этом доблести и мастерству советских летчиков. По его словам, страшнее всего было в небе встретить русского асса. «Русские появлялись из неоткуда и исчезали в никуда». Как-то в небе над Лаосом он все-таки угодил в коридор между двумя истребителями, засек разговор летчиков, которые по-русски решали его судьбу. Что есть мочи закричал: «Я русский!» Летчики тогда дали ему уйти. Потом в мирное время они не раз встречались, как лучшие друзья, в европейских ресторанчиках.

Благодаря своей профессии Алексей Валерианович, в буквальном смысле, облетел весь мир, побывал во многих странах. Но лишь в одну страну, самую желанную, путь для него был закрыт...

Закончив летную карьеру, Брагин-Бобринский увлекся туристическим бизнесом. Удачно шло дело в Кении, где он организовывал африканское сафари. Он так хорошо изучил малоизвестные местности, что департамент охраны природы Кении привлек его к секретной работе по борьбе с браконьерами. Работа была столь успешной, что «приходилось спать с револьвером под подушкой». После пары серьезных перестрелок, он вернулся в Чили, где организовал туристические походы в горы верхом на лошадях. Когда в начале 2000-х гг. дело прогорело, он переехал в Штаты и стал продавать яхты. Когда и это дело прогорело, вернулся в Сантьяго.

По жизни Алексей Валерианович шел легко, жил и дышал полной грудью, часто влюблялся, был любим многими красивыми женщинами, путешествовал по океану на собственной яхте. Яхта, можно сказать, долгие годы была его домом. Такое свободолюбие, думаю, тяжело было принять его жене, с которой они, в конце концов, развелись, и она вернулась на родину в Англию. Кстати, он так и не сказал мне имени этой женщины.

Уже в зрелом возрасте у него появилось новое увлечение – писать романы и воспоминания, а потом и учить других, писать романы. По его словам, некоторые из его учеников достигли больших успехов в писательском деле. А ученики его были со всего мира, так как для этого человека

не было языковых барьеров. Он свободно общался на русском, английском, французском, немецком, испанском и еще на трех африканских языках. При этом утверждал, что думал только на русском, потому что «всегда считал Россию своей Родиной, а себя исключительно русским».

В течение всей жизни он по крупицам собирал историю рода Бобринских, мать в детстве много рассказывала ему о жизни в далекой Богородицкой усадьбе, о белокаменном доме, где она родилась. Юлия Владимировна «досконально знала всю родословную Бобринских и могла, демонстрируя сыну фотографии из маленького альбомчика, долго и утомительно рассказывать про дедушек и прадедушек». Алексей впитывал в себя слова матери словно «губка», рисуя в воображении картины, в которых дети и взрослые играют в теннис на тенистой лужайке перед домом, несутся на лошадях за пожарной командой, или, представляя, как его дед встречает гостей в парадной столовой... В гостиной дома его родителей, будь то в Чили или США, всегда висела фотография с изображением богородицкого дворца. Только в семье его никогда не называли дворцом, называли домом...

Невероятно, но всю жизнь Алексей Валерианович чувствовал связь с домом в Богородицке, и когда впервые переступил его порог, почувствовал себя по-настоящему дома. Пройдясь по парадным интерьерам музея, в дамской гостиной он твердо сказал: «Здесь, в этой комнате, родилась моя мама...» Вероятно, это так, потому что именно в этой комнате до революции была спальня Владимира Алексеевича и Марии Матвеевны, родителей его матери.

Тогда в апреле 2012 года Алексей Валерианович приезжал в Богородицк по приглашению музея на конференцию, посвященную 250-летию рода графов Бобринских. Визит в Богородицк был его первым приездом в Россию. На конференции Алексей Валерианович покориł всех гостей своей эрудицией, знанием истории своего рода и истории государства Российского. Когда он выступил с докладом о жизни родителей в эмиграции, присутствующие то смеялись до слез, то по-настоящему плакали.

Во время своего первого приезда на родину предков Алексей Валерианович посетил не только Богородицк, он побывал в Петербурге и в Москве. Мы возили его на Куликово поле, в Епифань, в Ясную Поляну, показывая лучшие уголки Тульского края, а он все рассказывал и рассказывал о своей жизни, о своих впечатлениях. Следует отметить, он был великолепным рассказчиком! Сердце одинокого старика растревожили виды российской глубинки, повсюду он слышал русскую речь, понимая, что большего счастья ему не дано было испытать за всю жизнь.

В марте 2013 года он вернулся в Богородицк, вернулся уже навсегда, объявив мне, что «приехал домой». Он сменил яркий жаркий Сантьяго на маленький тихий городок. Как на грех март 13-го года был ужасно холодным и промозглым. Казалось, что родина нерадостно принимала его, посылая ему испытания, но он терпел и относился ко всему с юмором. В музей приходил каждый день, тихонько садился на лавочку рядом с домом, стараясь быть неприметным и никому не доставлять проблем. А музейщики каждый по-своему опекали его.

Он стал участником всех наших корпоративных посиделок и серьезных мероприятий. Один раз мы с мужем брали его на рыбалку на Дон. Рыбы он не наловил, но мы получили истинное наслаждение: до полночи он рассказывал о своих приключениях в Кении (он делал ударение на первой букве «и»), а потом до утра пел (прекрасно пел!) русские романсы и русские народные песни.

Алексей Валерианович был очень коммуникабельным человеком, понятным всем без исключения, поэтому в Богородицке у него появилось много приятелей. Вскоре на него и вовсе обрушилось невероятное внимание, он стал звездой местных газет и телепередач. Терпеливо сносил расспросы корреспондентов, которых, впрочем, интересовал общий вопрос: «Зачем?» И он терпеливо вновь и вновь объяснял причину приезда в Россию: «Я приехал, чтобы умереть здесь». Но умирать он совсем не планировал в ближайшие, по крайней мере, лет десять. В его планах было превратить Богородицк в туристический центр Тульского края, улицу Ленина переименовать в Екатерининскую, устроить на ней несколько кафе с видом на дворец, чтобы было не хуже, чем в Париже.

Однако неожиданно подступила страшная болезнь. Он старал быстро, буквально на глазах, 27 августа 2014 года его не стало. Алексей Валерианович Брагин-Бобринский ушел из жизни в онкологическом хосписе в Щекинском районе и был погребен возле Казанского храма Богородицкой усадьбы...

Именно тогда, в день похорон, всем нам стало понятно его решение изменить жизнь в столь преклонном возрасте – он приехал в Богородицк, чтобы лечь в родную землю. Давлат Худоназаров, известный кинорежиссер Киргизии и добрый друг Богородицкого дворца-музея, назвал это событие символическим. По его словам, «глубокая, потаенная любовь к родной земле, к Родине которую сохранили в своей душе такие редкие теперь люди (последние) как Алексей Валерианович, достойна самого высокого уважения».

Мне повезло, в моей жизни был Алексей Валерианович. За короткий срок он стал не только другом, но и испытанием для меня, для всех тех, кто мне помогал. В последнюю нашу встречу, он сказал, что «с Богом можно договориться». Не знаю, смог ли он это сделать? Наверное, смог, ведь Бог позволил ему, несмотря ни на что, вернуться домой и «найти свою душу...»

Источники:

1. А. В. Брагин-Бобринский. *Жизнь в эмиграции.* // Архив Богородицкого дворца-музея и парка
2. Воспоминания А. В. Брагина-Бобринского, записанные со слов за период 2013–2014 гг.

Доклад на научной конференции «Графы Бобринские и их окружение», посвященной памяти Алексея Брагина-Бобринского. Богородицкий дворец-музей и парк. 15 октября 2015 г.

УСАДЬБА ГРАФОВ БОБРИНСКИХ В БОГОРОДИЦКЕ

*Равнин спокойные увалы,
Ваш скромн облик. Небывалый
Для черт славянского лица
Ансамбль гармонией прекрасный...¹
Гр. Вера Бобринская²*

«К вечеру, когда ложатся косые тени, когда отчетливо выступают объемы зданий и древесных крон, когда все стихает и по реке далеко разносятся деревенские звуки, – в эту пору дня, чуть овеванную мечтательной грустью, особенно красиво и душевно-созвучно то, что представляют слова «русская усадьба»³.

Есть на русской земле места, бесконечно типичные и цельные, полные гармонических созвучий природы и искусства. Одно из этих мест – усадьба графов Бобринских в Богородицке. Разросшиеся деревья на склоне холма, отражаясь в городском пруду, полускрывают величественный белый дом, увенчанный, словно короной, балюстрадой смотровой площадки. Задумчиво смотрится он в зеркало вод, повторяя в них свои благородные пропорции.

Богородицк, один из красивейших провинциальных городов России, известен далеко за пределами Тульской губернии благодаря усадьбе, построенной императрицей Екатериной II для ее побочного сына Алексея Григорьевича Бобринского, отцом которого был фаворит императрицы граф Григорий Григорьевич Орлов.

История Богородицка берет начало вовсе не со времен Екатерины Великой, а гораздо ранее, с царствования Алексея Михайловича Романова. В 1663 году по указу царя стольником и воеводой Демидом Александровичем Хомяковым на высоком холме на берегу речки Уперты (или Лесного Упёрта) была построена деревянная крепость, которая стала пограничным пунктом для защиты от набегов кочевников. Вокруг крепости были поселены стрельцы и пушкарки. В конце 1664 года город получил имя Богородицк, которое, по народному преданию, происходит от названия травы «богородица» (тимьян или чабрец)⁴, некогда растущей в большом количестве в его окрестностях.

Хотя Богородицк и был основан как «традиционный город-острог, роль его в общегосударственной системе обороны была с самого начала более чем скромная... Кроме строительства острога на Д. А. Хомякова возложили и устройство с весны 1663 года в верховьях реки Уперты⁵ десятичной пашни». Таким образом, Богородицк, прежде всего, стал административным центром Государева пашенного завода. На целинных землях Дикого поля стали сажать хлеб, а «большая часть урожая зерновых из этой новой царской вотчины должна была поступать на выдачу «хлебного жалованья» московским стрельцам, а из «дворовых людей» – сокольникам»⁶.

В связи с укреплением южных границ государства Богородицк вовсе потерял всякое военное значение. Хранящиеся сегодня в музее три сотни ржавых ядер разного калибра – часть невеликого арсенала города-крепости.

Согласно переписи 1710 года крепость представляла собой «вал земляной» и «по тому валу шесть башен деревянных, ветхих», «четыре башни наугольные, две башни проезжие с вороты»⁷, внутри острога располагались деревянные строения: двор воеводы, приказная изба, соборная церковь Казанской иконы Божией матери и церковь Николая Чудотворца.

В 1715 году в городе стольником Исленьевым по указу Петра I был создан «конский завод для дворцовых и армейских нужд, при этом стрельцы и пушкарки были превращены сначала в дворцовых, а потом в конюшенных крестьян»⁸. После смерти Петра завод влачил жалкое существование,

и лишь при императрице Анне Иоанновне возрождением его занялся Артемий Волынский. Около 1738 года при заводе была организована школа конюховых детей, одно из первых учебных заведений Тульской губернии.

В начале царствования императрицы Екатерины II Богородицк вместе с селом Бобриск-Спасским и принадлежащими к ним селами и деревнями вошел в «Собственную Ее Императорского Величества» волость, управлять которой был назначен генерал-поручик князь Сергей Васильевич Гагарин. В 1765 году Екатерина II подписала Указ о награждении этими землями своего малолетнего сына князя Алексея Григорьевича Сицкого (Бобринским его назвали позднее), в связи с этим в 1768 году Богородицк потерял статус города и превратился в сельцо Богородицкое.

В 1771 году императрица задумала построить в Богородицком и в Бобрисках усадьбы, проекты которых заказала молодому петербургскому архитектору Ивану Егоровичу Старову. Подлинные старовские проектные чертежи хранились в семейном архиве графов Бобринских, безвозвратно утраченном в первые годы советской власти⁹.

Проекты дворцов Старов выполнял в Петербурге, куда ему были отправлены планы участков и топографические карты местности. В то время архитектор был занят преподавательской деятельностью в Академии Художеств и потому не имел возможности побывать ни в Бобрисках, ни в Богородицке. К тому же, подобная практика была характерна для тех лет в связи с огромным размахом строительства не только в Петербурге и Москве, но и в самых отдаленных уголках государства. Крупные архитекторы выезжали на места редко, для осуществления проектов назначались специальные архитекторы, под руководством которых и велось строительство. Так, для осуществления замысла Старова в Богородицке и Бобрисках и для непосредственного руководства всеми строительными и отделочными работами из Петербурга был направлен Яков Ананьевич Ананьин, архитектор, «ремесло свое совершенно разумеющий»¹⁰, и назначен архитекторский помощник Волков.

Закладывались дворцы почти одновременно в 1773 году, что видно из письма императрицы князю Гагарину от 17 сентября (по старому стилю) 1773 года: «Что Вы в городе Богородицке и в селе Бобрисках дома заложили, а церковь в обоих местах заложите будущей весной, сим я довольна». Попутно отметим, что в Бобрисках был выстроен большой дворец, который не понравился сыну императрицы, и он в нем никогда не жил¹².

Для строительства богородицкого усадебного комплекса Старов выбрал место в пределах бывшей крепости на берегу реки Уперты, запруженной ниже города. Строительные работы велись достаточно интенсивно. Белокаменный дворец, который быстро вырос на высоком холме, стал типичным примером архитектурных ансамблей эпохи, однако совсем нетипичным для тульской глубинки. Дворец хоть и построен в стиле классицизма, но в нем еще сказывается влияние барокко, что читается в его объемно-пространственной композиции.

Западным фасадом дворец обращен к пруду, восточным – к парадному двору, в плане имеющему форму овала. Оградами он соединялся с двумя Г-образными служебными флигелями, расположенными симметрично по сторонам от башни-колокольни. Фасады башни, украшенные барочными деталями – разорванными небольшими фронтонами, лучковыми сандриками и сильно выступающими из плоскости стены пилястрами – контрастировали с гладью флигелей, не имеющими какого-либо декоративного убранства. Замечательно то, что «башня с покоем наверху» была построена еще в 1760-х годах неизвестным провинциальным архитектором для волостной канцелярии, а Старов не просто сохранил ее, но и включил в композицию ансамбля, устроив в ней колокольню усадебного храма. Как и в былые времена к башне-колокольне ведет березовая аллея, которая служит осью симметрии всего комплекса в целом, а также главного дома и его овальных залов первого и второго этажей, которые с западного фасада выступают из основного массива здания в виде полукруга.

По замыслу Старова внешний облик дворца скромен и строг. Первый этаж здания и цоколь обработаны горизонтальными рустами, гладь стен второго этажа прорезана высокими прямоугольными окнами, расположенными в неглубоких нишах. Над окнами и под ними – выступающие филенки. Первый и второй этажи разделены горизонтальной тягой простого профиля, второй этаж увенчан карнизом, обработанным «сухариками»¹⁴.

Архитектурной особенностью дворца является наличие антресольного этажа. С запада дворец двухэтажный, с востока трехэтажный. Со стороны парадного двора на фасаде дома вместо филенок над высокими окнами второго этажа расположены квадратные окна антресолей.

В композицию подъезда со стороны двора архитектор включил римско-дорические колонны, которые поддерживают огражденный балюстрадой балкон второго этажа. Дворец увенчан невысоким бельведером с квадратными окнами, над ним – терраса с балюстрадой, с которой открывается прекрасный вид на окрестности.

В комплекс сооружений усадьбы входит церковь Казанской иконы Божией матери, построенная в духе раннего русского классицизма. Наибольший интерес представляет западный фасад здания. Его угловые части оформлены трехчетвертными колоннами, центральная часть – портиком из четырех дорических колонн, несущих фронтон. «Обстоятельство, что церковь сия построена на просторе посреди обширной площади и не имеет у себя колокольни и никакой ограды и потому со всех сторон видима, придает ей в особенности хороший и величавый вид»¹⁵.

Главный усадебный дом был вчерне готов в 1778 году, его внутренняя отделка продолжалась еще семь лет, и все это время место вокруг дворца оставалось голым и некрасивым, ему как драгоценной жемчужине нужна была достойная оправа. Архитектор Старов предложил план изысканного регулярного сада, но управляющий именем Андрей Тимофеевич Болотов решил не воплотить в жизнь затею столичного архитектора, а посадить в усадьбе парк в новом английском вкусе.

Стоит заметить, что богородицкий парк в отличие от парков загородных императорских резиденций в пригородах Петербурга, которые строились иностранцами, впервые был создан русским архитектором.

В своей теории садово-паркового искусства Болотов выработал национальную линию его развития. Он стремился к созданию «русского сада». Он считал, что «... не было бы нимало постыдно для нас то, когда бы были у нас сады ни английские, ни французские, а наши собственные и изобретенные самими нами и когда бы мы называли их стали Российскими»¹⁶.

Андрей Тимофеевич Болотов – основоположник русской агрономической науки. Родился в 1738 году в небогатой дворянской семье в деревне Дворянинове Алексинского уезда. С четырнадцати лет сам вынужден был о себе заботиться, так как родители его рано умерли. «Служа, как и все дворяне, в военной службе, куда он с десяти лет был записан своим отцом, он с девятнадцати лет участвовал в Семилетней войне»¹⁷. Служил при губернаторе Восточной Пруссии генерале Корфе. После выхода «Указа о вольности дворянства» оставил службу и поселился в Дворянинове, женился на небогатой дворянке Александре Михайловне Кавериной, от которой имел девять детей. После назначения управителем государственных волостей недолго прослужил в Киясовке¹⁸, а осенью 1776 года был направлен в Богородицк.

В имение малолетнего сына императрицы Болотов приехал с многочисленным семейством «в середине ноября, на исходе дня... Перед ним открылись почти готовые снаружи здания строящейся усадьбы: величавая Казанская церковь с фронтонами и колоннами, хозяйственные корпуса, справа и слева примыкающие к высокой въездной башне, и за ними прекрасный дворец. Позади расстилалась гладь обширного пруда»¹⁹. Стоит отметить, что это был не первый визит Болотова в Богородицк, совместно с Гагариным он присутствовал при закладке огромного дворца в Бобриках и осматривал место, тогда еще только выбранное для строительства дома в Богородицке. «По приезде в Богородицк, – вспоминал он о первом визите, – обходили и осмотрели мы также все места. Князю надлежало тогда и тут закладывать ... дворец и церковь, и он показывал мне все сделанные к тому приготовления»²⁰.

Двадцать лет Болотов провел в Богородицке, работал честно, исполняя свою службу на совесть, был экономным и рачительным распорядителем казенных средств. Даже на создание прекрасного парка, который до сих пор носит его имя, управитель не потратил из казны ни единой копейки.

Начал Болотов строительство усадебного парка в 1779 году с лесочка, названного им позднее Церериной рощей в честь римской богини плодородия и земледелия Цереры. Лесочек имел хо-

рошее расположение на вершине и склонах холма, но представлял собой плачевное зрелище, все там «оставлено было на волю людям рубить, что кому хотелось, а скотине ходить и доламывать и объедать остатки»²¹. Управляющий приказал очистить заросли от мусора, сломанных и сухих деревьев, а затем проделать прямые и перекрестные аллеи, в конце которых «открывались вдали какие-нибудь знаменитые предметы, а особенно дворец с его башнею, также соборная наша церковь»²². Между деревьями мелькала и серебрилась гладь пруда, берега которого местами были низкими, с лужайками, поросшими цветами, местами – высокими и каменистыми.

Церерина роща была устроена в регулярном стиле, от которого автор отошел при создании парка на придворцовой территории. Причиной этого послужило его увлечение трудами теоретика садово-паркового искусства К. Гиршфельда о пейзажных садах, изменившими его отношение к садам регулярным. Болотов теперь считал, что сады французские вышли из моды, а на смену им пришли сады пейзажные, английские. В 1784 году он приступил к созданию своего пейзажного парка.

Для начала Болотов обежал окрестности «и на всяком месте останавливался смотреть и соображаться с мыслями о том, к чему бы которое место было сподобнее и где бы произвести... водяные, где лесные, где луговые украшения, где обделать, сообразно с новым видом, бугры и горы, где произвести каменные осыпи, где проложить широкие, удобные для езды, и где узкие, назначаемые для одного только хода, дороги и дорожки, где смастерить разных родов мосточки и потом где б со временем произвести и разные садовые здания и отдыхательницы и прочее тому подобное»²³. Все, что рождалось в воображении, он сразу изображал на бумаге, чтобы потом перенести на местность.

На строительство парка управитель занял почти двести человек, одни срезали бугры, делали насыпи, копали ложа прудов, другие возили из леса деревья и сажали их на указанных местах, третьи добывали камень для отделки различных уголков парка. Сам Болотов первым делом занялся созданием прудов с каскадами и водопадами. Несмотря на близость большого пруда, мастеру пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог найти источник воды, из которого можно было поставлять воду на дворцовую гору. В создании водной системы Болотов проявил себя великим изобретателем и смог «заставить» родник бить там, где необходимо было автору замысла. От источника Болотов проложил водовод, похожий на естественный ручей, русло которого то сужалось, то расширялось. Он устроил места, где вода низвергалась маленьким водопадом или вдруг исчезала, уходя под землю по проложенной трубе. Вдоль плоских и кое-где скалистых берегов ручья-водопада были насажены деревья и кустарники. Позднее Болотов нашел еще один источник, благодаря которому смог подвести воду совсем близко к усадебному дому, а потом еще и третий. В результате на дворцовой горе были устроены два больших пруда: верхний и нижний. Верхний пруд подходил так близко к дворцовым постройкам, что они отражались в нем как в зеркале. Нижний пруд, состоящий из трех прудиков, расположенных на разных уровнях, был сделан длинным и несколько изогнутым. Тропинка, ведущая вокруг него, была одним из лучших маршрутов для прогулок. Пруды не только украшали местность, Болотов развел в них рыбу: форель и карпов.

Вдоль большого пруда, огибая его извилистый берег, вела широкая дорога. Она подводила к горе, состоящей из разноцветного песчаника. «Натура произвела в сем месте с ним сущую игру и испестрила его столько разноцветными разнообразными жилами, полосками, крапинками и пятнами, что не доставало понятия человеческого к постижению, как это все могло сделаться...»²⁴.

В горе Болотов устроил коридоры и комнаты, вход в которые отделал под разрушенный старинный замок, а выход обрамил триумфальной аркой. К подножию арки по горе, похожей на дикое ущелье, спускался сверкающий и ревущий водопад.

Со стороны западного фасада дворца был устроен террасированный спуск. Террасы служили своеобразными видовыми площадками. Недалеко от дворца был устроен подземный грот, задуманный в виде естественной пещеры. В грот вели две стеклянные двери, напротив них были устроены две фальшивые с зеркалами вместо стекол. Каждый входящий в грот обманывался и думал, что помещение сквозное, и навстречу идут люди. В результате господа снимали шляпы и вежливо кланялись собственному отражению в зеркале, вызывая смех окружающих.

В парке автор устроил множество забав и шуток, а каждый гуляющий мог отыскать уголок по своему настроению. Например, можно было отправиться на «меланхолическую сцену», «местечко сие окружено было кругом густым и непрозрачным лесом и посреди площадки, на невысоком

холмике, поставлена была черная пирамида с белыми надписями, имеющая вид некоторого надгробия...»²⁵. Далее, следуя по извилистой тропинке, можно было попасть на солнечную лужайку, названную «смеющейся сценой».

С севера дворцовый холм ограничивала «Эхоническая долина», представляющая собой красивейшее зрелище. По ней цепочкой спускались маленькие прудики, а главной достопримечательностью был павильон «Жилище Эхи». Каждое слово рядом с ним повторялось ясно и четко по три раза из-за акустических свойств местности и обшивки самого павильона, что всякий раз удивляло и восхищало гостей.

Во времена Болотова парк был любимым местом времяпрепровождения для богородицкого общества. Управляющий не раз показывал свое любимое детище наместнику и многочисленным столичным гостям и готов был показать его самой императрице, случись ей заехать в свое Богородицкое имение.

Никогда не бывала Екатерина в Богородицке, но легенд, сложенных о ее визите, существует множество. По одной из них, именно императрице обязан Богородицк своей необыкновенной планировкой. Рассказывают, будто на смотровой площадке дворца уронила она свой прекрасный веер, взглянула на него и приказала, чтобы город сей стал похож на раскрытый веер. Так и разбежались городские улицы – лучи от ног императрицы, образовав перед дворцом город-веер.

На самом деле автором проекта Богородицка был Андрей Тимофеевич Болотов, и именно его план в сентябре 1778 года был высочайше одобрен императрицей Екатериной II. Необходимость создания нового регулярного Богородицка появилась после того, как ему в 1777 году был возвращен статус города.

«В основу композиции плана города легла идея его подчинения дворцу, как господствующему сооружению. Главные улицы города расположены лучеобразно, причем их оси пересекаются в геометрическом центре овального зала дворца. Основная ось города является продолжением оси дворцового ансамбля»²⁶. Планировка Богородицка напоминает не только веер, она похожа на «зал оперы: веер городских улиц – театральные амфитеатры, пруд – оркестровая яма, а на «сцене» высится дворец»²⁷.

Родоначальник фамилии граф Алексей Григорьевич Бобринский²⁸ поселился в построенном для него дворце лишь после смерти матушки-императрицы. Екатерина II скончалась в ноябре 1796 года. Убитый горем, Алексей из Ревеля поспешил в Петербург попрощаться с матерью и встретиться с неизвестностью. Неожиданностью стало для него заявление императора Павла, когда тот в Сенате публично назвал его родным братом, после чего приблизил ко двору и позволил являться к императорскому столу «обедать и ужинать, как ему вздумается»²⁹. Вскоре Павел передал Бобринскому «значительные поместья в Тульской и других губерниях, предназначенные, но не отданные ему Екатериною»³⁰, а также подарил дом на Галерной улице в Петербурге. Кроме того, Бобринский с детьми и потомками был пожалован в графское достоинство.

Привыкший жить вдали от столицы, «новый граф недолго нес тяжесть тогдашней военной службы и вскоре вышел в отставку с чином генерал-майора, но пользовался неизменным расположением Государя. Павел писал к нему письма в Тульскую губернию, куда он благоразумно удалился из Петербурга, и Богородицкий почтмейстер сам привозил ему и вручал царские пакеты»³¹. Дальнейшая жизнь графа Бобринского «протекала без шума, и об ней сохранилось немного известий. Он проживал в деревнях своих, занимаясь сельским хозяйством и минералогией, а по зимам в Петербургском своем доме»³².

Богородицкое имение Алексей Григорьевич очень любил и называл его «маленьким раем»³³. Собрал там большую библиотеку, хорошую коллекцию телескопов и физических инструментов. Из Богородицка граф Бобринский оказывал помощь русской армии во времена войны с Наполеоном, посылая подводы с провиантом и жертвуя деньги на создание народного ополчения. Сохранился, например, его наказ от 1812 года крестьянину Нефедову об отправлении в армию подвод с сухарями. Боясь, что Наполеон со своими солдатами придет в имение, Бобринский спрятал

от врага любимый саксонский фарфоровый сервиз, замуравав его во въездной башне. Граф так и не узнал о победе русского войска над французской армией, он скончался в Богородицке 2 июля (по новому стилю) 1813 года. Про сервиз не знали или забыли, нашли его случайно почти через сто лет в 1911 году.

Вдова Алексея Григорьевича графиня Анна Владимировна Бобринская³⁴ пережила мужа на 33 года. Она никогда не была ни фрейлиной, ни статс-дамой, но благодаря «высшим качествам и пленительному уму»³⁵ всегда была отмечена особым расположением при дворе. По воспоминаниям барона Корфа, к ней особенно была привязана императрица Мария Федоровна, а император Николай I по-родственному называл ее «mutterchen» («мамаша» – нем.).

Четверо из пятерых детей Алексея Григорьевича (старший Алексей умер в младенчестве) – Алексей³⁶, Павел³⁷, Василий³⁸ и дочь Мария³⁹ – родились в Петербурге, но их детские годы были тесно связаны с богородицким дворцом, где они всей семьей проводили лето. После смерти отца каждый из сыновей-подростков унаследовал часть тульских земель. Кроме того, Алексею достался дом в Петербурге, Василию – дом в Бобрниках, а Павлу – дом в Богородицке. Таким образом, от Павла и берет начало богородицкая ветвь графского рода Бобринских.

Повзрослев и обзаведясь семьей, Павел Алексеевич Бобринский не уделял особого внимания доставшемуся ему имению. С супругой своей, Юлией Станиславовной, он больше проживал в столице или путешествовал по Европе. Однако в богородицком имении им все-таки суждено было иногда бывать, причем бывать порой по воле самого императора. По семейному преданию, как-то Юлия Станиславовна осмелилась появиться на одном из костюмированных балов в костюме «жемчужины в сетях». Откровенное платье было сетью, а жемчужиной – сама красавица-графиня. Николаю I дерзость не понравилась, и он выдал Павлу Алексеевичу предписание подержать жену в деревне для назидания⁴⁰.

Красотой своей графиня сводила с ума многих, но не могла обуздать влюбчивую и увлекающуюся натуру собственного мужа. В неполных тридцать лет Павел Бобринский был убит на дуэли во Флоренции из-за прекрасной дамы⁴¹.

Овдовев, Юлия Станиславовна вместе с детьми большую часть времени проводила в Европе. В Богородицком имении, которым управляла на расстоянии через управителей, бывала изредка. Графини не было в имении и 8 июля 1837 года, когда усадьбу Бобринских посещал будущий император Александр II. Тогда великий князь Александр Николаевич вместе с сопровождавшими его господами В. А. Жуковским, А. А. Кавелиным и К. А. Арсеньевым отобедали в прекрасном дворце. Все хлопоты по приему большого гостя легли на плечи управляющего умением барона Федора Борисовича Унгерн-Штернберга⁴². Через месяц ему выпала честь встречать в Богородицке и великую княгиню Елену Павловну. «В один из августовских дней» 1837 года управляющий «показал высокопоставленной посетительнице «некоторые части вновь заводимого хозяйства», в том числе глиняно-соломенные крыши, и даже устроил «показательный» пожар. Легкость постройки, дешевизна и устойчивость к воде и огню делали это изобретение незаменимым в сельском хозяйстве и заслужило одобрение знатной гостьи»⁴³.

Самыми тесными узами с Богородицком был связан сын Юлии Станиславовны, Алексей Павлович Бобринский⁴⁴. Он был еще очень молод, когда получил в наследство большое, но весьма расстроенное хозяйство. Имение площадью в 36 тысяч десятин было передано ему опекой в плачевном виде. Будучи образованным и начитанным человеком, граф задался целью трудом и усердной работой поправить дела.

В 1845 году он поселился в своем Богородицком, страстно увлекся хозяйством и даже решил заняться сахароварением, хотя подобное предприятие в те времена было еще редкостью. Для начала он подробно изучил дело на Михайловском сахарном заводе своего дяди Алексея Алексеевича Бобринского, где в течение года исполнял обязанности дежурного надзирателя за рабочими. Через два года Алексей Павлович построил в Богородицком имении собственный сахарный завод, самый северный в России. На берегу пруда, выросли добротные каменные постройки: производст-

венный корпус, водокачка, казарма и баня. Производя свыше 70 тысяч пудов сахарного песка в год, завод очень скоро стал известным за пределами Тульской губернии. Работали на нем в основном графские люди. В обязанности хозяина входила не только выплата жалованья, но и обеспечение работников дровами и водой. «На сахарном заводе устраивалась елка для простолюдинов, раздавались подарки: ботинки и ситец»⁴⁵. К 1883 году завод Бобринского превратился в крупное предприятие, на котором числилось 830 рабочих и мастеровых.

Для сахарного завода на графских землях выращивали сахарную свекловицу. Кроме того, молодой хозяин развел самый обширный в уезде яблоневоый сад, состоявший из шестнадцати тысяч плодовых деревьев. У него были и большие ягодные сады, и фруктовые оранжереи, и цветочные теплицы. Имение очень быстро превратилось в крупное сельскохозяйственное предприятие, прибыль с которого росла, в том числе благодаря тому, что граф задолго до крестьянской реформы перевел хозяйство с барщины на оброк, повысив интерес крестьян к работе и облегчив их существование. Расширяя собственную запашку, передовой хозяин построил хутора. При хуторах числились свои управляющие и постоянные работники. В помощь им, в случае надобности, нанимались поденщики. Рабочие получали приличное жалованье, что обеспечивало их безбедное существование. Каждый хутор имел свою специализацию. Например, на самом ближайшем к усадьбе хуторе Богородицком издавна получали «семена клевера и тимофеевки для собственных посевов и на продажу»⁴⁶. На хуторе Соколовском имелся конезавод на 190 маток, где выводились не только рабочие и рысистые лошади, но и чистокровные английские.

При Алексее Павловиче началась промышленная добыча угля. На хуторе Товарковском были построены две шахты с ежегодной добычей в пять миллионов пудов угля. У рачительного хозяина использовался даже угольный мусор: на нем работали паровые машины сахарного завода.

Мирные заботы молодого помещика прервала Крымская война (1853–1856), движимый патристическими чувствами, граф Бобринский вступил в ряды армии. После военной кампании остался при дворе, был пожалован флигель-адъютантом Александра II и приближен к царской семье.

Накануне крестьянской реформы 1861 года граф Алексей Павлович Бобринский вновь решил переехать из Петербурга в свое Богородицкое имение. С молодой супругой, Александрой Алексеевной, урожденной Писаревой, он поселился в дедовском дворце, только что отделанном после пожара 1840-го года.

По воспоминаниям современников, дом он отстроил почти заново и отделал его на славу. Пользуясь самыми передовыми идеями западных инженеров, устроил в нем калориферное отопление: по системе гладких пластинчатых труб из цокольного этажа поднимался горячий воздух, нагревая все здание. Вдоль лестницы, ведущей в парадные комнаты, на стенах из черного дуба красовались штучера времен Севастопольской кампании⁴⁷. В прекрасной овальной зале первого этажа устраивались собрания мирового съезда, на которых председательствовал хозяин дома, являясь мировым посредником первого призыва. «В это пребывание в деревне граф особенно занялся устройством своих хуторов, где севооборот и обработка полей в самом деле были образцовые. Проезжая по его полям, можно было себя вообразить в Бельгии или Германии, но никак не в России и стране, обрабатываемой сохой»⁴⁸. Хозяин имения привел в порядок парк, при нем к северо-востоку от дворца были посажены липовые и лиственничные аллеи, а в боскетах между ними устроены ягодники.

Забываясь не только о собственном имении, но и о горожанах, Алексей Павлович привез из Англии пожарную трубу «Brigade», которая хранилась в каретном сарае дворца. Когда в городе или в одной из ближайших деревень случался пожар, на въездной башне били в набат, а на тушение выезжали тридцать шесть человек из графской усадьбы на знаменитой пожарной трубе с бочками воды. Сам граф, по возможности, одним из первых появлялся на месте происшествия и самоотверженно, с риском для жизни боролся с огнем. Городское общество с горечью отмечало, что пожарное депо не имеет возможности иметь такую дорогую машину в своем арсенале, а все находящиеся при нем «заливные трубы не могли такой пользы принести, как она одна»⁴⁹.

За постоянные заботы о гражданах города Богородицка, о развитии местной промышленности, о сохранении города от несчастных случаев собрание городской думы от 18 мая 1872 года «единогласно постановило его Сиятельству графу Бобринскому выразить признательность городского общества и просить его Сиятельство принять звание Почетного гражданина города»⁵⁰.

Однако лишь хозяйственная деятельность по устройству собственного имения не могла удовлетворить графа, и в 1866 году благодаря Бобринскому был учрежден так называемый «Золотой банк» для выдачи ссуд под залог земли. С 1869 он служил в министерстве путей сообщений и в 1872 году стал третьим министром путей сообщений, сменив на этом посту своего двоюродного брата Владимира Алексеевича Бобринского⁵¹. Это благодаря Алексею Павловичу маленький Богородицк тоже был включен в систему железных дорог.

После отставки с поста министра Бобринский вновь большую часть времени проводил в своем родном Богородицком имении, занимаясь исключительно воспитанием детей и хозяйственными делами.

К этому периоду жизни Алексея Павловича можно отнести его увлечение редстокизмом⁵². Вероятно, лорд Редсток посещал богородицкий дом Бобринского по приглашению его супруги. По воспоминаниям современников, лорд за обедом или в гостиной разъяснял хозяевам суть своего учения. Рассуждать о вере Бобринскому не раз приходилось и с графом Львом Николаевичем Толстым, который посещал Богородицкое имение и навеки запечатлел его в своем знаменитом романе «Анна Каренина» как имение Вронского Воздвиженское.

Добродетельной матерью большого семейства была супруга Алексея Павловича, Александра Алексеевна Бобринская. В семье ее звали Александриной. Она никогда не покидала заботой Богородицкое имение, а ее дети – Алексей⁵³, Софья⁵⁴, Юлия⁵⁵, Владимир⁵⁶, Петр⁵⁷, Павел⁵⁸ и Лев⁵⁹ – провели в нем большую часть жизни, для них прекрасный дворец был родным домом.

В Богородицке жизнь для них протекала спокойно и беззаботно, все семеро с удовольствием занимались верховой ездой и теннисом. Старший из братьев, Алексей, на радость отца интересовался сельским хозяйством, с увлечением читал книги по агрономии, с удовольствием занимался ботаникой и зоологией. В годы учебы в Кембридже и Эдинбурге Алексей бывал дома редко, но, приезжая, с огромным удовольствием включался в хозяйство. Вместе с братом Палей по утрам ходил чистить коней и учил этому мастерству кучеров. Он с усердием работал на отцовском сахарном заводе, проводил анализ сырья для производства сахара. По воспоминаниям матери, он «знал толк в быках» и не раз закупал их для отцовского хозяйства на сельскохозяйственных выставках⁶⁰. Маленький Лев, самый младший из детей Алексея Павловича, с удовольствием ходил с девушкой Катей доить коров, при этом ему особенно нравилось идти в коровник с большим фонарем в руках⁶¹.

К концу жизни, когда дети уже выросли, граф Алексей Павлович Бобринский много времени проводил в чужих краях, лишь изредка посещая свое Богородицкое. Однако он никогда не переставал заботиться об имении и о горожанах. Например, в неурожай 1891–1892 и 1893–1894 годов в своем имении учредил две столовые: в селе Балахне на 50 человек и при сахарном заводе на 90 человек. Кроме того, за его счет и на средства его матери, Юлии Станиславовны Бобринской, кормилось до 350 человек. При сахарном заводе и при Товарковской угольной копи были устроены приюты для матерей с детьми⁶². В борьбе с голодом принимал участие и сын Алексея Павловича, Владимир. Он оказывал практическую помощь богородицким крестьянам, открыв пекарню, где отпускали хлеб по сниженным ценам, из собственных средств помогал голодающим, выделяя деньги для раздачи нуждающимся. Благодаря помощи голодающим упрочилась его дружба с графом Львом Николаевичем Толстым, который отмечал, что Димер (так звали Владимира близкие) очень усердно работает, «в нем есть тепло, та сердечная искренность, самые драгоценные чувства»⁶³.

В 1892 году сестра Димера, графиня Юлия Алексеевна Бобринская, предоставила пострадавшим от неурожая возможность заработать. С этой целью в деревне Черная Грязь ею были организованы «женские работы по изготовлению бумажных тканей»⁶⁴, именуемых в Тульской губернии сартинами. Крестьянки ткали их на собственных станах по заказам графини из ее материала

и по составленным ею же рисункам, получая за это деньги. Число крестьянских женщин, занятых ткачеством, в те годы доходило до двухсот человек. Проблема голода, однако, оказалась решенной лишь отчасти, так как отсутствие еды и топлива повлекло за собой эпидемии тифа, оспы, кори и скарлатины. Тогда Юлия Алексеевна в усадьбе открыла тифозную больницу на шестнадцать коек.

В мае 1896 года в имении Бобринских была открыта и временная ткацкая мастерская. Две комнаты в башне, их отопление и освещение предоставлялись для мастерской совершенно бесплатно, так как все затраты брала на себя Юлия Алексеевна. Она же несла расходы по содержанию учениц и платила жалованье мастеру, который занимался «обучением крестьянок улучшенному ткачеству на станке-самолете»⁶⁵. Мастеров было несколько, например, обучением производству финляндских тканей занималась мастерица Сван, окончившая курс ткачества в Финляндии. Ежемесячно в мастерской одновременно занимались по тринадцать крестьянок. Освоив заправку на этом усовершенствованном стане, они могли производить «канифасные полотенца разных узоров, широкие узорчатые скатерти, салфетки, вязеное полотно, фартуки узорчатые, саржи разных рисунков, пледы, большие платки»⁶⁶. Графиня обеспечивала сбыт изделий своих учениц и в период их обучения, и в последующее время.

После смерти графа Алексея Павловича Бобринского Богородицкое имение наследовали его вдова и дети. Всю недвижимость в пожизненное владение получила Александра Алексеевна, передав это право своим сыновьям Владимиру, Петру и Льву, оставаясь на их содержании. Старший Алексей и один из близнецов, Павел, были выделены и получили свои доли деньгами.

В 1910-е годы богородицкое имение графов Бобринских представляло собой «процветающую собственность состоятельных людей»⁶⁷, его показывали студентам-агряриям для изучения и «осмотра сельскохозяйственных машин и орудий и ознакомления с сельским хозяйством»⁶⁸. В эти годы на хуторах Бобринских служил агрономом будущий известный писатель Михаил Пришвин.

По-прежнему большим предприятием был сахарный завод Бобринских. Хозяева заботились не только об условиях труда, но и о досуге своих работников. Бывало, на заводе проводились спектакли. Так, например, 26 января 1903 года «в зале лаборатории при свеклосахарном заводе ... состоялся бесплатный домашний любительский спектакль. Поставлена была комедия Фон-Визина «Недоросль». Роли исполнены исключительно рабочими завода, а зрителями, кроме остальных рабочих и служащих на заводе, были владельцы имения графы Бобринские, их управляющие... По окончании спектакля состоялись танцы»⁶⁹. В конце 1911 года при сахзаводе был устроен электротеатр. Причем устроен не в коммерческих целях, а как разумное и поучительное развлечение, «имеющее благотворное влияние на нравы не только молодежи, но и взрослых, искавших зачастую отдыха в удовольствиях предосудительного свойства»⁷⁰.

Фруктовый сад, посаженный во времена Алексея Павловича, был уже не таким огромным, как прежде, но все еще занимал довольно внушительное пространство между усадьбой и сахарным заводом. Росли в саду около четырех тысяч яблонь и три десятка груш⁷¹.

От башни-колокольни, как прежде, шла длинная прямая аллея, слева от которой «огромную площадь занимали ягодники, разбитые на куртины, разделяющиеся рядами лип»⁷². В ягодниках росли кусты крыжовника, малины, смородины, барбариса, вишни и сливы⁷³... «Справа от выезда на епифанскую дорогу была территория плодового питомника»⁷⁴, где выгонялись саженцы всех видов среднерусских фруктовых деревьев.

Имение Бобринских в начале XX века, как и при графе Алексее Павловиче, делилось на хутора, которые представляли собой отдельные хозяйства каждый со своей усадьбой, своим управляющим и специализацией. Хутор Соколовский, например, поражал своими многочисленными конюшнями, «там культивировались две породы: першероны – серые красавцы-тяжеловозы и английские скаковые»⁷⁵. Один из хуторов занимался молочным животноводством, другой – овцеводством, но почти на всех хуторах выращивали сахарную свеклу для графских заводов.

В начале XX века в Богородицке побывал знаток русской усадебной культуры, искусствовед барон Николай Николаевич Врангель, после чего в своих знаменитых очерках «Помещичья Россия» описал «ненаглядной красоты высокий дом над обрывом пруда среди густого-густого тенистого сада»⁷⁶.

Дом был крыт железом, над парадным подъездом располагался шестиугольный балкон. Над пристройками, северной и южной, также были шестиугольные балконы. Кроме того, на высоте первого этажа имелись две четырехугольные веранды с выходом в парк через широкую лестницу от овального зала. В цокольном этаже имелись три кухни, прачечная и подвалы для заготавливаемых на зиму продуктов. Принадлежал дом графу Владимиру Алексеевичу Бобринскому и его семье.

О назначении комнат и об обстановке дома можно судить по очеркам барона Н. Н. Врангеля и по детским воспоминаниям дочери Владимира Алексеевича, Софьи. Так, в овальном зале первого этажа была обустроена библиотека. Вдоль стен и в простенках между окнами стояли книжные шкафы, над которыми висели фамильные портреты «в золотых овальных рамах»⁷⁷. В центре комнаты стоял большой резной письменный стол, против центрального окна – модель Вандомской колонны, по сторонам – два лавровых дерева в кадках. В южной полукруглой нише – камин из черного мрамора с зеркалом в резной деревянной раме. Освещала зал медная люстра.

В северной пристройке останавливались гости, в южной жили младшие дети Владимира Алексеевича с няней. В этих комнатах были обустроены туалетные, также туалетная была на втором этаже в спальне хозяина дома, «в том же этаже выходила в коридор ванная»⁷⁸.

В столовой первого этажа стены были покрыты темным дубом, на паркетных полах лежали ковры, пол в родительской спальне на втором этаже был покрыт красным сукном.

Барону Врангелю особенно запомнились, «высоко над лестницей... три сильно потемневших, но все же дивных панно Гюбера Робера», и «хорошая мебель итальянской работы XVII века»⁷⁹ в комнатах.

По воспоминаниям Софьи Владимировны, на лестнице кроме панно Робера красовалась большая коллекция оружия «времен Севастопольской обороны»⁸⁰. На втором этаже «большая овальная комната... была предоставлена для детских игрушек. Там были кукольные дома, качающаяся лодка»⁸¹. Об этих игрушках вспоминали и богородицкие старожилы, которые, будучи детьми, общались с маленькими «графчатами» и допускались для игры в дом.

Из-за занятости на государственной службе Владимир Алексеевич редко посещал богородицкое имение, поэтому дворец почти всегда оставался необитаем. Однако, бывало, случались в доме весьма смешные истории. Как-то на праздник Пасхи в парадной столовой на втором этаже накрыли изысканный стол, но забыли закрыть дверь. Когда после праздничной службы толпа гостей поднялась в столовую, и два швейцара церемониально открыли двери, то все буквально онемело от увиденного в зале. На столе среди закусок стояла виляющая хвостом собака, морда которой была испачкана соусами. Владимир Алексеевич сложил руки за спиной, важно прогулялся вдоль длинного стола и вдруг весело сообщил: «Селедка и куличи выжили, да и яйца можно бить. Господа, присаживайтесь!»⁸²

Жилым в усадьбе был не только дворец, но и южный флигель. После женитьбы в 1901 году в нем поселился граф Лев Алексеевич Бобринский.

В первом этаже флигеля была устроена кухня с большой плитой, прачечная, лафитная, шкаф-ледник, ванная с «кранами и душем» и шестнадцать комнат с голландской печью в каждой. На втором этаже было двадцать три комнаты с девятнадцатью голландскими печами. К флигелю была пристроена веранда и оранжерея с водяным отоплением.

По словам барона Врангеля, в южном флигеле тоже было немало ценных вещей: «отличный голландский шкаф с инкрустированным изображением Петра I, миниатюра Зичи, несколько акварелей Болотова, красивый фарфор Saax»⁸³.

Во флигеле размещалась и школа кустарных вышивок, попечительницей которой была супруга Льва Алексеевича, Вера Владимировна Бобринская. Школа была создана для предоставления надежного заработка крестьянским женщинам. «Обычной продукцией являлись всевозможные вышивки, пользовавшиеся большим спросом и даже, как говорили, экспортировались во Францию. Среди прочих изделий в «Богородицком» выделялись отличные овчины»⁸⁵.

Во дворец и жилой флигель был подведен водопровод, для чего на территории парка построили водокачку, а одну половину колокольни заняли под «водоемный бак»⁸⁶. В колокольне, кроме того, хранились старинные вещи и архив Бобринских. В самой большой комнате на втором этаже над аркой вдоль стен «стояли стеллажи с многочисленными толстыми книгами отчетов по имению в великолепных темно-коричневой замши переплетах... Кроме бухгалтерских книг в этом помеще-

нии стоял ящик, наполненный множеством фехтовальных рапир и эспадронов... Самым интересным, однако, была электрическая машина с огромным стеклянным диском, укрепленном на основательной деревянной станине, со «щетками» из добротной кожи и с медными шарами – осязаемое воплощение научных идей XVIII века... это была та самая машина, ручку которой крутил... никто иной, как сам Болотов»⁸⁷. На колокольне был большой колокол в человеческий рост и много колоколов меньшего размера, «перезвон их был очень красивый»⁸⁸.

В северном флигеле находились три конюшни, сбруйная комната, слесарная и столярная мастерские, прачечная, плотницкая, каретный сарай и жилье для obsługi. «Каретный сарай представлял собой целый музей колесного транспорта для конной тяги. Тут были экипажи самых разнообразных фасонов, соответствующих вкусам и моде XVIII–XX веков, от кареты «дормеза» до современного начала XX века английского экипажа...» Хранилась там и походная карета Наполеона, купленная графиней Юлией Станиславовной на аукционе в Париже. Вся «упряжь, разумеется, была английская»⁸⁹.

«Вокруг усадьбы в парке царили величавые вековые деревья, а под ними – зелень травы, которую прорезали немногочисленные дорожки. Цветов и клумб в парке не было, разве только возле жилого флигеля. По склону над прудом были сделаны дорожки-спуски, а вдоль его берега шла так наз[ываемая] «нижняя дорожка», которая приводила чуть ли не к самому заводу»⁹⁰. Дорожки в парке были посыпаны желтым песком.

На склоне справа от дворца рядом с плотиной стояло двухэтажное деревянное здание, построенное в стиле швейцарского шале, в котором размещалась Община сестер милосердия, основанная в 1897 году графиней Софьей Алексеевной Бобринской. Община была строго государственным учреждением, приписанным к Российскому Обществу Красного Креста, и получала от него средства на содержание. Сама же Бобринская ежегодно давала на ее нужды по две тысячи рублей.

Софья Алексеевна, тетя Мисси, «отличавшаяся чрезмерной толщиной и неограниченным добросердечием»⁹¹ не только возглавляла общину, но и жила в ней вместе с сестрами, которые набирались в общину из местных крестьянок. Софья Алексеевна лично занималась с девушками чтением по гигиене и русским языком. После теоретических занятий сестры отправлялись в больницу, где ухаживали за больными и поддерживали чистоту в палатах.

Бобринская со своей общиной участвовала и в Русско-Японской войне, и в Первой мировой. Во время военных действий богородицкие сестры, привыкшие к строгой дисциплине, были выше всяких похвал.

Графские дети жили с сестрами, можно сказать, бок о бок, но строгая Мисси не допускала никакого запанибратства по отношению к этим простым женщинам. Каждый из младших Бобринских невольно понимал, что «сестры совершают какое-то очень важное дело, с которым прочие недостойны соприкасаться»⁹².

Для детей в усадьбе было устроено множество мест, где они могли посвятить себя играм. Так, например, недалеко от южного флигеля стоял «миниатюрный домик с малюсеньким мезонинчиком, куда вела крутая лесенка»⁹³. Изба-сруб в три окна «была центром многих игр»⁹⁴, состояла она из комнаты с настоящей русской печью и сеней, крыша сруба была крыта соломой, как у настоящей крестьянской избы.

На площадке к юго-западу от дворца дети и взрослые играли в теннис, рядом были устроены «гигантские шаги»⁹⁵, качели, трапеции и площадка для гимнастики. В одном из боскетов играли в крокет, а во внутреннем дворике прямо на круглой лужайке перед дворцом играли в лапту и футбол с дворовыми.

С крестьянскими ребятами «графчата» ловили рыбу в прудах и ходили за грибами в ближайшие леса. Графский конюх катал детей в английском экипаже, который представлял собой «некий элегантный ящик на колесах с сиденьями, расположенными боком к направлению движения и одно напротив другого»⁹⁶. В экипаж-ящик запрягали лошадь Волну. Довольно часто детей брали в поездку по хуторам, например на Товарковский сахарный завод или копи, где они с разрешения взрослых «с замиранием сердца спускались вниз, в штреки и забои»⁹⁷. Самым маленьким мужики приносили из леса волчат для игры.

Одна из дочерей Владимира Алексеевича Бобринского, Юлия, всю жизнь в далекой эмиграции помнила, как, будучи маленькой девочкой, любила бывать в богородицком имении. Более всего

ей нравилось «скакать на лошади и прыгать поверх упавших деревьев, а еще гнаться за пожарной командой, которая, как и во времена графа Алексея Павловича, из усадьбы выезжала на пожары»⁹⁸. Жизнь маленьких обитателей усадьбы была размеренной и спокойной, похожей на сказку.

Большая семья Бобринских часто собиралась в родовой усадьбе, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся фотографии тех лет. Так, например, в мае 1901 года в усадебном храме прошло венчание князя Георгия Евгеньевича Львова и графини Юлии Алексеевны Бобринской, 12 июля 1901 года в имении праздновали свадьбу графа Льва Алексеевича Бобринского и княжны Веры Владимировны Голицыной.

В последний раз большое семейство собралось в усадьбе осенью 1917 года на крестины Николеньки Бобринского, младшего сына графа Льва Алексеевича Бобринского. Крестным отцом мальчика стал граф Владимир Алексеевич. В Богородицке тогда еще было тихо и спокойно, в усадьбе Бобринских «все постройки стояли на своих местах, и в них текла обычная жизнь...»⁹⁹. Сразу после крестин его семья уехала в Москву на выборы Патриарха¹⁰⁰. Как обычно, на лошадях добрались до станции Жданка, а далее – по железной дороге в собственном вагоне. Больше семья Владимира Алексеевича Бобринского в усадьбу не вернулась, и с тех пор дворец стоял запертым. Лишь видно было через большие окна, как в комнатах «в полутьме из-за спущенных оконных штор висели картины в тяжелых золотых рамах, стояла мебель в чехлах»¹⁰¹.

В скором времени судьбу дворца решили большевики, а кабинет бывшего владельца занял председатель ЧК. Так и остались на своих местах: «Один стол письменный. Один шкаф с бронзовым украшением. Один диван мягкий резной работы. Четыре стула мягких резной [работы]. Одна угловая тумба черная с бронзовым украшением. Одна ваза. Одна картина на полотне в раме. Два подсвечника терракотовые. Одно кресло резной работы. Одно зеркало со столиком. Две шторы красного цвета с бордюрами. Два декоративных дерева в кадучках. Телефонный аппарат настольный»¹⁰².

Следует заметить, что в первое время после Октябрьской революции, бывшие графские люди хорошо относились к своим «угнетателям» и по возможности помогали им с продовольствием. Даже в 1918 году бывшие хозяева еще продолжали пользоваться своей усадьбой. «Правда, во многом их ограничили: лошадей отобрали, службу обратили на более полезные дела, фруктовый сад и ягодники получили нового владельца – государство»¹⁰³.

В это страшное время к Бобринским в Богородицк приехали их родственники князя Голицыны и Трубецкие. Все они разместились в дворцовых флигелях. Граф Лев Алексеевич из кожаных обложек старинных книг из семейной библиотеки шил кошельки и бумажники, чтобы как-то прокормить семью, которая насчитывала теперь почти три десятка ртов. Кроме самих Бобринских и их родственников в это число входили «мсье и мадам – супружеская пара швейцарцев», дававших детям «уроки французского и немецкого языков, и воспитательница всех детей в семье... Александра Николаевна Россет, всю свою жизнь посвятившая этой семье. Были еще в каждом семействе няни – верные пожилые женщины, не покинувшие своих «эксплуататоров» в самые тяжелые времена и разделившие с ними все горечи и невзгоды мрачных лет»¹⁰⁴. Мальчишки с целью раздобыть пропитание «устраивали набеги» на сады и воровали то, что совсем недавно было своим. «Особенно азартным похитителем «государственных» яблок оказался наследник бывших владельцев Алексей Бобринский. Как и всем сельским жителям и гражданам РСФСР, обитателям усадьбы был отведен большой участок под огород», и дети наравне со взрослыми охотно выполняли обязанности по уходу за ним, особенно когда приходило время собирать урожай «огурцы, морковь, горох»¹⁰⁵.

У бывших владельцев усадьбы периодически реквизировались вещи на нужды молодого государства. Так однажды у Льва Алексеевича Бобринского «забрали несколько костюмов, шестнадцать пар ботинок. Дамскую и детскую одежду, обувь почти не брали, забирали кровати, матрасы, одеяла»¹⁰⁶.

Удивительно, но в усадьбе продолжали жить полной жизнью и даже устраивали музыкальные камерные вечера. «В гостиной флигеля или в Общине... собирались энтузиасты – исполнители и ревностные слушатели»¹⁰⁷. Вера Владимировна Бобринская прекрасно играла на рояле, Владимир Сергеевич Трубецкой вполне профессионально играл на виолончели, на скрипке им аккомпанировал «Зальцман, пленный австрийский офицер, прекрасный скрипач и, как говорили, выученик Берлинской консерватории»¹⁰⁸.

Спокойная жизнь в усадьбе не могла не раздражать «патриотически-настроенные» элементы, и однажды в местной газете «Красный голос» появилась статья «Доколе будем терпеть!», в которой с негодованием говорилось о том, что по парку все еще разгуливают «томные графинюшки» и «толстощекие графчики в матросках»¹⁰⁹.

В сентябре 1918 года президиум Богородицкого уисполкома в связи с распоряжением «Центра об изъятии художественных ценностей из усадеб и их музеефикации» принял постановление «О выселении буржуазии из занимаемых ею помещений». В нем предписывалось «весь нетрудовой элемент, проживающий в городе Богородицке и занимающий большие помещения своим таким свободным размещением, выселить в холодные помещения, предоставив им право отремонтировать таковые для себя; семьи трудовых горожан из этих домов размещать в теплые помещения, размещая как тех, так и других более плотнее, приняв на учет все освободившиеся помещения для нужд советских учреждений»¹¹⁰. В результате усадьба, бывшая родовым гнездом для четырех поколений графов Бобринских, была национализирована. Хозяева и их родственники, «обитавшие в просторном флигеле на усадьбе, были теперь рассредоточены по небольшим городским квартирам»¹¹¹.

Вера Владимировна Бобринская получила ордер на две комнаты в небольшом двухэтажном доме мещанина Кобякова на Воронежской улице напротив Покровской церкви¹¹². Софью Алексеевну Бобринскую тоже выселили из ее общины, и она поселилась с Голицыными за городом в двух комнатах в квартире директора Земледельческого училища.

На основании декрета Совнаркома о национализации сахарной промышленности с 3 октября 1918 года началась национализация Товарковского и Богородицкого сахарных заводов графов Бобринских, к имуществу заводов приписали и дворец. В опись хозяйства были включены хутора, усадьба со всеми постройками, землями, живым и мертвым инвентарем, графские вещи.

10 октября 1918 года в газете «Известия» был опубликован декрет СНК, согласно которому дворец графов Бобринских был объявлен историческим памятником и «должен находиться в ведении отдела народного образования» и использоваться «для культурно-просветительских целей»¹¹³. «В доме имения бывших графов Бобринских» местные органы власти распорядились открыть «культурно-исторический музей»¹¹⁴, открытие которого затягивалось из-за поврежденной системы центрального отопления и отсутствия средств на ее ремонт.

Национализация имущества проводилась на основании циркуляров по «сохранению книжных и художественных сокровищ, находящихся в бывших помещичьих усадьбах», однако национализацию сложно было отличить от простого воровства. В усадьбе попросту «произошел грандиозный дележ мебели, оставшейся одежды и многочисленной посуды – столовой и кухонной, принадлежавшей Бобринским», на которой «был выдавлен герб графов»¹¹⁵. Интересно, но некоторые предметы этой посуды обнаруживаются до сих пор в музеях и частных коллекциях, есть и в фонде «Богородицкого дворца-музея» посеребренное блюдо с крышкой с выдавленным на ней гербом Бобринских.

Сколько ценных вещей в те лихие годы пропали. Сотрудники богородицкого музея нашли в архивах некоторые документы, из которых видно, что в 1918 году из города Богородицка в Зарайский музей «поступили бронзовая группа «Вакханалия» работы Клодиона, зеркало в фарфоровой раме – подарок курфюрста Саксонского Разумовскому, сервиз саксонского фарфора»¹¹⁶. Книги и журналы, среди которых 55 томов Большой энциклопедии Брокгауза и Эфрона, а также «книги на вес – 15 пудов»¹¹⁷, альбомы с фотографиями, атласы, ноты, письменные и фотографические принадлежности были переданы в центральную библиотеку уездного отдела народного образования. По воспоминаниям Софьи Владимировны Бобринской, покинувшей дворец в девятилетнем возрасте, в Тулу увезли библиотеку, три картины Гюбера Роббера, двенадцать картин «Времена года» итальянской школы Л. Бассано конца XVI – начала XVII века, а также всю мебель.

В Народный музей города Богородицка помимо большого количества мебели предназначались четыре гравюры, столько же ваз, подсвечник в виде турецкой мечети, «фарфоровая группа львов с Клеопатрой», бюст Екатерины II, пара бронзовых подсвечников индийской работы в виде слонов, «кресло резной работы с гербом Бобринских», рояль фирмы «Беккер»¹¹⁸.

К большому сожалению, местонахождение большинства вещей из Богородицкого имения графов Бобринских сегодня неизвестно, установлено, что лишь малая часть из них хранятся в Тульском областном художественном музее.

В конце октября 1918 года произошла «приемка» усадьбы со всеми постройками и передача ее заводууправлению Богородицкого сахарного завода. В акте национализации дворца сообщалось, что «центральное отопление испорчено и бездействует» и что «за неимением отопления... в зимнее время здание является (за исключением 4-х комнат) необитаемым»¹¹⁹.

Видимо именно в этих четырех комнатах и был устроен культурно-исторический музей, экспонаты для которого принимались по описи, увы, утраченной.

Летом 1919 года «на усадьбе все постройки стояли еще на своих местах. Дом пустовал – двери и окна нижнего этажа были заколочены досками. Никаких следов хозяйствования – прекрасный большой участок огорода никак не был использован, в цветнике – бурьян. В одном только проявилась деятельность человека – в разрушении всех заборов и каменной ограды сада, как ненавистных, надо полагать, символов классового различия»¹²⁰.

Музеефикация из-за финансового дефицита быстро сошла на нет, приспособление усадебных построек под хозяйственные нужды привело к их разрушению, и дворец через короткий промежуток времени уже нельзя было использовать без ремонта.

Деревья в старом парке нещадно вырубались, с глухим стоном падали подсеченные топором столетние липы, дорожки и мостки уродовались и ломались. В 1929 году исчезли усадебные флигели и въездная башня, их снесли «за ненадобностью». Вскоре парадные залы главного дома заполнили однообразные шеренги кроватей – в бывшем дворце графов Бобринских был открыт санаторий «Красный шахтер». В связи с этим в 1934 году закрыли усадебный храм, решив обустроить в нем клуб с кинотеатром. До этого из храма уже были вывезены ценные золотые и серебряные оклады, уничтожены росписи. Клуб в усадебном храме так и не устроили, сначала приспособили здание под склад и овощехранилище, а потом и вовсе забросили.

Разорение усадьбы довершили немецко-фашистские войска. Маленький Богородицк был оккупирован месяц и один день, и за этот срок в городе было уничтожено три четверти домов, а отступая под натиском Советской Армии, в ночь на 12 декабря 1941 года, фашисты взорвали прекрасный дворец, служивший хорошим ориентиром не только для летных частей вражеской авиации¹²¹. В годы войны погибла Церерина роща, пришел в запустение старый парк.

Четверть века над городом Богородицком возвышались «графские развалины», как страшное напоминание о тяжелейших ранах, нанесенных войной. Дворец представлял собой полуразрушенную коробку, внутри которой поднималась в небо уцелевшая винтовая лестница.

Казалось, навсегда исчезла усадьба, краса и гордость здешнего края. Однако богородчане оказались истинными патриотами родного города, всем миром они стали возрождать памятник архитектуры екатерининских времен. Нет в Богородицке семьи, в которой хоть один человек не участвовал бы в восстановлении дворца. Инициатором возрождения усадьбы был Петр Андреевич Кобяков (1917–1999), краевед, член союза художников РСФСР. Кобяков был бесконечно влюблен в богородицкую усадьбу, воспел ее в своей живописи, при поддержке местной власти он добился, чтобы были приняты меры по возрождению дворца и парка.

Восстановительные работы начались в 1967 году. К 1875 году под руководством московского архитектора Леонарда Владиславовича Тьдмана с некоторыми изменениями первоначальной планировки восстановили дворец, сохранив его пятигранные пристройки с севера и юга. На сохранившемся фундаменте по старым фотографиям и рисункам Болотова отстроили вновь башню-колокольню. Проект восстановления парка А.Т. Болотова с 1969 года безвозмездно выполнял известный ландшафтный архитектор Михаил Петрович Коржев (1897–1986). Работу он осуществлял в одиночку, уже в преклонном возрасте, можно сказать, она стала его лебединой песней, однако так и не воплотилась в жизнь по непонятным причинам.

В 1975 году в здании дворца был открыт музей и начала формироваться его художественная коллекция, ориентированная на дворянскую культуру.

В 1981 году музеем был заказан новый проект реставрации парка А.Т. Болотова и восстановления внутренней планировки дворца и башни для приспособления их помещений под музей. Проектами занялись специалисты московского института «Спецпроектреставрация». На время музей закрыли для посетителей, вновь началась реставрация.

Авторы проекта реставрации парка, Людмила Константиновна Виноградова (1937–2004) и Ярослав Данилович Янович, восстановили террасы с запада от дворца, устроили каменные ступени, ведущие от дернового крыльца к пруду. В самом дворе оформили клумбы и рабатки для роз. Весь ассортимент зеленых насаждений, цветы и кустарники, были привезены из Ботанического сада Москвы и строго по рекомендации авторов проекта высажены. В центральной части двора был устроен английский газон. В парке расчистили и благоустроили аллеи и дорожки, а в 1989 году установили памятник А.Т. Болотову работы тульского скульптора Арнольда Ивановича Чернопятава.

18 октября 1988 года в год 250-летия Андрея Тимофеевича Болотова в только отреставрированном дворце открылся «Богородицкий дворец-музей и парк».

Сегодня экспозиционно-выставочная площадь музея составляет почти 800 квадратных метров, для посетителей открыты пятнадцать музейных залов. Экспозиция знакомит с творчеством создателей ансамбля и его владельцами. В анфиладе второго этажа воссоздано убранство парадных интерьеров рубежа XVIII–XIX веков. Коллекция самоцветов и изделий из них представлена на бельведере в экспозиции «Прекрасное в камне». В выставочных залах регулярно работают выставки из собственных фондов дворца-музея, частных коллекций и фондов других музеев.

Коллекция музея начала формироваться в 1980-е годы, когда из лучших музеев страны, таких как Русский музей, Эрмитаж, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, «Останкино», передавались предметы, достойные прекрасного дворца. Это предметы декоративно-прикладного искусства: образцы русской мебели конца XVIII – 1-й четверти XIX века, фарфор конца XVIII – 2-й половины XIX века заводов Гарднера, Попова и товарищества Кузнецова.

При содействии МК РСФСР музейные залы украсили предметы живописи. Это «Пейзаж со стадом» неизвестного голландского художника конца XVIII века, «Портрет девушки с птичкой» неизвестного художника французской школы конца XVIII века.

Значительную часть коллекции живописи составляют произведения народного художника РСФСР М. И. Авилова и богородицкого художника, члена Союза художников РСФСР П. А. Кобякова.

В музее собрана хорошая коллекция графики, в которой стоит особо отметить четыре гуаши неизвестного художника 1-й половины XIX века с видами Неаполя (реставрация двух из них в ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря позволила обнаружить надпись «BoSsolì. 1844») и акварель неизвестного художника «Усыпальница в Бобриках» (датировка около 1815 года).

Среди дарителей музея стоит отметить известного художника-графика Иллариона Голицына, который передал музею семь акварелей своего отца, талантливого художника-оформителя Владимира Михайловича Голицына. Это эскизы декораций, исполненные в 1919 году к спектаклям местного Народного театра «Вишневый сад», «Ревизор» и «Привидение».

В 2013 году специально для Богородицкого дворца-музея известным русским художником Георгием Шишкиным была написана пастель «Прогулка Екатерины и Григория Орлова».

Есть в музее и небольшая коллекция скульптуры: бюст римского императора Гальбы, «Купающаяся Венера», «Спящий амур», два бюста Венеры, один из которых, по словам его бывшей владелицы, находился некогда в усадьбе Бобрищевых-Пушкиных в деревне Егнышевке Алексинского уезда Тульской губернии. На выставке «Прекрасное в камне» представлен бюст Л. Н. Толстого работы Трапасси, переданный в Богородицк из ГМИИ им. А. С. Пушкина.

В музее есть предметы с интересной историей, как, например, гостиный столик наборного дерева конца XVIII века, некогда принадлежавший княгине Звенигородской, проживавшей в особняке на Пречистенке. Или парные зеркала, вернее, рамы 1760-х годов, которые украшали один из залов Кремлевского дворца, а в 1910-х годах были проданы бывшему работнику кремлевской охраны Вульфберту.

В музее также имеется хорошая историко-краеведческая коллекция. Самую «нарядную» ее часть представляет народный костюм Богородицкого уезда, который собирался традиционно в экспедициях по району. Неотъемлемой частью краеведческой коллекции являются самовары знаменитых тульских фабрик Ваныкина, Капырзина, братьев Баташевых.

К большому сожалению, в Богородицком дворце-музее немного вещей, связанных с представителями семейства графов Бобринских, поэтому каждый предмет особенно ценен. Среди них напольные часы, фисгармония, диванчик «Тет-а-тет», спинка от кресла, оформленная фигурами бобров, две фарфоровые тарелки: одна с гербом графов Бобринских на зеркале английской работы, другая из свадебного сервиза, изготовленного в конце 1870-х годов на фарфоровой мануфактуре в замке Нимфенбург к венчанию графини Людмилы Павловны Бобринской¹²² и Дмитрия Сергеевича Бутурлина.

Прошло много лет с тех грустных событий разграбления усадьбы, но время от времени, то тут, то там «всплывают» вещи, когда-то наполнявшие дом. Так в 2014 году фонд музея пополнил серебряный подстаканник с дарственной надписью, адресованной, предположительно, графу Владимиру Алексеевичу Бобринскому, члену Государственной думы.

Потомки графов Бобринских, проживающие сегодня в разных странах мира, передают в музей интересные экспонаты. Например, Николай Греков¹²³ из Франции подарил музею фотопортреты своих бабушки и дедушки, В.А. Бобринского и М.М. Бобринской, урожденной Никоновой, икону Святого князя Владимира, принадлежавшую В.А. Бобринскому. Марина Шеррок¹²⁴ из Англии передала в музей многочисленные фото, на которых представлена жизнь обитателей усадьбы накануне революции. Неоценим вклад в формирование музейного фонда Николая Николаевича Бобринского¹²⁵, который передал в музей документы, личные вещи, книги Бобринских, альбом цветных литографий с видами Италии, принадлежавший его бабушке Варваре Николаевне Бобринской¹²⁶, урожденной Львовой. Добрый друг музея, Алексей Николаевич Бобринский¹²⁷, на десятилетний юбилей музея преподнес царский подарок – бюст маршала Вобана XIX века.

Более четверти века в богородицкой усадьбе существует музей, он наполнен вещами, волею людей наполнившими старый дом. Случается, заиграет мелодия в старинных часах, или стрелки сами вдруг начнут свой бег, потому что дом живет несмотря ни на что. И пусть в этом доме больше не пишут семейных портретов, не пьют вина и не играют в карты, в комнатах не пахнет вареньем, но в его высоких окнах по-прежнему горит свет. Этот свет влечет к дому гостей, посетителей музея. В праздники, как и прежде, дом наполняется детским смехом и живыми голосами, в овальном зале первого этажа часто звучит музыка, на его импровизированной сцене выступали и солисты Большого театра, и актеры Театра на Таганке. По пятницам и субботам в музее можно встретить молодоженов в подвенечных нарядах, зарегистрировать брак в прекрасном дворце конца XVIII века давно стало традицией. В погожие дни по винтовой лестнице можно подняться на смотровую площадку дворца и увидеть с 18-метровой высоты город с его знаменитым веером улиц.

Сегодня большое внимание уделяется и старому парку. Силами сотрудников музея при участии горожан он приводится в порядок в его прежних границах. Впереди еще много работы по возрождению его былой красоты, но уже сейчас он достоин любования. Среди молодой поросли выступают мощные стволы старых деревьев, посаженных еще самим Болотовым.

Парк красив в любое время года: весной его холмы покрываются сиренево-желтым ковром первоцветов, а воздух наполняется нежным ароматом молодой листвы; лето добавляет зеленых красок; осень раскрашивает деревья и поляны ярко-желтой палитрой с красными вкраплениями кленовых листьев; зимой парк похож на невесту в белоснежном наряде.

Самым глухим уголком, но, пожалуй, и самым поэтичным, по-прежнему является Эхоническая долина. Там всегда прохладно и сумрачно. В ложах прудов, когда-то цепочкой спускавшихся по ней, кое-где поблескивает вода. Вдоль долины то там, то здесь встречаются глыбы песчаника. Один из таких камней назван горожанами «камнем любви», желание, загаданное на нем, непременно сбудется.

В парке немало дорог и тропинок, прогулка по которым доставляет большое удовольствие. Одна из них проведет вас от плотины мимо дворца к деревянному мостику. Если держаться берега пруда, можно пройти до Церериной рощи, где шумят листвою березы.

Как и прежде с востока к дворцу ведет подъездная дорога, замыкающая перспективу въездной башни. Пройдя по ней, попадаешь в засаженный цветами дворцовый дворик с круглым английским газоном. От башни дорожка приведет вас к Казанской церкви, с 1990 года в ней возобновились богослужения.

За алтарной частью храма расположены несколько могил представителей семейства Бобринских. Среди них захоронение Николеньки Бобринского, умершего в 1921 году в возрасте 4 лет. Это на его крестинах в 1917 году последний раз собрались Бобринские большой дружной семьей. Чуть в стороне – могила его няни, а рядом покоится княгиня Юлия Алексеевна Львова, урожденная Бобринская (умерла «после родовой болезни»). Эти могилы были обнаружены при расчистке территории вокруг храма в начале 1990-х годов. Рядом есть еще три могилы, которые появились не так давно. В усадьбе предков нашли последнее пристанище потомки графского рода Николай Николаевич Бобринский, его супруга Вера Сергеевна, урожденная Сидорова¹²⁹ и Алексей Валерианович Брагин-Бобринский¹³⁰.

Богородицкая усадьба – любимое место времяпрепровождения богородчан и гостей города. Каждый, кто хоть раз бывал в ней, приходит и приезжает еще и еще... Как не старались люди исковеркать, уничтожить, разрушить этот «пережиток буржуазного прошлого», старую графскую усадьбу, по-прежнему манит к себе белоснежный с колоннами дом в тенистой чаще деревьев, отражающийся в сонном, пахнущем тиной пруду...

Автор выражает благодарность монахине Елизавете (в миру – Людмила Александровна Ковшова) за предоставленные материалы о судьбе имуществ графов Бобринских.

Опубликовано: Знаменитые Тульские усадьбы и их владельцы. М., 2015. С. 37-75.

1. Графиня Вера Сергеевна Бобринская. Стихи разных лет. М., 1993. С. 11.
2. Графиня Вера Сергеевна Бобринская, урожденная Сидорова. Родилась в Сергиевом Посаде 24 ноября 1925г.; умерла в Москве 28 января 2003г.; погребена возле Казанской церкви в Богородицке // Родословие графов Бобринских / сост. Жерздева Марина Владимировна. – Тула: Свамия, 2012. С. 28.
3. Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1995. № 32. С. 7.
4. Колосова В.Б. Богородичные травы в русской культуре // Русская речь. 2010, № 4. С. 98.
5. Малеванов Н. Богородицк и его уезд в VII веке // Ленинская правда. 1973. 5 декабря.
6. Малеванов Н. Государев пашенный завод // Ленинская правда. 1970. 23 июня.
7. Центральный государственный архив древних актов (далее – ЦГАДА). Ф. 350. Д. 5446. Л. 1. об.
8. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф.55. Д.569. Л.1-2.
9. Грабарь И.Э. История русской архитектуры. Т. III. С. 338.
10. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 4 т. Т. III. Спб., 1870, С. 608.
11. ЦГАДА, разр. XIV. Д. 215, Л.6.
12. Из усадебного комплекса сохранилась церковь и усыпальница Бобринских.
13. Дутова В. А. История Богородицка с древних времен // Жемчужины Богородицка. Книга-альбом по истории родного города / Под общ. ред. М.В. Казанского. – Тула: Гриф и К, 2011. С. 13.
14. Белехов Н. и Петров А. Иван Старов. Материалы к изучению творчества. М., 1950, С. 36-37.
15. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. III. С. 80.
16. Экономический магазин. Ч. 26, М., 1786. С.60.
17. Дружинин А.В. Журнал Павла Болотова как материал для истории русского музыкального быта XVIII века. // Музыка и музыкальный быт старой России. Т. 1, М., 1927, С.189-212.
18. Имение, предназначенное для А.Г. Бобринского, в Коломенском уезде Московской губернии.
19. Любченко О.Н. Есть в Богородицке парк. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С.38.
20. Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. III, С. 171, 176.
21. Болотов А.Т. Практические замечания о превращении простых натуральных лесочков в увеселительные // Экономический магазин. Ч. 20, М., 1784, С. 34.
22. Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. III, С. 744.
23. Там же. С. 1137-1138.
24. Там же. С. 1143.
25. Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. IV. С. 38.
26. Белехов Н. и Петров А. Указ. соч. С. 35-36.
27. Дутова В. А. Указ. соч. С. 13.
28. Алексей Григорьевич Бобринский, родился 22 апреля 1762 г. в Петербурге, в Зимнем дворце; умер 2 июля 1813 г. в Богородицке Тульской губернии; погребен в родовой усыпальнице в Бобриках Тульской губернии.
29. Побочный сын императрицы Екатерины II, урожденной принцессы Ангальт-Цербской (1729-1796), и графа Григория Григорьевича Орлова (1734-1783); генерал-майор, кавалер ордена Св. Анны, управляющий Петербургским Воспитательным домом // Родословие графов Бобринских... С. 8.
30. Граф Алексей Григорьевич Бобринский и его бумаги // Русский архив (далее РА). 1876. Кн. III. С. 11.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Фонд Богородицкого дворца-музея и парка (далее БДМ). Письмо А. Г. Бобринского жене. 28.06.1811.

35. Баронесса Анна-Доротея (Анна Владимировна) Унгерн-Штернберг. Родилась в Ревеле 20 января 1769 г., умерла в Петербурге 9 апреля 1846 г., погребена в Бобриках. // Родословие графов Бобринских... С. 8.
36. Записки барона Корфа. // РА. 1900. Т.101.
37. Алексей Алексеевич Бобринский, родился в Петербурге 18 января 1800г.; умер в Смеле Киевской губернии 16 октября 1868г.; погребен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Механик и изобретатель, один из первых в России фотографов и гальванопластов, сахарозаводчик, инициатор строительства первой железной дороги в России, действительный тайный советник, обер-егермейстер Императорского Двора, кавалер орденов Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени, Белого Орла I степени. Женился в Петербурге 9 мая 1821г. на графине Софье Александровне Самойловой (родилась 15 октября 1799г.; умерла в Париже 23 ноября 1866г.; погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры). Внучатая племянница светлейшего князя Потемкина, фрейлина императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны // Родословие графов Бобринских... С. 9.
38. Павел Алексеевич Бобринский, родился в Петербурге 9 декабря 1801 г.; умер во Флоренции (убит на дуэли) 19 января 1830 г.; погребен в Бобриках. Штаб-ротмистр, служил в лейб-гвардии гусарском полку, в полку Елизаветградских гусар. Женился 22 апреля 1822 г. На Юлии Станиславовне собакиной, урожденной графине Белинской (родилась 17 февраля 1804 г.; умерла в Париже 27 сентября 1892 г., погребена на кладбище Монмартр). Третья дочка последнего польского короля Станислава Августа Понятовского // Родословие графов Бобринских... С. 9.
39. Василий Алексеевич Бобринский, родился в Петербурге 25 января 1804 г.; умер в Москве 14 сентября 1874 г.; погребен в Бобриках. Корнет Лейб-гвардии гусарского полка, декабрист, предводитель дворянства Епифанского уезда, предводитель дворянства Тульской губернии. Женился первым браком 18 июля 1824г. на княжне Лидии Алексеевне Горчаковой (родилась 22 июня 1807 г.; умерла без потомства в Эсбахе, близ Баден-Бадена 3 июня 1828г.; погребена в Бобриках). Внучатая племянница генералиссимуса А. В. Суворова, композитор, почетный член Болонской филармонической академии. Женился вторым браком 30 апреля 1830 г. на Софье Прокофьевне Сокольниковой (родилась 24 мая 1812г.; умерла в Москве 21 февраля 1869 г.; погребена в Спасо-Андрониковом монастыре). Женился третьим браком 5 марта 1869 г. на Александре Петровне Ушаковой (родилась 31 мая 1821 г.; умерла без потомства в Петербурге 16 февраля 1880г.; погребена в Бобриках). Имел потомство от второго брака // Родословие графов Бобринских... С. 9-10.
40. Мария Алексеевна Бобринская, родилась в Петербурге 10 февраля 1798 г.; умерла там же 11 августа 1835 г., похоронена в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Вышла замуж в Петербурге в 1816 г. за князя Николая Сергеевича Гагарина. (родился 30 июля 1786г.; умер (был смертельно ранен одним из своих подчиненных, лесничим Рейнманом) в Петербурге 6 августа 1842г.; погребен в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры). Участник Отечественной войны 1812г., управляющий Императорскими стеклянными и фарфоровыми заводами, гофмейстер, действительный статский советник, вице-президент Кабинета Его Величества. Их потомство – два сына и две дочери (Мария Николаевна (1820–1837), Леонида Николаевна (1822–1887), Николай Николаевич (1823–1902), Лев Николаевич (1828–1868)) // Родословие графов Бобринских... С. 8.
41. Записано со слов Варвары Николаевны Чербанич (1929–2011), внучки Натальи Алексеевны Бобринской (1892–1960(61-?)).
42. Возлюбленная Павла Алексеевича, Настасья Александровна Попова была красивой и богатой женщиной. С мужем своим Иваном Степановичем Доливо-Сабуровым они благополучно жили в Саратове до тех пор, пока в их город не прибыл для расквартирования полк гусар. Попова влюбилась в ротмистра Бобринского и бежала с ним за границу. Брошенный супруг прожил недолго, оставив все состояние племяннику. После гибели красавца-любownika камердинер Бобринского и горничная Поповой дали обет, «если вернутся в Россию, постричься в монахи». Сама Настасья Александровна тоже приняла постриг в Пензенском монастыре, где жила отшельницей // Жерздева М.В. Графы Бобринские и Богородицк / Жемчужины Богородицка. Книга-альбом по истории родного города / Под общ. ред. М.В. Казанского. – Тула: Гриф и К, 2011, С. 78
43. Барон Федор Унгерн-Штернберг (1811–1862), вероятно, приходился родным племянником Анне Владимировне Бобринской, урожденной баронессе Унгерн-Штернберг, т.е. был сыном ее брата Бернхарда (Бориса) Унгерн-Штернберга (1777–1820) // Исторический архив Эстонии. Ф. 1423. «Унгерн-Штернберги».
44. Дутова В. А. Указ. соч. С. 21–22.
45. Алексей Павлович Бобринский, родился в Павловске 31 марта 1826 г.; умер в Канне 19 октября 1894 г.; погребен в Канне. Предводитель дворянства Богородицкого уезда, участник Крымской войны (1853–1856), флигель-адъютант Александра II, генерал-майор свиты императора, президент Императорской комиссии по изучению узкоколейных дорог в Англии, министр путей сообщения, генерал-лейтенант, кавалер ордена Св. Анны I степени // Родословие графов Бобринских... С. 12.
46. Из воспоминаний рабочего сахарного завода К. Н. Рогова // Архив БДМ.
47. ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 666. Л. 230.
48. А.П. Бобринский во время Крымской войны некоторое время служил в Севастополе начальником собственного ополчения и, по семейному преданию, за свой счет вооружил бельгийскими штуцерами целую роту солдат. // Жерздева М.В. Указ. соч. С. 82.
49. Из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского // РА. 1895. Кн. 1. С. 57.
50. ГАТО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1201. Л. 44.
51. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 31604.
52. Владимир Алексеевич Бобринский, родился в Петербурге 14 октября 1824г.; умер холостым в Смеле 3 июня 1898г.; погребен в Смеле. Предводитель дворянства Черкасского уезда Киевской губернии, флигель-адъютант Николая I, участник Крымской войны (1853–1856), военный губернатор Ковенской губернии, генерал-лейтенант, министр путей сообщения, кавалер орденов Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени // Родословие графов Бобринских... С. 10.
53. Лорд Редсток появился в петербургских великосветских кругах в 1874 году. Он и его последователи, так называемые новые христиане, проповедовали спасение одною верой в «искупление кровью Христа». Разделяя общехристианские понятия о троице, о происхождении Христа, редстокисты отрицали роль церкви как посредницы между Богом и людьми // Жерздева М.В. Указ. соч. С.84–85.
54. Алексей Алексеевич Бобринский родился 18 мая 1864 г., умер в Москве 27 июня 1909 г., погребен в Москве на Новодевичьем кладбище. Служил при императорских театрах. Женился 12 мая 1889 г. на Варваре Николаевне Львовой (родилась в Москве 12 мая 1865 г., умерла в Турне, Бельгия, 6 июня 1940 г.) // Родословие графов Бобринских... С. 14.
55. Софья Алексеевна Бобринская родилась в Богородицке 27 января 1866 г., умерла в Москве 30 мая 1927 г., погребена на Востряковском кладбище. Основала общину сестер милосердия в Богородицке, награждена двумя серебряными Георгиевскими крестами за работу сестрой милосердия в Первую мировую войну // Родословие графов Бобринских... С. 14.
56. Юлия Алексеевна Бобринская родилась 12 февраля 1867 г., умерла без потомства 25 мая 1903 г., погребена в Богородицке. При-

- нимала деятельное участие в развитии и улучшении кустарных промыслов в Богородицком уезде. Вышла замуж в Богородицке в мае 1901 г. за князя Георгия Евгеньевича Львова (родился в 1861 г., умер в Париже 6 марта 1925 г., погребен на кладбище Батиньоль). Член I Государственной думы, Председатель Совета Министров Временного правительства // Родословие графов Бобринских... С. 14.
57. Бобринский Владимир Алексеевич родился в Петербурге 9 января 1868 г., умер в Париже 9 ноября 1927 г., погребен на кладбище Монмартр. Предводитель дворянства Богородицкого уезда, мировой судья, гласный Тульского губернского и Богородицкого уездного земств, председатель богородицкой уездной земской управы, депутат II, III, IV Государственной думы, в Первую мировую войну вступил в армию как самый старый корнет, поручик, адъютант генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Женился в Туле 7 мая 1900 г. на Марии Матвеевне Никоновой (родилась в селе Никитском Тульской губернии в 1883 г., умерла в Париже 18 марта 1956 г.). дочь дьякона села Никитского // Родословие графов Бобринских... С. 15.
58. Петр Алексеевич Бобринский родился в Москве 30 ноября 1869 г., умер в тюрьме в Москве в 1920–1923(?) г. Предводитель дворянства Богородицкого уезда, арестован в 1919 г. за контрреволюционную агитацию // Родословие графов Бобринских... С. 15.
59. Павел Алексеевич Бобринский родился в Москве 30 ноября 1869 г., умер в Красноводске в 1932(?) г. Близнец Петра Алексеевича, после революции жил в Гаграх приблизительно до 1929 г., был арестован и отправлен в концентрационный лагерь в Красноярске. Женился на Варваре Александровне Федоровой (расстреляна красноармейцами в 1918(?) г.) // Родословие графов Бобринских... С. 15.
60. Лев Алексеевич Бобринский родился в Богородицке 5 ноября 1878 г., умер в тюрьме в Москве 29 марта 1922 г., погребен на Новодевичьем кладбище. Председатель Богородицкого земства, адъютант Варшавского генерал-губернатора, австрийско-Венгерским правительством пожалован орденом Железной Короны III степени, кавалер ордена Св. Станислава III степени. Женился в Бучалках Епифанского уезда Тульской губернии 12 июля 1901 г. на княжне Вере Владимировне Голицыной (родилась в Москве 12 января 1878 г., умерла в Великобритании в декабре 1967 г.) // Родословие графов Бобринских... С. 15.
61. Дневник графини Александры Алексеевны Бобринской. 1884–1888 гг. С. 38, 48 // Архив БДМ.
62. Там же. С. 11.
63. ГАТО. Отчет по деятельности благотворительных учреждений по оказанию пособия населению, пострадавшему от неурожая 1891/92–1893/94 гг. С. 83.
64. Толстой Л. Н. ППС. М.-Л. 1928–1958. Т. 67. С. 45.
65. ГАТО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 490.
66. ГАТО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 630. Л. 1.
67. Там же.
68. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, Российское дворянское собрание. С. 353.
69. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 38724. Л. 155.
70. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 38748. Л. 10.
71. ГАТО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 3528. Л. 16 об.
72. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3.
73. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 354.
74. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3.
75. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 354.
76. Там же. С. 356.
77. Врангель Н. Н. Помещицья Россия // Старые годы. 1910. Июль-сентябрь. С. 68.
78. Письмо С. В. Грековой от 02.08.1991г. // Архив БДМ.
79. Ответы Софьи Владимировны Бобринской. Париж. 1983 г. // Архив БДМ.
80. Врангель Н.Н. Указ. соч. С. 68.
81. Письмо С. В. Грековой от 02.08.1991г. // Архив БДМ.
82. Там же.
83. Записано со слов Алексея Валериановича Брагина-Бобринского (1938–2014) в 2012 г.
84. Врангель Н. Н. Указ. соч. С. 79.
85. Вера Владимировна Бобринская, урожденная княжна Голицына, родилась в Москве 12 января 1878 г., умерла в Великобритании в декабре 1967 г. Фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны // Родословие графов Бобринских... С. 15.
86. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 354–355.
87. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 216.
88. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 358–359.
89. Ответы Софьи Владимировны Бобринской. Париж. 1983 г. // Архив БДМ.
90. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 353.
91. Там же. С. 354.
92. Там же.
93. Карлинская Н. А. Воспоминания, рассказанные моим детям, о Персидском походе 1916 г. // Архив БДМ.
94. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 355.
95. Там же.
96. Атракцион для катания по кругу в виде столба с вертушкой наверху, к которой прикреплены длинные верёвки с лямками; сидя в лямках, играющие, разбегаются и взлетая, кружатся вокруг столба.
97. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 353.
98. Там же. С. 355.
99. Брагин-Бобринский А.В. Жизнь в эмиграции // Архив БДМ.
100. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 353.
101. Выборы Патриарха Тихона прошли 18 ноября (по н. ст.) 1917 года.
102. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990, С. 16.
103. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 229.
104. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 356.

105. Там же.
106. Там же.
107. Голицын С.М. Указ. соч. С. 35–36.
108. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С 357.
109. Там же. С 134.
110. Голицын С.М. Указ. соч. С. 30.
111. ГАТО. Ф. Р–616. Оп. 1. Д. 47. Л. 83.
112. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С 128.
113. Разрушена в 1939 году.
114. ГАТО. Ф. Р–616. Оп. 1. Д. 840.
115. ГАТО. Ф. Р–616. Оп. 1. Д. 47.
116. Голицын С.М. Указ. соч. С. 39–40.
117. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 134. Д.185. Неизвестный сервиз.
118. ГАТО. Ф. Р–616. Оп. 1. Д. 37.
119. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 153.
120. Там же.
121. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына... С. 122.
122. Отчет по осмотру разрушений и фотографии дворца были опубликованы в выпуске I сборника документов и материалов «Памятники зодчества, разрушенные или поврежденные немецкими захватчиками». Издательство Академии Архитектуры СССР, И., 1943.
123. Людмила Павловна Бобринская родилась 14 февраля 1856 г., умерла в Париже в 1911 г. Фрейлина императрицы Марии Федоровны. Первым браком вышла замуж 12 ноября 1876 г. (разошлась в 1891 г.) за генерала Дмитрия Сергеевича Бутурлина (родился 15 февраля 1850 г., умер в 1917(?) г. Их потомство – сын и дочь. Замужем вторым браком с 189(?) г. за бразильцем Манозлем де Лизарди // Родословие графов Бобринских... С. 15–16.
124. Николай Николаевич Греков – сын Софьи Владимировны Бобринской (1908–2000), живет в Париже.
125. Марина Шеррок – дочь Елены Львовны Бобринской (1914–1996). Живет в Англии, имеет четверых детей.
126. Николай Николаевич Бобринский родился в Москве 17 апреля 1927 г., умер там же 25 июля 2000 г., погребен возле Казанской церкви в Богородицке. Выпускник географического факультета Московского университета, геолог, член Историко-родословного общества в Москве и Русского генеалогического общества, член Союза писателей России. Женился первым браком 28 апреля 1955 г. (развелись 20 октября 1958 г.) на графине Софье Владимировне Комаровской (родилась в Сергиевом Посаде в 1924 г., умерла в 1992 г.). Их потомство – сын. Женился вторым браком 6 января 1961 г. на дочери священника Вере Сергеевны Сидоровой (родилась в Сергиевом посаде 24 ноября 1925 г., умерла в Москве 28 января 2003 г., погребена возле Казанской церкви в Богородицке) // Родословие графов Бобринских... С. 28.
127. Варвара Николаевна Бобринская – Супруга графа Алексея Алексеевича Бобринского (см. сноску 56), председатель «Общества попечения о молодых девицах», до начала Первой мировой войны занималась обустройством фабричных и деревенских театров при московском Обществе народных депутатов и просветительской работой среди российских педагогов, для ознакомления с шедеврами русской и мировой культурой организовывала поездки для учителей по культурным центрам России и по Европе // Родословие графов Бобринских... С. 14.
128. Алексей Николаевич Бобринский родился в Москве 18 мая 1956 г. Основатель Российского центра защиты леса. Женат на Татьяне Евгеньевне Гендель (родилась 24 ноября 1959 г.) // Родословие графов Бобринских... С. 28.
129. ГАТО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 360.
130. См. сноску 125.
131. Алексей Валерианович Брагин-Бобринский – сын Юлии Владимировны Бобринской (1904–1982). Родился в 1938 г. Летчик, писатель, исследователь, путешественник. До марта 2013 г. жил в Сантьяго. Умер 26 августа 2014 г. в России, погребен возле Казанской церкви в Богородицке.

К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ. ОСАДНЫЕ ДВОРЫ XVI–XVII ВВ.

Одним из интереснейших и малоизученных аспектов истории Тульского кремля является его историческая топография.

Проблемы топографии кремля как исторического центра города нашли отражение в ряде научных работ. Среди исследователей можно назвать Л. М. Тверского, В. В. Косточкина, В. В. Жилина, Н. Н. Годлевского, А. Б. Варенова, Н. К. Фомина, Ю. Г. Екимова, А. Ф. Муравьеву и др. Проведенные исследования в определенной степени затронули проблематику данной темы, при этом большего внимания удостоились историко-архитектурные памятники кремлевского ансамбля.

Источниковедческая база позволяет достаточно полно воссоздать историю застройки древнейшего архитектурного памятника Тулы. Среди письменных источников, пожалуй, исключительное место занимают писцовые книги XVI–XVII вв., включенные в документальный сборник «Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий». Опираясь на данный источник, мы попытались определить основные тенденции развития социально-функциональной топографии исторического центра Тулы в XVI–XVII вв.

Как известно, Тульский кремль – один из первых образцов регулярного крепостного зодчества на Руси. Он имеет форму почти правильного прямоугольника и укреплен девятью башнями, из которых 4-е проездные. План крепости и способы ее обороны определили планировку и застройку территории кремля.

Большую часть крепости занимали «осадные» дворы, которые в основном принадлежали служилым людям – дворянам и детям боярским, имевшим свои поместья в данном уезде. В мирное время владельцы этих дворов оставляли в них дворников, которые занимались каким-либо ремеслом или промыслом и управляли дворами за право в них жить.

Расположение «осадных» дворов и клетей, улиц и переулков должны были обеспечить:

- быстрое и свободное передвижение по территории кремля во время осады;
- возможность подъезда к любому осадному двору;
- свободный проезд через территорию кремля от одних воротных башен к другим.

Форма крепости и расположение проездных башен определили наличие трех улиц: две «большие» улицы, - одна соединяла башню Пятницких ворот и башню Ивановских ворот, другая башню Водяных ворот и башню Одоевских ворот, - и «проезжую улицу подле города» (круговая стратегическая улица вдоль стен крепости). Так называемые большие улицы разделяли территорию Тульского кремля на четыре части. Для подъезда к внутренним дворам от «больших» улиц проходили переулки.

Таким образом, регулярный план крепости накладывал определенный отпечаток на планировку территории, а точнее делал ее геометрически правильной. «При большой плотности населения и незначительных размерах дворовых участков регулярная планировка была наиболее рациональной... Геометрическое начертание уличной сети древней крепости позволяло мобильно передвигаться во время осады»¹.

Писцовая книга 1587–1589 гг. содержит перечисление «осадных» дворов и «осадных» клетей, расположенных на территории Тульского кремля, без указания их размеров.

В центре крепости располагались «собор Архистратига Гавриила, древена, на каменное дело... Да теплая церковь Успение Пречистые Богородицы, древены, клетцки...да на колокольнице трои колокола»².

Согласно Писцовой книге, внутри города находились: «...двор наместнич, да двор владычен, да 2 двора монастырских, да двор протопопов да 124 двора дворян и детей боярских, а в них 105 человек дворников, да двор пуст государев, да 6 мест дворовых»³. Среди осадных дворов обо-

значены дворы монастырские: «Николы чудотворца Веневского монастыря и Предтеченского монастыря. Кроме «осадных» дворов в Тульском кремле размещались «клетки осадные пушкарей и затинщиков и ямских охотников и черных посадских людей»⁴. Всего «осадных» клеток было 85 (некоторые клетки принадлежали нескольким людям), из них 16 принадлежали священнослужителям, которые располагались вблизи храмов Тульского кремля.

Интересно проследить, каким категориям населения принадлежали клетки:

*затинщики – 24 человека,
пушкари – 16 человек,
воротники – 4 человека,
охотники – 11 человек,
разсыльщики – 5 человек,
кирпичники – 5 человек,
плотники – 10 человек,
стрельцы – 1 человек (и «места клетные Тульских стрельцов 30-ти человек»
черные посадские люди – 22 человека (хлебник, мясник, кожевенник и т.д.),
черкашенин – 1 человек.
Итак, всего 129 человек.*

Находилась в кремле и клеть «государя царя и великого князя, кладут в нее казну»⁵.

Таким образом, большинство «осадных» клеток принадлежало ратным людям, которые составляли гарнизон города. Основная часть клеток располагалась вблизи башни Пятницких ворот и башни Водяных ворот.

По мере продвижения границ России на юг военное значение Тулы уменьшается, в результате чего, во второй половине XVII в. происходит постепенное сокращение гарнизона и увеличение численности других сословий населения.

В это же время значительно усиливаются посадские укрепления: в 1641 г. был сооружен Земляной вал с 5-тью земляными и тремя деревянными башнями; в 1674 г. острог заменили деревянным городом с 5-тью проездными и 14-тью глухими башнями.

Все это способствовало изменениям в застройке территории кремля: выводятся «осадные» клетки ратных людей и священнослужителей, а также «осадные» дворы мелких служилых людей. Происходит укрупнение оставшихся осадных дворов.

Наиболее подробные сведения о застройке кремля содержатся в Писцовой книге 1685–86 гг., которая сообщает и о размере «осадных» дворов. В это время, в центре каменного города находилась «соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы камена о 5 главах, строение вел. государей, строена после писцов, в церкви 2 столпа, в пределе собор архистратига Гавриила, Тихона чуд., а строится вновь, в дл. с алтарями 8 саж. с ½ с., поп. в переднем конце 6 саж., с ½ с., да 2 пределы по 2 саж., и всего 11 саж.; позади алтарей с пределы ж поп 11 саж. с ½ с., а под церковью 2 погребы...»⁶.

Территорию кремля, как и ранее, пересекали две большие улицы, одна из них «большая проезжая ул., что от Пятницких вор., поп. 2 саж. с ½» [3, с. 46]. Сохранялась и круговая улица подле стен кремля, например, «От Пятницких вор. порозжея (проезжая?) ул. подле города к Водяным вор., мерою поп. 2 саж. с ½ с., а в иных местех и меньше...»⁷.

«Всего в каменном городе Приказная и Губная изба, тюрьма, да сыскных дел застенков, да всяких чинов людей 72 двора, да 4 двора пустых, 27 мест пустых, и того 107, и на осадных дворах дворников всяких чинов людей 69 чел., у них детей 44 человека, всего 113 чел.»⁸.

По данным Писцовой книги 1685 – 1686 гг. на территории Тульского кремля находились:

*дворы «осадные» – 75,
дворы «пустые» – 4,
«места дворовые пустые» – 23,
«места порозжие пустые» – 4.*

Таким образом, сопоставляя данные писцовых книг конца XVI и XVII вв. можно выявить, что количество жилых дворов на территории кремля уменьшилось с 114 до 75, при этом произошло заметное укрупнение площади самих дворов. Заметно увеличилось и общее число пустых дворов с 17(18) до 31⁹.

«Сопоставление планировки кремля конца XVI и конца XVII вв. показывает, что «большие» улицы, обход вдоль периметра крепостных стен и некоторые переулки сохранили свое начертание, однако в планировке все же произошли значительные преобразования. Исчезли некоторые улицы, например параллельные продольной оси кремля, изменили форму и местоположение второстепенные переулки. Объяснить это явление можно процессом «аристократизации» кремля, проходившим особенно интенсивно в начале – середине XVII в., так как именно в это время из его пределов были выведены «клетки» и «осадные» дворы мелкого служилого и посадского люда. Размеры таких дворов были очень малы и часто не превышали одной – двух квадратных сажен, 5-10 м². Освободившиеся земли были переданы «по грамотам» или «выписям» дворянам, духовенству и «боярским детям». В результате число дворов в кремле сократилось ... и соответственно выросли их размеры»¹⁰.

Как отмечалось выше, владельцами дворов являлись дворяне и дети боярские, которые были приписаны к городу и должны были нести военную службу в случае нападения врага. В мирное время официальные хозяева, как правило, там не жили, а оставляли управлять своим двором «дворников» из бобылей, которые занимались определенным промыслом или ремеслом и тем содержались. Так, по данным писцовой книги 1587-89 гг. в кремле проживало 105 дворников, из них у 46 обозначена профессиональная деятельность: 10 сапожников, 9 портных, 5 полстовалов (полстать – катать шерсть в полст, т.е. полотнище, толстый, плотный лоскут), 3 плотника, 3 скомороха, 3 мясника, 3 пастуха, мельник, сидельник, скорняк, хлебник. В кремле находились и избы служилых людей «по прибору», т.е. пушкарей, воротников, стрельцов, затынщиков, казенных мастеровых.

С утратой к концу XVII в. оборонительного значения кремль теряет часть своего населения. Стрельцы и казаки, обязанные жить в крепости, стремились перенести свои избы за пределы кремля – на посад. По сведениям писцовой книги 1685-1686 гг., в кремле остаются лишь 107 дворов¹¹, в которых проживают 69 дворника и 44 ребенка, всего 113 человек

Жители средневековой Тулы разделялись на несколько групп: 1) люди посадские; 2) «беломестцы»; 3) «казенные» кузнецы; 4) ратные люди.

Основная часть городского населения – люди посадские – платило тягло – поземельный налог, к которому прибавлялись и другие повинности и выплаты: сборы на мощение улиц, сторожевая служба, поддержание улиц в чистоте и пр. Дворы служилых людей «по отечеству» были освобождены от налогов (тягла), но владельцы таких дворов – «беломестцы» платили подати на городские нужды – «решеточные» и «мостовые» деньги. К беломестцам относились и духовные землевладельцы. Царь жаловал городские земли церковным иерархам и монастырям¹².

После постройки кремля в Туле идет преобладание ратных людей. В 1513 г. в городе находилось 5 полков «ради бережения». В XVII столетии в Туле помимо московских войск пребывали московские стрельцы-сведенцы (200 чел.), черкасские казаки, а в 1635 г. донские и ямские казаки.

О составе городского населения средневековой Тулы можно судить по описаниям городского рынка, сохранившимся по данным писцовой книги 1588-89 гг. В ней, в частности, упоминается 401 1/2 торговое помещение. К таковым относились лавки, амбары, скамьи, клетки, дворы, шалаши, пристенцы; 8 помещений пустовали. Из всего числа торговых помещений 393 1/2 посадские люди владели 75, т.е. 19,6%; ратные люди 114 1/2, т.е. 29,9%; люди, зависящие от служилого сословия 124, т.е. 30,5%. Как видно, в торговом деле идет преобладание ратных людей. В состав ратных людей входят «7 человек черкашен с отаманом, более 49 человек затынщиков, 22 стрельца», 18 воротников, более 16 человек пушкарей, один казак. Всего более 114 человек. Стоит отметить, что в группе людей зависящих от служилого сословия и церкви абсолютное большинство составляют дворники из 123 человек в эту группу входит 91 человек.

Судя по данным писцовой книги 1588–89 гг., ремесленная деятельность находилась в руках дворников:

	Ремесленники	Кол-во	%
1	Дворники	135	62,38
2	Казенные кузнецы	35	16,05
3	Посадские люди	10	4,58
4	Крестьяне	5	2,29
5	Ратные люди	1	0,45
6	На церковных землях	21	9,21
7	Прочие	11	5,04

По видам ремесленного производства преобладающими являлись изготовление продуктов питания и кожевенное ремесло:

№	Вид ремесла	Число ремесленников	%
1	Изготовление продуктов питания	60	32,78
2	Кожевенное производство	40	21,85
3	Производство из волокнистых веществ	22	12,01
4	Обработка железа	20	10,92
5	Обработка дерева	11	6
6	Гончарное производство	1	0,56
7	Прочие ремесла	29	15,9
	Всего	183	100

По данным Белоцерковского А. Г. на период 1588–89 гг. в Туле проживало 882 человека, не считая белого и черного духовенства, нищих, живших при храмах. Из данного числа торговцы и ремесленники составляли 69,72 %, причем ремесленников было в процентном соотношении 25,5 %. «Казенных» кузнецов всего 2 человека, но в 1595 г. уже 30 человек¹³.

Ратных людей по писцовой книге 1588–89 гг. было 202 человека, т. е. 22,9 %. По разрядной смете 1616 г. количество ратных людей в Туле увеличивается до 49,13% (300 человек).

Осадные дворы дворян и детей боярских в 1588–89 гг. распределялись следующим образом:

	С дворником	%	Без дворника	%	Владельцы сами живут	%	Пуст.	%
В городе	94	82,45	8	7,01	2	1,49	10	9,05
На посаде	147	89,64	4	2,43	12	7,31	1	0,63
Всего	241	89,69	12	4,31	14	5,03	11	4,07

Уникальным источником, позволяющим воссоздать характер застройки территории крепости в XVII в., является писцовая книга 1685–86 гг. Она содержит перечень дворов с указанием их владельцев, размерами и местонахождением. Обратимся к данному источнику, чтобы определить социальный состав владельцев, выяснить особенности расположения и размеры дворов.

Планировочное решение кремлевских комплексов многих русских городов формировалось на основе «рописей» из московских приказов¹⁴. При распределении земли правительство стремилось следовать определенным нормативам, ставившим размеры выделяемого земельного участка от служебного положения его владельца. Так, в 1643 году «все служилые люди были разделены на три статьи. Людям первой «статьи» (боярам) давались дворы размером 30×20 сажень (2799,3 м²). Окольные и думные дворяне получали участки размером 30×15 сажень (2099,5 м²). В третьей «статье» оказались дворяне, дьяки и подъячие, размеры дворов которых должны были равняться 30×10 сажень (1399,6 м²). В стрелецких слободах размеры дворов сотников и полковников составляли 16×12, 14×12, 12×12 сажень (соответственно 895,7, 773,8 и 671 м²). Под дворы рядовых стрельцов выделялась площадь размером 5 1\4×6 сажень (146,9 м²)¹⁵.

Характер застройки и земельных владений позволяет разделить территорию кремля на несколько условных районов. Из них северо-западный район изначально административно-репрезентативный (1); центральная часть кремля с соборной площадью – сакрально-культовая (2); северо-восточный, юго-восточный и юго-западный – жилые, заполненный небольшими и средними по площади дворами представителей местного дворянства (3).

Рассмотрим характер застройки в каждом районе.

Административно-репрезентативный район – ограничен пространством, прилегающим к парадным воротам кремля в означенный исторический отрезок – Пятницким воротам. Здесь располагаются воеводский двор, двор Коломенского и Каширского архиерея, приказная и губная избы, городская тюрьма, огороженная «обходом». Самые крупные по площади дворы находились именно в северо-западной части кремля;

На перекрестке улиц – соборная площадь и храмы, сакрально-культовая часть кремля;

Территорию кремля, граничащую с восточной и южной крепостными стенами, формируют жилые дворы, принадлежащие владельцам «средней руки», служилым дворянам и детям боярским.

При сравнении пофамильного состава владельцев осадных дворов можно выделить группу фамилий, которые стабильно встречаются на протяжении данного периода. Хрущовы, Мясновы, Карповы, Сухотины, Даниловы, Крюковы, Вельяминовы, Масловы, Арсеньевы. Большинство из перечисленных дворовладельцев – нарождавшаяся служилая дворянская знать.

Стоит обратить внимание на то, что большая часть дворов родственников рассеяна по всему кремлю, но есть и исключения. Так, в северо-западном районе крепости, образуя единый массив, находились сразу четыре двора Хрущовых. По соседству располагались три двора Мясновых.

В юго-восточном районе кремля «рассеяны» дворы родственников Арсеньевых и Сухотиных. Представители этих дворянских родов являются и абсолютными лидерами по количеству дворов – Сухотины и Арсеньевы владели в кремле 7 дворами.

Совместное владение двором нередко (всего 24 двора, 22,42%). Владели такими дворами родственники, преимущественно братья.

Всего три двора имели совместных владельцев не родственников, причем обозначены фамилии обоих владельцев. Это дворовое место пустое Елисея, Ивана, Вахромея Демидовичей Хомяковых и Прохора Аввакумовича Иевлева, дворовое место пустое вдовы Антонины Колычевой и Ивана Никитича Чирикова и, наконец, жилой двор стольника Дмитрия Федоровича Мертвого и Гаврилы Селиверстовича Ивашкина.

Небольшой процент дворов в Тульском кремле (около 2%) – владение старинных боярских родов, так называемой московской знати. Это дворы стольника Кирилла Алексеевича Нарышкина, князя Василия Васильевича Голицына, Петра, Алексея, Ионы и Кузьмы Борисовичей Вельяминовых. Они сконцентрированы в юго-западной части кремля.

Самая малочисленная группа – церковные дворовладельцы. В процентном отношении всего 1,83 %. Это подворье Венева монастыря и подворье Предтечева монастыря (в источнике указано, что двор пуст). Но стоит отметить, что в кремле в это время находится двор архиепископа Коломенского и Каширского Никиты, по соседству с ним проживает отставной протопоп Тимофей Сидоров с сыном Василием (бывшее владение воеводы), в юго-восточной части кремля сконцентрированы сразу три двора служителей церкви.

Примерно третья часть осадных дворов пустовала (всего 31 место дворовое, около 29%). Причем среди пустых дворов обозначены как именные, так и не имеющие владельцев.

Определяя характерные особенности застройки дворовых участков, стоит выделить некоторые характерные особенности.

Дворы имели традиционное для русских городов расположение: они были вытянуты не вдоль улицы, а в глубину. Ширина участков не превышала 6–12 саженей, длина 10–20 саженей.

Основной единицей застройки двора являлся жилой дом с хозяйственными постройками, не связанными непосредственно с домом. Двор включал обычно несколько построек (боярский

двор в среднем до 10). Усадьба-двор была окружена достаточно высоким частоколом – тыном с воротами. Внутренняя планировка зависела от многих обстоятельств. Но, как правило, жилой дом находился в глубине двора; на улицу выходили глухие стены хозяйственных построек¹⁶.

Подводя итоги анализа топографии Тульского кремля, следует остановиться на следующем. Сопоставляя планировочную структуру Тульского кремля на протяжении двух столетий можно констатировать, что произошли определенные изменения в планировке и застройке крепости. Это явление объясняется процессом «аристократизации» кремля, особенно интенсивно происходившее в середине XVII в.

За пределы кремля были выведены дворы и клети мелкого служилого и посадского люда. Освободившиеся земли были переданы по «выписям и грамотам» дворянству, духовенству и боярству. Изменилось количество осадных дворов – оно сократилось, но при этом увеличились размеры самих дворов. Почти в два раза увеличилось число дворов пустых и мест «порозжих» пустых с 17 до 31.

Во второй половине XVII в. закончилось формирование нескольких функциональных районов в кремле: северо-западный, изначально административно-репрезентативный; центральный – сакрально-культурный с соборной площадью и кладбищем, площадь которого значительно выросла по «указу великих государей»; северо-восточный, юго-восточный и юго-западный – жилые, заполненные небольшими и средними по площади дворами представителей местного дворянства. Именно им принадлежит большая часть осадных дворов; всего лишь несколько дворов – владение древних боярских родов (Голицыных, Нарышкиных, Вельяминовых).

Итак, к концу XVII в. Тульский кремль утрачивает военное значение. Необходимость в осадных дворах в крепости отпадает, они постепенно пустеют. Видимо, к середине XVIII в. все осадные дворы были удалены с территории кремля. На плане 1742 г. они отсутствуют.

-
1. Годлевский Н. Н. Планировка и застройка Тульского кремля в XVI–XVII веках // Архитектурное наследие. Т.18. М., 1969. С. 28–29.
 2. Писцовые книги Московского государства. Ч.1. Отд.2. СПб., 1877. С. 1079–1080.
 3. Писцовые книги Московского государства. Ч.1. Отд.2. СПб., 1877. С. 1084.
 4. Писцовые книги Московского государства. Ч.1. Отд.2. СПб., 1877. С. 1084.
 5. Там же.
 6. Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII вв. М., 1884. С. 44.
 7. Там же. С. 47.
 8. Там же. С. 56.
 9. Печников В. Е. Изменение планировки и застройки территории Тульского кремля с конца XVI по конец XVII вв. С. 4.
 10. Годлевский Н. Н. Планировка и застройка Тульского кремля в XVI–XVII вв. // Комплексный эскизный проект планировки и благоустройства, инженерных сетей кремля, создания музея городского народного зодчества и быта. Раздел 1. Том 1. Части 1–5. Исходная и разрешительная документация. М., 1977. С. 8–9.
 11. Жилин В. В. Из истории развития города Тулы и его укреплений. М., 1955 (Рукопись). С. 37.
 12. Шокорев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С.179.
 13. Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI–XVII вв. Киев, 1914. С. 65.
 14. Годлевский Н. Н. Планировка и застройка Тульского кремля в XVI–XVII веках // Архитектурное наследие. Т.18. М., 1969. С. 30.
 15. Шокорев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С.181–182.
 16. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С.30–31.

ИЗ ИСТОРИИ ТУЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Сегодня, тема Русской Православной Церкви, и связанных с ней памятников истории и культуры, является все более актуальной как для современного исследователя, так и для православных мирян неравнодушных к проблемам сохранения исторической памяти, возрождения и приумножения духовных традиций России. Прежде всего это связано с тем, что сейчас в стране наблюдается большое число возрожденных святынь – церквей, монастырей, широкая популяризация основ православной культуры.

Предлагаем вспомнить страницы истории одной из старейших святынь Тулы – Успенском женском монастыре.

На протяжении нескольких столетий Успенский женский монастырь являлся центром религиозной практики населения Тульской губернии, притягивал множество людей разных сословий, санов, чинов и званий. Для многих из них обитель стала местом духовного окормления и просвещения, для кого-то последним пристанищем жизненного бытия и местом упокоения.

До наших дней сохранились три постройки монастыря. Это Церковь Успения Пресвятой Богородицы (ныне кафедральный собор), Преображенская церковь и корпус монастырской больницы.

Первое упоминание об Успенской обители относится к концу XVI века, согласно исследованиям Н. И. Троицкого, знаменитого тульского историка-краеведа конца XIX – начала XX вв.¹ Изначально мысль об основании Успенского монастыря принадлежала Царю и Великому князю Федору Иоанновичу, но по причине неблагоприятных обстоятельств – кончины Царя Федора и начавшегося Смутного времени вопрос о построении в Туле женской обители затянулся надолго.

Лишь спустя время, в период правления Царя и Великого Князя Алексея Михайловича монастырь был построен. В каком именно году царствования Алексея Михайловича приступили к возведению монастырских построек точно неизвестно. В работе Н. И. Троицкого сказано: «...есть положительное известие, что до 1649 года этот монастырь уже существовал»².

В сведениях о состоянии Тульского Успенского монастыря за 1906 год, составленных настоятельницей игуменьей Магдалиной говорится: «Тульский Успенский Девичий Монастырь общежительный, в каком году устроен оный, того не известно по причине бывшего в 1836 году в городе Туле громадного пожара, истребившего монастырские документы, хранившиеся в сгоревшей в то время настоятельской келии; имеется, впрочем, указание, что сей монастырь построен государем Царем и Великим Кн. Алексеем Михайловичем»³. Царь Алексей вступил на престол в 1645 году, а если Успенский монастырь в 1649 году уже существовал, то очевидно, он построен в первые годы царствования Алексея Михайловича, то есть, между 1645–1649 годами.

Территория, выделенная под строительство монастыря была весьма небольшой. «Земли под монастырь отведенной первоначально имелось 2327 квадратных саженей, но по тесноте местности и для размещения келий в 1875–1876 гг. присоединены к монастырю следующие смежные места:

Тульским Городским Обществом с разрешения Г-на Министра Внутренних Дел присоединен в 1875 году от южной стороны монастыря Городской переулок; в том же 1875 году Настоятельницею Монастыря Игуменьей Агнией приобретены для монастыря посредством дарственной записи от Потомственного Почетного Гражданина Добрынина два смежные с тем переулком усадебные места. В 1876 году в феврале монастырем с Высочайшего соизволения, бывшею Настоятельницею Монастыря Игуменьей Агнией приобретено от Губернского Секретаря Николая Николаевича Тимофеева усадебное место в г. Туле. Это место с разрешения Епархиального Начальства в 1876 г. предоставлено для поселения двум священникам Успенской монастырской церкви, а прежние их усадьбы присоединены к монастырскому месту»⁴. Таким образом, городская территория монастыря постепенно расширялась.

Несколько ранее, в 1864 году: «...в замен бывших во владении монастыря угодий, состоявших в разных уездах: в Алексинском рыбной ловли и в Веневском пахатной земли и мельница выделены от казны земля Богородицкого уезда, близ села Дедилова, коей по имеющемуся в монастыре плану значится: пахатной 99 дес. 52 саж., под лесною площадью 27 дес. 10 саж., сенных покосов 35 дес. 13 саж., под постройками 2 дес. 158 саж.... Из этой земли в 1913 году отдано 79 дес. в арендное содержание за 550 руб. в год крестьянами Тульской губернии Богородицкого уезда Дедиловской волости, деревни Быковки, с предоставлением остальной земли в полное распоряжение монастыря»⁵. На монастырских хозяйственных угодьях сестры не только трудились, но и направлялись туда в летнее время для поправки здоровья. «На сей последней земле в 1884 г. устроен игуменией Агнией Монастырский Хутор для пользы монастыря с хозяйством в небольших размерах; заведены постройки – жилые для пребывания в летнее время слабых здоровьем монастырских сестер; также постройки хозяйственные: для скота, пчельник, садик и прочее...»⁶.

Монастырские владения давали неплохие доходы, которые использовались на нужды обители. Так, в 1895 году с разрешения Епархиального Начальства Игуменией Агнией устроен, через присоединение к магистральной линии городского водопровода, монастырский водопровод за плату. Плата осуществлялась из монастырских сумм в Тульскую Городскую Управу⁷.

Древнейший храм в Успенском монастыре был каменный, возведен в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы. В работе Н. И. Троицкого указывается, что «по известиям 1770 года в Туле на посаде девичий монастырь, котораго ограда и кельи деревянные, церковь о двух апартаментов каменная»⁸.

За свою долгую историю церковь неоднократно перестраивалась. Так, в 1902 году храм был разобран до основания и на его месте построен пятиглавый крестово-купольный двухэтажный храм в византийской традиции стараниями игумений Агнии и Магдалины, при содействии благотворителей. Главный престол Успенской церкви освящен 28 июня 1904 года Тульским епископом Преосвященным Питиримом, боковые же придельные алтари (с левой стороны – во имя Преподобного Александра Свирского, с правой – во имя Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина») были освящены позднее. В нижнем этаже престолы во имя равноапостольной Марии Магдалины и великомученика Пантелеимона освящены епископом Питиримом 24 октября 1902 года. В 1909 году храм был расписан внутри и частично снаружи. До настоящего времени частично сохранилась внутрихрамовая стенопись в объемах второго этажа, выполненная в «васнецовском стиле».

Первоначально колокольня была построена 1791 году и находилась внутри монастыря. Позднее в связи с перестройками храма была разобрана, и в 1856 году возведена новая надвратная колокольня с малой церковью Знамения Пресвятой Богородицы, устроенной на втором ярусе. Из семи колоколов церковной колокольни самый большой весил 77 пудов 9 фунтов.

В настоящее время церковь Успения отреставрирована и имеет статус кафедрального собора.

Церковь Преображения Господня, сохранившаяся до нашего времени, еще одна примечательная постройка монастыря. Ее строительство начато в 1833 году и окончено в 1842 году при настоятельнице монастыря игуменье Клавдии.

Церковь выстроена в два этажа и имела несколько престолов. Главный престол нижнего храма – в честь иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» освятили в 1836 году. На первом этаже были еще два престола – во имя Архистратига Михаила и во имя святой великомученицы Варвары. Преображенский престол размещался в верхнем этаже церкви и был освящен в 1842 году. Южный придел верхнего храма посвятили Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы, северный – Николаю Чудотворцу (в память прежнего храма). Приделы освящены в 1843 году.

Преображенская церковь построена в стиле классицизма I половины XIX века по проекту известного российского архитектора Василия Федосеевича Федосеева, ученика выдающегося петербургского зодчего итальянского происхождения Карла Ивановича Росси, автора многих зданий и архитектурных ансамблей в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Сегодня, в церкви Преображения после долгих лет забвения ведутся полномасштабные ремонтно-реставрационные работы.

Наряду с монастырской церковью Успения Богородицы и множеством других величественных тульских храмов, церковь Преображения Господня занимает особое место и является украшением архитектурного облика города.

Церковь возведена в том месте, где по преданию, существовал древнейший в Туле храм «Никола на Площади». В храме в иконостасе левого придела верхнего этажа помещалась икона Святителя Николая Чудотворца «весьма древней греческой живописи»⁸. Эта икона считалась древнейшей святыней монастыря.

О происхождении иконы сохранилось сказание: «...еще в XVI столетии одним из днепровских казаков построен в Туле на площади храм во имя Святителя Николая Чудотворца, икону которого нашел казак где-то на болотистом месте, и поставил ее в этом храме. Эта явленная икона, с того древнейшего времени, особенно почиталась казаками»⁹. Икона Св. Николая Тульского, вероятнее всего, какое-то время хранилась в Епархиальной Палате Древностей. В 1919 году, когда был образован Художественно-исторический музей (ныне ГУК ТО «Объединение «ИКХМ») икона поступила в его фонды, где находилась до 1949 года, затем была изъята специальной комиссией, о чем свидетельствует запись в учетно-хранительской документации музея. После того как икона была исключена из фондов музея дальнейшая судьба ее не известна.

При монастыре имелись две каменные часовни. Успенская часовня находилась в юго-восточной башне и Никольская по линии северной стены монастырской ограды между главными воротами и кельями настоятельницы. Часовни содержались на добровольные пожертвования.

Большинство монашеских келий в Успенской обители были деревянными, в связи с чем случались неоднократные пожары. На период 1870-х годов в монастыре имелось семь каменных лавок, восемь каменных корпусов «...из коих прежде существовавших два: один – настоятельский и один бывший приютский для воспитания девиц духовного звания; последний в ночь на 15 ноября 1901 года подвергся пожару, уничтожены все его деревянные части и весь третий этаж. При помощи пожертвований, а также при содействии других благотворителей настоятельницей монастыря игуменией Магдалиной сгоревший корпус возобновлен, причем вместо сгоревшего деревянного, построен третий этаж, каменный, с кельями по обеим сторонам коридора. Ровно через год, после пожара 15 ноября 1902 г. совершено освящение возобновленного корпуса, и сестры возвратились в свои кельи»¹¹.

Огромный вклад в процветание и укрепление монастыря и монастырского хозяйства внесли его насельницы, и прежде всего, игуменьи. С момента первого упоминания монастыря по грамоте царя Алексея Михайловича 1657 года в Успенской обители были «игуменья София и пятьдесят стариц и служка»¹².

В XVIII веке монашествующих в монастыре было несколько меньше. По Переписной (Ландратской) книге 1715 года «...в Успенском девичьем монастыре были: игуменья Митрополия и сорок монахинь и по Книге 2-й ревизии – служки, 7-м душ»¹³.

По книге Малицкого П. И. «Приходы и церкви Тульской епархии»¹⁴ в 1895 году в Успенской обители число монашествующих доведено до 400 человек.

Перечислим настоятельниц Тульского Успенского женского монастыря, согласно списка, составленного Н. И. Троицким.

Иг. София 1657–1662 гг.

Иг. Анисия – 1680 г.

Иг. Марфа – 1700 г.

Иг. Евфросиния – 1703 г.

Иг. Митрополия – 1708 г., 1715 г., 1721 г.

Иг. Анфиса – 1739 г.

Иг. Маргарита 1765–1774 гг.

Иг. Евгения – 1779 г., 1781 г.

Монахиня Александра – 1783 г.

Это имя в списке настоятельниц в работе Н. И. Троицкого отсутствует.

Согласно архивным данным монахиня Александра упоминается как настоятельница Успенского Девичьего монастыря в 1783 году сентября 18 дня. Именно в этом году настоятельница Алек-

сандра обратилась в Коломенскую духовную консисторию с доношением, что «в оном монастыре имеется церковь Божья, во имя Николая Чудотворца, в коей состоящий иконостас от ветхости во многих местах расклеился и полинял...»¹⁵.

Монастырю требовались средства на починку иконостаса и укрепление фундамента церкви Николая Чудотворца. Вскоре, попечением настоятельницы монахини Александры иконостас и фундамент были отремонтированы.

Вероятно, сестра Александра как старшая монахиня была назначена настоятельницей монастыря временно, до момента утверждения официальной игуменьи. Далее монастырь возглавляли:

Иг. Тавифа – 1791 г.

Иг. Епафродита – 1808 г.

Иг. Клавдия – 1821 г.

Иг. Виталия – 1860 г.

Иг. Макария – 1864 г.

Иг. Агния – 1869-1897 гг.

(основоположница всех благотворительных и просветительных заведений монастыря)

Иг. Магдалина – 1897 г.

Иг. Херувима – 1909 г.

Большинство игумений захоронены на территории монастырского некрополя (ныне не сохранился).

Во все времена благотворительность и милосердие на Руси считались высшими добродетелями человечества. Большинство монастырей и храмов России строились по инициативе и на средства благотворителей, которыми выступали Царствующие Особы и Великие Князья, крупные промышленники и фабриканты, люди разных сословий, уровня благосостояния, чинов и званий.

Первым и главным устройтелем Тульского Успенского женского монастыря стал Царь и Великий Князь Алексей Михайлович Романов. Известно, что Алексей Михайлович преподнес в дар монастырю на престольное Евангелие 1657 года, московской печати, в переплете, обтянутом синим бархатом и украшенном серебряными наугольниками, средником, фигурными застежками.

В фондах ГУК ТО «Объединение «ИКХМ» в коллекции «Металл культовый» хранится уникальный памятник – ТОКМ 167 Блюдо церковное серебряное 1791 года. Фото 6. На лицевой стороне помещено схематичное изображение церковных построек, Голгофского Креста, Страстей Христовых, украшено растительным орнаментом, по кругу нанесена надпись: «Крестъ твои Господи. Жизнь и Воскресение Людемъ твоимъ». На обороте сохранилась гравированная надпись на церковно-славянском языке: «Сие блюда города Тулы Успенского девичьяго монастыря церковное весу въ серебре изъ золота мь 2 46 1791 года марта 10». Согласно расшифровке клейм блюдо выполнено московскими мастерами¹⁶.

Тульский Успенский женский монастырь неоднократно удостоивался внимания Великих особ.

Так, в 1791–1792 годах Государыня Императрица Екатерина Алексеевна выделила средства «от Государственной казны» на возведение новой каменной церкви Успения, на месте обветшавшего храма.

В 1791 году принимал деятельное участие в построении Успенского храма и каменной ограды с башнями монастыря тайный советник, первый Тульский гражданский губернатор Андрей Иванович Лопухин. Дочь губернатора Лопухина Варвара также была связана с историей обители.

Известно, что девица Варвара Лопухина в 1818 году писала доношение в Тульское Дворянское депутатское собрание: «...о выдаче свидетельства (о ее дворянском происхождении) для поступления в иноческо-монашеское звание в Тульский Успенский девичий монастырь. Без свидетельства о происхождении быть принятой в монастырь не может»¹⁷. Данное свидетельство было выдано.

Варвара Лопухина пробыла какое-то время послушницей Успенского монастыря. Затем перевелась по собственному желанию в Серпуховской Владычней девичий монастырь. А в 1829 году послушница Варвара обращается с просьбой в Собрание «...уничтожить (предыдущее) свидетельство и выдать ей другое (с указанием ее дворянского происхождения) для свободного с этого года жития»¹⁸.

Социальный состав жертвователей и благотворителей Успенской обители был весьма разнообразен. Это и высокопоставленные чиновники и крупные заводчики, представители духовенства, мещане, крестьяне. Имена большинства из них, конечно, нам неизвестны.

В 1896 году в церкви Преображения «с разрешения Епархиального начальства, устроен в замен пришедшего в ветхость, на средства благотворителя новый входной тамбур из одного цоколя с железными дверями, по проекту, одобренному и утвержденному Строительным Отделением Губернского Правления. Вместе с этим переделана и каменная входная лестница»¹⁹.

Монастырские врата под колокольной были устроены в готическом стиле из резного железа, над вратами из листового железа нанесена надпись: «1795 год мая 10 дня Тульского женского монастыря сделаны врата при Преосвященном Афанасии и Игумении Тавифе подаянием заводчика Ивана Родионовича Баташева»²⁰.

В 1901 году в монастырь поступило высочайшее пожертвование в 2000 рублей от Государя Императора Николая Александровича.

Не оставлял монастырь своими молитвами и щедрыми пожертвованиями протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский), позднее причисленный к Лику Святых.

«По духовному завещанию вдовы дьякона г. Тулы Богородицержождественской в Гончарах церкви Анны Васильевны Никольской предоставлено сыну ея священнику Петропавловской церкви Александру Никольскому раздать, на поминовение ее и родителей, причтам церквей: Воздвиженской, ц. женского Успенского монастыря, соборной Всехсвятской и Петропавловской – по 300 р. на каждую церковь»²¹.

Многочисленные пожертвования делали монастырю при вступлении в богадельню, за кельи, за надгробное чтение псалтири, за отдельный сорокадневный и годовой псалтирь и прочее. Так, Успенская обитель стараниями насельниц и щедрыми вкладами благотворителей процветала, благоустраивалась и украшалась.

«Игумениюю Агнией учреждено в 1871 г. при настоятельских келиях непрерывное денно-нощное чтение псалтири для молитвенного поминовения благотворителей. С 1902 г. Игумениюю Магдалиною устроено по субботам поминовение усопших Игумений, монахинь, послушниц, благодетелей и благотворителей монастыря с служением заупокойных всенощных и литургий, а по окончании оных, панихид»²².

Опубликовано: Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской духовной семинарии. – Тула, 2015. – Вып. 4. – С. 23–31.

1. Троицкий Н.И. Тульский Успенский женский монастырь. Изд. 2-е, доп. Тула, 1913. С. 6.
2. Там же. С. 7.
3. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д.3. Л. 7.
4. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 10995. Л. 8.
6. Там же.
7. Там же. Л. 7.
8. Троицкий Н. И. Указ. соч. С. 8
9. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
10. Троицкий Н. И. Указ. соч. С. 12
11. ГАТО. Ф. 5. Оп.1. Д. 3. Л. 15.
12. Там же.
13. Троицкий Н. И. Указ. соч. С. 71.
14. Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895.
15. Там же.
16. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. Указатель клейм / Постникова-Лосева М.М. М., 1983. С. 206–208, 228.
17. ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д.1347. Л. 54.
18. Там же. Л. 63.
19. ГАТО. Ф.3. Оп. 23. Д. 10995. Л. 3.
20. Там же. Л. 2.
21. Там же. Л. 8.
22. Там же. Л. 11.

ДЕТИ И ВНУКИ Н.И. БЕЛОБОРОДОВА, ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ПЕРВОЙ В РОССИИ ХРОМАТИЧЕСКОЙ ГАРМОНИКИ

Тула – родина хроматической гармоники – бережно хранит память о жизни и деятельности нашего земляка, музыканта-самородка Н. И. Белобородова¹.

Заслуги Белобородова состоят в создании клавишной хроматической гармоники новой конструкции и в организации первого в мире оркестра гармонистов.

Н. И. Белобородов (1828–1912) родился в Туле в семье потомственного туляка, занимавшегося торговлей. Еще в детстве слышал звуки гармоники, увлекся ею и любовь к этому музыкальному инструменту пронес через всю свою жизнь. Желая расширить исполнительские возможности инструмента, Белобородов обратился с заказом изготовить гармонику с двухрядной клавиатурой, вынеся во второй ряд хроматические полутона, к самому лучшему «гармонных дел мастеру» Л. А. Чулкову. Из трех хроматических гармоник, изготовленных по заказу, он организовал трио (1886. Для популяризации гармоники своей конструкции Белобородов создал Кружок любителей игры на хроматических гармониках (1888), а из участников кружка – оркестр².

Семьей Н.И. Белобородов обзавелся в возрасте 30 лет. Его избранницей стала дочь тульского оружейника Ивана Козлова Юлия. Венчание их состоялось в Спасопреображенской церкви г. Тулы 13 февраля 1859 г. У супругов Белобородовых родилось шестеро детей: Николай (род. в 1860 г.), Варвара (род. в 1861 г.), Софья (род. в 1865 г.), Василий (род. в 1866 г.), Сергей (род. в 1869 г.), Мария (род. в 1874 г.)³, но выжили только Софья и Мария.

Софья родилась 23 сентября 1865 г. В раннем возрасте получила домашнее музыкальное образование. В 1883 г. вышла замуж за офицера П. С. Иванова, сына Тульского губернского архитектора С. П. Иванова. Дед П. С. Иванова – П. Д. Иванов – представитель одного из самых известных дворянских родов Ивановых имел звание отставного капитана 1-го Московского полка, принимал участие в Отечественной войне 1812 г. Брак оказался неудачным и Софья Николаевна, уйдя от мужа со своими четырьмя детьми, жила на средства, добываемыми уроками музыки.

В 1900 г. она вступила в члены РСДРП. По данным архива Тульской области⁴ С. Н. Иванова проходила по делу «О лицах, заподозренных в политической неблагонадежности» 1907–08 гг. и была привлечена по 1 ч. 102 ст. по делу Руководящего коллектива Тульской организации РСДРП. У нее дома при обыске нашли нелегальная литература. Она подверглась аресту. Впоследствии была освобождена после внесения отцом большого денежного залога. Вскоре она эмигрировала во Францию с мужем, революционером М. Федоровым, проходившим по тому же делу. В 1917 г. С. Н. Иванова вернулась в Россию. Работала служащей в Едином потребительском обществе, а затем в Тульской городской библиотеке. В сентябре 1935 г. умерла в доме престарелых ветеранов революции⁵.

С. П. Иванов (1890–1973 гг.)⁶ – сын С. Н. Ивановой, внук Н. И. Белобородова. Учился на физико-математическом факультете императорского Московского университета.

В период Первой мировой войны Сергей Иванов состоял на службе при Комитете Западного фронта Всероссийского Союза Городов в качестве брата милосердия. После объявления Германией войны России он в августе-сентябре 1914 г. окончил 4-недельные курсы при Яузской городской больнице г. Москвы и был признан подготовленным к исполнению обязанностей брата милосердия.

В 1922 г. С. П. Иванов женился на Анастасии Гавриловой, и у них родилась дочь Галина. В послевоенное время жил в г. Советске Щекинского района Тульской области и работал школьным учителем.

Известно, что у Сергея было три сестры, но сведений о них нет.

Вторая дочь Н. И. Белобородова Мария вышла замуж в 16 лет за артиста Русанова⁷. Через пять лет ее муж умер от туберкулеза, а вскоре умерли и двое ее детей. Спустя несколько лет она стала женой знаменитого гармониста-виртуоза Петра Невского, с которым постоянно ездила

на гастроли. Концерты проходили не только в городах Российской империи, но и в Берлине, Риме, Женеве, Нице, Париже и др. После смерти Невского и национализации их московского дома Мария Николаевна вернулась в Тулу. Третьим ее мужем стал театральный художник Кувалдин.

Скончалась М. Н. Кувалдина в 1951 г.⁸ Незадолго до смерти она передала в Тульский областной краеведческий музей гармонику отца, свои воспоминания и семейные фотографии.

-
1. Чинков И. И. Тульский баян. Тула: Приок. кн. изд-во, 1992. С.37.
 2. Мирек А. М. Гармоника: прошлое и настоящее. М.: Интерпракс, 1994. С.188.
 3. Метрические книги Спасо-Преображенской церкви г. Тулы за 1855–1860 гг. // ГАТО. Ф. 219.
 4. Дело «О лицах, заподозренных в политической неблагонадежности» // ГАТО. Ф. 1300. О. 1. Д. 250.
 5. Мирек А. М. Из истории баяна и аккордеона. М.: Музыка, 1967. С. 71.
 6. Материалы по С. П. Иванову 1890–1950-е гг. // Фонды ГУК ТО «Объединение «ИКХМ».
 7. Мирек А. М. Из истории баяна и аккордеона. М. Vepsrf 1967. С. 71.
 8. Там же.

БОГОРОДИЦКИЙ СТАРЕЦ СХИАРХИМАНДРИТ ИРИНАРХ

До революции в Российской империи города с православными названиями не были редкостью. Тысячами исчислялись села Богородицкие, два города Богородска (Московской и Нижегородской губерний), а вот Богородицк – один. Свое название он получил в 1664 году, через год после основания, а ведь мог зваться Вязов, но не прижилось. Через сто лет у города появиться герб с девятью веточками травы богородицкой – чабреца и официальная история наименования города: произрастала здесь эта трава в великом изобилии, вот и назвали его в ее честь. Так это было на самом деле или нет, не столь важно. Важно другое, что стоит на обоих берегах речки Уперты городок с христианским названием Богородицк и история его православная история тоже полна значимых страниц. И одну из них мы сегодня прочтем. Главной фигурой нашего повествования станет очень известный в нашем крае старец Ириней (так его называют и по сей день).

Родился схиархимандрит Иринарх (в миру Степан Сергеевич Попов) 5 июня 1871 года, в Тульской губернии Товарковской волости Богородицкого уезда в деревни Лёвинке в крестьянской семье. Поскольку церкви в Лёвинке не было, то крестили его в приходском храме села Малевки, что в семи верстах. Отсюда в источниках разночтения о месте его рождения. Родителей его звали Сергей и Параскева. Степан был старшим. Потом в семье появится ещё шестеро детей. Образование мальчик получал на дому у малевского дьячка Дмитриевского Василия Емельяновича, несмотря на то, что в Малевке имелась уже трехклассная школа. Степан не только одолел книжную грамоту, но и обучил своих младших братьев.

С детства Степан отличался любовью к уединению. Игры сверстников не привлекали его. Согласно семейным воспоминаниям неподалеку от дома он выкопал собственными руками землянку. Там, пред иконой Спасителя, он зажигал лампаду и устремлял свои детские молитвы ко Господу.

Степан скрывал свои устремления от людского взора. Однажды, выходя после молитвы из землянки, его заметила родственница, и Степан стал со слезами умолять ее никому не рассказывать о том, что увидела, пообещав за это плести ей лапти.

Особую роль в выборе жизненного пути сыграл настоятель Никольского храма отец Симеон Ивановский (1845–1906). Он прибыл в Малевку через четыре месяца после рождения будущего старца, но всю жизнь Степана в родной деревни служил ему примером для подражания и духовным наставником. Именно он укреплял в молодом человеке его стремления к монашеству.

В 25 лет Степан посетил Оптину Пустынь, где познакомился с преподобным Амвросием Оптинским и стал его духовным чадом¹, и по возвращении домой стал просить родительского благословения на иноческий путь. Но родители оказались против такого выбора сына. Они хотели, чтобы Степан женился и приютил их в старости в свою семью. Однако, видя его стремление к монашеству, и повинаясь воле Божией, они отпустили сына в монастырь.

В 1898 году 27 лет от роду Степан «с полным сознанием и разумением» поступил в Щегловский Рождественско – Богородицкий мужской монастырь, что недалеко от Тулы. В течение трех лет он проходил испытание на послушаниях, возлагаемых на него старцами, а в феврале 1901 года был зачислен в разряд приуказных послушников.

19 декабря 1905 года Степан был пострижен в мантию с именем Ириней (в честь священномученика Иридея епископа Лионского) и рукоположен в иеродиакона², а в 1907 году – в иеромонахи. Тогда же он был назначен на должность ризничего и ровно через год – назначат его на более ответственную должность – казначея монастыря. Так характеризовали его деловые качества его современники: «На этом посту у него проявляется недюжий разносторонний обширный умело – хозяйственный такт и заботливость к улучшению экономического быта обитателя»³.

Вот почему епархиальное начальство поставит о. Иридея во главе строительства приюта в Богородицком уезде в селе Балахна и при нем храма – памятника жертвам «империалистической» войны.

О. Иринею оказался прекрасным организатором. Он настолько расположил к этому благородному делу все местное население, что оно снабжало не только стройку материалами, бесплатно возили лес, песок, воду, но и жертвовали продукты и деньги на содержание детей. Это было особенно ценно, поскольку это было время, мягко выражаясь, крайнего вздорожания жизни. Работы начались ранней весной 1915 года. Строятся два отдельных дома - один под приют для детей, другой для лиц, обслуживающих приют и для хозяйственных нужд. Строится также часовня.

К началу зимы дети, а их было не много – шесть человек - уже жили в новых корпусах и молились вместе с о. Иринею в маленькой уютной часовне, причем в службах применялся строгий уставной чин, т.е. порядок был как в иноческих обителях. Часовню торжественно освятил 15 декабря 1915 года архимандрит Сил, наместник Щегловского монастыря.

Затем отец Иринею приступил к строительству храма. На это ушел ровно год и 15 декабря теперь уже 1916 года его освящает епископ Иувеналий при стечении трех тысяч молящихся.

«Храм был построен в виде креста и освящен в честь и славу Рождества Пресвятой Богородицы. Хотя он был небольшой, но устроен так уютно и красиво, что своею простотою и величием производил отрадное впечатление»⁴.

Жаль, но сегодня мы не найдем практически ничего, что хоть как бы нам помогло восстановить образ этой церкви. Нам осталось лишь несколько камней да часть облицовочной плитки пола да воспоминания, как происходил чин освящения храма и приюта. Но они звучат из того далекого времени печально, потому что нам ведомом продолжение истории.

А тогда почти 100 лет назад здесь стоял храм, в нем смешался запах свежей краски, горящих свечей, ладана. Его своды слышали трогательные молитвы о его судьбе, и о тех, кто в веках будет находить в нем отраду⁵.

О жизни, победившей смерть, вещал этот храм, как говорил на проповеди Владыка. Напомнил он так же собравшимся, что сей храм созидался на том месте, где некогда сложили свои головы смиренные иноки.

Не пощадил двадцатый век ни приюта ни храма при нем, не оставил от них камня на камне.

Протокол исполкома от 25 октября 1921 года гласил: «Монастырский приют при с. Балахна во главе с иеромонахом Иринею служит лишь рассадником контрреволюционных вейний и базой контрреволюционной клики, что монастырь лишь только морочит и развращающее действует на умы малоразбирающихся граждан, постановили: монастырь при с. Балахна ликвидировать, помещения передать коммунальному отделу. Имеющихся детей в приюте передать в детские дома. Одного взрослого передать в укомтруд для использования»⁶. Так за кощунственно сухими строками решилась судьба благого дела.

Отец Иринею еще некоторое время будет жить в селе до 1928 года. А потом вернется в село Левинка.

Как и большинство священников пострадает за веру. 23 января 1931 года во время богослужения отец Иринею был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активный участник «контрреволюционной группировки духовенства» епископа Антония (Быстрова). По постановлению особого совещания коллегии ОГПУ 2 декабря 1931 года он был выслан на три года в Северный край. Его оправили в ссылку в Архангельск. Вместе с другими лагерниками он ехал в вагоне, в котором возили скот. «Посередине вагона стояла буржуйка. В каждом вагоне находилось примерно по 50 человек арестованных. Всю дорогу их кормили очень соленой селедкой и давали на всех одно ведро воды. Чтобы утолить жажду, заключенные набирали снег в чайник, который при помощи ремней они выбрасывали в окно вагона. Однако снег в чайнике был черным от сажи и хрустел на зубах»⁷ – так запомнили воспоминания батюшки его близкие. Сначала отец Иринею работал на лесозаготовке; после был путевым обходчиком. Порой приходилось ходить по железной дороге всю ночь, так как могли подстроить ситуацию, чтобы поезд сошел с рельсов, и тогда следовало ожидать наказание. Был он некоторое время и поваром. Пришлось ему претерпеть и издевательства конвоиров, заставлявших его носить решетом воду в бочку и приговаривавших при этом: «Если ты, поп, свят, то ты наносишь воды». Вечером, возвращаясь в барак, батюшка начинал молиться. Не оставлял он и своего священнического долга, совершая тайные богослужения.

Тем не менее, и в лагере батюшка постоянно принимал людей, приходивших к нему за советом. Недоброжелатели стали с еще большей озлобленностью жаловаться на Старца начальнику тюрьмы, уверяя его, что иеромонах Ириней собирает вокруг себя молодых людей для того, чтобы устроить побег. Тогда начальник тюрьмы приказал убить его. Приговоренного вывели за территорию лагеря, облили соляжкой и бросили в него горящую спичку. Старец в это время начал молиться, и во время молитвы с него спала горящая одежда, при этом, не повредив ни волоса на голове. Конвоиры в испуге убежали и обо всем доложили начальнику лагеря. Вызвав Старца, начальник приказал выдать ему новые ватные штаны и фуфайку⁸.

В то время в Архангельске вместе с отцом Иринеем отбывал наказание епископ Тихон (Шарапов). Именно он постриг иеромонаха Иринея в схиму с именем Ириных в честь преподобного Иринарха Соловецкого. 7 марта 1932 года его выслали на оставшийся срок в Казахстан⁹.

По освобождении из заключения в 1933 году схиархимандрит Иринарх вернулся в Лёвинку. Об его освобождении стало известно и снова пошли к нему люди с наболевшими вопросами. Батюшка был назначен вторым священником в храм Казанской иконы Божией Матери села Папоротки, расположенного в восьми верстах Лёвинки. Впоследствии он завещал храм этот никогда не оставлять, предсказывая, что при нем будет монастырь. Так оно и произошло ровно через пятьдесят лет после его смерти¹⁰.

Однако служил он все равно у себя дома. Люди шли к нему первое время и днем и ночью. Один из соседей продолжал устраивать за ним слежку и докладывать в милицию обо всем, что происходило в доме Старца. Возобновились вызовы на допрос, снова батюшка стал подвергаться оскорблениям и унижениям. Узнав, что он совершает у себя дома Таинства, на него пришёл штраф в размере 500 рублей, так как несанкционированные богослужения строго запрещались. Жил отец Иринарх очень скромно, питание было скудным, особенно постом - в среду и пятницу скушает одну картофелину или супа пустого, или выпьет стакан кипятка; в воскресный день сварит два яйца, одно и то кому-нибудь отдаст. Говорил при этом, что нужно кормить тех, кто работает, так как им сила нужна, «а я-то не работаю...»¹¹.

Люди, приходившие к батюшке издали, нередко оставались у него на ночлег. Некоторые задерживались на несколько дней и помогали ему по хозяйству. Приходило много и бесноватых, которых он исцелял своими молитвами. Посетителей становилось все больше и больше, батюшка почти уже не отдыхал от них. Особенно много людей приходило к нему на Крещение Господне и Пасху, когда он совершал праздничные богослужения.

В другой раз сосед поджег дом. Опомившись, что он натворил, тут же стал стучать к батюшке. Однако, сгорел сарай, занялась уже и крыша дома. Начали просить батюшку, чтобы он ушел из дома, так как могла обрушиться крыша, но отец Иринарх так и не вышел. Когда потушили пожар и открыли дверь в дом, то увидели, что стоит батюшка пред иконой Божией Матери «Неопалимая купина» и молится. После этого случая сосед, совершивший поджог, попросил у батюшки прощения и во всем раскаялся.

Тем не менее, в адрес отца Иринарха не прекращали писать анонимки, после которых следовали вызовы в милицию. Но несмотря ни на что, он продолжал принимать людей и служить в храме своего села. А вот тут необходимо сделать отступление. В 1917 году Лёвинка обрела статус села. Еще в 1907 году отец Ириней приобрел в разобранном виде деревянный храм Двенадцати Апостолов и по железной дороге в восьми вагонах его доставили в Лёвинку. Осветили в честь Казанской Божией Матери. Наступил 1939 год, который завершал историю церквей и приходов Богородицкого района, как тогда казалось, навсегда. И тем символичнее то, что в конце этого года в ЦК ВКП (б) была подана докладная записка «О засилии активизации церковниками в Товарковском районе Тульской области и о состоянии антирелигиозной пропаганды в Товарковском районе». Некий чиновник Смирнов довольно экспрессивно и с некоторой претензией на литературное изложение повествует о состоянии дел на антирелигиозном фронте. Что делает это документ более достоверным, нежели прочие официальные отчеты. Ибо личное восприятие от увиденного здесь не спрятано за цифрами и фактами, а перемешано. Нечто подобное редко попадает в дела советского периода.

Итак, упомянутый Смирнов 8 июня 1939 года¹³ перемещался из села Малевка в село Лёвинка. Но весь этот путь, как заметил удивленный свидетель, был забит, «в буквальном смысле слова, верующими, по большей части молодого возраста с грудными и малыми детьми. Было также много пожилых

людей, причем исключительно женщин». Все они возвращались с обедни из Лёвинки. Это был будничный день. Смирнова сопровождал председатель колхоза «Первый год второй пятилетки» Федин Г.И., и он очень удивился, «чем вызвано это грандиозное моление!?!». Опрошенные верующие разъяснили, что советская власть в районе с помощью финансового нажима на священнослужителей решает вопрос с церковью. За полгода закрыли пять церквей, пришла очередь и для Левинки. И по прогнозам верующих церковь будет действующей еще полтора месяца, поэтому службы «перед последним концом церкви на Руси» походят каждый день при большом скоплении народа. В то время в храме Левинки служил отец Ириней. Уже тогда он отличался прозорливостью и пользовался доверием у односельчан. Чуть ниже о его значимости в среде верующих автор донесения скажет, что вопиющей недоработкой властей в антирелигиозной пропаганде является популярность «левинского попа», к которому приходят за советам все верующие в радиусе 50-ти верст. Здесь же приводится история о том, как партийные энтузиастки, переодевшись в сельских жительниц, решили «вывести» Ириней на чистую воду, выведать у него о колхозах и житие-бытие: «Цель маскарада была – прощупать попа. Поп, безусловно, имеющий свою агентуру, разгадал этот маскарад и выгнал ряженых»¹⁴. Верующие также озвучили цифру налога на батюшку – 18 тыс. рублей. Надо отметить, что это средняя цифра, священники из соседних приходов облагались в сумму 29 и 35 тыс. рублей (например, средняя зарплата учителя 350 руб. в месяц). Храм действительно закрыли одним из последних в районе.

Наступила Великая Отечественная война. Когда в Лёвинку пришли немцы, они стали ходить по домам и забирать у местных жителей теплые вещи и еду. Отец Ириней встретил их в подрыснике и с перебинтованной полотенцем головой (он страдал сильной головной болью). Увидев его, немцы поняли, что это священник, стали называть его «пастырем» и, ничего не взяв, ушли.

Когда стало понятно, что уходя фашисты подожгут село, женщины пошли к батюшке за советом. Он благословил всем спрятаться в шахте, а сам стал усиленно молиться. В скором времени подошли наши войска. Бой за деревню был жестокий, но жители села не пострадали.

Батюшка со смирением переносил все – и клевету, и поношения. Он отличался крайней нестяжательностью. Не было у него даже постели, и спал он на сундуке, подкладывая под голову что-нибудь из одежды. Рядом стоял гроб и крест, напоминавшие о смертном часе. Батюшка говорил: «Мне ничего не надо, у меня есть крест золотой, мантия и митра, и больше мне ничего не надо». Деньги, которые ему приносили духовные чада, он пожертвовал. Так им были пожертвованы деньги на танк для танковой колонны им. Дмитрия Донского, которая стояла недалеко от Тулы в поселке Горелки.

Когда в селе стала возобновляться мирная жизнь, снова пошли люди к отцу Ириней со своими горестями и несчастьями. Батюшка всех встречал с любовью и лаской, собирал записочки у этих людей и молился за всех. День и ночь не прекращалась его горячая молитва за живых и погибших и о скорейшем конце кровопролитной войны.

По окончании войны жизнь легче не стала. В селе остались женщины, старики да дети, рабочих рук не хватало, жили впроголодь. Помогали батюшке выжить его духовные чада. Один из них – Всеволод Булгаков, стал келейником батюшки и прожил в доме отца Ириней до самой смерти Старца¹⁵.

Батюшка с ним очень часто ходил в Богородицк в Успенскую церковь и в гости к своим духовным чадам. Без своего келейника он бы и не дошел до церкви, так как после ссылки у него сильно болели ноги. Бывало, вернется он с помощью Всеволода домой, а здесь его уже ждут люди, пришедшие к нему из разных мест. И, не отдыхая с дороги, начинал принимать их.

Так, смиренно и кротко выполняя свой пастырский долг и соблюдая монашеские обеты, служил отец Ириней Господу.

Под конец он стал очень сильно и часто болеть, при этом спал на досках и разрешил постелить себе только одеяло. В начале января 1950 года Старец совсем слег. Боли в теле усилились, говорить стало трудно. Есть он уже не мог, а пил только святую воду. Час от часу ему становилось все труднее дышать.

Время смерти Господь открыл батюшке за несколько дней. Отец Ириней вдруг начал раздавать свои вещи на молитвенную память своим духовным чадам и давать распоряжения по поводу своих похорон. Всеволоду приказал отдать сундук с личными вещами своей племяннице Евдокии, говоря при этом, что это ей приданое. Всеволод стал беспокоиться, куда же девать книги и облаче-

ние, которые хранились в нем. А Старец отвечал: «Нам в скором времени новый, красивый сундук привезут, туда все и сложим». Батюшка предвидел даже то, что во время его похорон будет сильный мороз, и советовал покрывать мужчинам свои головы.

Люди, видя скорую кончину своего дорогого и любимого духовного отца, шли к нему за благословением, и он, будучи уже совершенно немощным, принимал всех, молча благословляя.

На праздник Рождества Христова отец Иринарх причастился Святых Христовых Тайн, а на следующий день, 8 января, в 3 часа 45 минут утра перестало биться его сердце.

Весть о его смерти разнеслась очень быстро. Несмотря на сильный мороз, к дому Старца стали собираться люди для прощания с ним. И еще в течение четырех дней они шли и шли поклониться любимому батюшке.

В день погребения, несмотря на 42-градусный мороз, собралось множество народа. Похоронная процессия длилась более трех часов. Почти возле каждого дома останавливались и служили панихиды. Подойдя к месту погребения, люди стали прощаться со Старцем, целуя его руку и крест, при этом прикладывая платочки к его телу и оставляя их себе на молитвенную память и для исцеления.

Во время последней панихиды пели три хора и служили 10 священников из Тулы, Богородицка и Папоротки. На поминальную трапезу собралось около 300 человек. В доме Старца остановили часы как символ окончания его земной жизни. Еще в течение последующих 40 дней продолжали молиться об упокоении его души.

В скором времени, как и предсказывал отец Иринарх, недалеко от его могилы пробился источник. Однако бывали случаи надругательства над ним: то кидали в него умерших животных, то пытались засыпать, но он все равно пробивался рядом, не иссякнув до настоящего времени. Люди, набрав воды, несут ее к могилке Старца для благословения на исцеление.

Сохранились воспоминания о том, что в часы досуга отец Ириной строил в Балахне один своими руками пещерную церковь, взяв на себя добровольный труд копания земли. Работал и одновременно пел псалмы. Где была эта церковь, что строилась как в первые века христианства в катакомбах, когда были гонения христиан язычниками?

Люди верят, что сейчас на этом месте бьет родник. А, как известно родник – это символ вечного течения жизни, не смотря ни на какие исторические катаклизмы. Это символ чистоты жизни, которая даруется нам Богом, и лишь избранным дано сохранить эту чистоту. Таким избранным был отец Ириной, в схиме архимандрит Иринарх.

-
1. Оптинский календарь 2005 года – М.: Издательство Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры. 2004.– С.245.
 2. Тульские Епархиальные ведомости.– 1905– №2.– С.67.
 3. Резухин А. А. Схимандрит Иринарх// Журнал Московской Патриархии. –1987. – № 11.– С.42.
 4. Тульские Епархиальные ведомости.–1918. –№14. – С. 45.
 5. Савич И. О. Приют Крыловой//Тульские епархиальные ведомости. –1918.– №11–14
 6. ГАТО. Ф. Р. 717. Описание 1. Д. 907. Л. 5.
 7. Левинский старец: жизнеописание схиархимандрита Иринарха (Попова). Тула. 2006. С. 12.
 8. Там же. С. 11–12.
 9. 31 августа 1989 года схиархимандрит Иринарх был реабилитирован.
 10. Указом Патриарха Алексия II от 6 октября 2001 года при храме с. Папоротки был основан Свято-Казанский женский монастырь.
 11. Левинский старец ... С.15.
 12. В 1934–1944 Богородицкий район именовался Товарковским. В 1944 г. районы разъединили и объединили их только в 1959 г.
 13. ГАТО. Ф. Р. 177. Описание 4. Д. 47. Л. 7–10.
 14. Там же. Л. 8
 15. Впоследствии Всеволод принял монашеский постриг под именем Севастьян, был рукоположен в сан архимандрита и служил в Ярославской епархии.
 16. Левинский старец ... С.19.

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕНИЯ ГРАФОВ ОЛСУФЬЕВЫХ «КРАСНЫЕ БУЙЦЫ»

Имение Красные Буйцы располагалось в бывшем Елифанском уезде, в 90 верстах от Тулы и в 20 верстах от Епифани, в холмистой местности, близ дороги Епифань – Ефремов, вдоль левого берега реки Непрядвы. В 1924 году по проведенному районированию Краснобуйцы ненадолго вошли в Богородицкий уезд, а позднее в мае 1959 года в результате упразднения Елифанского района – в Богородицкий район, на чьей территории находятся и поныне.

Первое упоминание сего населенного пункта можно отнести к началу 60-х годов 17 века. В это время уже существовала и «большая буецкая дорога, «что ездят с Буйца на Епифань», а на межевании 1663 года присутствовали «люди деревни Буйца». Происхождение названия, как предположил тульский историк Н. Троицкий, идет от слова «буйше» – «возвышенное открытое кругом место, где бушует ветер. «Красный» – синоним слова «красивый» В версте от села впадает в Непрядву река Буйчик (или Буйца), названная так по причине её бурного течения в паводок, село, вероятно, и получило своё название.

По церковному приходу оно еще называлось «Архангельское», так как в ней была построена деревянная церковь во имя Михаила Архангела. В Окладных Книгах за 1676 год действительно значится церковь Архангела Михаила в новоселенном селе Архангельском: «У тое церкви попа Елисея в приходе три двора помещиков, осмнатцеть дворов крестьянских и бобыльских...»¹. Кстати, после того как построили новый каменный храм в конце 18 века, на месте бывшей деревянной церкви возвели «каменную пирамиду с железным кованым крестом, заканчивающимся... венцом».

В конце XIX в. исследователь тульской старины П. И. Малицкий, отмечал в книге «Приходы и церкви Тульской Епархии» отсутствие достоверных данных о времени и обстоятельствах образования этого прихода и ссылаясь отчасти на предания и отчасти на «древние документы, сохранившиеся в конторе графа Олсуфьева»², предположил, что «в прежнее время здесь находилась вотчина известного царского родственника Нарышкина, который по всей вероятности и положил основание этому селу» чем объясняется и второе названия села – «Нарышкино». На сохранившемся плане усадьбы 1774 года селение Буйцы значится: «Село Буйцы Красное тож». Именно в это время к родовой вотчине присоединяются деревни Кичевка, Даниловка, Куликовка и Клин. Само село расстраивается и появляются слободы – Бутырская и Задворки. Путешественников, проезжающим через село в Епифань, предупреждали в то время: «В селе спуск и подъем от реки Непрядвы круты; вообще проезд затруднителен по причине топкости места»³.

Уникальным документом для исследователя донныне является описание усадьбы по состоянию на начало XX века с привлечением материалов из её прошлого, сделанное последним владельцем имения, юристом и историком Ю. А. Олсуфьевым. В поэтическом описании общего вида усадьбы его времени он рассказывает: «...сначала видна белая коло-кольня, затем показываются белая церковь в духе Louis XVI с широким зеленым куполом и два ряда изб по обеим сторонам дороги, а далее, среди зелени садов — белые стены, крыши и службы усадьбы ... входишь в дом, выходишь на полукруглую площадку перед ним с юга и поражаешься красотой столь внезапно открывающегося вида...и становится понятным, почему село получило наименование Красного»⁴. Имея в виду далекое прошлое, Ю. А. Олсуфьев, писал: «На высоком холме над мельницей сохранились следы древнего городища; исследователи предполагают, что оно еще дотатарского периода; по-видимому, тут в древние удельные времена был сторожевой городок князей Черниговского дома...»⁵. Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. этот памятник археологии включили в перечень исторического и культурного наследия общероссийского значения. Далее Ю. А. Олсуфьев сообщает о том, что

Буйцы, носившие во всем «характер старой родовой вотчины со своими обычаями и привычками», «были пожалованы в середине XVII века царем Алексеем Михайловичем моему предку, стольнику князю Якову Ефимовичу Мышецкому». В царской грамоте 1682 г. об этом сказано: «Ею жалуется стольнику князю Якову Алексеевичу Мышецкому прирезок земли к старой даче, жалованной ему в 1663 году, в которой расположено ныне село Буйцы». Затем вотчина досталась по наследству дочери Мышецкого Анастасии и его зятю – Кириллу Алексеевичу Нарышкину, троюродному брату царицы Натальи Кирилловны, знатному сановнику, занимавшему пост генерал-губернатора в Москве. При нем имение расширяется, обновляется господский дом из пяти комнат. После его смерти село перешло к его сыну Семену, генерал-аншефу, обер-егермейстеру и обер-камергеру, пользовавшемуся расположением Елизаветы Петровны и Екатерины II. От Семена Нарышкина Буйцы перешли к его племяннику, сыну сестры Татьяны, с которым Семен был дружен, князю Александру Михайловичу Голицыну. Вице-канцлер и вице-президент Коллегии иностранных дел, награжденный орденами, ставший сенатором и обер-камергером, выйдя в отставку, постоянно жил в Москве, занимаясь благотворительностью. Он владел Красными Буйцами с 1776 г. на протяжении 30 лет.

С именем А. М. Голицына связана история каменной церкви в Красных Буйцах, сохранившейся донныне в полуразрушенном состоянии. Он выделил деньги на постройку нового, капитального каменного храма на замену старому деревянному. Храм был освящен епископом Коломенским и Тульским Афанасием 5 ноября 1795 г. На церкви сохранялась храмозданная надпись А. М. Голицына о том, что он «исполнил свое благое и богоугодное намерение, соорудя сей святой храм во имя Архангела Михаила в царствование Екатерины II в 1795 году». Церковь построена в классическом стиле, и нем же был выдержан иконостас.

Большая часть иконостаса – живопись XVIII века. Перед левым клиросом возвышались большие иконы с изображением Александра Невского и Великомученицы Екатерины (вероятно, в честь дочери А. М. Голицына Екатерины Александровны Долгоруковой). До разграбления храма, в нем хранилась риза, сшитая из парадного камзола князя Александра Михайловича. На стенах Архангельской церкви висели несколько больших образов, написанных маслом «в духе академизма» местным художником Ростиславом Кузьмичом Цехановским. Много его работ размещалось в доме графов. Наиболее любимой из них для автора была картина с изображением местного храма с зеленым куполом. Его кисти также принадлежали иконы трех московских святых и Великомученика Георгия на коне. Последняя была помещена в киоту из карельской березы. На двух глиняных блюдах художник изобразил масляной краской образ Божией Матери и Спаса Нерукотворного⁶.

Управляющим имением графов Олсуфьевых долгие годы был Василий Федорович Ган. Он был очень уважаем в селе, и считался хорошим хозяином и строителем. При нем была введена девятипольная система обработки полей, приобретены машины для переработки сельскохозяйственной продукции. Соломенные крыши старых домов были перекрыты железом именно под бдительным оком Гана. Василий Федорович был лютеранином, но много лет он состоял в должности помощника старосты Буецкого храма и нередко «стоял за свечным ящиком». Похоронен он внутри церковной ограды. Могила не обозначена.

В 2013 г. в Интернете была представлена работа кандидата исторических наук В. Е. Борисова «Из истории формирования усадебного комплекса села Красное (Буйцы)»⁷. Она построена на анализе архивных материалов РГАДА и посвящена «голицынскому периоду» в истории усадьбы. В заключение работы отмечено: «... обращение к вотчинной документации ...позволило довольно полно выявить обстоятельства возникновения важного элемента ландшафта с. Красного Буйцы тож – каменной церкви. Был установлен архитектор, прослежено взаимодействие эстетических и хозяйственных факторов, под воздействием которых складывался облик здания». До последнего времени предполагалось, что строительство церкви Голицына мог поручить архитектору И. Е. Старову, построившему похожий храм в другом имении князя - селе Константиново Рязанской губ. В. Е. Борисов, анализируя процесс создания церкви в Буйцах, приводит отрывок из письма князя Голицына от 16 мая 1790 г. приказчику села Буйцы Корелину: «при сем посылается архитектор Козма Заснев для разбития по плану на том месте, которое пристойнее и покрасивее, к построению ка-

менной Божией церкви, при котором приказать каменщикам вырыть все рвы до настоящего грунта земли и при нем сделать первенствующую камнем закладку. По учинении всего того надлежащим и прочным образом его, архитектора Заснева немедленно отправить сюда». Об архитекторе в статье сообщается, что он родился в 1763 г., в 1785 г. получил аттестат Академии художеств второй формы за «успехи и особливо призванное в них добронравие, честное и похвальное поведение», работал у Г. А. Потемкина.

В работе приведены некоторые данные о других строениях усадьбы: «Используя специальный геометрический план сентября 1775 г., имевшийся у него в распоряжении, Ю. А. Олсуфьев так описывает состояние усадьбы к моменту получения ее А. М. Голицыным: «господский двор состоит из двух кварталов с одним выездом с севера. В большом квартале значится отдельный дом из пяти комнат, на том самом месте, где теперь старая деревянная часть буецкого дома. Интересно, что расположение комнат на плане соответствует современному расположению старой части дома, построенной из липы, которая, несмотря на свою древность, поражает крепостью. По-видимому, там, где теперь стоят хозяйственные постройки: амбары, житный двор и рига, в то время были какие-то небольшие дома, может быть – духовенства». Автор статьи уточняет на основании других документов: «расположенные рядом с господским домом постройки могли быть конюшней и помещениями для господского скота, жильем дворовых, а дом для духовенства мог быть обозначен на плане имения рядом с церковью, находясь вне усадьбы»⁸.

В статье В. Е. Борисова отражены также действия Голицына по усовершенствованию хозяйственного положения усадьбы: «В 1779 г. А. М. Голицын начал распашку пустоши Дикое Поле и переселил туда часть крестьян из с. Красные Буйцы, основав тем самым д. Куликовка Телятинки тож».

А. М. Голицын организовал разведение в Красном (Буйцы тож) племенного скота на материале поголовья конезавода в его имении в селе Константиново. Завод в Буйцах был довольно значительным, судя по тому, что, по одному из документов 1783 г., в нем насчитывалось более 40 лошадей; «В 1795 г. мяснину получало 9 конюхов, 1 коновал, 2 скотника, 2 свиная, 2 птичника».

После смерти Голицына (1807 г.) имением владела его дочь Екатерина Александровна (в замужестве Долгорукова), большую часть жизни проведшая в Москве, но жившая в Буйцах в период наполеоновского нашествия в 1812 году. В 1842 году, после смерти Е. А. Долгоруковой, поскольку детей у неё не было, по завещанию вся вотчина перешла к ее племянникам Александру и Василию Дмитриевичам Олсуфьевым, сыновьям её сестры Дарьи Александровны и Дмитрия Адамовича Олсуфьевых. Василию Дмитриевичу, достались земли по левому берегу реки Непрядвы, окрестные леса и деревни. В 1857 году он стал владельцем села Буйцы с населением 659 человек, деревень Семеновка (286 человек), Даниловка (555 человек) и Куликовка (208 человек). Его внук Ю. А. Олсуфьев писал: «Дед мой, Василий Дмитриевич, много лет состоял гофмаршалом при цесаревиче Александре Николаевиче и в день его коронации был возведен с нисходящим потомством в графское достоинство. Василий Дмитриевич был человеком близким к Церкви, любил все родное, любил и проявление этого родного в памятниках старины. Он умел ценить все то, что представляло истинную культуру России, в особенности монастыри, Москву с её сокровищами прошлого». В кругу родственников семья графа считалась «богобоязненной и церковной». Императрица Мария Федоровна, говорила, что именно «ему обязана в своей вере». В 1850-м году он пожертвовал в церковь села Евангелие со следующей постраничной надписью «Сие святое Евангелие положил во храм Архистратига Михаила в вотчину свое село Красное благоверного Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича гофмаршал, тайный советник Василий Дмитриевич Олсуфьев за свое и жены своей и чад их здравие, а когда Бог по душу пошлет, тогда по своей душе и по своих родителей на память вечную. Лето 1850, Апреля 23 дня, в день Святой Пасхи, в память Святого Славного Великомученика Победоносца Георгия»⁹. На священной книге помещался серебряный образ «София премудрость Слово Божие».

После скоропостижной смерти графа Василия Дмитриевича в 1858 г. Красными Буйцами владела его жена графиня Мария Алексеевна (1800–1878). В 1878 году в результате раздела наследства со старшими братьями поместье Красные Буйцы отошло к младшему – Александру Васильевичу

Олсуфьеву (1843–1907). Он окончил с отличием математический факультет Московского университета, начал службу в полку лейб-гвардии Конной артиллерии, затем более 10 лет был адъютантом при Цесаревиче Александре Александровиче. В 1877 году принимал участие в русско-турецкой войне. В 1881 году в чине полковника он назначен флигель-адъютантом к Его Величеству – Александру III. Занимал должности начальника канцелярии, помощника командующего Императорской Главной квартирой. В 1905–1906 годах он заведовал придворной частью в Москве и был начальником Московского дворцового управления.

Осенью 1882 г. в Москве с ним познакомился Л. Н. Толстой; в его письме к С. А. Толстой об этом сказано: «...был Александр Олсуфьев с женой и очень мне понравился»¹⁰. В 1897 году, когда Толстой с женой собрались на несколько дней в Петербург, брат Олсуфьева, у которого писатель гостил тогда в Подмоскowie, предложил ему остановиться в старом петербургском доме Олсуфьевых на Фонтанке (дом № 14), где тогда жил граф Александр Васильевич. Участие в гостях приняла его семья: он, «его жена Екатерина Львовна и сын их Георгий [Юрий]. Гости пользовались их столом»¹¹. В конце 90-х – начале 900-х годов Льву Николаевичу Толстому не раз приходилось обращаться к посредничеству А. В. Олсуфьева в делах, требовавших разрешения в высших инстанциях, когда надо было защитить лиц, преследуемых властями и обратившихся за помощью к Толстому. По просьбе Толстого, Олсуфьев не раз передавал непосредственно государю его письма и прошения. Вероятно, реальные черты натуры А. В. Олсуфьева нашли отражение в образе флигель-адъютанта Богатырева в романе Толстого «Воскресение»: он «был невысокий коренастый человек ... – добрый, честный, прямой и даже либеральный ... он был близкий человек ко двору, любил царя и его семью и умел каким-то удивительным приемом, живя в этой высшей среде, видеть в ней одно хорошее и не участвовать ни в чем дурном и нечестном»¹².

После женитьбы в 1875 году на графине Екатерине Львовне Соллогуб (1847–1902) А. В. Олсуфьев купил у своего двоюродного брата Василия Александровича сельцо Даниловку, расширив имение. В Буйцах при нём перестраивается старый дом, расширяется сад, насаждаются аллеи. «Буйцы были превращены в жилое имение лишь моими родителями в середине 70-х годов», – писал в воспоминаниях Ю. А. Олсуфьев. Дом... несколько раз переделанный... был первоначально построен в XVIII столетии для приездов моих родичей, которые в Буйцах никогда постоянно не жили ... в 1878 году ... буюцкий дом, пришедший в ветхость (тесовая крыша обросла, как рассказывают, мхом), был возобновлен по поручению моих родителей управляющим... При моих родителях в доме было очень просто: мебель была большею частью из дуба своих лесов, комнаты белились, а полы красились охрой почти ежегодно весной к их приезду...»¹³. Фактической хозяйкой имения была Екатерина Львовна Олсуфьева: «отец ... состоя при государе, лишь временами, всегда на короткий срок, приезжал к нам в Красное, как звали Буйцы мои родители; зимы мы жили в Петербурге...»¹⁴. Об этом сообщают и официальные документы «Клировые ведомости с. Красные Буйцы» за 1906 год: «Староста Свиты Его Величества генерал-адъютант граф Александр Васильевич Олсуфьев с 1879 года состоит при государевой службе, редко бывает при храме, оставляя за себя доверенного, тщательно следит за движением церковной суммы и за благолепием храма. В 1895 году на свои средства окрасил крышу храма, подарил серебряное вызлащенное кадило, посеребряный подсвечник. В 1899 году подарил диаконское и священническое облачение стоимостью 600 рублей, в 1902 году – подарил два облачения, стоимостью 1000 рублей. В 1906 году подарил изразцовый пол стоимостью 486 р. 90 к.»¹⁵. Старостой храма оставался до конца своих дней – 28 лет.

Ю. А. Олсуфьев, с детства проводивший в имении летние месяцы с матерью, вспоминал о ней: «Моя мать в молодости не бывала при дворе и не была фрейлиною; выйдя замуж за моего отца..., она была поставлена в тесное общение со двором покойного государя Александра III... но вне Петербурга она отдавалась всем своим вкусам и наклонностям. Помню, как однажды летом в Туле я увидел ее в ресторане на берегу Упы обедающей со своей любимицей, домашней ключницей Василисой..., повязанной платочком и в паневе ... Василиса Никифоровна, из буюцкой семьи Куролесовых, была женою моего дядьки Митрофана Николаевича Стуколова, из буюцких

же крепостных...» В детстве близким человеком для Юрия была и его няня Александра Алексеевна: «... ни к кому в раннем детстве я не был так привязан как к ней, и никто, кажется, не имел тогда на меня такого влияния, как дорогая няня. Она была дочерью бедного деревенского псаломщика Тверской губернии...»¹⁶.

«Простота в доме при моих родителях как нельзя лучше вязалась, я сказал бы, с их жизненным тактом, благодаря которому они так просто сближались с людьми простыми и бедными... [Мать] любила часами говорить со своими служащими, вникая во все их интересы, но, конечно, не нравоучительно и без всякой мысли наставлять, а просто так, потому что с ними легко говорилось...»

...Она была очень щедра, ... очень добра, много помогала, но не в силу надуманного чувства долга, а просто потому, что ей хотелось помочь ...она прекрасно владела русским языком, и можно было заслушаться ее простым, понятным говором, когда приходилось ей беседовать с буецким народом...»¹⁷. «Вокруг дома был раскинут моей матерью декоративный сад, который состоял... из самых разнообразных сортов сирени и шиповника; возле дома были клумбы из одноцветных групп летников... С севера, за дорогой... был посажен, тоже моей матерью, большой фруктовый сад с прямыми аллеями, обсаженными березами и липами. Лишь так называемый «старый сад» с южной стороны западного флигеля существовал задолго до приезда моих родителей в Буйцы... В Буйцах, бывало, она вставала с солнцем и почти своими руками сажала кусты и деревья, невзирая часто на непогоду и дождь»¹⁸. Е. Л. Олсуфьева скончалась в 1902 г. В воспоминаниях её сына записано: «Похоронена моя мать в Буйцах, рядом с церковью, в склепе, в котором пять лет спустя был похоронен и мой отец. Мой отец и я не сговорившись решили написать на ее могиле: «Блаженны милостивые...»¹⁹.

От графского дома широкая дорога, по обеим сторонам которой были расположены «житный двор», амбар, рига вела к храму.

Церковь стояла в полуверсте. Семья Олсуфьевых была тесно связана с людьми, которые оставили свой след в истории села. Так в дома Олсуфьевых висела фотография священника Соболева – отец Егор, как его называли прихожане. На фотографии Петра Ивановича Нерадовского он изображен заштатным священником, сидящем на завалинке с открытым Евангелием в руках. Незадолго до смерти он, говорил, смеясь: «Пусть по мне люди ходят». Так оно и вышло. На его могиле никогда не было памятника, а долгие годы по тому месту, где его похоронили, сельчане ходили в магазин.

После снятия ограды, закрытия, разорения и частичного разрушения церкви и расчистки территории в 30-годы прошлого века места захоронений у церкви были утрачены. В 1917 году, по воспоминаниям старожилов в село пришли большевики. Они надругались над могилами Олсуфьевых, надеясь найти там драгоценности, но ничего не нашли. Осквернили также могилу почитаемого священника отца Егора (Соболева), скончавшегося в 1902 году и похороненного в ограде Буецкой церкви рядом с могилой Екатерины Львовны Олсуфьевой. Отец Егор прослужил в Архангельской церкви 57 лет. Их склепы находятся рядом до сих пор, но могилы никак не обозначены.

С 1907 года, после смерти отца, имение наследовал его сын граф Юрий Александрович (1878–1938) и его жена Софья Владимировна (рожденная Глебова; 1884–1943). Кстати, Юрий Олсуфьев и друживший с ним сын Л. Н. Толстого Михаил были женаты на родных сестрах – Софье и Лине. По воспоминаниям одного из соседних помещиков, С. Раевского, молодые супруги Олсуфьевы были «олицетворением русской культуры и духовности». Софья Владимировна всегда разделяла взгляды и занятия мужа, много путешествовала с ним по России, оставила немало ценных фотографий отечественных памятников старины. Во время первой мировой войны она два года проживала с мужем на Кавказе, когда он руководил Кавказским отделением Всероссийского земского союза по организации лазаретов для раненых.

В Красных Буйцах Олсуфьев стремился повышать культуру ведения сельского хозяйства; сделав имение доходным, он расходовал немалые средства на благотворительные дела. Олсуфье-

вы открыли в селе аптеку, школу для крестьянских детей, организовали мастерскую шитья, приют, где содержалось и обучалось рукоделию до 40 девочек из окрестных деревень.

С тёплым чувством Ю. А. Олсуфьев говорит в воспоминаниях о буюцком доме, где супруги «так мирно, так полно прожили до тяжелых годин великой войны и рокового 17-го года²⁰». Нигде больше не найдется такого подробного описания дома, какое сохранили нам воспоминания его последнего хозяина.

«Дом был одноэтажный, длинный; он состоял из трех частей: из средней, деревянной, и из двух почти одинаковых кирпичных флигелей с мезонинами по сторонам средней части... флигель, который был с восточной стороны, был соединен со средней частью дома... коридором, тогда как западный флигель стоял отдельно.

Дом был обращен на юг. Средняя, деревянная часть, построенная еще в XVIII столетии из липы, вероятно, своих же буюцких лесов, и восточный флигель были оштукатурены и выкрашены в светло-розовый цвет, а западный флигель был выбелен по кирпичу; с южной стороны той же средней части и восточного флигеля было два балкона с белыми круглыми колонками в духе скромного деревянного Empire; балкон среднего дома ..., был застеклен..., а балкон флигеля ...был открытым... С севера дома было три балкона: Главный подъезд дома был с севера... Дом был покрыт зеленой железной крышей,... Летом, местами, дом обрастал различными вьющимися растениями, причем особенно хороши были клематисы с сине-лиловыми колокольчиками, а с южной стороны, перед «нижней» гостиной, из года в год ставились длинные зеленые ящики с вьющейся геранью...

В доме с флигелями было двадцать две комнаты, большею частью небольших...

На окнах висели прямые, светлые, холщевые занавеси, вышитые цветочками в нашей мастерской шитья... Белая мебель была обита холстом, вышитым мелкими цветочками, как и занавеси. Постели были никелевые, местами покрашенные белым... [была] большая прямоугольная кафельная печь, расписанная С<оней> гвоздиками; за этой печью...было зеркало другой печи, тоже кафельной, которая выходила в переднюю, откуда и топились; в ней был вставлен котел, нагревавший воду...»²¹.

Своеобразный «дух» усадьбы слышен даже в мелких замечаниях Ю. А. Олсуфьева, например, памятен был ему «ковёр с крупными букетами из роз на черном фоне, тканый в женском белевском монастыре на заказ из буюцкой шерсти», запомнились «два... комода карельской березы, в которых хранились старинные деревенские наряды: кички, паневы...»²².

Ю. А. Олсуфьев окончил юридический факультет Петербургского университета, главным интересом его была история. Он активно работал в Туле: был председателем Тульского отделения Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, был членом Тульской архивной комиссии, результатом его деятельности стала подготовка издания шести выпусков «Памятников искусства и старины Тульской губернии» в 1912–1914 годах.

Усадьба в Красных Буйцах находилась вблизи Куликова Поля, «часть которого, – как писал Ю. А. Олсуфьев, – входила в состав нашего Казанского хутора, в десяти верстах от Буюц...». С. М. Голицын, имение которого Бучалки находилось в 20 верстах от Красных Буйцев, пишет в «Записках уцелевшего»: «Крестьяне, распахивая Куликово поле, находили оружие, старинные предметы и несли их на продажу графу. Так у него собрался настоящий музей, в котором была, например, такая ценность, как медный монашеский крест, найденный на Куликовом поле. Из летописей известно, что только два монаха находились в рядах русского воинства – Пересвет и Ослябя. Пересвет был убит в единоборстве с татарским богатырем Челубеем. Следовательно, крест принадлежал ему»²³. Сын соседнего помещика С. П. Раевский (1907–2004) вспоминал: «Мы любили ездить в Буйцы и ходить по дому Олсуфьевых, представлявшему собой настоящий музей древнего оружия. Я помню, как мы с братом Михаилом подолгу гуляли по коридору, где по стенам были развешаны сабли, кинжалы, пистолеты...»²⁴ Ю. А. Олсуфьев вспоминал, что в их доме хранились «...шпора, копье и два медных ангела с древков знамен, найденные на Куликовом поле»²⁵. Еще при жизни Олсуфьевых случались кражи подобных вещей... Так, 15 мая 1913 года в одной из тульских газет было помещено сообщение о том, что из «дома графа в селе Даниловка», который «представляет собой настоящий музей», ночью были похищены из витрины три креста, которые были «для владельцев... особо ценны... Один крест золотой, подарен деду графа императрицей Марией Александровной, супругой императора Александра II, в бытность еще цесаревной, второй, серебряный, – подарок знаменитого

митрополита Филарета. «Лучше бы у меня было украдено других вещей на 20 тысяч, чем эти кресты, – с горечью говорит владелец. – С ними связано столько воспоминаний»²⁶. Большая часть таких ценностей была утрачена при пожарах и разграблении дворянских усадеб в революционные годы. Разрозненные вещи иногда поступали в местные музеи. Так, Епифанский музей в 20-е годы пополнился 34 единицами «старого оружия»; там «хранились кресты-складни, татарская секира, найденная на Куликовом поле, кольчуга и шлем, найденные около села Михайловского на реке Непрядве. Эти находки попали туда из коллекции графов Олсуфьевых»²⁷.

Еще в двадцатых годах XIX века зародилась мысль о создании на Куликовом поле, в ознаменование славы русских воинов, храма во имя Сергия Радонежского; в начале XX века в 1901 году инициативу по поводу создания храма-памятника проявили местные помещики А. В. Олсуфьев и М. В. Голицын в день празднования на Красном холме Дня поминовения воинов, павших в Куликовской битве.

В 1865–1884 годах продолжилось строительство каменного храма Рождества Богородицы в ближнем селе Монастырщина. Среди жертвователей, наряду с императором Александром III, Троице-Сергиева лаврой, Тульской губернской управой, был и помещик села Красные Буйцы граф Александр Васильевич Олсуфьев. В 1902 г. он пожертвовал под строительство храма 36 десятин на принадлежавшем ему участке земли Куликова поля²⁸. В конце 1903 г. А. В. Олсуфьев возглавил строительный комитет по сооружению храма-памятника, после его смерти это дело продолжил его сын Юрий. В 1904 г. Тульский епископ Питирим получил, в ответ на его обращение, одобрение Синода и Николая II на сооружение храма; кроме того, император выделил на строительство 5000 рублей золотом. Немаловажен такой эпизод в истории создания храма, касающийся села Монастырщина: «Особое место среди исторических достопримечательностей церкви Рождества Пресвятой Богородицы занимали царские врата, хранившиеся на чердаке старой деревянной церкви. По преданию, они были принесены преподобным Сергием Радонежским в храм вскоре после битвы. Граф Александр Васильевич Олсуфьев представил их в Гатчине императору Александру III и его супруге Марии Федоровне. По указу царя царские врата отправили на петербургский завод Кронфельда»²⁹. Некоторые подробности на эту тему содержатся в книге П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии»: царские врата, «представляющие высокий археологический интерес, были представлены вместе с проектом иконостаса, составленным г. Султановым в стиле этих врат». Когда «по проекту Султанова устроен был иконостас и выставлен в музее Императорского Общества Любителей древней письменности 31 марта 1885 г., их Императорские Величества изволили посетить музей, с целью осмотра возобновленных древних царских врат... и сделанного для них иконостаса. Государь остался вполне доволен исполнением всех работ и выразил согласие принять все расходы, простиравшиеся до 2395 руб. 70 коп. на себя и принести в дар сей иконостас Монастырщинской церкви»³⁰. Осенью 1887 г. в этой церкви был освящен придел во имя Сергия Радонежского. Проект церкви для храма-памятника был разработан в духе старинной русской архитектуры А. В. Щусевым. Архитектор завершил его в 1911 г. Заложен храм был в июне 1913 г., освящен – в 1918 г.

5 марта 1917 года Олсуфьевы покинули усадьбу навсегда. Не приняв февральскую революцию, оставляя вещи в целости и сохранности, на легком возке они отправились в Оптину Пустынь. По благословию своего духовника, оптинского старца Анатолия (Потапова), Юрий Александрович с семьёй поселился в Сергиевом Посаде под Москвой.

В 1930-м году закрыли церковь. В первую очередь активисты–атеисты уничтожили двухъярусную колокольню, которая стояла отдельно от храма. Через год из церкви сделали зерновой склад. После Великой Отечественной войны разобрали купол. Общий объем храма, трапезную и алтарь покрыли общей крышей. Западную часть храма занимало правление местного колхоза, все остальное помещение до 2007 года занимал магазин. В алтарной части за деревянной перегородкой был склад. Сохранились подлинныя печи по обеим сторонам алтаря. Пол поверх старой плитки был покрыт новой. Идея возрождения храма принадлежит руководству Тульского конструкторского бюро приборостроения (КБП). Все расходы по реставрации предприятие взяло на себя. На данный момент строители стремятся остановить разрушение храма. В первую очередь восстановили фундамент, подвели коммуникации и расчистили подвал.

На месте графского дома стоят закрытые корпуса местной больницы, которую построили на рубеже 50-60 гг. XX века, на территории учреждения остались небольшие каменные конюшни –

немые свидетели мирной усадебной жизни семьи Олсуфьевых. Недалеко от храма стоит бывшее здание приюта, со следами стиля модерн, построенного в 1906 году по инициативе графа Александра Васильевича Олсуфьева.

После революции Юрий Александрович Олсуфьев стал заместителем председателя Комиссии по охране памятников искусства и старины, главным хранителем ризницы Троицкой Лавры. В 1920 г., когда стало известно о вывозе из Лавры мощей Сергия Радонежского и о возможном их уничтожении, в доме Олсуфьева, с благословения Патриарха Тихона, долгое время тайно хранили «честную главу Преподобного». В 1928 г., когда в Сергиевом Посаде было арестовано около 80 человек – так называемых «церковников», Олсуфьевым пришлось уехать в Москву, где Юрий Александрович работал в государственных реставрационных мастерских И. Э. Грабаря. «По словам потомка русских эмигрантов князя Ивана Шаховского, именно Юрий Олсуфьев, работая в мастерской Грабаря, вместо поступившего приказа уничтожить помог сохранить надвратные иконы кремлёвских башен»³¹. После закрытия мастерских в 1934 г. Олсуфьев руководил секцией реставрации древнерусской живописи в Третьяковской галерее. Он явился основателем научной реставрации икон, Олсуфьев был одним из руководителей реставрации рублёвской «Троицы». В 1937 г. Олсуфьевы были приглашены для реставрации древнеегипетских саркофагов в Государственный музей изобразительных искусств.

Но в конце января 1938 г. Ю. А. Олсуфьев был арестован, 7 марта был осуждён тройкой при НКВД по Московской области за «распространение антисоветских слухов». 14 марта 1938 г. он был расстрелян на Бутовском полигоне. С. В. Олсуфьеву из Москвы, где она еще некоторое время служила в Музее изящных искусств, выслали в Дмитров, а осенью 1941 г., когда в дни войны возникла угроза оккупации врагом Москвы, она была арестована в составе большой группы «аристократов». Приговорённая к 10 годам концлагерей, она прожила всего полтора года и умерла в заключении 15 марта 1943 г., в Свяжском монастыре. Как свидетельствуют «Записки уцелевшего» С. М. Голицына (1909–1989), единственный сын Олсуфьевых Михаил в первые годы после революции учился в Московском университете и жил в Москве, но в 1923 г. он эмигрировал. Его сын Андрей Олсуфьев и внучка проживают в Париже.

На реке Непрядве издавна стояло два смежных села: Буйцы-Красное и Буйцы-Никольское – Доброе. В воспоминаниях Ю. А. Олсуфьева сообщается, что в соседних Буйцах в 60-е годы было имение его двоюродного дяди «Владимира Александровича Олсуфьева... у него, рассказывают, был хороший дом неподалеку от деревянной церкви, от которого открывался прекрасный вид на долину Непрядвы; непосредственно к дому прилегал лес». Он умер молодым. Имение наследовал его брат Василий Александрович, который продал входившую в состав имения Даниловку А. В. Олсуфьеву, а усадьбу с лесом – купцу Шалыгину. Но у этой усадьбы своя история. «Буйцами» исторически называлось два рядом стоявших села, разграниченные оврагом с протекающей внизу речкой Сури.

Северная часть Буец в разные периоды носила названия с. Красное, Красные Буйцы, Красный Буиц, Красный Буец, Красные Буйцы Нарышкино тож, Красные Буйцы Архангельского прихода, Краснобуйцы. Южная часть Буец долго сохраняло название Буец, затем, после строительства в 1763 г. Никольской церкви, стала называться Никольские Буйцы или Нижние Буйцы (в настоящее время д. Галевка, Богдановка, Сафоновка). Располагалось в живописном месте, на холме на левом берегу р. Непрядвы, чуть выше места впадения в нее р. Буиц и ниже впадения в последнюю притока речки Буйчика. На плане первой четверти XVIII века, где изображены земельные владения помещика Кирилла Алексеевича Нарышкина показана деревянная Никольская церковь. В документе сказано, что ее окружали слободы «соседних господ вотчин»³². Одна из них называлась «Сафоново» по фамилии местных помещиков-землевладельцев. Впервые она упоминается в писцовых книгах 1571–1572 гг. В разное время совладельцами села Никольское на Буйце являлись кроме Сафоновых А. И. Голицына, В. А. Олсуфьев, П. А. Чебышева, Е. Н. Солеников. Оба села находились на границе Дикого Поля, немного западнее территории, на которой произошла историческая Куликовская битва. В 1972 году два села были объединены в одно село Краснобуйцы.

На 1 января 2014 года в Красных Буйцах проживает 602 человека. Для сравнения в 1895 году в Красных Буйцах и окрестных деревнях числилось более 1600 жителей. Сейчас большинство домов села куплены дачниками. Соседние деревни Семеновка и Гороховка перестали существовать, как «неперспективные»; в Куликовке еще стоит несколько жилых домов.

Но Красные Буйцы сегодня не забыты и не обойдены вниманием исследователей.

С декабря 2013 года историческая 3D модель имения «Красные Буйцы» является доступной для всеобщего просмотра в Интернете³³.

Разработанная модель была представлена крупным знатоком истории русского дворянства, российским историком, тульским краеведом, специалистом по истории провинциального дворянства, кандидатом исторических наук, доктором философии, научным сотрудником Центра исследований России и Восточной Европы при Университете Торонто (Канада), профессором О.Е. Глаголевой, и она вошла в проект «Пространственное представление и трехмерная реконструкция дворянских усадеб средней полосы России периода XVIII – начала XX вв. как средство изучения, сохранения и восстановления памятников истории, природы и культуры». Проект «призван восстановить и сохранить утраченный облик исторических усадеб России XVIII – начала XX вв.».

Если судьба приведет Вас в эти живописные места, поднимитесь на самую высокую точку и оглянитесь назад. Позади Вас останется знаменитое имение Олсуфьевых, которое уже никогда не станет памятником 18 века, а впереди будет храм, которому в 2015 году исполняется 220 лет. Его ждет возрождение, а значит у этой истории есть продолжение....

Комментарии.

В 1987 г. в альманахе ВООПИК «Памятники отечества» (№2) была помещена одна из первых статей об Олсуфьевых под названием «Забытое имя», написанная Г.И. Вздорновым. В 1994 г. в журнале «Наше наследие» были впервые опубликованы под редакцией Г. Вздорнова воспоминания Ю.А. Олсуфьева под названием «Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буецкий дом, каким мы оставили его 5 марта 1917 года». Текст издавался по автографу ОР РГБ и авторизованной копии из частного собрания. В статье о личности и судьбе Ю.А. Олсуфьева редактор касался истории писания воспоминаний (1921–1922 годы), жизни семьи Олсуфьевых в родовой усадьбе с 1878 по 1917 г. Публикация сопровождалась серией видов усадьбы, хранящихся в фондах ГИМ. Отдельным изданием воспоминания вышли в Москве в 2009 году. В дореволюционные годы в Москве были напечатаны работы Олсуфьева: Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. 1663–1907 (М.1909.–30 с.); Материалы к истории рода Олсуфьевых. (М., 1911. 47 с.); Памятники истории Тульской губернии: [Альбом фот.]// Тульское отделение Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. (М.,1912–1914). В 2006 г. в московском издательстве «Паломник» впервые вышел том трудов Олсуфьева «Икона в музейном фонде». В 90-е годы в «Московском журнале» были напечатаны статьи об Олсуфьевых: «Семья Олсуфьевых» С. Голицына (1993, № 1) и «Дом на Вальной и его обитатели» Т.В. Смирновой (1997, №12). Того же периода в истории олсуфьевского имения, что рассматривается в названной выше работе В.Е. Борисова («голицынский» период), касается В.П. Козлов в работе «Три князя Голицына в судьбах епифанского крестьянства Тульской губернии XVIII–XX вв.: от патернализма к реформам». («Исторические записки». Вып.14(132). – М.,2012.– С. 111–151.)

В статье О.Е. Глаголевой и Е.А. Ковач «Опыт пространственной реконструкции исторических усадеб средней полосы России: усадьба Олсуфьевых в Красных Буйцах, дворцово-парковый ансамбль в Богородицке и охотничья резиденция Великого Князя Н.Н. Романова «Першинская охота» Тульской области» особенно подчеркнута значимость работы над реконструкцией усадьбы Олсуфьевых. Перечисленные выше «усадебные комплексы являлись «культурными гнездами», реконструкции которых выявляют своеобразие социально-экономической и культурной жизни в них, визуально демонстрируют разные типы функционирования русских дворянских усадеб XVIII – начала XX веков». Созданные в рамках проекта тульских и тамбовских историков геоинформационные системы и электронные карты представляют размещение помещичьего землевладения в разные временные срезы XVIII – начала XX в. Как подчеркивают авторы, методика создания компьютерного восстановления исторических усадеб России разрабатывалась в ходе реконструкции усадьбы Красные Буйцы. Поэтому главное внимание уделено реконструкции этой усадьбы. Для создания модели усадьбы Красные Буйцы использовано описание усадьбы на момент проживания последних владельцев, изображения графского дома, парка, конного завода, конторы, церкви, школы, приюта, прилежавшего

к усадьбе села. На их основе создана трехмерная компьютерная модель всего усадебного комплекса. Выезды в усадьбу участников проекта, помощь местных жителей позволили уточнить расположение большинства реконструируемых объектов, их размеры и назначение.. В ходе электронной реконструкции усадеб получены новые знания из различных областей функционирования усадебных комплексов, созданы научно достоверные пространственные модели, дающие возможность образно представить существование утраченных усадеб XVIII – начала XX в. как сложных экономических, культурных и природных комплексов, сохранить памятники истории, культуры и природы, хотя бы в виртуальном виде.

Сегодня любой желающий, используя возможности интернета, может совершить экскурсию в одну из самых интересных усадеб Тульской области, которую некогда посещали графы Шереметьевы и Комаровские, графы Толстые и Бобринские, граф Дм. Капнист и Клейнмихель, В.П. Орлов-Денисов и А.А. Гирс, австрийский генерал Э. Клепш, князя Голицыны, Васильчиковы и Глебовы. Бывали здесь и известный мемуарист А. Берс, и Петр Нерадовский – художник-портретист, хранитель Русского музея.

1. Цепков А. И. Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской Епархии. – Рязань, 2004. – С.84
2. Приходы и церкви Тульской епархии. – Тула, 1895. – С.294-295.
3. Дутова В.А. «Село, значит, наше» - Буйцы// Богородицкие вести. – 31 июля. – 2004. – С.3.
4. Олсуфьев Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года// Наше наследие. – 1994. – №29-30. – С.96.
5. Там же. С.97.
6. Олсуфьев Ю.А. Указ. Соч. 2009. – С.157.
7. Метод доступа: www.academia.edu/6268985/ - Google.
8. Олсуфьев Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года// Наше наследие. – 1994. – №31. – С.122.
9. Кусакин С.В. Храмы Куликово Поля: Богородицкий, Воловский, Кимовский, Куркинский, Узловский районы. – Тула, 2014. – С. 47.
10. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 83. – М-Л., 1928-1958. – С. 361.
11. Кузьмина Л.И., Лев Толстой в Петербурге. – Л., 1986. – С.185.
12. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.33. – М-Л., 1928-1958. – С. 295-296.
13. Олсуфьев Ю.А., Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. – М., 2009. – С. 32.
14. Там же. С.32.
15. Клировая ведомость церкви Михаила Архангела с. Красные Буйцы. ГАУ ТО. Ф.3. Оп.17. Д.450. Л.43.
16. Олсуфьев Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года// Наше наследие. – 1994. – №29-30. – С.100.
17. Там же. С.99.
18. Там же. С.96.
19. Там же. С.99
20. Там же. С.96.
21. Там же. С.95.
22. Олсуфьев Ю.А. Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. – М, 2009. – С. 17.
23. Голицын С., Записки уцелевшего. – М.:Орбита,1990. – С.140.
24. Раевский С.П. Пять веков Раевских. – М.: Вагриус, 2005. – С. 123–124.
25. Олсуфьев Ю.А. Из прошлого села Красного, Буйцы тож (Архангельского прихода) и его усадьбы. – М, 2009. – С. 14–15.
26. Там же. С.14–15.
27. Метод доступа: <http://www.kulpole.ru/excursions/directions>
28. Кусакин С.В. Храмы Куликово Поля: Епифань, Монастырщина, Красный Холм, Себино. – Тула, 2010. – С.174–175.
29. Метод доступа: <http://uvekovechit-ramyat-russkih-voinov.html>
30. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. – Тула, 1895. – С. 300.
31. Метод доступа: <http://ru.wikipedia.org/ru/24>
32. Кусакин С. В. Храмы Куликова Поля: Богородицкий, Воловский, Кимовский, Куркинский, Узловский районы. – Тула, 2014. – С.57.
33. Метод доступа: <http://www.hist.msu.ru/usadba3d?q=node/11/>
34. Олсуфьев Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года// Наше наследие. – 1994. – №29–30, №31
35. Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. №12. – Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 385–403.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКА ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА В Г. БОГОРОДИЦКЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Каждый город России, которого коснулась Великая Отечественная война, прошел свой путь возврата к мирной жизни. У Богородицка этот путь связан с историей восстановления дворца.

Восстановление дворца в послевоенное время в маленьком провинциальном Богородицке было нечто большим, чем возвращение памятнику архитектуры последней четверти XVIII столетия первоначального вида. Ренессанс пришелся на 60–80-е гг. XX века. Богородицкая общественность имеет непосредственное отношение к его возрождению. Это было не только восстановление «дворянского гнезда». Возвращение градообразующего объекта непосредственно оказалось связано с самосознанием богородчан, с их позиционированием себя как творцов. Дворец в Богородицке для тех, кто узнает его историю, становится настоящим символом торжества мира над войной. Четверть века он был громким напоминанием о фашистских злодеяниях. Сегодня проблема сохранения и восстановления памятников-жертв войны актуальна как никогда. А потеря богородицкого дворца могла стать трагедией российского масштаба: творений выдающегося архитектора И. Е. Старова осталось не так много, несмотря на то, что он был очень плодовитым автором – 142 проекта за сорок лет творческой деятельности.

Совершим небольшой экскурс в историю, которая показывает, как войны влияли на развитие типичного российского населенного пункта. Причиной возникновения Богородицка стала беспокойная военная обстановка на юго-восточных окраинах государства Российского и последствия Медного бунта (1662 г.). Возникнув в 1663 году как крепость, город со Стрелецкой и Пушкарской слободами получил очень мирное название, которое до сегодняшнего дня является его своеобразным оберегом. Богородицк с принадлежащими к нему селами и деревнями (88 тыс. десятин земли) через сто лет составит «Собственную Ее Императорского Величества Екатерины II» волость. В 1765 г. Екатерина II подписала Указ о награждении этими землями своего сына Алексея Григорьевича будущего графа Бобринского (1762–1813 гг.), отцом которого был гвардеец Измайловского полка Григорий Орлов (1734–1783 гг.). В 1771 г. по её заказу петербургский архитектор И. Е. Старов (1744–1808 гг.) выполнил проект усадьбы в Богородицке. Закладка Богородицкого дворца произошла в мае 1773 г. Так начиналась история одной из самых удивительных усадеб последней четверти XVIII века. Как и двести лет назад, перед взором приезжающих в имение открывается удивительный по своей величественности вид: дворец, как белокрылая птица, парит над запруженной рекой, отражаясь в ее зеркальной глади, и город, планировку которого часто сравнивают с веером. Радиально-лучевой план города был утвержден самой императрицей, «и она так им была довольна, что сравнивала... с сущим цветником»¹. Эту красоту гости могут и сейчас наблюдать со смотровой площадки богородицкого дворца: воображаемые оси разбегаются пятью лучами из центра Овального зала второго этажа, превращаясь на правой стороне пруда в главные улицы города, напоминая кому-то распахнутую ладонь, кому-то веер, а знатокам паркового искусства – цветочный партер. Но если гость оказался в Овальном зале первого этажа, то ему отчетливо становится видно, как центральная улица, деля город на две симметричные части, превращается в центральную аллею парка. Дворец – это неотъемлемая часть архитектурно-планировочной системы г. Богородицка, является географическим центром радиально-лучевой планировки города.

Это и делает богородицкий дворец и его привязанность к планировке города уникальным в череде архитектурных проектов Российской империи. Два гения соединились в одной географической точке. И. Е. Старов создал дворец – первый образчик русского классицизма, а А. Т. Болотов² превратил его в центр города, подчинив ему весь окрестный ландшафт.

В России Иван Егорович Старов учился у архитекторов А. Кокоринова и Жана Батиста Валлен-Деламота. Пять лет во Франции его наставником был Шарль де Вайи, один из самых известных и популярных в Европе архитекторов. Но именно двенадцать месяцев, которые он провел в Риме, сделали из Старова архитектора раннего и строго классицизма. Он научился воспринимать архитектуру как синтез «прочности, полезности и красоты»³ и, наложив эти знания на русскую культуру, создал новый тип дворянской усадьбы, которая отличалась «разумной простотой и благородным величием, органичным сочетанием с природной средой»⁴. Его авторству принадлежат усадьбы Бобринских и Гагариных, Демидовых и Потемкина. Апофеоз деятельности И. Е. Старова – должность главного архитектора «Конторы строений Ее Императорского величества домов и садов» в течение 14 лет и проекты Таврического дворца, Троицкого собора Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, а так же планировок городов Малороссии. Значение творчества И. Е. Старова для русского зодчества невозможно не оценить по достоинству.

Богородицкий дворец – один из первых представителей раннего классицизма в России, не так уж и велик – 25 метров по фасаду без пристроек и 46 метров с пристройками. Влияние барокко еще сказывается в объемно-пространственной композиции сооружения и его внутренней планировке, в характере архитектурной обработки фасадов. Главный дворцовый корпус обращен к пруду, другой – к парадному двору, овальному в плане. Овал был образован и оградой, связующей дворец и флигели (разобраны в 1929 г.). И. Е. Старов нашел возможность сохранения здания канцелярии города, выполненного неизвестным зодчим в середине XVIII века, превратив его в парадный въезд и колокольню для церкви. Он использовал его как вертикаль, акцентирующую въезд на территорию усадьбы. В плане дворца выделен центральный овал, вытянутый по продольной оси всего ансамбля, в то время как овал парадного двора повернут в направлении, перпендикулярном этой оси. Овальный зал выступает за линию фасадных стен, и его наружная стена образует полукруглый выступ во всю высоту здания. Над овальным залом – невысокий бельведер, увенчанный балюстрадой. Несколько позднее именно система овалов ляжет в концепцию организации паркового пространства Павловска. В Богородицке это идея И. Е. Старова впервые в России нашла свое воплощение.

Вся композиция западного фасада с его полуротондой, и полукруглой лестницей, и полукруглыми дерновыми террасами, спускающимися к воде, словно зовут в парк, к зелени, к цветам, и хотя производят впечатление монументальности и приподнятости над всеми усадебными сооружениями и городом, в то же время мягче и лиричнее дворового фасада. Дворовый фасад трактован более строго и официально. Здесь акцентирующим центром фасада является портик с римско-дорическими колоннами, завершенный балконом, по широкому пологому пандусу которого свободно въезжали экипажи. Сочетание колоннады с гладкой поверхностью стен и сильной светотенью, создаваемой балконом, придают пластическую живописность фасадам дворца, которая усиливается благодаря ризалитам. Знатоки классического искусства обязательно почувствуют итальянский дух, гуляя по дворцу и его окрестностям. Достойным обрамлением архитектурной «жемчужины» является парк – один из первых пейзажных парков в России, созданный первым русским ландшафтным архитектором А. Т. Болотовым.

Богородицкая усадьба стала родовым гнездом четырех поколений графского рода Бобринских. До Октябрьской революции для них это был дом, который радовал гостей своим убранством, живописными коллекциями работ Г. Робера, В. Д. Поленова, итальянской и голландской мебелью XVII века, акварелями А. Т. Болотова и миниатюрами Зичи, богатой коллекцией саксонского фарфора⁵. Дворец в свое время встречал последнего крымского хана Шагин-Гирея, Тульского наместника Кречетникова М.Н. и всех тульских губернаторов, будущего императора Александра II и Великую

княгиню Елену Павловну⁶ (1806–1873), поэта В. Жуковского и писателя Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой неоднократно посещал Бобринских и Богородицкое имение описал в романе «Анна Каренина» как усадьбу Алексея Вронского Воздвиженское⁷. Это был «золотой век» усадьбы, чей мир косвенно был нарушен только однажды – войной 1812 года. И уничтожен он был полностью тоже войной – Первой мировой.

1 января 1918 г. дворец был национализирован и 3 октября дом отошел Богородицкому сахарному заводу. Дворец был объявлен историческим памятником декретом Совнаркома от 10 октября 1918 г. и его передали в ведение отдела народного образования⁸. 29 октября 1918 г. произошла передача усадьбы со всеми постройками, в акте, которого значилось следующее описание дворца: «кирпичное здание Екатерининских времен, крытое железом, состоящее из парадных комнат, расположенных в два этажа, с центральной круглой залой и из жилых комнат, расположенных в три этажа, с парадным крытым подъездом на кирпичных столбах... Под всем дворцом имеется еще полуподвальный этаж, в котором расположены три кухни, прачечная и подвалы для заготавливаемых на зиму продуктов. Отопление зданий центральное – нагретым воздухом. В настоящее время для обогрева некоторых комнат устроено четыре утермарковских⁹ печи¹⁰».

21 февраля 1919 г. большое и весьма неплохо обустроенное здание, как видно из описания, передали уездному отделу образования, но через полгода, когда подступали войска Деникина и Мамонтова к центру России, его уступили 64-му отдельному стрелковому батальону войск внутренней охраны¹¹. Череда относительно спокойных периодов и активного использования не по назначению привело к тому, что к 1921 году «дворец был совершенно свободен, но в силу частых переходов от одного учреждения к другому пришел в состояние, при котором без солидного ремонта использовать нельзя»¹².

На заседании президиума Богородицкого уисполкома 26 февраля 1921 года был поставлен вопрос о более рациональном использовании дворца. Заседатели отметили «огромную историческую ценность дворца» как «культурно-просветительного центра»¹³. В ходатайстве Богородицкого уисполкома в Тульский губисполком была дана характеристика состояния усадьбы на тот момент: «Совершенно погиб питомник, один из лучших во всей Тульской губернии. Ценные деревья порубались... Сажелки и пруды загрязнены, высыпанные камушками дорожки, мостки через сажелки и пруды изуродованы и поломаны. Езда зимой и летом посторонних лиц была обыкновенным явлением, проезжающие мимоходом рубили и ломали на скорую руку, что понравится, в некоторых местах ворота отсутствуют совсем, все заградные канавы, изгородь снесены, парк стал доступен всякому животному»¹⁴.

Гражданская война закончилась, но мир на территории усадьбы так и не наступил. В течение 1926–1929 гг. служебные корпуса (флигели по площади в четыре раза больше дворца) и колокольня разбирались на кирпич. В 1934-м г. закрылась усадебная церковь, за одну ночь из нее вывезли иконостас, в росписи которого принимал участие А. Т. Болотов. Часть икон, особенно большого размера, пошла на сооружение мостков у городского пруда и сараев местных безбожников.

Процесс увядания и разрухи был ненадолго остановлен организацией во дворце санатория «Красный шахтер». Ее возглавил И. П. Белкин (1874–1934) – врач, известный революционер и «санитарный диктатор» Тульской области в 20-х годах XX века. Во дворце воцарился мир на целых семь лет. В июле 1941 г. санаторий, который к тому времени имел очень высокий профессиональный уровень персонала и современную материально-техническую базу, преобразовали в госпиталь № 1069, который был в начале октября срочно эвакуирован в г. Бузулук Оренбургской области. С 11 октября 1941 года Богородицк уже систематически подвергается налетам вражеской авиации¹⁵. 15 ноября началось массированное наступление на Москву гитлеровской армии. 15 ноября 1 с юго-восточной стороны на город Богородицк надвигался 47-й мотострелковый корпус 53-го армейского корпуса генерала К. Вайзенберга, в состав которого входили 112-я и 167-я пехотные дивизии Второй танковой армии Г. Гудериана.

41-я кавалерийская дивизия, входившая в состав 50-й армии под командованием П. М. Давыдова, обороняла город. Она была вымотана полностью, потому что, несмотря на название, атаковала в пешем строю, была полностью потеряна связь со штабом армии. 14–17 ноября 1941 г. рай-

он полностью оккупировали гитлеровцы. Город превратили в одну из баз армии Гудериана, в нем сосредоточили большие запасы горючего, продовольствия и вещевого имущества¹⁶. Гарнизон расквартировали во дворце и домах местных жителей. У дворца фашисты разместили свой командный пункт. Начались грабежи и поджоги, угоняли скот и лошадей, отнимали у людей последний кусок хлеба. Оккупация города длилась тридцать дней. За месяц в районе 31 человек был расстрелян, семеро повешены, трое сожжены, разорены села и деревни, выведены из строя все шахты и сожжены или разрушены шахтерские поселки.

В ночь на 12 декабря 1941 г. готовящиеся к отступлению из Богородицка гитлеровцы взорвали и подожгли дворец. Казанская церковь, которая являлась частью усадебного комплекса, была не тронута вражеской рукой. В ходе Московской битвы части 10-й армии под командованием Ф. И. Голикова 14–15 декабря освободили Богородицк¹⁷.

Писатель К. Симонов, в то время военный корреспондент «Красной звезды», так описывает события того дня: «Был сильный ветер. Все вокруг заметало снегом. Сквозь снег уже недалеко виднелось зарево. Это горел Богородицк. Слева и справа по всему горизонту было видно еще несколько зарев, не таких больших. Немцы, уходя, сжигали вокруг все, что успевали сжечь»¹⁸. Город был уничтожен на 70%. Участник освобождения, солдат Жданов Алексей Павлович оставил свои воспоминания о разоренном Богородицке: «Мирный, преимущественно деревянный городок в летнее время, вероятно утопавший в зелени садов и парков подвергся варварскому уничтожению. Сожжена вся центральная часть города. На западной окраине взорваны каменные двухэтажные дома... Мое внимание привлек довольно большой парк. В нем я тоже увидел развалины какого-то очень красивого здания, как можно судить по разметанным взрывам останкам стен и потолков с художественной росписью...»¹⁹.

15 июня 1942 г. комиссия с участием представителей Академии архитектуры СССР А. С. Фуфаева²⁰ и В. И. Гридина и во главе с председателем исполкома Богородицкого горсовета В. Е. Каденко обследовала здание дворца. На тот момент цокольный этаж использовался на 75% площади под столовую; все этажи и бельведер разрушены. Стены (наружные) от цоколя до карниза в конструктивном отношении не были повреждены, а также своды помещений цокольного, первых, вторых этажей и боковых пристроек практически остались целыми. «Межэтажные и чердачные перекрытия сожжены полностью. Стропила и кровля отсутствуют. Полы второго этажа завалены строительным мусором. Двери и окна в помещении (кроме занятых под столовую) отсутствуют. Лестница внутри здания не сохранилась. Наружная штукатурка повреждена на 50%. Внутренняя штукатурка требует полного восстановления. Отопление, водопровод, канализация и прочее внутреннее оборудование полностью разрушено»²¹, – читаем в отчете комиссии. В данном документе особо было выделено значение восстановления такого выдающегося памятника как парк. Его советуют привести в первоначальный вид и использовать как здравницу для трудящихся²². Именно на основании этого в академическом издании 1956 года «История русской архитектуры» и появилась строка: «Дворец в Богородицке существовал до 1941 года»²³.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. архитектурный комплекс усадьбы Бобринских отнесли к памятникам республиканского значения. Несмотря на это, в середине 1960-х годов местные власти решили снести разрушающиеся «графские развалины». К июлю 1967 г. кладка внутренних стен первого этажа была утрачена уже на 15%, второго на 85%, третьего на 90%, бельведера на 70%, кладка наружных стен – на 15–20%. Разрушения второго этажа были очень велики. Остатки стен были скрыты под 3-х метровыми завалами. Северная стена входного коридора была утрачена при позднейших переделках, южная – в 1941 г. Два раза вызывали минёров, чтобы окончательно уничтожить неприглядные руины. Богородчане как могли, отстаивали то, что осталось от дворца.

Поворотной точкой стала статья местного художника Петра Андреевича Кобякова²⁴ «Тревожный сигнал», опубликованная 5 августа 1965 г. в газете «Советская культура». Она направила ход событий в иное русло: началась реставрация после двадцати трех лет разрухи. Для П. А. Кобякова это стало полем битвы. Он каждый день разбирал завалы вместе с добровольцами, следил, чтобы

кирпичи не растаскивали и очень переживал, когда это происходило. Он внимательно относился к каждому обломку, понимая, что это часть карниза или внешней отделки, по которым потом будут делать недостающие элементы. Не все понимали такую щепетильность.

Восстановительный процесс дворца условно можно разбить на несколько этапов. Первый: с 1965 г. по 1968 г. велась работа по разбору завалов и восстановлению кладки. Возведения здания стремились закончить к знаковой дате – 50-летию Великой Октябрьской революции. Второй: с 1968 г. по 1974 г. проводилась внешняя и внутренняя отделка здания. Третий: с 1975 г. по 1980 г. – функционирование в здании дворца филиала Областного художественного музея, который вел активную выставочную и просветительскую работу. Четвертый: с 1980 г. по 1986 г. активно ведутся научно-исследовательские, изыскательские работы по подготовке проекта реставрации дворца. Пятый этап с 1986 г. по 1988 г. – реставрационные и экспозиционные работы. Открытие дворца-музея состоялось 16 октября 1988 года.

С августа 1965 г. и по апрель 1968 г. начался подготовительный и самый трудный по своей сложности период, который в основном включал разбор руин. В 1966 году выделили 100 тысяч рублей на консервационные работы. Завалы разбирают учащиеся городских школ, они составили 80%. На субботники регулярно выходят работники треста «Калининуголь», библиотек, отдела кинофикации, жители рабочего поселка «Строитель». В фондах Богородицкого дворца-музея хранится рукописный документ «Книга восстановления здания дворца архитектора И. Е. Старова», который вел П. А. Кобяков в 1966–1968 годах. В ней не только отражены виды работ (например, «разбивали железобетонные перекрытия (упавшие) кувалдой и ломом»²⁵), время (чаще всего работали с 8.00 ч. до 13.00 ч. или с 14.00 ч. до вечера), но и приведены полные списки участников субботников и воскресников за этот период. Только за 1967 год на разборке и очистке завалов побывало больше одной тысячи человек, самому младшему из которых было всего пять лет.

Разрушившиеся части здания образовали завалы объемом около 2 тыс. куб. м. Основную часть битого кирпича вынесла общественность с июля 1967 по апрель 1968 года²⁶. Восстанавливаемый объем здания исчислялся в 8,5 тыс. куб. м. Консервационные и восстановительные работы шли параллельно.

В 1965 году Богородицкий дворец впервые увидел московский историк и знаток русской архитектуры Леонард Владиславович Тыдман²⁷. Ему принадлежит главная заслуга в возрождении этого памятника русского классицизма, именно он выполнил проект консервационно-восстановительных работ и десять лет был их научным руководителем. Через год под его руководством были восстановлены перекрытия, кровля и закрыты оконные проёмы. Л.В.Тыдман так вспоминал о качестве восстановительных работ: «Каменная кладка в смысле прочности превосходит первоначальную. В отношении художественной стороны – расшивка швов, построение кривых разгрузочных арок – на уровне первоначальной»²⁸. При восстановлении использовался стандартный кирпич преимущественно Новомосковского завода. Кирпич и половняк²⁹ из разборок завалов первого и второго этажей употреблялся в кладку, применялась и смешанная техника: новый кирпич для лицевой кладки, а старый – для внутренней.

С 1 июля 1967г. работы вела бригада строителей комбината коммунальных предприятий во главе с прорабом Семеном Александровичем Потаповым (1899–1983 гг.), заслуженный строитель РСФСР, бывший управляющий трестом «Калининуголь». В момент постройки все помещения первого этажа были перекрыты сводами, пристройки также имели сводчатые перекрытия. К началу восстановления ни одного помещения, не затронутого разрушением, не было. Работы по восстановлению опор приходилось вести на корточках или согнувшись.

В конце 1960-х гг. начались первые восстановительные работы в знаменитом болотовском парке, которые по приглашению Л.В.Тыдмана возглавил известный ландшафтный архитектор М. П. Коржев³⁰.

Но не все шло гладко. За видимыми мирными строительными процессами назревала серьезная борьба интересов местной власти с профессионализмом московских специалистов. Когда над прудом поднялся восстановленный дворец, а за ним заняла свое историческое место колокольня, некоторые работники Богородицкого горисполкома решили, что главное уже сделано и дальше

можно обойтись своими силами. Л. В. Тьдман давно раздражал местных строителей бесконечными нареканиями к качеству работы. Не меньшее раздражение вызывал М. П. Коржев, продолжавший искать в земле остатки фундаментов болотовских «парковых затей», беседок и плотины.

Одновременно с восстановлением происходило комплектование музейных фондов, начавшееся еще в 1964 г. при организации народного краеведческого музея. Местные власти не представляли, как использовать дворец. Предлагалось и возвращение санатория, и размещение краеведческого музея, что, как считал Л. В. Тьдман, «убьет» целостное восприятие дворца. Поэтому он договорился с директором Тульского художественного музея С. Ф. Нечаевой об открытии в Богородицке филиала, посвящённого искусству дворцового интерьера XVIII века. Филиал просуществовал с 1975 по 1980 годы. Но именно эти пять лет помогли самоопределиться не только музею, но и местному сообществу: интерьеры должны соответствовать экстерьеру здания.

В середине 1970-х годов Л. В. Тьдман был вынужден оставить Богородицк. Без научного руководства и авторского надзора реставрация зашла в тупик. Благодаря настойчивости председателя горисполкома В. В. Третьюхина (1929–1997гг). 18 июля 1984 года Совет Министров РСФСР принял Постановление «О мерах по сохранению природного и дворцово-паркового ансамбля и развитию городского хозяйства города Богородицка». В течение 1985–1988 гг. Министерству культуры РСФСР было поручено разработать проектно-сметную документацию и осуществить реставрацию памятников архитектуры дворцово-паркового ансамбля в Богородицке. Еще в 1982 г. были выполнены натурные и археологические исследования, составлена историческая записка и подготовлен рабочий проект реставрации под руководством архитектора В. А. Резвина³¹. Архитектурно-реставрационная мастерская №7 института «Спецпроектреставрация» подготовила научно-проектную документацию реставрации дворца (главный архитектор Е. В. Журин), вела работы Тульская реставрационная производственная мастерская. 16 октября 1988 г. в нем открылся дворец-музей, в основу которого легли восстановленные парадные интерьеры конца XVIII – начала XIX в., т. е. эпохи раннего классицизма. В создании проекта экспозиции участвовали консультант Министерства культуры РСФСР И. Е. Коварская (1915–1996 гг.) и художники Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства во главе с А. И. Прудником.

В 1978 г. свет увидела небольшая повесть, написанная московским писателем и поэтом В. Я. Лазаревым³² «Возрождение в Богородицке». Речь в ней, конечно, идет о восстановительных работах дворцового ансамбля, но это не главная идея книги. Всё произведение пронизано поисками духовного смысла жизни, которое познают главные герои через подвижнический труд, через страх и боль утрат. Главный герой книги – дворец, который как лакмусовая бумажка показал, кто и на что был способен. Автор сравнивает его с болевой точкой. Дворец до сегодняшнего дня остается ею. Основная реставрация закончена и посетителей принимает музей больше, чем проживает в городе населения, а все равно у каждого богородчанина болит душа как за большого ребенка – вроде вырос, а все равно волнует его судьба. Причина этого – память поколений, каждое из которых оставило свой след в восстановлении «богородицкой жемчужины».

«И вот еще что. Мы уже привыкли к тому, что век, в котором нам выпало жить, называют не иначе, как веком скоростей, стремительным веком. И все мы тоже спешим, не успеваем и спешим. А не хотите ли медленного движения? Не хотите ли путешествия в обратную сторону во времени? Ведь без этого тоже нет полноты жизни. Как и многие другие, я, городской житель, болел давним желанием постоянно вглядываться в лица людей и предметов. Жажда медленного движения нынче мучает нас. Остановить мгновение нельзя, но продлить его можно»³³, – писал В. Я. Лазарев под впечатлением от Богородицкого дворца.

Дворец и по сей день играет особую роль в архитектурном облике Богородицка. Несмотря на прошедшие два с лишним столетия, здание по-прежнему остается композиционным центром планировки города, привязывая к себе пятилучевую систему его основных улиц.

1. Болотов А. Т. Жизнь и приключения А.Т. Болотова описанные самим им и для своих потомков. СПб., 1872. Т.3. С. 778.
2. Болотов Андрей Тимофеевич – ученый –энциклопедист, управляющий «Её Императорского Величества Екатерины II» Богородицким именован с ноября 1776 по март 1797 года.
3. Цит. по: Воронов В. Г. Иван Старов – главный архитектор эпохи Екатерины Великой. СПб, 2008. С. 111.
4. Воронов В. Г. Иван Старов – главный архитектор ... С. 178–179.
5. Врангель Н. Н. Помещицья Россия // Старые годы. 1910. №7–9. С. 68.
6. Русская великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича благотворительница, государственный и общественный деятель.
7. Жерздева М. В. Лев Николаевич Толстой и графы Бобринские. Тула: Свамия, 2012. С.1.
8. Известие. – 1918. – № 220. – С. 2.
9. утермарковская печь - трехоборотная, обшитая железом кирпичная печь в виде высокого вертикального цилиндра. В России – с 1820-х гг.
10. ГАТО. Ф. Р. 623. Оп.1. Д.3. Л. 217.
11. ГАТО. Ф. Р. 326. Оп 1. Д. 3878. Л. 13.
12. ГАТО. Ф. Р. 326. Оп 1. Д. 3878. Л. 14.
13. ГАТО. Ф. Р. 616. Оп 1. Д. 393. Л. 4.
14. ГАТО. Ф. Р. 616. Оп 1. Д. 393. Л. 4 об.
15. Архив БДМ. Дневник 1-го секретаря Товарковского РК ВКП(б) Василия Родионовича Ребрикова (копия).1941.
16. Радаев Н. В. От Чебоксар до Кенигсберга. Воспоминания бывшего комиссара 1093-го с. п. 324-й с.д. Радаева Н. В.[сайт] //сост. и ред. А. Бабин. URL: <http://www.bogoroditsk.ru/articles/index.php?t=1&art=153> (дата обращения 15.03. 2015)
17. Голиков Ф. И. В Московской битве. М.: «Наука», 1967. С.177.
18. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя — М.: Художественная литература, 1982. [сайт]//Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/db/simonov_km/index.html (дата обращения 02.03 2015).
19. Архив БДМ. Воспоминания Жданова А.П. об освобождении г. Богородицка от немецко-фашистских захватчиков.1976. С. 3.
20. Фуфаев А. С.– известный архитектор - конструктивист, один из авторов монографии «Архитектурные памятники Москвы XV–XVII вв.», входил в рабочую группу комиссии. Председателем комиссии Академии архитектуры СССР по охране и восстановлению архитектурных памятников был член-корреспондент Академии архитектуры СССР Д. П. Сухов.
21. Памятники зодчества, разрушенные немецкими захватчиками: Документы и материалы. М.: Государственное архитектурное издание Академии архитектуры СССР, 1942. С. 24.
22. Памятники зодчества, разрушенные немецкими захватчиками...С. 25.
23. Брунов Н. И., Власюк А.И., Каплун А.И. История русской архитектуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуры, 1956. С.401.
24. П. А. Кобяков – художник, член Союза Художников РСФСР, инициатор восстановления дворца и создания в Богородицке детской художественной школы, которая с 1999 года носит его имя.
25. Архив БДМ. Книга П. А. Кобякова восстановления здания дворца архитектора И.Е. Старова (рукопись). 1968 г.
26. Архив БДМ. Книга восстановления здания дворца архитектора И.Е. Старова... С. 45.
27. Тьдман Л. В. (1928 г.р.)- кандидат искусствоведения, историк искусства, реставратор, автор книги «Изба. Дом. Дворец. Жилой интерьер в России с 1700 по 1840–е годы».
28. Архив БДМ. Воспоминания Тьдмана Л. В. 2010.
29. половняк – кирпич, разбитый на две и более части.
30. Коржев Михаил Петрович (1897–1986) – архитектор советского авангарда, основоположник советской ландшафтной архитектуры, ученик А.В. Щусева, автор проектов «Измайловский парк», «Лефортовский парк».
31. Резвин В. А. (1930 г. р.) – архитектор, реставратор, автор книги «Архитектура и власть». (2013г.)
32. Владимир Яковлевич Лазарев (1936 г.р.) - поэт, прозаик, публицист, историк культуры, автор многих книг, написанных в разных жанрах. Автор текстов эстрадных песен, в том числе автор слов марша «Прощание славянки». Живет в Калифорнии. Член Союза писателей СССР (1963).
33. Лазарев В.Я. Сокровенная жизнь: повести. М.: Современник, 1978. С. 145.

«УПРАВИТЕЛЬСКАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Т. БОЛОТОВА ИЛИ ПРИМЕР ИДЕАЛЬНОГО УСАДЕБНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

*«Сущностью его жизни был вечный
поиск, неутомимая сподвижническая дея-
тельность на благо Отечества»*

Н. И. Новиков

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833 г.) – «русский Леонардо да Винчи» – оставил свой след в двадцати восьми областях деятельности, написал 350 томов научных, литературных и религиозно-философских произведений, опубликовал около четырех тысяч научных работ... и превратил Богородицк – «ни село, ни город, а некакой междоумок между ими» – в «чудо здешнего края».

В Богородицкой усадьбе он провел в должности управляющего имением Екатерины II двадцать лет. Это был самый плодотворный период жизни Андрея Тимофеевича, или, как он сам его охарактеризовал, «наилучшим и знаменитейшим». Но стоит напомнить, что карьеру управляющего Андрей Тимофеевич начал чуть раньше, в 1773 году он получает предложение стать управляющим некоторых земель, принадлежащих Екатерине II. Не без колебания Андрей Тимофеевич принимает это предложение и в 1774 году становится управляющим небольшого дворцового имения в селе Киясовке Московской губернии. За два года он приводит в порядок существующие здесь два парка и разбивает новый небольшой парк; занимается врачеванием.

Приняв предложение стать управляющим Богородицкой собственной Её Императорского Величества волостью с «казенным» содержанием в 600 рублей (примерно 125 тыс р. в месяц в современном эквиваленте – прим. О. П.), 38-летний А. Т. Болотов приехал Богородицк 27 ноября 1776 г. с женой Александрой Михайловной, тещей Марией Абрамовной Кавериной, четырьмя детьми и дворовой челядью.

«Должность управительская была сопряжена с бесчисленными трудами и заботами» : в его повиновении сёла и деревни с двадцатью тысячами душ, заботы по обустройству и ведению хозяйства в имении, «проектирование» нового Богородицка, устройство вокруг новых сёл и деревень (он увековечил свое имя на карте Богородицкого уезда, назвав одну из деревень Болотовкой – прим. О. П.), отправка хлеба и денег в Москву, разъезды по волости, рекрутские наборы... Но по воскресеньям приходит почта и привозит управляющему российские, немецкие и французские газеты, а также множество книг. Его библиотека в Богородицке насчитывала собрание книг в три тысячи томов. Потрясающая работоспособность, пылкий ум и тяга к новым знаниям не давали Андрею Тимофеевичу пребывать в спокойствии и умиротворении.

«День не без диковинки» – любимая его поговорка. В свободное от управительских обязанностей время он упражняется в рисовании, читает до 220 книг в год, переводит, творит очередной агрономический опыт и очень много пишет: о лесопользовании, роли удобренных, значении озимой вспашки и прочее. Продолжая сотрудничать с Вольным Экономическим Обществом, в богородицкий период А. Т. Болотов публикует там восемь статей, в том числе «Исследование богородицкой синей глины» и «Некоторые замечания о замосковских ближних местах», содержащие сведения «о состоянии лесов, вод, полей и лугов Богородицкой волости». Постепенно его слава агронома выйдет за пределы Российской империи, и в 1794 г. А. Т. Болотов будет избран почётным членом Королевско-Саксонского Лейпцигского экономического общества. В это же время он сотрудничает с журналом «Приятное и полезное препровождение времени».

Стихи и музыка, театр и пейзажный парк, зрелищем которого можно было впервые наслаждаться воочию, дельные рекомендации по ведению усадебного хозяйства, даваемые просвещенным хозяином, – все это делало дом А. Т. Болотова своеобразным культурным центром, куда съезжались со всей округи. Несмотря на то, что сорок лет своей жизни Андрей Тимофеевич отдал своему родному имению Дворяниново, в том числе и как грамотный управитель, «богородицкий период» навсегда останется «золотым веком» в его биографии.

Энциклопедичность знаний – на процветание усадебного хозяйства!

В основе благополучного существования любой усадьбы лежит ее успешная экономическая составляющая. Это особенно хорошо понимал Андрей Тимофеевич, поскольку был, прежде всего, практиком. Возможно, поэтому он стал основоположником систем земледелия, отвечающих требованиям экологии, обосновав семипольную систему обработки земли. С тревогой он наблюдал за истощением и деградацией почв и написал об этом раньше, чем на процесс обратили внимание в Европе. В работе «Об улучшении лугов» он отмечал, что с истощением почвы меняется и характер растительности на ней, что звучало как предупреждение хорошему хозяину. Он первым предложил специально выращивать травы, в частности, сеять клевер на истощенной почве, разработал метод истребления сорняков, собрал обширный гербарий дикорастущей флоры с классификацией по К. Линнею, обобщил сведения по лекарственным растениям и многое-многое другое.

А. Т. Болотов высказал новаторские взгляды в области агрохимии по поводу удобрения полей и питания растений. Он рекомендовал разнообразные способы удобрения пашни: запускание земель в перелог, удобрение прудовым илом, тиной, «болотными кочками», золою, известью, «гниеным древесным листом». Главным видом удобрения Андрей Тимофеевич считал навоз.

Садовые работы позволили А. Т. Болотову предложить первую в России схему организации плодоводства. В серии статей, опубликованной в 1779–1781 годах, он представил подробное – в деталях и по сезонам – описание шагов по устройству плодового сада с питомником. Он предлагал «весь свой завод разделить на шесть отделений». Любимой садовой культурой Болотова была яблоня; с ней он экспериментировал не один десяток лет, и ему удалось вывести три сорта яблок. Именно доход от садов у него составлял около 3 тысяч рублей в год (сравните с приведенной в начале статьи цифрой его годового жалования, которое он получал на государственной службе).

Кроме того, Андрей Тимофеевич – первый физиотерапевт (в Богородицке лечил электрической машиной около двух тысяч человек в год), основал фенологию и первый детский драматический театр в России (1779–1781). Театр, где играли дети в возрасте от 9 до 16 лет, просуществовал почти два года. За это время были поставлены 12 пьес и осуществлены 44 их постановки. Театр Болотова не был модной затеей того времени. Это было «средство воспитания души». Для своего театра А. Т. Болотов написал три нравоучительные пьесы. Одна из них, «Несчастные сироты», была опубликована в сборнике «Российский феатр». Это первая в Российской империи пьеса, написанная специально для детей.

В 1784 году свет увидел его философский трактат «Путеводитель к истинному человеческому счастью или опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах приобретения оного». Андрею Тимофеевичу в это время было 46 лет, но он уже знал секрет счастья. Этот секрет довольно прост, и ему он следовал всю свою жизнь: служить двум ипостасям – Богу и Отечеству.

Но вернемся к А. Т. Болотову, как хозяйственнику. Каков же главный мотив, заставлявший Андрея Тимофеевича наблюдать, сажать и экспериментировать? В отношении садов и парков ему не чужды были привычки богатых вельмож. «С каким неописанным удовольствием провождал я многие часы и целые дни в садах своих, и сколь разнообразные и всегда меня занимающие приятные упражнения находил я для себя в оных!», – пишет он в своих мемуарах. Но, с другой стороны, он не праздный помещик. Он стремился рационализировать усадебное хозяйство, «не хотя вести домоводство своего так слепо и с таким небрежением, как ведут его многие, а желая основать оное

колько можно порядочнее и лучше». Истоки болотовских занятий агрономией, несомненно, лежат в сословных традициях, заставлявших дворян «бежать от скуки» в свои зеленые «парадизы». В этом отношении А. Т. Болотов – наследник аристократической линии «культы» садов (сад – здесь синоним «дворянского гнезда» - прим. О. П.). Однако феномен Болотова состоит в том, что он перешагнул за «поэзию садов», – проявилась незаурядная личность первопроходца, осознавшего важность науки в совершенствовании сельского хозяйства и потому занявшегося агрономией на опытном участке с пером в руке.

Размышляя о своих ученых занятиях, А. Т. Болотов делает важное признание о предполагаемом жизненном предназначении: «Я власно как предчувствуя, что судьба предназначила меня быть современем знаменитым экономическим писателем, и что мне доведется писать много и обо многом, начал не только входить во все части сельской экономии с наивозможнейшим вниманием и прилежностью, и для удовлетворения себя во всем предпринимать многообразные опыты, но и все узнаваемое и примечаемое записывать для себя в особую книжку». «Экономическое писательство» превратило Андрея Тимофеевича в известного экономиста своего времени.

А начало этому положила статья, которую А. Т. Болотов опубликовал в «Трудах Вольного экономического общества» в 1770 году, «Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина». В ней Болотов написал портрет руководителя, перечисленные качества которого и сегодня востребованы как никогда: «...управитель (т. е. менеджер на современном языке – прим. О. П.) иметь должен все потребные к тому качества, а именно: во-первых иметь довольный разум, ... во вторых быть честного и постоянного жития и поведения, и иметь все нужные добродетели... Сии суть наиглавнейшие и необходимейшие его качества, прочие истекают по большей части из оных, и состоят в том, чтобы приказчик (менеджер – прим. О. П.) был осторожной, разсмотрительной, богобоязливой, правдивой, чистосердечной, незлостной, не лукавой и не горячего и беспутного нрава человек, также не заражен был склонностью к мотовству, воровству, пьянству, непотребству, лихоимству и другим подобным порокам». «Наказ...» был составлен на основании личного опыта выведения имения, выражаясь современным языком, из кризисного состояния. Кстати, Андрей Тимофеевич моральные качества организатора ставил на первое место, и только затем – знания. По форме «Наказ...» – это руководство по рачительному ведению дел в поместье, а по сути – экономическая энциклопедия сельского хозяйства.

Андрей Тимофеевич Болотов – один из самых ярких примеров, как любительство и просвещенный дилетантизм в агрономической науке доросли в этом человеке, не имевшего специального образования, до высокого профессионализма. За А. Т. Болотовым прочно закрепилось имя «основателя русской агрономии» и сельскохозяйственной экономики.

Русские пейзажные парки - национальная идея последней четверти XVIII века

*«...Сад без грядок – французский парк, а не русский сад,
в котором непременно соединяются всегда приятное
с полезным и красивое с некрасивым»*

Андрей Тимофеевич Болотов являет нам пример идеального владельца среднестатистического русского поместья нового типа, которое подразумевает под собой правильно спланированное хозяйство, с домом и надворными постройками в стиле классицизма. В такой усадьбе можно провести всю жизнь, жизнь гармоничную, полноценную и очень разностороннюю – доказывал сам себе, в первую очередь, богородицкий управитель. А вот главным украшением и неотъемлемой составляющей этой предъявленной нам модели жизни А. Т. Болотова был парк, причем не абстрактный, а конкретный. Он отвел «важнейшему и многодельнейшему труду во все мое пребывание в Богородицке» – парку – особое место. И это не случайно.

В своей автобиографии Болотов говорит, что на произведенные им преобразования в естественном стиле его подвигли четыре тома книги К. Гиршвельда «Теория садового искусства». Эти тома вышли на немецком и французском языках в период 1779–1783 гг. и полностью перевернули

представления нашего «сельского жителя»: «До этого я был при-вержен системе Ленотра и любил регулярные сады, а теперь наоборот, я совершенно равнодушен к ним, но приобрел пристрастия к садам в новом стиле, называемом нерегулярным, естественным, так как было бы грешно называть их английскими. И господин Хиршфельд так поразил меня своим стилем, что я мечтаю увидеть сад, заложенный в соответствии с этими принципами».

Андрей Тимофеевич далеко не первый в России обратил свой взор на пейзажные сады, но именно он превратил их в национальную идею. И обоснование этому вполне объяснимое. Любой дворянин средней руки в то время мог изречь: «Человек я не слишком достаточ-ный (обеспеченный – прим. П.О.), куда мне водиться с регулярными садами...». А много ли тогда в России было помещиков, способных потратить огромные суммы на парковые затеи?! А строить сады было надо, того требовал образ жизни, этикет, если хотите! «Все, что происходило [...] в Царском Селе, Гатчине, Павловске, других царских резиденциях, тут же по-своему отзывалось в десятках и сотнях дворянских поместий, находящихся иногда за тысячу верст от столицы».

Бросая взгляд в прошлое, искусствовед барон Н.Н. Врангель писал: «Любовь к земле, к саду, к деревьям – ко всей природе – была всегда сильна у русского человека. Ленивые помещики никогда не ленились, когда дело доходило до садов, и все приказания, сохранив-шиеся в «домовых конторах», показывают, как Румянцевы, Разумовские, Шереметевы и даже бездушный Аракчеев любили, холили, берегли природу и заботились о своих садах». Так что и во времена Болотова вопрос был злободневным. Болотов видел, что парковые стили, заимствованные у Европы, далеки от русской помещичьей усадьбы. К этому выводу он пришел на основании собственного неудачного опыта: «Совещался я с одними только кни-гами, и книгами, не нашими, а иностранными, писанными не на наш климат и по не нашим обстоятельствам, и потому могущими, скорее всего, заводить нас в лабиринты погрешностей и ошибок...».

Он разработал собственную оригинальную систему взглядов на строительство «натураль-ных» парков России, которые понятны и доступны по средствам владельцам усадеб средней руки. В многочисленных статьях, публиковавшихся в журнале «Экономический магазин» в 1780-х годах, не только были освещены общие теоретические вопросы садоводства, но и давались детальные практические рекомендации. Тем самым Болотов способствовал продвижению передовых методов строительства садов и парков в самые удаленные от столичных городов провинции. В книге А.П. Вегрунова и В.А. Горохова «Вертоград» глава под названием «Российские сады Андрея Болотова. Эксперимент в Богородицке» представляет собой на сегодняшний день самый глубокий и детальный анализ садово-парковой деятельности «тульского энциклопедиста». Авторы привели постулаты А.Т. Болотова в стройную систему, в основу которой легли идеи самобытности и «натуральности».

Многие теоретические положения Болотова были осмыслены и сформулированы им в творческом общении с Н. Львовым, а также такими деятелями, как академик П.С. Паллас, известный знаток Н.П. Осипов, готовивший в то время свой труд «Новой и совершенной русской садов-ник, или Подробное наставление Российским садовникам и наипаче любите-лям садоводства».

Несомненной заслугой Андрея Тимофеевича было привлечение внимания к проблеме создания такого типа парка, который соответствовал не только природным условиям, но и культурным и бытовым традициям России. Это не значит, что западные примеры парков не подходят русскому поместью, ему вредит слепое копирование и непродуманное подражание. Выход: ориентироваться на «их лучшие и более с обстоятельствами нашими сообразные вещи». Андрей Тимофеевич для многих открыл тот факт, что существуют русские парки, которые «природою и искусственными украшениями не уступают ни английским, ни фран-цузским, ни итальянским».

А. Т. Болотов и русское «искусство сада»

Русский парк – это сочетания рукотворной естественности и практичности.

В статье «Некоторые замечания о садах в России» Болотов высказал ряд актуальных для того времени суждений по поводу развития русского садового искусства. Он отмечает широкую распространенность садов в старинных усадьбах, от которых сохранились лишь остатки в виде «престарелых деревьев». Предки, утверждает Болотов, предпочитали полезное приятному, сажа-

ли только «плодовитые» деревья возле дома и не заботились о «регулярности». Но обстоятельства менялись, и сады подвергались «такому жребию», как и во всей Европе. «Однако если исключить те немногие и в разных местах государства разсеянные сады, которые у знатных и богатых людей заводимы были учеными садовниками и мастерами, то обо всех прочих сказать можно, что в них видна была только тень одного регулярства и одно только слабое подражание оному... Французские и регулярные сады выходят из моды, им начинают уже смеяться; Английские же хотя в моде, но слишком трудны и неудобны к произведению в действо» в условиях Центральной России.

Самое главное, что А. Т. Болотов задался вопросом о том, по какому же пути следует идти отечественному паркостроению. И, что еще более важно, дает на него очень патриотичный ответ: «Всего бы благоразумнее было быть нам, колико можно, осторожными и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы, колико можно, сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера. Я не сомневаюсь, что таковые сады могли б для нас быть и прочнее и приятнее всех прочих; потому что они, будучи согласны с нашими склонностями, могли б доставлять нам многочисленнейшие удовольствия и увеселения... Что касается до такового особаго и одним нам свойственного в садах вкуса и манера, то к изобретению онаго, кажется, на таковы уже неспособны, как были наши предки. Благодарить Бога, мы находимся ныне в таком состоянии, что во многих вещах не только не уступаем нимало народам иностранным, но с некоторыми в оных вещах можем и спорить о преимуществе. Перенимание всего у других ныне нам не только не таково уже нужно, как нужно было прежде, но в иных случаях становится уже и постыдно. Известное то дело, что вся Европа смотрит уже ныне на нас иными глазами, нежели прежде, и к отечеству нашему уже не столь малое уважение имеет, как в старину». Невозможно удержаться, чтобы не привести полностью эту цитату Андрея Тимофеевича, которая превратила его в первого отечественного ландшафтного архитектора не только практика, но и теоретика.

Вперед... к природе

Но каков же этот парк? Что рисовали в своем воображении русские «ленотры», когда знакомились с идеями «сельского жителя», листая «Экономический магазин»?

Еще в 1781 году А. Т. Болотов начал делиться своими представлениями о том, как должен выглядеть помещичий «натуральный» сад. Во-первых, нужно отказаться от веяний барокко в садово-парковом строительстве: «Все сие предпринимаемо и располагаемо быть может не столько по правилам Симметрии и искусства, сколько по произволению хозяина, который в сем случае может сообразоваться с своим достатком, числом работников и другими обстоятельствами...». Таким образом, Андрей Тимофеевич начинает с предупреждения о необходимости соразмерности желаний и возможностей. Возможно, что здесь у нашего читателя возникнет упрек в адрес А. Т. Болотова, легко ему, мол, советы раздавать, когда он имел в своем распоряжении в Богородицком имении неограниченные финансы и огромное число крепостных, которые вполне могли осуществить любые планы управляющего. Но этими преимуществами он не воспользовался и всю жизнь гордился тем, что ни копейки не потратил на парк из казны, а в качестве рабочей силы использовал двести крестьян из числа бобылей (т. е. безземельных и одиноких - О. П.), чей труд оплачивался. Это был своего рода маркетинговый ход, который позволил закончить основные парковые работы всего за два года.

Итак, первое, что должен был понять владелец будущего пейзажного парка, знание геометрии ему уже не нужно, парк должен иметь «натуральную планировку» (т. е. начертить его на бумаге предварительно почти невозможно - О. П.), потому что используется природный рельеф, уже существующие водоемы и дороги. А дальше надо выбирать «естественные красоты», приводить их в тот вид, который подсказывает собственный вкус, и соединять в единое целое. От регулярных элементов нельзя отказываться совсем. Если лесной массив превращают в «увеселительный лесочек», то без системы радиальных просек никак не обойтись. Но каждая такая аллея должна иметь «свою причину». В случае с Богородицким парком этот прием использован в Церериной роще, когда раскрывается дальняя перспектива на дворец и церковь.

Андрей Тимофеевич развивает отличительную особенность русских парков – включение участков густого леса (чащи) в общую картину, как природного фона для садово-парковых композиций и как средство усиления впечатления от их «натуральности». Ведь лучше такой природной декорации, своего рода задника сцены или, наоборот, маскировки неприглядных построек, и придумать нельзя.

Однако, и здесь все не так просто. Необходимо тщательно продумать зрительное восприятие лесного пейзажа. А.Т. Болотов объясняет почему: «Если же кучи леса одинакового листа будут умерены и колера листа их отрезисто между собой перемешаны, то производит это сие особливую красу». Таким образом, однообразие не приветствуется. Решается эта проблема путем перемежания кустарников, низких и высоких деревьев с различающимся между собой цветовыми оттенками зелени кроны.

Такая проработка деталей требуется и от посадки растений, и от устройства водоемов и ручьев, «которые по самой справедливости составляют садов сих душу». При создании последних учитывается размер и положение камней в русле, таким образом можно добиться нужного тембра звучания воды. А.Т. Болотов отводил воде главную роль, именно она во многом определяет и местоположение парка.

При закладке парка в Богородицкой усадьбе Андрей Тимофеевич сформулировал правило, которому и следовал неукоснительно: «Тут советоваться надо с самим натуральным положением места и не то делать, что бы хотелось, а то, что самое местоположением надо-умит и к чему удобнее и способнее быть месту, да и назначить все сцены, сообразуясь не с планом, а с ландшафтными рисунками, сделанными предварительно с воображением их в таком виде, какой должны они получить по своей отделке и по возрасту всех насаждений». Глядя через стекло, А. Т. Болотов рисовал на нем реальные контуры пейзажа, а потом наносил на это изображение новые элементы. С помощью таких эскизов он получал наиболее эффективные ландшафтные решения: где и каких размеров расположить, например, обелиски, Ротонду, Белый павильон и многое другое.

Эмпирический путь был не чужд богородицкому управителю. Ему не раз приходилось «примерять» проект к натуре. Извилистые прогулочные дорожки первоначально намечали песком или соломенными жгутами.

Таким образом, парк Андрея Тимофеевича – это первый образец садового искусства, созданного природой и русским человеком по собственному проекту. По мысли А. Т. Болотова, парк – это лишь художественное воспроизведение природы. И нужно, говорил он, «все делать так, чтобы казалось, что ничего не сделано».

В то время, когда пейзажное паркостроение носило сентиментально-романтический характер, такой подход был, несомненно, новым, и Болотов по-своему предвосхитил будущее развитие пейзажного стиля в сторону реализма.

Кстати, покинув на много лет родное Дворяниново для службы управляющим императорскими волостями, А. Т. Болотов постоянно возвращался туда, совершенствуя и свою усадьбу. Он создал целый комплекс прудов, служивших ее украшением, неоднократно многое менял в парке, большую часть которого переделал со временем в пейзажном «прекрасном, натуральном» стиле. Итак, создается усадьба нового типа, не только представляющая собою хозяйственную единицу, но и превращенная в эстетически организованное пространство. В обыденную жизнь сознательно вносился элемент красоты. Для того чтобы было легче вести свое домоводство, А. Т. Болотов составил так называемые порядочные записки, в которых перечислил все необходимые дела, связанные с благоустройством имения, в соответствии с материальными возможностями.

Навестив в 1786 г. вместе с сыном свое родовое имение, он занялся переделкой сада, имея теперь положительный опыт: «Нам восхотелось в ближнем к дому саду сделать реформу и превратить его из регулярного в иррегулярный, или особого рода русско-английский, или натурально-прекрасный увеселительный сад».

«Экономия» по-болотовски

Термин «экономика» в современном значении стал употребляться в русском языке только с XIX века, а вот прилагательное «экономический» использовалось намного раньше и в значении «умеющий вести домашнее хозяйство, помогающий в организации этого хозяйства» наряду со словом «экономия» – «хозяйственная жизнь», а отнюдь не бережливость и расчетливость. Хотя без них тоже невозможно добиться процветания хозяйства. В этих вопросах Андрей Тимофеевич был большим знатоком. Он прекрасно понимал, что вложения должны быть соразмерными и оправданными. Несмотря на его убежденность в простоте и дешевизне натурального парка, читатель должен понимать, что это относительно затрат, например, на парк во французском вкусе.

Богородицкий парк тоже потребовал больших усилий по его созданию. По сути, А. Т. Болотов создал искусственный пейзаж с измененным ландшафтом, новыми прудами и рощами. Он насыпает холмы, их склоны в ряде мест он укрепляет и одновременно украшает местным бутовым камнем, убирает излишние неровности рельефа, создает террасы, грот и искусственную руину. Он наполняет парк павильонами, мраморными бюстами и беседками. Для каменных работ были приглашены тульские каменщики, а проект павильона А. Т. Болотову делает Козьма Сокольников. Андрей Тимофеевич не ищет легких путей. В противном случае, его парк получился бы несколько примитивным и вряд ли бы заслужил эпитет «пейзажного чуда».

Большинство деревьев было посажено заново, причем по особой технологии, разработанной Андреем Тимофеевичем. «Взрослые» деревья с огромным комом земли выкапывались в окрестных лесах в двух-трех верстах от имения, перевозились вертикально на телегах. Потом деревья высаживались на дворцовой территории и два раза в день поливались. И практически ни одно дерево не погибло.

Вопрос строительства парков у Андрея Тимофеевича неразрывно связан с бережным отношением к природе. Он советует ни в коем случае не избавляться от старых насаждений, если они представляют хоть какую-нибудь ценность, потому что их «ни за какие деньги (курсив – О. П.) купить не можно».

«Сожаления только достойно, что сии немногие и драгоценные остатки древности не везде сохраняются, так как должно, но жалостным образом и для малого иногда прибытка погубляются», – это и сегодня звучит из XVIII века актуально.

Особое внимание уделяется созданию каскада прудов, которые наполнялись за счет специально построенных водоводов. Это была уникальная гидросистема, которая питалась из родников, расположенных достаточно далеко от дворцовой горки. Причем их расположение было низким и Андрей Тимофеевич поднимает родник на три метра, засыпав его песком, что позволило поднять воду к необходимой отметке. Водовод, преодолев два оврага и гору, доставил воду туда, куда надо было ландшафтному архитектору. В этих прудах А. Т. Болотов разводил рыбу – карпов и форель. Это значительно пополняло статьи доходов имения, а Андрей Тимофеевич становится основоположником промышленного рыбоводства.

Характерной чертой Болотова как ученого был экономический подход ко всему, чем бы он ни занимался. Многие беды в сельском хозяйстве идут от явных недостатков в организации сбалансированности растениеводства и животноводства. Цитируем автора и понимаем, как он остается прав и сегодня: «Чем более вхожу в познание деревенской нашей экономии и сравниваю оную с английскою, тем яснее вижу, сколь она еще отдалена от своего совершенства. Но что б сему было виною? Когда науки и художества не только процветают, но некоторые еще и превосходят своим искусством других европейцев, то для чего ж земледелие с его частями не имеет также своих успехов?». Большой интерес представляют работы его по обоснованию многопольных севооборотов при выгонной системе земледелия или его арифметические расчеты при убеждении современников возделывать различные культуры (рожь, ячмень, горох, пшеницу, коноплю) на удобренных почвах в сравнении с неудобренными. А от его осуждений по поводу содержания скотных дворов и сегодня становится стыдно: « Скотные дворы у нас худшее и последнее строение в доме. Напротив

того, бывши в Голландии, заметил я, сколь много хорошие конюшни и чистота поспешествуют здоровью скота, следственно, и умножению, а притом сколь несравненно меньше исходит и корму...». И причину отсталости сельского хозяйства Андрей Тимофеевич видит не только в отсутствии действительности знаний, но и в нехристианском отношении к земле, к ее возделыванию: «И пагубное зло сие, а особливо в новейшие времена так распространилось в народах, что развращаемы были умы иногда и самих государей, а того более знатных вельмож и господ, и бессчетное множество иных и разных состояний людей, так что без содрогания душевного о том прямым христианам и подумать не можно».

«А. Т. Болотов мыслил системно, хозяйство развивал комплексно, приближаясь к замкнутому циклу производства, взял курс на интенсивное и инновационное земледелие», – такой вывод с использованием современной терминологии вполне имеет право на существование.

Своими примерами А.Т. Болотов передает бесценный опыт помещикам, чтобы приличные усадьбы могли построить хозяева средней руки, которым не по карману было приглашать архитектора. Точно так же и парки он советовал разбивать разного типа – не только в зависимости от финансовых возможностей хозяев, но и от их вкусов и настроений. А.Т. Болотов везде стремился найти идеал. Возможно, что именно Богородицкая усадьба стала для него не только идеалом усадьбы, идеалом хозяйства, но и идеалом его отношений с природой.

«Следы былой роскоши»

Богородицкий парк в XVIII веке охватывал площадь около 100 га и включал территории, протянувшиеся вдоль городского пруда на 2,5 км. В 1997 г. впервые был опубликован текст, составленный А. Т. Болотовым в июле 1783 г. «Описание, служащее в объяснение плана села Богородицкого». В нем перечисляется 72 садовых «объекта» с подробным описанием каждого и многочисленными примечаниями. Это, по-видимому, те «планы и бумаги», которые, по свидетельству Болотова, были представлены на рассмотрение Екатерине II. Проект получил высочайшее одобрение, и заслуги Болотова-архитектора императрица отметила пожалованием ему звания коллежского асессора.

С первых лет существования парк восхищал гостей усадьбы. Из мемуаров Андрея Тимофеевича мы узнаем, что там побывали представители высшей знати: граф А. С. Строганов, князь Н. В. Репнин, фельдмаршал А. А. Прозоровский, князь А. Н. и княгиня А. Р. Щербатовы. Побывали в Богородицке и крымский хан, и иностранец-путешественник граф Мантейфель, и многие другие менее известные гости. Слава о парке разнеслась широко. Писатель и переводчик В. А. Лёвшин, посетивший его в начале 1800-х годов, описал его прекрасные пейзажи и закончил такими словами: «Заслуживал он отвлечь путешественника с прямой его дороги, чтобы осмотреть красоты сего места, достойные любопытства».

Представление о том, каким было творение А. Т. Болотова в период его создания, дает нам хранящийся в ГИМе альбом «Виды имения Бобринских» с видами Богородицкого парка, который содержит 78 рисунков, в том числе 45 акварелей, выполненных самим А.Т. Болотовым и его сыном Павлом. Существовал еще один альбом, подготовленный специально для Екатерины II и предложенный ей во время приезда императрицы в Тулу в 1787 г. «Мы (Андрей Тимофеевич и его сын Павел – прим. О. П.) отобрали 24 наилучших и интереснейших садовых видов и положили увеличить их на лучшей александровской бумаге», – пишет Болотов.

На приеме государыней местного дворянства благоволивший Болотову губернатор М. Н. Кречетников подвел Андрея Тимофеевича к Екатерине II с книгами, в числе которых была и его «переплетенная в зеленый гарнитур и впрах раззолоченная» с видами Богородицкого парка. К сожалению, произведение Болотова, по-видимому, затерялось в суете среди огромного количества даров, преподнесенных императрице. Андрей Тимофеевич писал, что несколько лет спустя его книгу «видели лежащую вместе с прочими редкостными книгами в Императорском Эрмитаже в Петербурге». Он очень сокрушался, что все так случилось. К сожалению, императрица, сама увлекавшаяся натуральными садами, так и не увидела воочию «сцен» Богородицкого парка. Зато в письме

к Вольтеру она ссылается именно на Богородицкий парк как на доказательство преимущества свободной иррегулярной планировки. А. Т. Болотов с гордостью писал: «Сами иностранные путешественники признавались, что они нигде подобного сему не видывали». А. Т. Болотов использовал все, что было даровано ему природой и обстоятельствами, находя самые технически верные решения.

Время не пощадило парка, созданного А. Т. Болотовым в Богородицком имении. Уже к 20-м годам XIX столетия многие его элементы были либо утрачены, либо искажены. С течением лет заросли поляны, самосев «заглушил» тщательно подобранные деревья и кустарники, пересохли водоводы и пруды, разрушились мосты и беседки. Тем не менее, планировочная основа, заложенная первым русским ландшафтным архитектором, сохранилась, и парк, носящий имя своего создателя, до сегодняшнего дня привлекает посетителей своей живописностью.

Возможно, и сегодня путнику следует, как и двести лет назад, отвлечься от своего пути, свернуть в небольшой провинциальный Богородицк или Дворяниново и посетить усадьбы, где некогда «переплетались наслаждения прелестью русской природы и хозяйственные заботы, эстетические удовольствия и интеллектуальные занятия, многолюдные празднества и тесное семейное общение».

«Для чего?», – спросит путешественник, выдавший виды и искусенный иноземными красотами. Ответ однозначным быть не может. Кто-то найдет в личности богородицкого управителя и знаменитого «сельского жителя» пример достойной жизни человека, который построил сам свою жизнь, постоянно нравственно возвышался и делился своими знаниями и опытом. Кто-то вдохновится болотовскими ландшафтными «сценами» и на своих небольших садовых участках создаст свой пейзажный парк. Кто-то воспользуется его экономическими советами и превратит свое фермерское хозяйство в очень доходное предприятие без государственных субсидий. Но, кто знает, возможно, именно национальная идея А. Т. Болотова о создании русского парка станет сегодня отправной точкой для ренессанса русской провинции или отдельно взятого города российской глубинки.

Опубликовано: Знаменитые Тульские усадьбы и их владельцы. – М., 2015. – С. 77-93.

РАБОТА ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Неувядаемой славой в дни Великой Отечественной войны покрыли себя медицинские работники нашей страны. В частях Красной Армии, непосредственно на поле боя работали лучшие врачи, многие тысячи медицинских сестер и санитаров. Они самоотверженно оказывали раненым медицинскую помощь.

За годы войны на фронтах создана мощная санитарная служба, развернута большая госпитальная база, обеспечивающая раненым и больным высококвалифицированную медицинскую помощь.

В тылу была создана большая сеть эвакогоспиталей, для которых отведены и приспособлены лучшие помещения.

Лучшие кадры врачей, средних медицинских работников были направлены для работы в эвакогоспитали.

Местные партийные организации, общественность вложили много заботы и любви для создания уюта, для улучшения бытовых условий раненых воинов Красной Армии, находящихся в эвакогоспиталях¹.

Количество эвакогоспиталей

В довоенный период по мобилизационному плану в Тульской области намечалось развертывание шести эвакогоспиталей на 2000 коек. Был разработан план дислокации и мощности каждого госпиталя².

С декабря 1941 года по сентябрь 1945 года в Тульской области дислоцировались следующие госпитальные базы: с 5 декабря 1941 года по 10 мая 1942 года МЭП³-21, начальник бригадный врач Сперанский, с 10 мая 1942 года по 1943 год ФЭП⁴-37, начальник полковник медицинской службы Мещеряков, с 1943 года в Тульской области функционировали госпитали НКЗ⁵, руководимые областным отделом здравоохранения и опергруппой МЭП-38⁶.

28 апреля 1942 года Тульским областным отделом здравоохранения было получено Постановление ГОКО от 23 апреля 1942 года «О развертывании 10-ти эвакогоспиталей на 5000 коек».

Решением Тульского обкома ВКП(б) от 10 мая 1942 года для развертывания госпиталей было отведено 17 лучших зданий области. В том числе: 15 школ, клуб «Серп и молот» и строительный техникум. В указанных помещениях был произведен текущий и там, где это требовалось – капитальный ремонт.

Для оснащения эвакогоспиталей была выделена часть школьной мебели, местными организациями г. Тулы, по решению обкома, изготовлены койки и другой жесткий инвентарь по табельной потребности. Мягкий инвентарь, медикаменты и медицинское оснащение получены централизованным порядком из медицинского снабжения НКЗ.

Укомплектование эвакогоспиталей медицинскими кадрами было произведено за счет лечебной сети области. Формируемые эвакогоспитали вначале не имели номеров и назывались по месту дислокации. Позднее, когда организация их была закончена – 1 июля 1942 года, Генеральным штабом Московского военного округа были присвоены номера госпиталей и назначены начальники и комиссары.

Ниже приведена дислокация и мощность развернутых эвакуогоспиталей:

п.п.	Дислокация эвакуогоспиталей	Коечная мощность	№№ эвакуогоспиталей
1	Клуб «Серп и молот», школа № 12	500	5081
2	Школы №№ 36 и 47	500	5082
3	Школа № 52	300	5083
4	Школы №№ 49 и 51	900	5088
5	Школы №№ 48 и 29	300	5086
6	Школа № 8, стройтехникум	800	5084
7	Школы №№ 54 и 56	400	5085
8	Школа № 17	400	5087
9	Щекинская школа	200	5089
10	Богородицкая сельхозшкола	700	5090
	Итого	5000 кое	

К 1 августа 1942 года эвакуогоспитали были полностью готовы к приему раненых⁷.

По Постановлению ГОКО от 2 января 1943 года в Тульскую область в первой половине 1943 года было передислоцировано шесть эвакуогоспиталей на 5000 коек из Омской, Новосибирской и Томской областей.

На основании решения ГОКО от 27 февраля 1943 года № 2949, шесть указанных госпиталей сразу же по прибытии в г. Тулу передавались в ведение НКО.

Во втором полугодии из Горьковской и Ивановской областей передислоцировано 12-ть эвакуогоспиталей на 6300 штатных коек. Основной госпитальной базой явились г. Тула и г. Калуга⁸.

Таким образом, с 1941 года по 1943 год в Тульской области дислоцировались 41 госпиталь с количеством раненых и больных 30 900. Их этого количества госпиталей системы НКО⁹ – 31 с количеством 25 тыс. коек и 10 госпиталей системы

НКЗ с количеством 5 тыс. коек.

Госпитали НКЗ были размещены в следующих городах: г. Туле – 15 с количеством 10 700 коек, в Алексине – 5 с количеством 4 300 коек и в г. Калуге¹⁰ – 16 с количеством 10 900 коек, остальные в районах области.

Под госпитали были отданы лучшие помещения: дома, больницы, школы, клубы и другие помещения.

Решения и бюро Тульского обкома ВКП(б) и облисполкома руководители предприятий и учреждений обязывались полно-

стью подготовить помещения для приема раненых и больных воинов Красной Армии. Учитывая, что на подступах к г. Туле длительное время шли бои с фашистскими захватчиками в условиях суровой зимы 1941–1942 гг., когда водопровод, канализация, центральное отопление во всех этих зданиях были разморожены, все партийные, советские и хозяйственные организации включились в восстановление выделенных под госпитали помещений и оснащение их твердым инвентарем. Большую работу по оборудованию и ремонту помещений провели Тульские заводы №№ 176, 187, 535, 536, НКПС и другие. В результате работы госпиталей были созданы все условия для наилучшей организации лечебного дела, способствующего быстрейшему выздоровлению бойцов и офицеров Красной Армии¹¹.

В первом полугодии 1944 года прибывает еще 14 эвакуогоспиталей на 7300 штатных коек из Московской, Рязанской, Ивановской, Горьковской и других областей РСФСР.

Прибывшим госпиталям были представлены помещения для развертывания их на полную коечную мощность.

Основным оснащением и оборудованием прибывшие госпитали были обеспечены.

Недостающий мягкий и жесткий инвентарь пополнялся из фондов Наркомата здравоохранения и Тульского областного отдела здравоохранения.

Дооснащение госпиталей жестким инвентарем и мебелью производилось по решению обкома ВКП(б) от 9 июня 1943 года и от 21 июня 1944 года местной промышленностью и шефскими организациями¹².

В первом полугодии 1944 года в Тульской области функционировало 27 эвакуогоспиталей.

В связи с организацией Калужской области, из Тульской области отошло 10 эвакуогоспиталей, а в сентябре 1944 года выбыло еще 4 эвакуогоспиталей по направлению фронта.

С октября 1944 года в Тульской области работало 12 эвакуогоспиталей НКЗ с количеством штатных коек 5900, из них: в г. Туле – 10, г. Алексине – 1, г. Ефремове – 1 и один госпиталь ВЦСПС¹³ на 200 коек в Краинке Чекалинского района, кроме того в г. Туле имелся один госпиталь НКО, обслуживающий части местного гарнизона.

В 13 эвакуогоспиталях было развернуто 6000 коек, в том числе: хирургических (разных профилей) – 5500, терапевтических – 200 коек, кожно-венерических – 200 и нейротерапевтических – 100¹⁴.

На 1 июля 1945 года в Тульской области было 12 госпиталей НКЗ и один госпиталь ВЦСПС с количеством штатных и развернутых коек 6 тыс. С 15 июля 1945 года по приказу Наркомата здравоохранения 5 госпиталей были расформированы (в г. Туле №№ 1836, 2790, 5383, 5313 и г. Ефремове – № 2998). Два госпиталя № 5384 в г. Алексине и № 5385 в г. Туле переданы для лечения военнопленных. Оставшиеся пять госпиталей по Постановлению СНК СССР от 29 августа 1945 года были отведены для долечивания инвалидов Отечественной войны¹⁵.

Приказом НКЗ СССР № 990 от 2 ноября 1945 года два госпиталя № 5385 и 5384 реорганизованы в госпитали для лечения военнопленных¹⁶.

Постановка лечебной работы

В 1941–1943 гг. эвакуогоспиталей Тульской области выполняли функции госпитальных баз фронтового района и не задерживали у себя раненых до полного излечения. Тяжело раненых эвакуировали в глубокий тыл. Основной задачей госпиталей являлась окончательная хирургическая обработка. Раненые, имеющие срок лечения в среднем 45 дней, эвакуировались в глубь страны. Сроки лечения устанавливались санитарным управлением фронтов и менялись в зависимости от оперативной обстановки на фронте. В связи с этим количество раненых, выписываемых в часть или батальон выздоравливающих было незначительно. Например, по ФЭП-37 за 1943 год было выписано в части: в феврале – 17%, марте – 20%, апреле – 27% и мае – 30%¹⁷.

Первая группа в составе 12 эвакуогоспиталей была передислоцирована из Горьковской и Ивановской областей в конце августа и в первых числах сентября 1943 года.

Прибывшие в Тульскую область эвакуогоспитали разместились следующим образом:

В г. Туле – №№ 5381, 5382, 5383, 5385, 2813

В г. Калуге – №№ 1754, 1402

В г. Ефремове – №№ 2998, 3470, 5039, 1537

В г. Алексине – № 5384

Тульская группа эвакуогоспиталей приняла вместе с помещениями, находящихся в них раненых и больных от свернувшихся и уходящих эвакуогоспиталей системы НКО.

В связи с близостью фронта, массовое поступление раненых и больных в наши эвакуогоспитали началось в первых числах сентября 1943 года.

Последние месяцы II полугодия 1943 года, т.е. сентябрь–декабрь месяцы, характеризуются большой напряженностью в работе, обусловленной чрезмерной загрузкой госпиталей, постоянным потоком раненых и больных с передовых этапов эвакуации, недостаточной оснащенностью

как оборудованием, так и кадрами передислоцированных эвакогоспиталей и необходимостью быстрой обработки и подготовки раненых и больных в эвакуации в глубокий тыл.

За истекший период сентябрь–декабрь 1943 года в наши эвакогоспитали поступило 6928 чел. раненых и больных 2722 человека. Всего поступило на излечение 9650 человек в большинстве своем раненые и больные средней тяжести. Тяжелую группу раненых принимали эвакогоспитали военного времени¹⁸.

В 1 полугодии 1944 года обстановка и условия работы Тульских эвакогоспиталей изменилась. Контингент раненых и больных по своему характеру стал более стабильным¹⁹.

По своему составу контингент раненых в I полугодии 1945 года отличается очень большим количеством случаев тяжелых осложнений ранений, которые к нам поступали с предыдущих этапов лечения и переведены к нам из ряда госпиталей Московской и Рязанской областей со сроками ранения 5–6 месяцев²⁰.

ме того, в конце июня 1944 года с выделением 10 эвакогоспиталей во вновь организованную Калужскую область, из состава нашего контингента отошло 2505 раненых и больных²¹.

Если в начале 1942 года функциональная терапия была лишь в зачаточном состоянии, то во втором полугодии 1944 года функциональной терапией было охвачено 62% лечившихся в госпиталях раненых. Непрерывно улучшалось качество диагностической работы госпиталей. Так, во втором полугодии 1944 года лабораторным исследованиям подвергнуто 76,4% лечившихся, а просвечиванию – 56,1% лечившихся. В результате исходы лечения в наших госпиталях во втором полугодии 1944 года выразились в следующих показателях:

Раненые	Больные	
Возвращено в армию	74,8%	73,8%

С 1 сентября 1943 года по 1 июля 1945 года в эвакогоспиталях Тульской области пользовалось лечением 46 788 человек пораженных в боях, что составляет 80,0% ко всем пользовавшимся лечением и 11 571 больных, что составляет 20%.

Всего пользовалось лечением 58 359 человек пораженных в боях и больных.

Из числа пользовавшихся лечением эвакуировано 16 330 раненых, что составляет 34,8% ко всем раненым и 2985 больных, что составляет 25,7% ко всем больным. Кроме

Благодаря росту хирургической активности, большому охвату физиотерапией и функциональной терапией исходы лечения становились все более лучшими, сроки госпитального лечения сокращались. Если в конце 1941 года хирургическая активность при лечении ранений составила 9,9% по отношению к лечившимся, то уже в апреле 1942 года она достигла 25,2%. Во втором полугодии 1944 года хирургическая активность достигла 49%, а в первом полугодии 1945 года она составила вместе с переливанием крови 57%.

Уволено в отпуск	0,2%	3,1%
Уволено в запас	17,2%	7,4%
Уволено вовсе из армии	7,3%	14,8%
Умерло	0,5%	0,9%

Соответственно улучшению качества лечения раненых средние сроки пребывания в госпиталях уменьшались. Так, например, ранения черепа с повреждением костей в первом полугодии 1944 года – лечились 53 дня, а во втором полугодии 1944 года те же ранения лечились 42 дня. Ранения бедра без повреждения кости за те же периоды лечились соответственно 62 дня и 53 дня²².

Длительность лечения раненых и больных в наших эвакуогоспиталях зависела прежде всего от нашего расположения от линии фронта и тяжести контингента, пользовавшегося лечением. Чем ближе от нас был фронт, тем короче были сроки лечения и тем легче был контингент раненых и больных, остававшихся у нас на долечивании.

Фронт отодвигался – сроки лечения увеличивались, контингент раненых и больных становился тяжелее²³.

В госпиталях организовывалась трудовая терапия по различным специальностям в зависимости от функциональных возможностей лечащихся.

По характеру своей работы эвакуогоспитали фронтовых эвакуопунктов как обслуживающие фронтовой и полевой тыл не занимались вопросами трудового обучения инвалидов Отечественной войны и протезированием их. Начиная с 1944 года в пяти госпиталях были организованы курсы колхозных счетоводов по подготовке инспекторов, портновские, сапожные и другие мастерские, которым коопинсоюзом и промкооперацией были выделены материальная часть и специалисты-инструкторы. Кроме того были организованы 2 специализированных госпиталя для подготовки раненых к протезированию. Областная протезная мастерская для указанных госпиталей ежемесячно изготовляла 100–110 протезов. В результате все раненые бойцы и офицеры выписывались из госпиталей протезированными.

Основную работу за весь период Отечественной войны по трудоустройству и протезированию проводил областной отдел социального обеспечения²⁴.

Имея во все годы работы недокомплект врачебными кадрами, эвакуогоспитали все же добились высоких показателей работы и вернули в строй 71,2% раненых и 75,9% больных²⁵.

Состояние дисциплины в госпиталях

Состояние дисциплины среди раненых в госпиталях в 1941–1943 гг. в ряде госпиталей стояло не на должной высоте, несмотря на то, что обслуживающий персонал в большинстве своем являлся военнотрудовыми. Во всех госпиталях были назначены старшие палат из числа раненых бойцов и командиров. Они наблюдали за чистотой и порядком в палатах, следили за раздачей пищи. Имели место случаи нарушения дисциплины в госпиталях, главным образом, самовольные отлучки, несвоевременный отход ко сну. Во всех этих случаях командование госпиталей применяло меры воспитательного характера и накладывало дисциплинарные взыскания.

Страдала дисциплина в 1943–1944 гг. в госпиталях НКЗ, где в основном обслуживающий персонал был из вольнонаемного состава. Партийные, советские и шефские организации принимали ряд практических мер по укреплению дисциплины в госпиталях НКЗ путем массовой политико-воспитательной и культурно-массовой работы, в результате чего дисциплина в госпиталях значительно улучшилась²⁶.

Работа шефских организаций в госпиталях

Связь командования госпиталей с областными партийными и советскими организациями была хорошей и повседневной. Во всех проводимых мероприятиях Тульский обком ВКП(б) оказывал большую помощь госпиталям. По решению бюро обкома партии ко всем госпиталям были прикреплены шефы – заводские, советские и колхозные организации.

Шефские организации оказывали госпиталям большую помощь. С самого начала дислокации госпиталей в Тульской области им были предоставлены лучшие помещения, которые при большой помощи шефов были капитально отремонтированы. Кроме того при помощи шефов ежегодно проводится текущий ремонт. Вопросы обеспечения топливом также решался вместе с шефскими организациями.

Шефский актив систематически посещал раненых, проводил с ними беседы, читки художественной литературы, выделял докладчиков, собирал книги для обеспечения госпиталей и активно участвовал в оборудовании клубов, ленинских комнат, палат.

Особо следует отметить большую помощь шефов во время приема раненых в госпитали. Шефы выделяли дружинниц, которые оказывали помощь командованию госпиталей по переноске носилочных больных, в санитарной обработке, организовывали дежурство в палатах по уходу за тяжелоранеными.

К первомайским праздникам и годовщине Великой Октябрьской революции, и к годовщине Красной Армии шефские организации вместе с колхозами вручали раненым бойцам и офицерам подарки. Только к 25-й годовщине Октября шефы раздали в госпитали 3 тонны тульских пряников, 50 тыс. яиц, 7 тонн масла и т. д. Только по госпиталю № 1836 в день Первого мая 1945 года и в день Победы над Германией колхозы Веневского района привезли 2,5 тонны мяса, 10 тыс. яиц, 3 тонны муки и круп, и т. д.

Бюро Тульского обкома ВКП(б) по предложению областного комитета помощи раненым решила в 1944 году раскрепить по госпиталям кроме предприятий и учреждений в порядке шефства колхозы области.

Областной и городской комитеты помощи раненым регулярно проводили совещания при участии руководителей шефских организаций, на которых основными вопросами были улучшение работы госпиталей по лечению раненых и больных. Руководители госпиталей совместно с шефами, выполняя указание комитета помощи раненым и решение бюро обкома, систематически улучшали работу в госпиталях. В 1944 году госпитали объявили социалистическое соревнование на лучший госпиталь. В итоге бюро обкома ВКП(б) за хорошую работу отметило 5 госпиталей – №№ 2224, 5385, 1537, 2782, 2790. Лучшему госпиталю № 2782 (начальник госпиталя капитан медицинской службы Хорошева, заместитель начальника по политической части старший лейтенант Луговской) было вручено переходящее Знамя обкома ВКП(б) и облисполкома. 50 руководителей госпиталей и обслуживающий персонал получили почетные грамоты обкома ВКП(б) и облисполкома. Кроме того, госпиталь № 2782 получил переходящее Знамя Наркомздрава СССР.

Советское правительство высоко оценило доблестный труд в период Отечественной войны медицинского персонала госпиталей Тульской области, наградив за время войны 112 человек орденами и медалями²⁷.

1. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л. 2.
2. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л. 3.
3. МЭП – местный эвакуационный пункт.
4. ФЭП – фронтовой эвакуационный пункт.
5. НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения.
6. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 63.
7. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л. 3–3 об.
8. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л. 4.

9. НКО – Народный комиссариат обороны.
10. До июля 1944 года часть районов нынешней Калужской области, включая г. Калугу, входили в состав Тульской области – до образования Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1944 года Калужской области.
11. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 63.
12. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 4.
13. ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.
14. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 6.
15. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 64 об.
16. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 5.
17. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 63 об.
18. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 6.
19. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 8.
20. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 10 об.
21. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 11 об.
22. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 63 об.
23. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 13 об.
24. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 65.
25. ГАТО. Ф. Р-2234. Оп. 5. Д. 11. Л 2.
26. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 64 об.
27. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 24. Л. 67 об–68.

ТУЛЯК–ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР К 125-ЛЕТИЮ (1891) СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. КИСЕЛЬНИКОВА

В июле 2016 г. исполняется 125 лет со дня рождения нашего славного земляка, участника Первой мировой войны, полного Георгиевского кавалера Михаила Ивановича Кисельникова.

М.И. Кисельников родился 20 июля 1891 г. в Туле в семье рабочего Тульского оружейного завода. В семье Кисельниковых росли и воспитывались также две сестры Михаила Ивановича Александра 1894 г. р. и Мария 1897 г.р. С 9 лет маленький Михаил вынужден был работать по найму сначала у кустика, потом на частной фабрике и на Тульском патронном заводе.

В октябре 1912 г. он был призван на военную службу, которую проходил в 11-м пехотном Псковском полку, расквартированном в Туле в казармах на улице Новопавшинской (ныне ул. Коминтерна).

В сентябре 1914 г. в составе данного полка убыл на фронт начавшейся Первой мировой войны. За отличия в боях на Юго-Западном фронте был награжден солдатскими Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями всех четырех степеней и стал полным Георгиевским кавалером. Имел чин старшего унтер-офицера, командовал взводом во 2-й роте 1-го батальона 11-го пехотного Псковского полка.

Позже М.И. Кисельников рассказывал свои родным, что первого Георгиевского креста IV степени был удостоен за то, что заменил в бою убитого командира роты и не дал захлебнуться начатой атаке, в результате которой рота выполнила свою боевую задачу. А последующими Георгиевскими крестами III, II, и I степеней был награжден в разное время, но за одинаковые подвиги: взятие в плен языков противника. Причём Георгиевский крест I-й степени он получил в 1916 г. во время Брусилковского прорыва за пленение шестерых солдат противника вместе с их командиром.

За время участия в войне М.И. Кисельников был неоднократно ранен и контужен. Летом 1916 г. после второго тяжёлого ранения Михаил Иванович попал в Петроградский госпиталь, где по-

Рис. 1. М. И. Кисельников

знакомился со своей будущей женой Надеждой Васильевной, работавшей там сестрой милосердия. Девичья фамилия её была Бухарина, она была двоюродной сестрой будущего известного советского партийно-государственного деятеля Н.И. Бухарина.

После лечения в госпитале 26-летний полный Георгиевский кавалер М.И. Кисельников был признан негодным к дальнейшей службе в армии и демобилизован. Вместе с молодой женой он вернулся в родную Тулу. Несмотря на молодость, после пережитых страданий, ранений и контузий он возвратился с фронта с седой головой.

По приезде в Тулу семья Кисельниковых поселилась на набережной Упы (ныне ул. Дрейера), а сам Михаил Иванович поступил работать на Тульский оружейный завод, где и проработал большую часть своей жизни. Он стал высококвалифицированным слесарем 6-го разряда, а также мог работать на фрезерном, сверлильном и токарных станках.

Супруги Кисельниковы родили, вырастили и воспитали двух дочерей Капитолину и Татьяну, которые, став взрослыми, вышли замуж и уехали из Тулы вместе со своими мужьями: Капитолина в г. Ялту, а Татьяна в г. Киров.

Будучи человеком интересующимся историей Тульского края и города Тулы М. И. Кисельников неоднократно посещал Тульский областной краеведческий музей (далее ТОКМ), передал в музей ряд интересных фотографий и документов, вёл беседы с его сотрудниками, вспоминал эпизоды военной жизни на фронте Первой мировой войны и с удовольствием рассказывал любимое им стихотворение, бытовавшее среди солдат 11-го пехотного Псковского полка.

Это стихотворение было записано сотрудниками ТОКМ при прощальной встрече с М. И. Кисельниковым в декабре 1983 г., когда он, будучи уже пожилым человеком 92-х лет, собрался уехать из Тулы под присмотр дочери Т. М. Смирновой в г. Киров. Данное стихотворение опубликовано нами в альманахе «Тульский край. Памятные даты. 2015 г.».

В 2014 г. Государственное учреждение культуры Тульской области «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» и Управление федеральной почтовой связи Тульской области – филиал ФГУП «Почта России» начали реализацию первого в России проекта выпуска двусторонних иллюстрированных немаркированных почтовых карточек из серии «Туляки – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны 1914–1918 гг.». Он стартовал в ноябре 2014 г., и первая карточка данной серии была посвящена нашему знаменитому земляку Д. П. Оськину. Героем же второй карточки стал полный Георгиевский кавалер Михаил Иванович Кисельников. Презентация её прошла в стенах ТОКМ 23 декабря 2014 г.

В связи с подготовкой презентации вышеуказанной карточки сотрудниками ТОКМ была проделана определённая работа, в частности был сделан запрос в Кировское областное управление записи актов гражданского состояния, с целью узнать точную дату смерти М. И. Кисельникова. Согласно полученной архивной справки ЗАГСа Кировской области стало точно известно, что он умер 28 июня 1986 г.

Проект по выпуску двусторонних немаркированных почтовых карточек из серии «Туляки – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны 1914–1918 гг.» получил широкую огласку среди тульской общественности и филателистов России. Уже после презентации карточки, откликнулся один из родственников М. И. Кисельникова – туляк Евгений Алексеевич Александров, для которого Михаил Иванович был крёстным отцом и двоюродным дедушкой: родным братом его бабушки Александры Ивановны (сестры М. И. Кисельникова). Встретившись с сотрудниками ТОКМ 18 января 2015 г. он рассказал много новых и интересных моментов биографии М. И. Кисельникова и его семьи. Е. А. Александров сообщил, что супруги Кисельниковы в 1986 г. заболели гриппом и вскоре умерли один вслед за другим и были похоронены в г. Кирове.

Е. А. Александров был очень рад и воодушевлён, тем, что таким образом была увековечена память о его родном и дорогом для него человеке М. И. Кисельникове.

Вскоре, о вышеназванной карточке, узнали и прямые родственники Михаила Ивановича, проживающие в г. Кирове. 26 мая 2015 г. по электронной почте в адрес ТОКМ пришло восторженное письмо от Владимира Вячеславовича Смирнова – внука М. И. Кисельникова. Для него было большой радостью узнать, что в Туле не забыли его замечательного дедушку-героя, выпустив и презентовав двустороннюю иллюстрированную немаркированную почтовую карточку, посвящённую полному Георгиевскому кавалеру М. И. Кисельникову.

В. В. Смирнов сообщил, что дочери М. И. Кисельникова Капитолина Михайловна и Татьяна Михайловна живы. В своём повторном письме он указал их точные адреса, а также переслал по электронной почте фотографии из семейного архива. По просьбе В. В. Смирнова в июне 2015 г. на адреса дочерей в Киров и Ялту заказными бандеролями были отправлены выпущенные почтовые карточки, на которых увековечен М. И. Кисельников. Таким образом, по прошествии трёх десятков лет, связь с родственниками Михаила Ивановича была вновь установлена и в настоящее время с ними регулярно ведётся переписка.

Имя М. И. Кисельникова никогда не было забыто краеведческой общественностью нашего города. Его хорошо помнят ведущий специалист ТОКМ Е. М. Полозов и старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева В. И. Боть (в 1957–1989 гг. директор ТОКМ). О встречах с М. И. Кисельниковым они ярко поведали в сделанных сообщениях на прошедшей в музее презентации.

Опубликовано: Тульский край. Памятные даты, 2016. Тула: ТППО, 2015. С. 116–119.

ГОНЧИЕ – РАДОСТЬ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТУЛЬСКОГО ОХОТНИКА В.Н. ПЕТРОВА

В 2016 г. исполняется 100 лет со дня рождения В. Н. Петрова (1916–2009), тульского охотника, заводчика русский и русских пегих гончих, эксперта Всероссийской категории по гончим, автора книг о псовой охоте.

Вячеслав Николаевич Петров родился 27 февраля (12 марта по н.ст.) 1916 г. в уездном г. Одоеве Тульской губернии. Его отец был служащим государственных учреждений, а мать – преподавателем математики. С детства мальчик полюбил охоту и гончих собак. Ему посчастливилось встречаться с людьми страстно увлеченными охотой и даже общаться с теми из них, кто еще помнил знаменитую Першинскую комплектную псовую охоту великого князя Н. Н. Романова, существовавшую в 1887–1917 гг. в Алексинском уезде Тульской губернии.

Четырнадцатилетним мальчиком в голодном 1930-м г. он вырастил свою первую русскую пегую гончую, в 16 лет вступил в Одоевское районное общество охотников.

Накануне Великой Отечественной войны юноша поступил учиться в 1-й Московский медицинский институт, но с 4-го курса в 1941 г. ушёл на фронт в составе Московского ополчения. Воювал под Москвой, а затем на Северо-Западном фронте. Был дважды ранен.

После войны, имея медицинское образование, сорок лет проработал заместителем и главным врачом Одоевской районной санитарно-эпидемиологической станции.

Крепло увлечение охотничьими собаками. Петров стал заводчиком русских пегих, а затем русских гончих, которых постоянно держал от 4 до 5 собак. Среди его гончих были высококлассные собаки и чемпионы породы.

В. Н. Петров был многие годы членом правления Одоевского районного общества охотников, почётным членом Тульского областного общества охотников и рыболовов, а также почётным членом Росохотрыболовсоюза и заслуженным работником охотничьего хозяйства России.

Накопив большие кинологические знания и будучи опытным охотником, много лет проработал на рингах и полевых испытаниях. Стал экспертом Всероссийской категории по гончим, проводил экспертизы и полевые испытания в Туле, Москве и других городах России.

Огромная заслуга Вячеслава Николаевича стало написание им воспоминаний об охотах, гончих собаках, которых он воспитал или с которыми довелось работать в качестве судьи на выставках и полевых испытаниях, заводчиках гончих, опытных экспертах, с которыми ему довелось встречаться в его долгой охотничьей жизни.

В 2005 г. в Калуге в Издательстве научной литературы Н. Ф. Бочкаревой вышла его первая книга «70 лет с гончими», которая была тепло встречена охотничьей общественностью и любителями природы. Она была удостоена Московским городским обществом охотников и рыболовов премии, медали и диплома А. А. Ширинского-Шихматова.

В 2007 г. в этом же издательстве вышел второй завод этой же книги и новые интересные воспоминания В. Н. Петрова «Гончие и гончатники». Следует отметить также, что Вячеслав Николаевич активно публиковался в охотничьих периодических изданиях.

Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением в родном Одоеве. Ему было присвоено почётное звание почётного гражданина пос. Одоева.

Ушёл из жизни Вячеслав Николаевич Петров 9 июля 2009 г. Он был похоронен дочерьми Верой и Татьяной на старом кладбище Одоева рядом с другими его родственниками.

Уже после смерти Вячеслава Николаевича его дочь В. В. Петровой была издана в 2012 г. в Калуге в Издательстве «Золотая аллея» третья книга воспоминаний отца «По жизни с гончими», рассказывающая о людях, беззаветно преданных отечественным породам гончих, отдавших многие годы жизни улучшению их рабочих и экстерьерных качеств.

Книги В. Н. Петрова вошли в золотой фонд тульской охотничьей литературы наряду с книгами и публикациями В. А. Лёвшина, Ф. А. Свечина, С. В. Озерова, Д. П. Вальцова, А. Н. Савельева, А. Н. Комарова, С. И. Таммана (с иллюстрациями М. И. Глаголева) и др. Они напоминают нам об известных тульских охотниках, заводчиках собак, соревнованиях охотничьих собак и знаменитых экспертах их судивших.

Опубликовано: Тульский край. Памятные даты, 2016. Тула: ТППО, 2015. С. 88–90.

ДИНАСТИЯ ТАЛАНТЛИВЫХ ГАРМОННЫХ МАСТЕРОВ ЧУЛКОВЫХ СЕРЕДИНА XIX – СЕРЕДИНА XX в.

Отечественное производство гармоник началось в промышленном центре России – Туле. Столица губернии в первой половине XIX века жила кипучей производственной и торговой жизнью. Судя по архивным документам¹, в Тулу в то время нередко приезжали иностранные специалисты – инженеры, врачи, купцы. Со своей стороны, тульские промышленники (купцы и просто мастеровые) часто выезжали из города по делам, связанным с их деятельностью, и проявляли большой интерес к многочисленным ярмаркам, на которых можно было встретить различные новинки, увидеть какую-либо диковинную «заморскую штуку».

Нет ничего удивительного в том, что именно в Туле уже в 30-х годах XIX века стала известна примитивная ручная гармоника. Первыми ее стали изготовлять мастера Чулковской слободы, и именно отсюда началось ее распространение по губерниям России.

Сначала музыкальную игрушку мастера делали для себя просто из интереса. Потом это стало для них приработком, которым они занимались по вечерам после основной работы. Спрос на гармоники возрастал, занятия оказались прибыльными и кустари перешли целиком на изготовление инструментов. Поэтому в работе стали принимать участие и члены семьи мастера – так появились первые мастерские на дому.

Склеивание гармонных мехов из бумаги, лакировка гармонных корпусов или раскрашивание их масляной краской, отделка поверхности перламутром (инкрустация), сборка «донышек» и «крышек», прилаживание к ним клавишей при помощи пружинки из стальной проволоки, – все эти операции выполняли, в основном, женщины, даже девочки и подростки.

Мужская работа заключалась в следующем: нарезка и просечка планок, шлифовка планок, растирка голосовых отверстий, вырезка язычков и их наклепка с поднастройкой, изготовление корпусов и других деревянных деталей, сборка и отделка, окончательная настройка.

Количество домашних мастерских, изготовлявших такие детали или гармоники целиком, увеличивалось в Чулковской слободе с каждым годом.

Среди гармонных мастеров того времени заметно выделяется Леонтий Алексеевич Чулков (1846–1918гг.). Он родился в деревне Глухие Поляны, недалеко от Тулы, в семье крепостного крестьянина. Детство его было тяжелым. В 1849 году семья Чулковых с частью других крепостных по приказу барина была переселена в деревню Горельские Выселки. Конечно, ни о каком образовании не могло быть и речи. В 13 лет мальчик остался сиротой и был отдан дядей в ученики на гармонную фабрику Гаврилы Тимофеевича Воронцова. Там его определили в цех по наклепке гармонных голосов².

С двадцатилетнего возраста Чулков стал работать самостоятельно на дому по наклепке гармонных голосов для фабрики Воронцова.

В отличие от кустарей, которые работали до него и вместе с ним, он с благоговением относился к гармонике, а в свободное от работы время играл на ней. Сначала научился играть на простой семиклавишной гармонике, а впоследствии хорошо овладел и другими, более сложными. Гармоника была для него не просто изделием, а музыкальным инструментом, с помощью которого, как он сам выражался, можно было «излить душу». Это взгляд на изготавливаемые им инструменты сказался и на их качестве. При наклепке голосов Чулков стремился к облагораживанию звука, и действительно, гармоники его работы звучали мягко и напевно. Вечерами и в воскресные дни он работал над улучшением конструкции уже имеющихся гармоник и создавал новые.

Слава о Чулкове как о замечательном музыкальном мастере быстро распространилась по Туле, и ему стали заказывать инструменты³. Именно к нему обратился с просьбой о создании гармоники новой конструкции Н. И. Белобородов⁴. Этот заказ мастер успешно выполнил, инструмент был высоко оценен Белобородовым, и он заказал Чулкову еще несколько инструментов. Следует отметить, что в гармониках, сделанных по заказу Белобородова, Чулков впервые применил устройства, смягчающие тембр звука. Теперь его нововведение широко используется в различных вариантах при производстве баянов и аккордеонов как у нас в стране, так и за рубежом.

В 1884 году Чулков организовал самостоятельную гармонную мастерскую в 4 части на Логачевской улице при собственном доме, в которой кроме Леонтия Алексеевича, работали шесть его сыновей⁵. Мастерская Чулкова была невелика, но из всех существовавших в то время мастерских и гармонных фабрик являлась самой передовой и механизированной. Другие мастера и владельцы фабрик с интересом знакомились со столь технически оснащенным производством и применяли эти новшества на своих предприятиях. По данным Ведомости за 1889 год⁶ мастерская Л. А. Чулкова изготавливала в год «гармоний разных стоимостью от 75 коп. до 7 руб.» 1000 штук на сумму 1.300 рублей. В мастерской Чулкова производились гармоники только русского типа; иностранные образцы он не копировал. Общее количество мастеровых и рабочих составляло 22 человека, из них 12 – мужского пола, 10 – женского. Рабочий день составлял 10 часов в сутки с поденной заработной платой 50 коп. в сутки. Изделия мастерской сбывались в Туле и других городах. В «Приложении к неофициальной части Тульских Губернских Ведомостей

к № 209 1897 г.» в списке лиц, коим присуждены награды на Тульской кустарно-промышленной выставке 1897 года» стоит имя Леонтия Алексеевича Чулкова, которому была вручена Большая Серебряная медаль.

Отличными мастерами были и его сыновья⁷. Старшие – Михаил и Алексей – в 1890-е годы взяли на себя руководство мастерской, когда отец начал часто болеть. Третий сын, Павел, переехал в Самару. Он хорошо играл на скрипке и трёхрядной гармонике, пробовал писать музыку. Четвертый, Николай, уехал на Украину и там вскоре погиб от несчастного случая. Младшие – Виссарион и Геннадий – поступили на работу в крупную фабрично-торговую фирму «И. Ф. Мюллер» в Москве. Через некоторое время Виссарион уехал на Камчатку, где снискал себе славу как автор многих вальсов и маршей. Геннадий же, благодаря большим природным способностям, за четыре года работы в Москве стал мастером по ремонту и настройке не только любых гармоник, но и роялей, пианино, а также всех механических и пневматических музыкальных инструментов. В 1907 году Геннадий Чулков создал механику так называемых заемных басов для двухрядной венской гармоники. С помощью этой механики при нажиме на кнопки басов открывались не только басовые клапаны, но и соответствующие клапаны из аккордового набора, и звучание басов становилось более насыщенным. На это изобретение им было взято патентное свидетельство. С тех пор и до настоящего времени механика Геннадия Чулкова применяется на всех «венских» гармониках. Им также был изготовлен баян с металлическими трубами, значительно усиливающимися звучание (1927 г.), а позже изготовил целую серию тембровых оркестровых гармоник, имитирующих звучание инструментов симфонического оркестра.

Г. Л. Чулков, обладая неистощимой конструкторской мыслью, до конца дней своей жизни консультировал гармонные и баянные предприятия Тулы и специалистов из других городов.

-
1. Канцелярия Тульского губернатора //ГАТО. Ф.90. О.1.
 2. Мирек А. М. Гармоника: прошлое и настоящее. М.: Интерпракс, 1994. С.305
 3. Чинков И. И. Тульский баян. Тула: Приок. кн. изд-во, 1992. С.35.
 4. Максимов Е. И. Российские музыканты-самородки. М.: Советский композитор, 1987. С.100–101.
 5. Ведомость за 1889 г. Гармонная фабрика Л. А. Чулкова //ГАТО. Ф.52. О.4. Д.3.
 6. Там же.
 7. Мирек А. М. Из истории аккордеона и баяна. М.: Музыка, 1967. С.46–47.

ВОЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА МЕСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТЕЙ 3-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ В ТЕПЛО-ОГАРЕВСКОМ РАЙОНЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Официальное поисковое движение началось 13 марта 1988 года с Первого Всесоюзного слета поисковых отрядов и связано с именем Юлия Михайловича Иконникова, председателя Ассоциации поисковых отрядов России «Народный союз по охране памяти о павших защитниках Отечества», участника Великой Отечественной войны. Вместе с лидерами международных, межрегиональных организаций, командирами поисковых отрядов, объединений, менялись и методы поиска и установления имен, найденных следопытами, бойцов. 17 января 1989 года ЦК КПСС выпускает постановление «О Всесоюзной Книге Памяти»¹ и впредь работа по установлению имен идет по линии редакционных коллегий по всему Союзу. В том числе и в Тульской области. Можно сказать, что с этого времени начинается современный этап поискового движения.

Спустя более 20 лет после официального начала поискового движения СССР, а ныне РФ, поисковое движение пытается выстроить взаимодействие с академической наукой. Усилиями поисковиков в нашей стране окрепло новое направление науки на стыке новейшей истории и археологии². Военная археология индустриальной эпохи – в настоящее время формирующаяся вспомогательная историческая дисциплина, самостоятельная по отношению к археологии, представляющая собой сферу исследовательской деятельности, направленной на получение новых знаний о войнах и вооруженных конфликтах, со времени которых прошло не более ста лет, на основании изучения материальных следов, включая розыск и идентификацию погибших и пропавших без вести, умерших от ран, контузий, увечий и заболеваний, выявление не состоящих на учете воинских захоронений³.

В ходе военно-археологической экспедиции «Муравский шлях-12», организованной Тульским областным молодежным поисковым центром «Искатель» и прошедшей осенью 2012 г. в Тепло-Огаревском районе Тульской области на месте бывшего колхоза имени Тимирязева, были достигнуты высокие результаты. В частности, в районе Карцево-Покровское, на месте боя 113-ого кавалерийского полка 10 ноября 1941 г. было обнаружено неучтенное групповое захоронение советских конников. Часть площади захоронения была исследована в ноябре 2011 г. Тогда были эксгумированы останки 7 красноармейцев⁴. Останки располагались среди мощной и разветвленной корневой системы на значительной площади и различной глубине хаотично, вне анатомического порядка и были перемешаны между собой. Большое количество мелких костей, принадлежащих разным людям, было обнаружено в отвале мародерского раскопа, сделанного около 10 лет назад в центральной части захоронения на глубину до 1,5 м. Значительная часть костей (прежде всего, черепов) отсутствовали. В 2012 г. к раскопу 2011 г. был прирезан новый квадрат, в котором в течение 3-6 ноября обнаружены разрозненные и перемешанные останки 12 человек⁵.

Положение костей и сопутствующая обстановка позволили сделать вывод о том, что захоронение производилось спустя значительное время после гибели людей (не ранее осени 1942 г.)⁶. К моменту захоронения тела уже полностью истлели и распались на отдельные части. Кроме того, захоронение неоднократно подвергалось нарушению и разграблению. На значительном удалении от основного раскопа было обнаружено неучтенное одиночное захоронение. Сопутствующий материал указывает на то, что погибший, скорее всего, принадлежал к командному составу РККА. Старожилы, вероятно, учувствовавшие в его погребении называют фамилию и воинское звание защитника Родины – капитан Виноградов. Информация нуждается в проверке.

При проведении полевых работ в прилегающей лесополосе были обнаружены крупногабаритные металлические предметы, которые сразу удалось отождествить с запасными частями и деталями советской бронетехники периода Великой Отечественной войны. В экспозиции школьного музея Покровской средней школы, где проходило базирование экспедиции, также в большом количестве представлены части советской бронетехники: торсионы, опорные катки, ведущие и направляющие катки, большие отрезки гусениц, части трансмиссии и башенный люк танка Т-34, а также траки легкого советского танка Т-70.

При осмотре ландшафта лесополосы было отмечено большое количество оплывших земляных укрытий для техники и оснований землянок. При опросе местного населения было выявлено, что в этом районе проходило формирование танковых частей перед отправлением на Курскую дугу. Кроме того, действовал полевой аэродром, который чуть позже был привязан к 372-му авиаполку связи. В 2014 г. в Тульский областной краеведческий музей были переданы находки, обнаруженные во время военно-археологической экспедиции «Муравский Шлях-12». При атрибуции было установлено, что это траки советского среднего танка Т-34.

Первой из установленных находок стал гладкий штампованный трак. Он был принят к валовому производству в марте 1940 г. и почти без изменений выпускался на Харьковском тракторном заводе до осени. Недостаточную эффективность гладких траков на мягких и раскисших грунтах, а также по льду и снегу предполагалось компенсировать установкой на них дополнительных шпор-грунтозацепов. Большое количество данных траков в виде готовой продукции или полуфабрикатов вывезли при эвакуации в Нижний Тагил и Челябинск в связи с тем, что с сентября 1940 г. приказом по Наркомату для Т-34 вводился трак с более развитой рабочей поверхностью и измененной шпорой. А поскольку уже произведенные гладкие траки не подлежали доработке, их штампованные башмаки складировали, чтобы потом отправить на переработку. Скопившиеся на складах снабжения запасы гладких траков были реализованы в конце 1942 г., когда в условиях тотального дефицита запчастей, с разрешения наркома отправляли на фронт в ремонтные роты⁷. Вторая находка – дополнительный грунтозацеп-«шпора». Имеет шесть зубов для контакта с грунтом. Грунтозацеп крепился на все типы траков длиной 550 мм, без гребня через пять траков на шестом двумя болтами для лучшего сцепления гусеницы танка с грунтом. И, наконец, трак образца 1943 г. с гребнем, с «вафельным» протектором. Это был наиболее распространенный вид траков, используемый на советских средних танках Т-34 и самоходных артиллерийских установках на его базе. Литые траки были возвращены в снабжение осенью 1942 года, а вафельные траки поставлялись с лета 1943 года. Исходя из вышесказанного, данные траки не могли быть введены в эксплуатацию осенью 1941 г. Однако они могут служить доказательством того, что в данной местности шло формирование советских бронетанковых соединений перед отправкой на Орловско-Курскую дугу. Это подтверждают и экспонаты Покровской школы. При изучении исторической карты и научной литературы становится ясно, что в данной местности с 14 мая по 14 июля 1943 г. шло комплектование частей 3-й гвардейской танковой армии. Здесь же вновь прибывавшая бронетанковая техника проходила техническое обслуживание, шло обучение экипажей танков.

В состав 3-й гвардейской танковой армии вошли 12-й и 15-й танковые корпуса и 91-я отдельная танковая бригада. К 10 июня 1943 года танковые соединения и части армии были полностью укомплектованы танками согласно штату (228 танков Т-34 и 147 — Т-70)⁸. Кроме указанных в тексте приказа 12-го танкового корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Зиньковича и 15-го танкового корпуса под командованием генерал-майора Сулейкова, в состав формировавшейся в районе Плавска 3-й гвардейской танковой армии вошли 91-я отдельная танковая бригада под командованием полковника Якубовского, 372-й авиаполк связи⁹ и тыловые подразделения и службы. 14 июля 1943 г. сосредоточенная в районе города Новосиль 3-я гвардейская танковая армия была передана в состав Брянского фронта и приняла участие в Орловской наступательной операции¹⁰.

Как вспоминает бывший член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии Героя Советского Союза генерал-лейтенант С. И. Мельникова: «14 мая 1943 года, через два дня после возвращения в войска, мы получили директиву Ставки о преобразовании 3-й танковой армии в гвар-

дейскую. Танковые корпуса и другие части армии выводились из состава Юго-Западного фронта в резерв Ставки на доукомплектование. Передислоцировались в уже знакомые места — в Кобылинские леса, что западнее районного городка Плавска. Сразу же лесную тишину нарушили стук топоров, визг пил и глухое шарканье рубанков — бойцы строили землянки, ставили палатки, сооружали парки для размещения техники, оборудовали полигоны и стрельбища. Личный состав трудился с охотой, обживая свой новый «дом», но как ни старался сделать его удобным и уютным, никому из солдат и офицеров задерживаться в нем не хотелось. Командиров, а особенно политработников, постоянно допрашивали вопросами, долго ли тут придется прохладиться, скоро ли снова в бой. «Старичкам» не терпелось расквитаться с врагом за Харьков, «новичкам» — за те злодеяния, которые фашисты совершили на советской земле. Правда, «прохладиться» не приходилось. Едва прибыв на место, подразделения включались в занятия по боевой и политической подготовке»¹⁰.

Во многих источниках, в том числе приказе ставки Верховного главнокомандующего № 4617¹² фигурирует район Плавска¹³, район западнее Плавска и реже-Кобыленские леса. Таким образом, военно-археологические находки, изучение исторического ландшафта и опрос местного населения позволили точно локализовать места воинских соединений фактический материал, собранный во время военно-археологических поисковых экспедиций следует рассматривать как важную составляющую источников, способствующих ликвидации «белых пятен», конкретизации и детализации истории Великой Отечественной войны.

Опубликовано: Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов межд. науч.-обществ. форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2015. – Т. 1. – С. 337–341.

-
1. Забелина А. А. Понятие, сущность, цели, задачи, историческое значение поискового движения. URL: <http://www.iskateltula.ru/blogs/voenkor-zabelina-blog/ponjatie-sushnost-celi-zadachi-istoricheskoe-znachenie-poiskovogo-dvizhenija.html> (дата обращения 13.03.2015)
 2. Котилевский С. С., Теория и практика поисковых работ. Издательство «Отечество». Казань, 2004 г. - с.5
 3. Садовников Д. В. Методика полевых исследований материальных следов вооруженных конфликтов индустриальной эпохи, Москва 2014 – 6с.
 4. Садовников Д. В. Отчет военно-археологической экспедиции «Муравский Шлях-12» URL: <http://iskateltula.ru/novosti/tulskii-oblastnoi-molodezhnyi-poiskovyi-centr-iskatel-zavershil-ocherednoi-yetap-voeno-arheologicheskoi-yekspedici-muravskii-shljah.html> (дата обращения 16.03.2015)
 5. Там же
 6. Там же
 7. Свиринов М. «Лапти» для Т-34 URL: <http://topwar.ru/26342-lapti-dlya-t-34.html> (дата обращения 16.03.2015)
 8. Шейн Д. В. Танки ведет Рыбалко. — С. 98
 9. И. И. Якубовский. Земля в огне. Москва, 1975 – с. 56
 10. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. — С. 194
 11. Мельников С. И. «Маршал Рыбалко» Политиздат Украины, 1984 – с. 93–94
 12. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 122. Л. 41. Цит. по Русский архив. Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы, 1943 год. Т. 16 (5–4), М., «Терра», 1999
 13. Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. — С. 194

РОЛЬ ВИКЕНТИЯ ИГНАТЬЕВИЧА СМИДОВИЧА В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ Г. ТУЛЫ. 1860–1894

*И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
О, мой отец, подвигнут я тобою,
Во мне возжег живую душу ты.
В. Вересаев*

Эти слова были взяты эпитафией к книге В. В. Вересаева «Воспоминания»¹ и посвящены отцу писателя – В. И. Смидовичу.

Говоря о туляках, внёсших большой вклад в развитие русской культуры, нельзя не назвать имя Викентия Игнатьевича Смидовича – известного врача и общественного деятеля, который оставил глубокий след в истории г. Тулы.

Викентий Игнатьевич Смидович родился 3 (15) сентября 1835 года в Каменец-Подольской губернии в семье богатого польского помещика Игнатия Михайловича Смидовича. За участие в польском восстании 1830–1831 гг. имение его было конфисковано, и он умер вскоре в бедности, оставив вдову с четырьмя сыновьями без средств к существованию.

Первоначальное образование Викентий Игнатьевич получил в Одессе (сначала в уездном училище, а потом в Ришельевской гимназии), затем Викентия Игнатьевича берет к себе на воспитание родной брат Игнатия Михайловича – Викентий Михайлович Смидович. Тульский помещик, штабс-капитан русской службы в отставке, православный. Жил в с. Теплое Крапивенского уезда Тульской губернии.

В 1849 г. Викентий Игнатьевич был отдан в Тульскую мужскую классическую гимназию, которую закончил одним из лучших учеников в 1855 г. В том же году он поступил в Московский университет, сначала на математический факультет, а потом на медицинский.

По окончании университета В. И. Смидович приезжает в Тулу и с сентября 1860 г. поступает ординатором в Тульскую больницу Приказа общественного призрения.

В Туле он начал и закончил свою яркую жизнь врача-общественника, санитарного врача. Проработав 6 лет ординатором, в 1867 г. доктор Смидович оставляет больницу и становится частнопрактикующим детским врачом. Он принимает и лечит больных в своем доме на Верхне-Дворянской улице.

В. И. Смидович был высоко эрудированным врачом, обладал большой наблюдательностью и страстно любил науку. Для специализации доктор Смидович предпринял три поездки в Европу, в том числе и в Австрию, являющаяся в то время центром специализации по детским болезням.

Викентий Игнатьевич Смидович считался в Туле одним из лучших врачей. Народу к нему всегда приходило много, практика его была огромна. Люди шли к нему за помощью из разных концов города, он никому не отказывал, всегда умел внимательно выслушать и помочь больному. Много лечил бесплатно.

Особой популярностью и уважением пользовался среди тульской бедноты. В «Воспоминаниях» В. Вересаев писал: «Когда приходилось с ним идти по бедняцким улицам – Серебрянке, Мотякинской и подобным, – ему радостно и низко кланялись у своих убогих домишек мастеровые с зеленоватыми лицами и истощенные женщины»².

Его популярность достигла такой степени, что когда однажды хулиганы остановили его с целью ограбления, а затем узнали доктора, с извинениями проводили его потом до самого дома.

«— Мне по ночам ездить не опасно, – смеясь, любил говорить Викентий Игнатъевич, – все тульские жулики мои приятели»³.

Население Тулы уважало своего доктора за его скромность, отзывчивость, неподкупную честность и профессионализм.

Викентий Игнатъевич явился инициатором многих полезных начинаний и открытий во врачебном деле.

Он серьезно занимался вопросами санитарной статистики, принимая деятельное участие в работах Статистического комитета. Именно В.И. Смидович заложил основы санитарной статистики в Туле. По его инициативе в Туле была проведена однодневная перепись населения, результатом которой явилась его брошюра «Результаты однодневной переписи г. Тулы, произведенной 29 ноября 1891 г.». Чтобы написать эту работу, Викентию Игнатъевичу пришлось составить и систематизировать огромное количество карточек со статистическими данными.

«Отец вел широкие статистические работы, – рассказывает В.В. Вересаев, – я помню его кабинет, весь заваленный стопочками разнообразных статистических карточек. В их сортировке и подсчете отцу помогали мать и мы»⁴.

Викентий Игнатъевич явился также одним из инициаторов создания в Туле Общества тульских врачей, которое объединяло и организовывало врачей, пробуждало их внимание к вопросам научной и практической медицины, к обсуждению и разрешению целого ряда острых проблем здравоохранения. Часто выступал на его заседаниях с разнообразными докладами и сообщениями, опубликовал несколько научных работ, написал отчет о деятельности Общества за четверть века. Викентий Игнатъевич был не только одним из учредителей Общества Тульских врачей, он постоянно жил его интересами и не раз спасал от развала.

В ноябре 1864 г. по инициативе В.И. Смидовича в Туле была открыта городская лечебница Общества тульских врачей, которая в ту пору была единственным в городе доступным для населения лечебным учреждением. Газета «Тульские губернские ведомости» поместила рекламу: «Общество тульских врачей сим имеет честь известить жителей г. Тулы, что 1 ноября в 1 час пополудни имеет быть молебствование по случаю открытия лечебницы для приходящих больных в доме аптекаря Баниге на Киевской улице. Прием же больных для подания им советов, а беднейшим бесплатный отпуск лекарств, назначается ежедневно со 2-го числа ноября, от 11 утра до 1 часу пополудни»⁵.

Викентий Игнатъевич как организатор и как работник принимал всегда самое деятельное участие во всех важных моментах жизни лечебницы. Ему отказывали в приеме, обвиняли в особом пристрастии к нуждам народа, а он добивался разрешения на право существования лечебницы. Больных принимали члены Общества по 2 часа в день бесплатно, а неимущие получали бесплатное лекарство. Лечебница, в основном, содержалась на пожертвования врачей Общества, некоторые средства давало земство.

В 1880 г. В.И. Смидович сообщил товарищам по Обществу тульских врачей «О метеорологических наблюдениях за 1877–1879 гг.». «Из года в год он вел метеорологические наблюдения. 3 раза в день, – рассказывает в своих воспоминаниях об отце В.В. Вересаев, – записывались показания барометра, максимального и минимального термометра, направление и сила ветра. На дворе стояла деревянная колонка с дождемером, в глубине двора, у навеса, вздымался высоченный шест с флюгером»⁶. Викентий Игнатъевич был первым метеорологом в Туле, поставившим дело наблюдения за погодой на научную основу.

Но наибольшая заслуга В.И. Смидовича – это изучение санитарного состояния города. Как следует из некролога, размещенного в еженедельнике «Врач»⁷, метеорологические наблюдения, изучение стояния грунтовых вод и их химического состава, исследование городской почвы, направления стоков – все это велось В.И. Смидовичем с удивительным постоянством и настойчивостью. Им была организована Санитарная комиссия, руководителем и участником которой Викентий Игнатъевич был до самой своей смерти. Всеми мерами и способами, как только мог, он боролся за улучшение санитарного состояния Тулы, за здоровье жителей города.

Как итог нескольких лет упорного труда по изучению санитарного состояния Тулы явился опубликованный впервые в 1880 г. санитарно-экономический очерк «Материалы для описания г. Тулы», который содержит богатый материал о Туле и жизни туляков второй половины XIX века.

Материалы, собранные самим В.И.Смидовичем, дают прекрасную картину санитарно-экономического состояния Тулы того времени. Наряду с подробным описанием топографии местности, строения почвы, климата, водоснабжения, коммунальных объектов города, В.И.Смидович приводит в своей работе данные о физическом развитии детей-подростков и рабочих города, предоставляет анализ заболеваемости населения, состояние медицинского обслуживания. В своей книге доктор Смидович много внимания уделяет вопросам отопления и вентиляции в общественных зданиях, вопросам народной медицины, а также культурного развития населения Тулы.

«Материалы для описания г. Тулы» показывают, как В.И.Смидович хорошо и глубоко знал жизнь и нужды туляков, в рабочих кварталах которых он провел значительную часть своей жизни, и каким он был высоко эрудированным санитарным врачом.

Тяжелые условия жизни, казалось бы, должны были ожесточить сердца бедняков, но, несмотря на свою санитарную необразованность, они заслуживают явно большего. По мнению В.И.Смидовича, туляки – замечательно добрые люди. Когда ему нередко приходилось бывать в самых убогих хижинах, хозяева которых едва сами вырабатывают на насущный кусок хлеба и все-таки дают у себя еще приют какой-нибудь беспомощной вдове, сироте или старику.

С первых же дней работы в городе доктор Смидович начал упорно заниматься санитарией, так как считал, что она неразрывно связана с гигиеной. В.И.Смидович считал, что санитарные условия города вообще незавидны: так как грунтовая вода даже при наибольшем ее падении зимою стоит все-таки очень высоко, то вследствие этого почва отличается замечательной сыростью.

Из-за этих неблагоприятных условий в течение года в Туле почти все перебаливали. Ежегодно в среднем в городе рождалось 2833 человека, в живых оставалось 216. В «Материалах для описания г. Тулы» В.И.Смидович отмечал, что все городское население в среднем выводе должно быть отнесено к числу лиц со слабым сложением и слабою грудью. Свой вывод он подкрепляет справкой о том, что в 1875–1879 гг. из 1201 призванных, к военной службе оказались непригодными 460 призывников из города.

В.И.Смидович также отмечал, что условия городской жизни влияют существенным образом на развитие организма горожан. И это влияние отражается на усиленной заболеваемости и значительной смертности городского населения.

Но более всего Смидовича, как детского врача, заботило здоровье самых юных туляков. Он отмечал, что от поноса гибнут тысячи детей, особенно летом. И делал неутешительный вывод о том, что врач со своими лекарствами ничего не может сделать, потому что проблема заключалась в невежестве населения, от вскармливать детей грудью.

Тульские врачи были обеспокоены также большой смертностью среди рабочих. Средняя продолжительность жизни у мужчин составляла 23 года. Причину этого бедствия они видели в ужасных условиях жизни мастерового люда, в плохой очистке почвы от нечистот, в некачественной воде из колодцев. В «Материалах для описания г. Тулы» в главе, посвященной вопросам промышленной санитарии на предприятиях Тулы, В.И.Смидович рисует страшную картину нечеловеческой эксплуатации рабочих, невыносимых условий труда и быта мастеровых. Работа по 18–19 часов в сутки в антисанитарных условиях, холод и голод дома. В итоге своих наблюдений В.И.Смидович приходит к выводу, что ни один врач со всем арсеналом своих аптечных средств не спасет больного от смерти, что это невозможно сделать, если тифозный больной с каждым вздохом вводит отраву в свой организм, когда кругом грязь, нечистота.

В своих исследованиях В.И.Смидович приходит к выводу о том, что предотвращать болезни, а, следовательно, влиять и на число смертных случаев может только гигиена; вот почему передовые люди из числа земских и городских деятелей все больше стали обращать внимания на санитарные вопросы и отводят почетное место врачам-гигиенистам.

Кроме того, Викентия Игнатъевича всегда интересовал вопрос о состоянии питьевой воды в городе. Он провел ряд исследований по проверке воды в реках и колодцах, стал искать ее доброкачественные источники. Он пришел к следующим выводам: большинство колодцев в городе содержат грунтовую воду, она желтоватого или буроватого цвета (от примеси органических веществ и железа), содержит много извести и нередко вонюча. Хороших колодцев не много, они большей частью находятся на окраинах города. Так как большинство бедного населения пьет воду из запруженных рек Упы и Тулицы или из своих колодцев, если она хоть сколько-нибудь сносна для употребления, то делом первой необходимости является устройство водопровода. В. И. Смидович провел ряд исследований на химический состав 2-х главнейших источников: Рогожинского и Надеждинского. Сопоставив результаты, он заявил о необходимости проведения водопровода в Тулу из Рогожинского колодца. В связи с этим Викентий Игнатъевич в 90-х годах повел продолжительную и упорную борьбу с тульским губернатором Н. А. Зиновьевым. Но – увы! – не всем его начинаниям суждено было воплотиться в жизнь.

В. И. Смидович является одним из основоположников ежегодных съездов земских врачей. В Тульской губернии первый такой съезд проходил в 1880 году. Его успех во многом был определен неутомимой деятельностью первых организаторов-врачей В. И. Смидовича, И. И. Дубенского и С. Г. Озерова, выступивших на съезде с основными докладами и вошедших в состав бюро. Смидович постоянно делился своими знаниями с товарищами по профессии, часто выступал со своими статьями по различным медицинским темам, многие из которых были выпущены отдельными брошюрами.

В. И. Смидович занимался и активной общественной деятельностью. Не было ни одного серьезного городского вопроса, в котором он не принимал деятельного участия. Все помнят Викентия Игнатъевича как гласного Городской Думы, на заседаниях которого он не раз выступал в защиту обездоленных, обивал пороги земства и канцелярии губернатора.

Материалы годовых отчетов «Общества Милосердия для призрения бедных» за 1878 по 1894 годы говорят о том, что В. И. Смидович занимался и благотворительной деятельностью, принимая самое активное участие в обществе. Эти документы содержат отчеты о проделанной работе общества, которое оказывало нуждающимся единовременные вспомоществования, выплачивало ежемесячные пособия, выделяло средство на приданое неимущим девицам, открыло для нуждающихся женщин мастерскую, бесплатную столовую.

Основной труд в «Обществе...» лежал, в основном, на заведующих участками в приходах, которые отвечали за всю работу. Так велика была популярность доктора среди населения города, что его, католика по вероисповеданию, прихожане Александро-Невской церкви выбрали в члены приходского попечительства.

В. И. Смидович, как широко образованный человек, имел настолько разносторонние увлечения, что не было, кажется, такой научной области, которой бы он не интересовался. Так, в своём доме на ул. Верхне-Дворянской он создал химическую и бактериологическую лабораторию, которую затем полностью передал Городской санитарной комиссии, не имевшей своей лаборатории. Викентий Игнатъевич оставил после себя хорошее минералогическое собрание и обширную библиотеку по самым разнообразным отраслям знания.

Нелегко давались В. И. Смидовичу его начинания. Но, несмотря на трудности, неудачи, с которыми ему приходилось сталкиваться, он никогда не отчаивался, а продолжал бороться.

В. Вересаев с любовью писал об отце: «Рутин провинциальной жизни не смогла засосать его. Он до конца дней сохранил свою живую душу во всей красоте ее серьезного отношения к жизни и глубокого благородства... И до последних дней он кипел, искал, бросался в работу, жадно интересовался наукою, жалел, что для нее так мало остается у него времени...»⁸.

Умер В. И. Смидович на своем посту, заразившись от больного сыпным тифом. Сам писал историю болезни до последнего дня. Умер 15 ноября 1894 г. Викентий Игнатъевич похоронен на Всехсвятском кладбище в Туле (захоронение не обнаружено).

«Смерть его вдруг обнаружила, какую он пользовался популярностью и любовью в Туле, где всю жизнь работал» – писал В. Вересаев в «Воспоминаниях»⁹.

Городская общественность глубоко ценила заслуги В. И. Смидовича и тяжело переживала смерть старейшего врача г. Тулы, который, как напечатали впоследствии в одной из тульских газет, «...принадлежал к тому редкому типу людей, которые вместе с природным недюжинным умом, обладают обширным образованием, добрым сердцем, благородным характером и скромностью истинного философа...».

Доклад на Научно-практической конференции «Личность врача в контексте исторического и культурного наследия Тульского края», посвященной 180-летию со дня рождения тульского врача и общественного деятеля В. И. Смидовича. Тула, ТулГУ, 18 ноября 2015 г.

-
1. Вересаев В. В юные годы (Воспоминания) / Предисл. Л. А. Иезуитовой. М., 1982.
 2. Там же. С. 26.
 3. Там же. С. 27.
 4. Там же. С. 28.
 5. Тульские губернские ведомости. 1864. № 44. 31 октября. С. 837.
 6. Вересаев В. Указ соч. С. 28.
 7. В. И. Смидович: [некролог] // Врач: еженедельник / Под ред. проф. В. А. Манасеина. Тула, 1894. № 47–48.
 8. Там же. С. 25.
 9. Там же. С. 24.
 10. В. И. Смидович: [некролог] ...

СОВЕТСКИЕ ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА И ГЕРОИ-ТАНКИСТЫ В ТУЛЬСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1941 г.

Совсем недавно туляки отметили 70-летие Победы в Великой Отечественной войны, а на этот год приходится ещё одна круглая дата – 75-летие обороны Тулы от немецко-фашистских полчищ, стремившихся с юга прорваться к Москве. В сражениях осени–зимы трагического и героического 1941-го неопределимую роль сыграли советские танковые части.

В начале октября 1941 года гитлеровские войска прорвали оборону войск Брянского фронта и захватил Брянск и Орёл. Это создало угрозу быстрого продвижения врага к Москве на тульском направлении, так как фланги Брянского фронта оказались неприкрытыми. Для организации обороны советское командование сформировало 1-й гвардейский стрелковый корпус генерала Д. Лелюшенко, в состав которого вошли: 5-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии, 4-я и 11-я танковые бригады, 46-й мотоциклетный полк, полк гвардейских миномётов и два противотанковых артиллерийских полка.

Первой в указанный район вышла 4-я танковая бригада полковника М. Катукова. Она ещё до подхода главных сил корпуса заняла оборону южнее Мценска. В её составе насчитывалось 7 танков КВ-1, 22 Т-34, 26 БТ¹.

В первом эшелоне обороняющихся находились батальоны приданного бригаде стрелкового полка с небольшими группами танков и противотанковыми орудиями. Главные силы танков были помещены в засады по 2–3 танка в каждой. В бригаде имелась также ударная группа для контратак по прорвавшимся вдоль шоссе Орёл–Тула танков противника.

Наступление противника на этом рубеже было задержано на неделю. В своём отчёте командир 4-й танковой бригады полковник М. Катукоев сообщал, что противник потерял 133 танка, 2 бронемашин, 2 танкетки, 36 противотанковых орудий, до полка пехоты. Потери бригады составили 27 убитых, 60 раненых, 28 танков, из них 9 сгорели, 6 пропали без вести, а остальные эвакуированы, восстановлены своими силами и возвращены в строй, а часть из них направлена для восстановления на заводы².

Приводя выдержку из этого отчёта, военный историк М. Коломиец в своей книге «1941. Танки в битве за Москву» отмечает, что потери противника в танках завышены, но всё равно были немалыми. Бригада Катукоева действовала против 4-й танковой дивизии вермахта. На 10 сентября 1941 года эта дивизия имела 162 танка, а 30 сентября начала наступление, как утверждает в её официальной истории, «примерно 100 танками» – следовательно, около 60 машин находились в ремонте. По немецким данным на 4 октября в дивизии было боеготово 59 машин, около 35 находились не на ходу, а 6 уничтожены. На 12 октября 35-й танковый полк дивизии состоял из 40 боеготовых танков. По мнению М. Коломийца, можно утверждать не менее чем о 30–40 танках 4-й танковой дивизии вермахта, подбитых 4-й танковой бригадой в боях 4–11 октября 1941 года³. Треть танков, подбитая в бою в одной дивизии за неделю – для немцев это было очень много.

Здесь дело не только в так называемой «советской пропаганде». Завышением потерь противника и занижением собственных грешили обе стороны. В горячке боя очень сложно, даже практически невозможно установить, кто подбил танк противника и подбит ли он вообще. Достоверно подсчитать потери противника под Мценском не было возможности, так как поле боя осталось за немцами. Сам командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Г. Гудериан в своих воспоминаниях признавал, что потери советских войск здесь были значительно меньше немецких, в чём он убедился лично, посетив поле боя, где подбитые с обеих сторон танки ещё оставались на своих местах⁴.

Главное значение этих боёв заключалось в задержке наступления врага на Тулу. Советское командование смогло выиграть время, чтобы подготовиться к обороне города.

В боях за Мценск отличился Дмитрий Фёдорович Лавриненко, считающийся самым результативным советским танковым асом. На его счету 52 уничтоженных танка противника. Начало войны он встретил у западной границы в должности командира взвода 15-й танковой дивизии, дислоцировавшийся в городе Станиславе (ныне Ивано-Франковск) на Западной Украине. Под Мценском взвод танков, которым командовал Лавриненко, спас от уничтожения миномётную роту, на позиции которой уже почти ворвались немецкие танки. Историк А. Смирнов в выпуске «Танковые асы СССР и Германии» альманаха «Фронтовая иллюстрация» (№2, 2006 г.) приводит рассказ механика-водителя танка старшего сержанта Пономаренко:

«Лавриненко нам сказал так: «Живыми не вернуться, но миномётную роту выручить. Понятно? Вперёд!»

Выскакиваем на бугорок, а там немецкие танки, как собаки, шныряют. Я остановился. Лавриненко ударил по тяжёлому танку. Потом видим, между нашими двумя горящими лёгкими танками БТ немецкий средний танк – разбили и его. Видим ещё один танк – он убегает. Выстрел! Пламя... Есть три танка. Их экипажи расползаются.

В 300 метрах вижу ещё один танк, показываю его Лавриненко, а он – настоящий снайпер. Со второго снаряда разбил и этот, четвёртый по счёту. И Капотов – молодец: на его долю тоже три немецких танка досталось. И Полянский одного уничтожил.

Так вот миномётную роту и спасли. А сами – без единой потери!»⁵

Бывший командир 1-го гвардейского стрелкового корпуса, дважды Герой Советского Союза генерал армии Д. Д. Лелюшенко в своей книге «Москва – Сталинград – Берлин – Прага» рассказал о приёме, который Лавриненко применил в боях под Мценском. Он замаскировал свои танки и оборудовал ложную позицию, на которую установил брёвна, внешне схожие со стволами танковых орудий. Фашисты начали обстреливать ложные цели, а когда подошли на выгодную дистанцию, танкисты открыли по ним губительный огонь из засад. Враг потерял 9 танков, 2 орудия и много пехоты⁶.

К 5 декабря 1941 года Дмитрия Лавриненко представили к званию Героя Советского Союза, однако он был награждён только орденом Ленина. Получить награду танкист не успел. 18 декабря 1941 года он уничтожил свой последний 52-й танк и в этот же день погиб от шального осколка мины. Только в 1990 году ему посмертно было присвоено Звание Героя Советского Союза.

По сравнению с немецкими танковыми асами количество побед у Лавриненко не столь велико (у самого результативного германского танкиста М. Витмана, по немецким данным, на счету 138 побед), но следует учесть, что почти все самые результативные немецкие танкисты прошли всю войну от начала до конца, а Лавриненко уничтожил 52 танка всего за 2,5 месяца ожесточённых боёв. Между прочим, рассказывая о гитлеровских танкистах, А. Смирнов в своей работе обращает внимание на то, что, хотя потери Красной Армии в танках и самоходных установках в период Великой Отечественной войны чрезвычайно велики, но если принимать личные счета немецких танкистов за истинную правду, как поступают многие западные авторы, то советские танковые войска к концу войны вообще должны были бы прекратить своё существование⁷.

В Тульской оборонительной операции принимали участие 108-я, 112-я танковые дивизии, 32-я и 11-я танковые бригады и некоторые другие танковые соединения. В двадцатых числах октября 24-й танковых корпус вермахта вновь начал наступление вдоль Тульского шоссе, но его продвижение было задержано частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 11-й танковой бригады, действующей в основном из засад. Однако 24 октября противник овладел Чернью и начал развивать наступление на Плавск. На помощь 11-й танковой бригаде была переброшена 108-я танковая дивизия, мотострелковый полк которой вместе с мотострелковым батальоном и 9 танками 11-й танковой бригады перекрыли железную и шоссейную дороги на Тулу. Артиллерия и танковые засады этих частей 26 октября отразили все атаки противника, но на другой день немецкие танки обошли части 108-й дивизии с фланга и вынудили командование Брянского фронта отвести обороняющиеся части на Тульский боевой участок⁸.

32-я танковая бригада получила у стен города оружейников боевое крещение. Она формировалась в городе Владимире в октябре 1941 года очень ускоренными темпами. Бывший помощник командира танкового полка бригады по технической части Л. А. Демидов вспоминал: «Среди нас были ветераны, прошедшие трудный боевой путь начала войны, были и кадровые военные, но необстрелянные... из училищ и академий, были просто резервисты. Сколотить нас, как боевую единицу, возможности не представлялось, так как маршевые роты с танками прибывали перед самой погрузкой в эшелон. Да и танков нам дали меньше, чем планировалось»⁹. Бригада состояла из танкового полка (три танковых батальона), мотострелково-пулемётного батальона, зенитного дивизиона и других частей. Командиром бригады был назначен полковник И. И. Ющук, кадровый военный, уже получивший опыт боёв с гитлеровцами. Начало Великой Отечественной войны он встретил в должности начальника штаба 48-й танковой дивизии, а в конце августа 1941 года стал её командиром. После выхода из окружения дивизия была направлена во Владимир и здесь расформирована.

30 октября 1941 года, выгрузившись на станции Хомяково, в Тулу прибыли основные силы 32-й танковой бригады. В её составе находилось: 31 танк (4 КВ, 7 Т-34, 20 лёгких танков типов Т-26, БТ и Т-60), 29 орудий (11–76-мм, 8–85-мм, 10–45-мм), 12 миномётов, 1795 человек (включая пехоту)¹⁰. Таким образом, она обладала достаточно сильной огневой мощью. И хотя почти 2/3 матчасти бригады составляли лёгкие танки, эти машины при грамотном командовании и умелых экипажах достойно показывали себя в борьбе с пехотой и лёгкими, даже средними танками противника (кстати, лёгкие машины в 1941 году составляли значительную часть бронетанковых войск вермахта).

А на другой день гитлеровцы возобновили атаки на Тулу. Противник сумел выйти в тыл батальона майора Потетюрина из 156-го полка НКВД. Командир танкового полка 32-й бригады майор Новиков всего одной ротой атаковал врага. Немецкие атаки были отражены. В этот день бригада уничтожила 5 танков, 4 орудия и около 300 гитлеровских солдат и офицеров, при этом потеряла подбитыми 5 танков – 4 Т-34 и 1 КВ¹¹. По другим данным, бригада частью своих сил вступила в бой уже 30 октября и потеряла в этот день 3 Т-34 и 1 КВ¹².

С утра 7 ноября 32-я танковая бригада приняла участие в контрударе 50-й армии, взаимодействуя с 413-й стрелковой дивизией. Пехота и танки смогли несколько продвинуться вперёд и овладеть рубежом Басово – Шиши – Крутое.

Эти успехи были достигнуты дорогой ценой. Всего к 10 ноября бригада потеряла в боях до половины личного состава. В докладе Военного совета 50-й армии командующему войсками Западного фронта о боевых действиях 50-й армии в районе Тулы с 20 октября по 10 ноября 1941 года говорилось, что танковый парк 32-й бригады состоит из 2 КВ, 4 Т-34, 6 БТ-7, 8 Т-60.

Ко времени нового наступления противника танковые части 50-й армии продолжали действовать совместно с пехотой: 11-я танковая бригада – с 299-й стрелковой дивизией, 32-я танковая бригада – с 413-й стрелковой дивизией, 108-я танковая дивизия находилась в резерве армии. Танки 32-й бригады были распределены следующим образом: 9 машин находились в боевых порядках 413-й стрелковой дивизии (из них 8 составляли резерв командира дивизии и находились во втором эшелоне), 5 – в боевых порядках 299-й стрелковой дивизии, 7 – на Тульском боевом участке¹³. В 11-й танковой бригаде оставалось всего 5 исправных танков, которые совместно со стрелковым полком 299-й стрелковой дивизии обороняли Дедилово. Мотострелковый батальон 11-й танковой бригады и 108-я танковая дивизия (около 2000 человек, 30 лёгких танков Т-26) находились в резерве. 13 ноября с Дальнего Востока прибыла 112-я танковая дивизия, имевшая 212 танков Т-26, однако 62 из них (6 рот) были отправлены на усиление других участков фронта.

18 ноября гитлеровцы начали новое наступление и в этот же день овладели Дедилово. С помощью контратак танков на участке 413-й стрелковой дивизии враг был остановлен. На другой день командующий 50-й армией приказал 32-й танковой бригаде и 108-й танковой дивизии нанести контрудар и восстановить положение. Но этот план сорвался – противник продолжал атаки, и танкисты вынуждены были их отражать.

Основные силы 32-й танковой бригады в этих боях действовали из засад. Только отряд капитана М. А. Запорожца, в который входили 2 Т-34 и 1 КВ, в течение 19 ноября подбил 11 танков противника и уничтожил до 300 человек пехоты¹⁴. На другой день капитан погиб – в его машину попал вражеский снаряд. Командование бригады представило М. А. Запорожца к званию Героя Советского Союза, но он был награждён орденом Ленина.

21 ноября гитлеровцы овладели Сталиногорском и Узловой. Оборона 50-й армии оказалась фактически разрезанной надвое. 32-я танковая бригада вошла в состав созданного Венёвского боевого участка, который был создан для ликвидации вражеского прорыва. Силы противотанковой обороны участка состояли в основном из немногочисленных танковых частей.

Кроме 32-й танковой бригады, Венёвский боевой участок обороняли 108-я танковая дивизия, 11-я танковая бригада, 124-й танковый полк 112-й танковой дивизии, батальон 73-й стрелковой дивизии. Эти части уже были сильно потрепаны в предыдущих боях – всего в них находилось 30 танков и около 500 человек пехоты, включая бойцов, находящихся в составе танковых бригад.

Оборона была организована засадами по дорогам на подступах к Венёву. В каждую засаду входили 2–3 танка и взвод пехоты¹⁵. В самом Венёве размещалась ударная группа начальника боевого участка. Но связь засад между собой и с ударной группой отсутствовала – её не успели организовать, к тому же силы пехоты были очень малочисленными.

23 – 24 ноября 1941 года шли ожесточённые бои за Венёв. С утра 24 ноября гитлеровцы обошли город с флангов и полностью окружили его. С наступлением темноты части Венёвского боевого участка смогли вырваться из кольца. 32-я танковая бригада, 124-й танковый полк и мотострелковый батальон 11-й танковой бригады отошли к Туле.

Хотя Венёв не удалось удержать, действия его защитников имели очень важное значение. Военный историк М. Коломиец отмечает, что под Венёвом противник был задержан на два дня, что позволило советскому командованию выиграть время для подготовки к обороне других боевых участков – Каширского, Лаптевского, Зарайского и Рязанского. Кроме того, противник не сумел с ходу прорваться к переправам на Оке у Каширы, Серпухова и Коломны¹⁶.

2 декабря 1941 года 3-я и 4-я танковые дивизии вермахта и полк «Великая Германия» прорвали оборону войск 50-й армии северо-восточнее Тулы, а на другой день заняли станцию Ревякино, перерезав железную дорогу, соединяющую Тулу с Москвой. В районе деревни Кострово противник перерезал шоссе Тула – Москва, пытаясь замкнуть кольцо окружения Тулы. Но 4 и 5 декабря по врагу нанесла удар 112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана, которая соединилась с нашими войсками у деревни Кострово и освободила станцию Ревякино, чем обеспечила срыв попытки врага полностью взять в кольцо город оружейников.

5 декабря 1941 года в бою отличился младший сержант Виктор Антонович Григорьев, механик-водитель танка КВ из состава 32-й танковой бригады. В одном из боёв в начале декабря 1941 года танк Григорьева был повреждён. Механик-водитель довёл его до леса и стал ремонтировать. Он трудился всю ночь, обморозил руки и лицо, но к утру привёл танк в расположение батальона. Командир, увидев потемневшее от морозных ожогов лицо и израненные руки, приказал Григорьеву немедленно отправиться в санчасть, но танкист сумел добиться разрешения остаться в строю.

В ночь с 4 на 5 декабря 1941 года группа танков, в которую, кроме танка КВ, входили четыре лёгких – 2 БТ-7 и 2 Т-60¹⁷, получила задачу – выбить врага из деревни Барыбинка на Венёвском шоссе. Немцы превратили три каменных дома в деревне в огневые точки, организовали противотанковую оборону. Им удалось подбить лёгкие танки, но против лобовой брони танка КВ снаряды немецких противотанковых орудий были бессильны. Однако выстрелом с близкого расстояния гитлеровцы смогли заклинить башню танка и вывести из строя пушку. Тогда Григорьев направил свою машину на немецкий средний танк и ударом в борт опрокинул его, а затем, не сбавляя скорости, смял гусеницами противотанковое орудие. Затем танк выехал на сельскую дорогу и врезался в строй немецкой автоколонны. В этом бою гитлеровцы потеряли один танк, два противотанковых орудия, несколько тяжёлых грузовиков. Своими действиями экипаж Григорьева оказал большую помощь нашим наступающим войскам, и деревня Барыбинка была освобождена. За свой подвиг 12 апреля 1942 года Виктор Антонович Григорьев был удостоен звания Героя Советского Союза. Он стал не только первым воином 32-й танковой бригады, удостоенным высшей награды Родины¹⁸, но и единственным в 50-й армии, получившим Золотую Звезду именно за участие в обороне Тулы. К сожалению, имя отважного танкиста в нашем городе до сих пор не увековечено.

Впоследствии он участвовал во многих боях, а Победу встретил в должности заместителя командира полка тяжёлых танков. После войны окончил Академию бронетанковых войск и продолжал службу в Советской Армии до 1957 года, когда был уволен в запас. В 1976 году, в дни празднования 35-летия героической обороны Тулы, в связи с присвоением городу оружейников почётного звания «Город-герой» подполковник запаса В. А. Григорьев и генерал-майор И. И. Ющук возложили венок к подножию постамента, на котором перед вторым корпусом Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого стоит танк Т-34.

Давая общую оценку действиям танковых войск Красной Армии в Тульской оборонительной операции, нужно отметить следующее. Некоторые танковые части (32-я танковая бригада, 112-я танковая дивизия) в этом сражении приняли своё боевое крещение и понесли большие потери, что явилось следствием отсутствия у многих танкистов опыта сражений с немецкой армией. Однако и противнику был нанесён чувствительный урон. Танкисты буквально «на ходу», в огне боёв приобретали и постепенно совершенствовались боевое мастерство. И в этом отношении очень показательна выдержка из приказа по войскам Западного фронта от 22 января 1942 года о награждении бойцов и командиров Красной Армии, подписанного командующим фронтом генералом армии Г. К. Жуковым. Согласно приказу, только по 32-й танковой бригаде орденами и медалями наградились 35 бойцов и командиров бригады: 20 человек – орденом Красного Знамени, 7 – орденом Красной Звезды, 6 – медалью «За отвагу» и 2 – медалью «За боевые заслуги»¹⁹. Причём среди награждённых орденом Красного Знамени – 6 рядовых, 6 сержантов и старших сержантов, 1 старшина, 2 старших лейтенанта, 2 младших лейтенанта, 1 младший политрук, 1 политрук и 1 замполитрука; то есть больше половины – рядовые и нижние чины. А ведь награждение этим орденом в 1941–1942 годах было достаточно редким явлением.

Подводя краткий итог всему сказанному, следует отметить, что под Москвой и Тулой, в отличие от летних боёв 1941 года, советские войска не имели подавляющего превосходства в бронетехнике, однако использовали наличные силы гораздо успешнее и эффективнее, что и стало одним из факторов разгрома врага.

-
1. Коломиец М. 1941. Танки в битве за Москву. – М.: Яуза: Стратегия КМ: Эксмо, 2009. С. 49.
 2. Там же. С. 51.
 3. Там же. С. 51–52.
 4. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939 – 1945. М.: Центрполиграф, 2008. С. 256.
 5. Смирнов А. Танковые асы СССР и Германии // Фронтовая иллюстрация. 2006. № 2. С. 34.
 6. Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага: Записки командарма. М.: Наука, 1971. С. 47.
 7. Смирнов А. Указ. соч. С. 17.
 8. Коломиец М. Указ. соч. С. 70–71.
 9. Демидов Л. А. Упреждающий удар // Тула – город-герой. Тула: Приокское кн. изд-во, 1981. С. 150–151.
 10. Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г. / Под гл. ред. Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. – Новое изд. Перепечатано с изд. 1943 г. М.: изд-во Главархива Москвы, 2006. С. 439.
 11. В бой идут танки // Маяк (Газета Киреевского района). 1985. 14 февраля. С. 2.
 12. Разгром ... С. 457.
 13. Коломиец. М. Указ. соч. С. 94–95.
 14. Там же. С. 100.
 15. Там же. С. 101.
 16. Там же. С. 104.
 17. Танкист Григорьев / По материалам, подготовленным М. Сотниковым // Тула. 2006. 7 декабря. С. 17.
 18. После В. А. Григорьева Героями Советского Союза в 32-й танковой бригаде стали ещё два человека: командир танкового взвода лейтенант В. С. Паршин (15 января 1944 г.) и командир бригады гвардии полковник С. Г. Колесников (10 апреля 1945 г.). Оба получили это звание посмертно.
 19. См.: Приказ по войскам Западного фронта от 22 января 1942 г. о награждении личного состава // Сражение за Тулу / Сост. А. Н. Лепехин. Тула, 2012. С. 499–510.

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОГРАФИЙ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОБЪЕДИНЕНИИ «ТУЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ»

С началом Великой Отечественной войны работа Тульского областного краеведческого музея была перестроена на военный лад: был издан приказ о консервации музея, штат сокращен до четырех человек, а в октябре 1941 года, в связи с приближением немецко-фашистских войск к Туле, началась эвакуация ряда ценных предметов, в том числе фотографий. В связи с введением 25 октября 1941 года в городе осадного положения, музей прекратил работу до мая 1942 года. После вынужденного перерыва в работе сотрудники активизировали сбор экспонатов по обороне Тулы, и в результате экспедиции по сбору военных материалов фондовое собрание начало пополняться фотодокументами на военную тематику и фотографиями героев – участников Великой Отечественной войны¹. Отметим, что документы, комплектуемые в советское время музеем, главным образом концентрировали внимание на проявлениях патриотизма, героизма, единения народа в борьбе с врагом.

Составная часть битвы за Москву – оборона Тулы – сыграла важнейшую роль в разгроме фашистских войск к югу от Москвы. Фотодокументы, скомплектованные сотрудниками музея, иллюстрируют хронологию основных событий защиты города. В октябре 1941 года фашистские войска подошли к Туле, началось строительство оборонительных рубежей. Ряд фотодокументов зафиксировал противотанковые ежи и баррикады на улицах города, укрепления его окрестностей.

22 октября создан Тульский городской комитет обороны – фотопортреты его членов и военачальников, принимавших наиболее близкое участие в заседаниях, хранятся в фондах музея (В. Г. Жаворонкова, Н. И. Чмутова, В. Н. Суходольского, командира 732 Зенитно-артиллерийского полка Бондаренко, комиссара полка Морозкина, а так же секретарей Тульского горкома и райкомов партии, принимавших участие в осуществлении решений комитета). Кроме того сохранились изображения здания, где располагался комитет, его интерьеров.

Постановлением Комитета обороны от 23 октября из истребительных батальонов и отрядов народного ополчения сформирован Тульский рабочий полк, боевой путь которого начался в кризисное время кровопролитных боев. Полк под командованием капитана госбезопасности А. П. Горшкова играл значительную роль в обороне города, поэтому большое место в составе фотокolleкции периода Великой Отечественной войны занимают портреты героев, сражавшихся в составе полка, многие из которых погибли во время обороны или позже, на фронтах Великой Отечественной войны. Так, комиссар полка Г. А. Агеев (ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза), вынес с поля боя семерых воинов и погиб при попытке спасти восьмого. Одна из сандружинниц рабочего полка, Зоя Владимировна, приняла свой первый бой в 17 лет. Раненых было много, а ей приходилось справляться одной, несмотря на то, что силы ее почти покинули, «поднялась рвота, ужасно болела голова, ныли замерзшие руки»². Под перекрестным огнем за день девочка вынесла и перевязала 25 бойцов, а всего перевязанных ей в том бою было 38 человек. Погибла Зоя в 1943 году в Смоленской области. Ее фото поступили в музей в 1980-е годы, а в 2014 году родственница передала еще одну фотографию, где Зоя изображена в военной форме в звании старшины, о том, что ей было присвоено это звание, ранее было неизвестно исследователям.

Анатолий Петрович Горшков в конце ноября 1941 года сдал Тульский рабочий полк новому командиру и вернулся в Управление НКВД по Тульской области, где занимался организацией и переброской в тыл партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп. Любопытны сюжетные снимки, освещающие подготовку партизан: занятия по подрывному делу, учебной

стрельбе, погрузка боевого имущества в самолет, перед отправкой в тыл врага, подписание партизанской присяги. Формирование партизанских отрядов и подпольных организаций началось еще в сентябре 1941 года. На территории области действовало около 300 партизанских отрядов, в которые шли рабочие тульских заводов, служащие и учащиеся. В фондах музея представлены портреты партизан из разных отрядов («Передовой», «Шторм», «Запорожец» и др.). Интересны подлинные снимки Героя Советского Союза Александра Чекалина – 17-летнего партизана отряда «Передовой», казненного фашистами в ноябре 1941 г., фотографии юных разведчиков Саши Дубова, Коли Венедиктова, Димы Анкудинова. Мальчиков в декабре 1941, при выполнении боевого задания, схватили фашисты и после пыток расстреляли. На тот момент Саше и Коле было 15, а Диме 16 лет. Представляют интерес снимка руководителей партизанского движения В. Н. Суходольского, А. П. Горшкова, Ф. И. Титкина и др. Успешная деятельность тульских партизан помогала Красной армии разгромить врага.

Оборона города и его окрестностей была возложена на 50-ю армию, которая входила в состав Брянского фронта. В музее хранятся фотографии генерал-лейтенанта И. В. Болдина, командующего войсками 50 армии – среди них фото периода боев за Тулу: Болдин на командном пункте за картой боевых действий в декабре 1941, а так же командарм у гроба погибшего воина. Пробелом является отсутствие в фондах документов выдающегося военачальника А. Н. Ермакова, командующего 50 армией с 23 октября по 21 ноября, сыгравшего в организации обороны Тулы важнейшую роль. Возможно, отсутствие архива Ермакова в фондах музея, связано с тем, что Аркадий Николаевич был отстранен от должности и арестован органами НКВД (освобожден в 1942 году).

В начале войны в Туле формировалась 330-я Тульская стрелковая дивизия, участвовавшая затем в составе 10-й армии в освобождении ряда районов Тульской области, героически отражали атаки вражеских танков и мотопехоты воины 732 зенитно-артиллерийского полка, 156 полка НКВД, 702 истребительного противотанкового артполка и других частей. Фото защитников Тулы занимают значительную часть коллекции фотографий периода Великой отечественной войны.

В октябре 1941 года эвакуировано оборудование, работники оборонных заводов и других наиболее важных предприятий в восточные районы страны, но в цехах эвакуированных предприятий были организованы ремонт оружия, танков, пушек. Наряду с ремонтом боевого оружия и техники был развернут выпуск нового миномета, чертежи которого были созданы по образцу трофейного, производились гранаты, бутылки с горючей смесью, саперные лопаты и другое снаряжение. В артелях «Металлопрома» ремонтировали походные кухни, лыжи, сани, «Швейсоюз» поставлял фронтовикам обмундирование³. О работе многих тульских предприятий рассказывают фотографии.

Город снабжался электроэнергией. В фондах объединения хранится фотоальбом, на фото в котором изображены люди и события времени 1941 года в коллективе Тульского района «Мосэнерго». Снимки сделаны работником района П. П. Дмитриевым в 1941 году, систематизированы начальником подстанции А. В. Холиным в 1966 году и повествуют о буднях энергетиков: работники проводят восстановительные работы на подстанциях, шоферы заправляют «чурочками» автомашины, переведенные с жидкого топлива на газогенераторное, женщины сушат белье «лиц, находившихся на казарменном положении»⁴, даже собаки на службе – овчарка Серый, «задержавший нескольких вооруженных человек, перелезших через забор на территорию подстанции»⁵ и дворняжка Шамайка, которая «была хорошим сигнализатором о приближении посторонних»⁶.

Город находился в исключительном напряжении. Фашистская авиация совершала на Тулу почти непрерывно групповые и одиночные налеты. От налетов авиации, артиллерийских и минометных снарядов пострадала значительная часть жилых зданий, учреждений, эти разрушения зафиксированы на снимках (в частности, разрушенные здания и сооружения Косогорского металлургического завода).

В осажденном городе продолжали работать медицинские заведения, в которые поступало огромное количество раненых. Продолжал функционировать центральный родильный дом. Главный врач ЦРД Вера Федоровна Гумилевская, прекрасный врач-практик, во время осады оставалась на своем посту, врачи и младший медицинский персонал не прекращали работу ни на один день. За время осады с 26 октября по 25 января 1941–42 года в городе родилось 457 новорожденных, примечательно, что все младенцы выжили. Интересны снимки интерьера родильного дома того пе-

риода: детской комнаты, родильной комнаты в подвале, где проходил прием новорожденных, палат оперированных больных. Ценно так же то, что, что в музее это единственные фотографии, на которых изображена В. Ф. Гумилевская – тульское медицинское светило, врач, известный всему городу, 30 лет возглавлявшая родильный дом.

Медики сражались и на фронте: одна из примечательных героинь Великой Отечественной войны Е. А. Шамшикова – военфельдшер, в жестоком бою за Белев, несмотря на ранение, продолжала оказывать помощь бойцам 330 Тульской стрелковой дивизии⁷. У нее была возможность уйти с отступающим подразделением, но она не бросила раненых в занятой противником деревне Беседино. Фашисты зверски истязали Елизавету, затем вместе с советскими воинами расстреляли и сожгли. Посмертно Е. А. Шамшикова награждена орденом Красного знамени⁸. Фотография хрупкой девушки, в июле 1941 года закончившей университет, иллюстрирует рукопись – воспоминания о ней друзей и родных.

Как и на всей временно оккупированной советской земле, гитлеровцы встретили в Тульской области ненависть и сопротивление. В городе Ефремове фашисты бросили в сырой, неоттапливаемый подвал школы (где разместили свой госпиталь), без медицинской помощи и пищи 52 советских бойца, раненых в боях. Населению пригрозили расстрелом за помощь им. В доме, стоявшем дворе школы, жила семья Горшковых: Любовь Васильевна, Федор Иванович и их дети Володя и Слава (13 и 12 лет). С большими трудностями Любовь Васильевна смогла пройти в подвал, стала ходить туда каждый день, взяв на себя работу по уходу за ранеными, кормлению и доставке им воды. Мальчики ходили за водой не менее пяти раз в день, что было очень опасно, так как река находилась между фашистскими и советскими позициями, поэтому над головой летали пули. Кроме того, Володя и Слава снабжали раненых перевязочным материалом с немецкой свалки, посудой, кололи дрова. Приготовление пищи легло на Федора Ивановича (он не выходил из дома, чтобы немцы не мобилизовали его для своих работ) – надо было готовить почти на 60 человек, когда запас продуктов был истрачен, пришлось зарезать корову. С продуктами помогали соседи, знакомые. 13 ноября 1941 года город был освобожден и все раненые были переданы в советский госпиталь⁹. В музее хранятся снимки, на которых члены семьи Горшковых изображены за повседневными делами: Любовь Васильевна с коромыслом, в одежде в которой ухаживала за ранеными, Федор Иванович у печи в качестве повара в подлинной одежде, семья у самовара. Подобные бытовые снимки, изображавшие жителей города периода Великой Отечественной войны, являются редкостью.

Тула устояла, враг не прошел в Москву с юга. Оборонительная операция продолжалась с октября 1941 по декабрь 1942 года. 6 декабря началось контрнаступление Красной армии под Москвой, советские войска продолжили успешно продвигаться вперед. Комплекс фотографий рассказывает об участии в боях бойцов и командиров войск Красной Армии, силами которых достигнуты успехи на тульском направлении в обороне и в наступательных операциях.

Фотографии свидетельствуют о пребывании фашистов на территории Тульской области, зафиксировав руинированные улицы городов и деревень, сожженные дома, трупы замученных оккупантами жителей (в том числе расстрелянной еврейской семьи из города Плавска с детьми от нескольких месяцев до 11 лет). Несколько фото запечатлели семьи, возвращающиеся в освобожденные места. Отметим фотографии Ясной Поляны, пострадавшей во время войны: сожженную школу-интернат, разрушенную библиотеку (была уничтожена вся школьная библиотека в 18000 томов), следы пребывания гитлеровцев на территории музея – усадьбы Л. Н. Толстого. В музее-усадьбе располагался штаб танкового соединения, в зданиях музея был устроен госпиталь, умерших в котором раненых хоронили около могилы Л. Н. Толстого. Кладбище состояло из 75 могил с крестами с фашистской свастикой и надписями на немецком языке. Автор фотографий Б. Фишман, фотохроника ТАСС, декабрь 1941 г. Пострадал дом Толстого, который пытались поджечь при отступлении. В декабре 1941 года для создания плана быстрее восстановления музея-усадьбы была организована комиссия Академии наук. Первая реставрация была завершена весной 1942 года, для посетителей и музей открыли 1 мая. Фото торжественного собрания, посвященного открытию, поступили в Тульский краеведческий музей после войны.

Ликвидация последствий вражеского нашествия, отраженная в фотографиях, развертывалась без промедления по мере освобождения от противника территорий. На одном из фото женщины в зимнее время расчищают улицы города, комплекс фотографий рассказывает о восстановлении железнодорожных путей. К июлю 1942 года в Тульской области действовали все станции, восстановлена телеграфно-телефонная связь.

Навсегда вошел в историю ратный труд туляков, сотни тысяч из них удостоены высоких наград. Дважды удостоены почетного звания Герои Советского Союза Б. Ф. Сафонов, М. Г. Фомичев. Борис Феокистович Сафонов – уроженец села Синявино Тульской губернии, воспитанник Тульского аэроклуба. Он первый из тех, кому было дважды присвоено звание Героя Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Летчик-истребитель, командир 2-го гвардейского смешанного авиационного полка ВВС Северного флота погиб в мае 1942 года над Баренцевым морем, прикрывая союзный конвой. Некоторые его портреты 1941 года из фотоколлекции музея выполнены фронтовым фотокорреспондентом Е. А. Халдеем. Михаил Георгиевич Фомичев, уроженец Беловского района Тульской губернии, работавший трактористом в совхозах района, в 1930-е годы закончил бронетанковое училище, в мае 1941 г. Военную Академию бронетанковых и механизированных войск. Звание Героя Советского Союза присвоено ему за освобождение города Львова, дважды Героя – за овладение Прагой. Интересны фото из Праги: М. Г. Фомичев среди местных жителей, во время отдыха со щенком на руках. На одной из фотографий М. Г. Фомичев принимает новые танки.

Комплектованию материалов о туляках – участниках Великой Отечественной войны уделялось большое внимание на протяжении всей послевоенной истории существования музея. Были собраны коллекции материалов маршала Советского Союза В.И. Чуйкова, бывшего командующего 62 армией, оборонявшей Сталинград, участников Курской битвы, форсирования Днепра, освобождения Украины и др.¹⁰ Отметим комплекс документов Героя Советского Союза Олега Петровича Матвеева (1924–1945), лейтенанта, командира танка, прошедшего с боями Украину, Бессарабию, Румынию, Белоруссию, Польшу и Германию. В письмах к матери он пишет: «За войну можно побывать в разных местах, увидеть много интересного, посмотреть разные народы, их нравы и обычаи...насмотрелся разных диковинных вещей, о которых раньше и не слышал даже... Про себя писать особо нечего - живу, воюю, двигаюсь дальше»¹¹ Олег не рассказывает о себе, но вот его друзья-танкисты пишут Вере Федоровне: «Мы, комсомольцы – танкисты, боевые друзья Вашего сына, посылаем Вам слова благодарности за воспитание такого смелого и мужественного воина... Олег Петрович – это наша гордость»¹². В 1944 году Олег получил орден Красной Звезды, в январе 1945 был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. «Оставались считанные дни до приказа. Когда пришло то время и мы прочитали в газете, что Олегу было присвоено звание, его уже не было...»¹³ О.П. Матвеев погиб в бою за город Кенигсберг 5 февраля 1945 года. Бой этот был неравный – по взводу в составе трех машин фашисты открыли ураганный огонь из шести противотанковых пушек, в засаде находилось большое количество автоматчиков. Все танки были подбиты и зажжены, когда танкисты выскакивали из горящих машин, немецкие автоматчики их расстреливали. «...завязались бои. Олег был ранен, но продолжал вести бой... машина была подбита, Олег вторично ранен... Он погиб как герой. И когда мы выбили немцев, забрали трупы Олега и радиста Павлика и похоронили их в одном немецком селе, названия которого не помню...»¹⁴ «Целое поколение мужчин, работоспособных и талантливых, было уничтожено. Из родившихся в 1923 году осталось к концу войны не более трех процентов»¹⁵.

В годы военных испытаний советские люди проявляли глубокое чувство долга. Заслуживают внимания 14 фоторепродукций, освещающих торжественное мероприятие по передаче танковым войскам СССР танковой колонны «Дмитрий Донской», созданной по инициативе Московской патриархии на пожертвования верующих. Колонна из 40 танков была передана в 1944 году в населенном пункте Горелки под Тулой.

Война СССР с Германией решала судьбу мира – это важное заявление было сделано председателем Национального комитета Свободной Франции генералом Шарлем де Голлем в конце 1941 года в Лондоне¹⁶. Он предложил направить в СССР группу французских летчиков, в 1942 году Советское правительство дало согласие и личный состав Истребительной группы «Нормандия» прибыл в СССР в ноябре 1942 года. Успешно окончив переучивание и выдержав инспекторский

смотр в воздухе 22 марта 1943 года группа «Нормандия», официально названная эскадрильей, вылетела на Западный фронт. В боях летный состав полка был сильно ослаблен, и советское командование в октябре 1943 года вывело полк из боевых действий и отправило в Тулу на переформирование (в первую кампанию 1943 года французские летчики сбили 77 самолетов противника, 18 повредили, собственные потери составили 21 человек из 37 участников боев). Тула послужила большой школой, позволившей обобщить собственный фронтовой опыт эксплуатации самолетов в зимних и летних условиях и сделать необходимые выводы. 26 мая О. И. А. П. «Нормандия», обновленный, прибыл на 3-й Белорусский фронт¹⁷. В обращении жителям Тулы командира полка «Нормандия-Неман» Луи Дельфино, летчиков, Героев Советского Союза Ролана де ля Пуап и Жака Андре говорится: «В 1943–44 годах полк «Нормандия-Неман» впервые получил возможность познакомиться с жизнью советских людей не по газетам, а прямо в семьях, в их домах... До сих пор бывшие летчики полка с восторгом помнят жителей Тулы»¹⁸. На снимках – командир полка Луи Дельфино, советские и французские летчики после совместных боевых вылетов (среди них Герой Советского Союза, туляк И. Г. Королев)

Особый вклад в Победу в Великой отечественной войне внесли города-герои. Среди этих городов должное место занимает Тула, удостоенная высшей степени отличия за мужество и стойкость в период разгрома фашистских захватчиков под Москвой. Комплекс фотографий отражает награждение Тулы орденом Ленина в 1966 году и присвоение почетного звания «Город-герой» с вручением медали «Золотая звезда» в 1976 году.

Со времени второй мировой войны прошли десятилетия, но историческая память сохраняет имена тех, кто на фронте и в тылу участвовал в разгроме гитлеровских захватчиков. В 2013 году открылась новая экспозиция Тульского краеведческого музея, в оформлении которой принимали участие художники из Санкт-Петербурга. Один из залов музея рассказывает о Великой Отечественной войне. При работе над экспозицией авторы понимали взаимосвязь музейного предмета и документа, являющегося ценным историческим источником, зачастую обладающим сильным эмоциональным воздействием на человека. Не случайно, в залах Военной Славы, посвященных Великой Отечественной войне, акцент сделан на фотодокументы: лица людей, приближающих Победу – от генералов и командиров до мальчиков и девочек, погибших юными...

Коллекция фотографий периода Великой Отечественной войны и комплексы фотодокументов ее участников занимают значительное место в составе фондов объединения «Тульский историко-краеведческий и художественный музей». Предметы этой коллекции востребованы исследователями, публикуются в различных изданиях, экспонируются на выставках.

Опубликовано: Сборник докладов конференции «Фотография в музее», 19–22 мая 2015 г. – СПб., 2015. – С. 47–51.

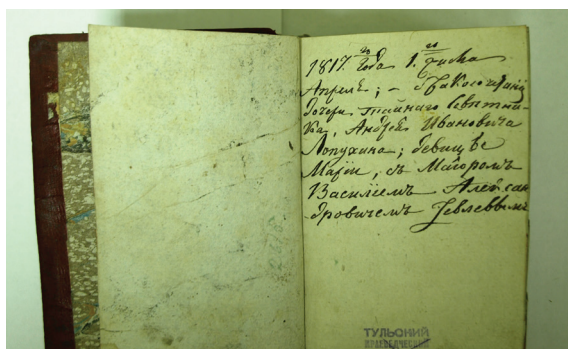
1. Полозов Е. М., Сазонова Т. В. Тульскому областному краеведческому музею – 75 лет//75 лет Тульскому областному краеведческому музею. Материалы краеведческих чтений. Тула, 1995. С. 7–8.
2. Битва за Тулу. Сборник документов и материалов. Изд. четвертое, дополненное и исправленное. Тула: Приок. кн. изд-во, 1969. С. 91.
3. Плотников А. П. Рассекреченная правда войны. Тула: Шар, 1995.
4. ТОКМ 5304. Альбом с фото о работе 9 района «Мосэнерго» в 1941 г. С. 9.
5. Там же, С. 32.
6. Там же.
7. ТОКМ НВ 2031/3. Рукопись «Лиза Шамшикова»
8. Плотников А. П. Указ. соч.
9. ТОКМ НВ 1277. Машинопись. Материалы по обороне г. Тулы в 1941 году. С. Шиманский. С. 17–19.
10. Плотницын В. Г. Научно-исследовательская и собирательская работа ТОКМ по теме «Тульский край в период Великой Отечественной войны» // 75 лет Тульскому областному краеведческому музею. Материалы краеведческих чтений. Тула, 1995.
11. ТОКМ 4103. Письмо Олега Матвеева матери. 25.01.1945 г.
12. ТОКМ 4104. Письмо друзей-комсомольцев Олега Матвеева его матери. 26.07.1944 г.
13. ТОКМ 4105. Письмо Н. Елкина матери О. Матвеева. 2.06.1947 г.
14. ТОКМ 4106. Письмо мл. лейтенанта Леховицкого Л. В. 12.04.1945 г.
15. Плотников А. П. Указ. соч. С. 152.
16. ТОКМ 12068/4. Машинопись «Полк «Нормандия-Неман» – участник Великой Отечественной войны..» 1990 г. С. 1.
17. Там же.
18. ТОКМ 12068/1. Альбом «20-летие полка «Нормандия-Неман. Дополнительные материалы за 1963–64 гг.». С. 11.

ДУХОВНАЯ КНИГА – «СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ВРЕМЕН». ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СТАРОПЕЧАТНЫХ И ЦЕРКОВНЫХ КНИГ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ»

Духовная книга – нравственная опора для человека и в трудные дни, в период исторических потрясений, и в обычные дни мирного времени. В фонде редкой книги музея хранятся такие книги, принадлежавшие нашим землякам. Все они изданы в дореволюционный период (1762, 1815, 1890, 1895, 1910). Но читали их и в советское и постсоветское время, о чем свидетельствуют дарственные и владельческие надписи. В музей они поступили в разное время (1995, 2000, 2006). Бережное отношение к духовной книге обычных людей, не священников, мирян, на протяжении веков хранивших эти книги в своих семьях как драгоценность, говорит о том, что традиционные ценности (любовь и почитание родителей, любовь к своему Отечеству, своему языку и культуре), привитые в семье и пронесенные через все тяготы жизни – вечны.

Молитвослов. Киев: Киевопечерская Лавра, 1815

Роскошное издание, стиль «дворцовых библиотек»: цельнокожаный переплет красного цвета с золотым тисненым растительным орнаментом, с золотым обрезом, форзацы из мраморной бумаги ручной выделки, книжный блок из голубой бумаги, с инициалами, заставками, концовками и 16 гравюрами. Владельческая запись на шмуцтитуле коричневыми чернилами: «1817 года 1 числа апреля; бракосочетание дочери тайного советника Андрея Ивановича Лопухина; девицы Марии, с майором Василием Александровичем Иевлевым». Скорее всего, запись сделана родным или близким человеком, для которого это было столь важным событием, что он поместил ее на молитвеннике. Из довоенных поступлений в музей, точных сведений нет.

Андрей Иванович Лопухин (1738–1817; 1742–1818) с 1787 по 1796 гг. – правитель Тульского наместничества, затем до 1802 г. первый тульский гражданский губернатор¹. При нем в 1799 г. в Туле учреждена епархия. После отставки жил в Туле в собственном доме и похоронен в храме Преображения Господня Успенского женского монастыря. Его дочь Мария (1792–1876) от второго брака с Анной Алексеевной Смирновой.

Библия сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета. М.: Синодальная типография, 1890

Переплет составной, из картона, оклеен бумагой «с разводами», корешок из коричневой кожи с золотыми тисненными орнаментальными полосами и красной кожаной наклейкой с названием. Нахзац: личная печать «поставщик Московской Синодальной типографии Григорий Евлампиев», подтверждающая источник поступления. В Москве в 1871–1905 гг. Евлампиев изготавливал переплеты всех типов и видов, преимущественно церковных книг. Форзац: владельческая подпись от 16 июня 1899 г. и две владельческие круглые красные сургучные печати «М. В. Гедеонов».

Михаил Владимирович Гедеонов – знаменитый тульский врач, проживал на Стародворянской (Бундурина) улице. Один из четырех врачей Ванькинской больницы, работал со дня ее открытия в 1908 г. По данным Отчета 10 съезда врачей Тульской губернии 1913 г. в списке врачей Тульского уезда. Врач-инфекционист (специалист по диагностике и лечению инфекционных заболеваний; коклюш, скарлатина, корь были широко распространены в Туле), работал и в патологоанатомическом кабинете Тульской губернской земской больницы. Занимался бактериологией (изучал болезнетворные микробы, что тесно связано с патологией заразных болезней) и прозекторской деятельностью (прозектор руководил вскрытием, изучал материальный субстрат заболевания). Вел научную работу, в России и Туле шел процесс становления патологоанатомической науки. Такая профессия требует определенных личностных качеств: скрупулезности, терпения, хорошей памяти, аналитического мышления. Возможно, их он приобрел в чтении духовной литературы. Наряду с солидными медицинскими томами² ему принадлежала Библия, которую он внимательно изучал (о чем свидетельствуют множественные владельческие подчеркивания простым карандашом).

Евангелие на славянском и русском языках. М.: Синодальная типография, 1910

В зеленом коленкором переплете с блинтовым тисненым орнаментом и 8-конечным крестом принадлежало Надежде Гедеоновой, ученице 4 класса 2-й женской гимназии (1913 г.). В него вложена вырезка из журнала с фотоизображением картины И. Левитана «Тихая обитель». Евангелие и другие предметы семьи Гедеоновых: ноты, учебники, похвальный лист, вязальный крючок, флаконы, шкатулки – знакомят нас с укладом мирной жизни тульского семейства врачей на рубеже XIX–XX вв.

Эти предметы были переданы в музей Староверовой Зоей Егоровной в 1995 г.

Служба и акафист иже во святых отцу нашему Алексию Митрополиту, всея России Чудотворцу на день преставления (февраля 12). М.: Синодальная типография, 1895

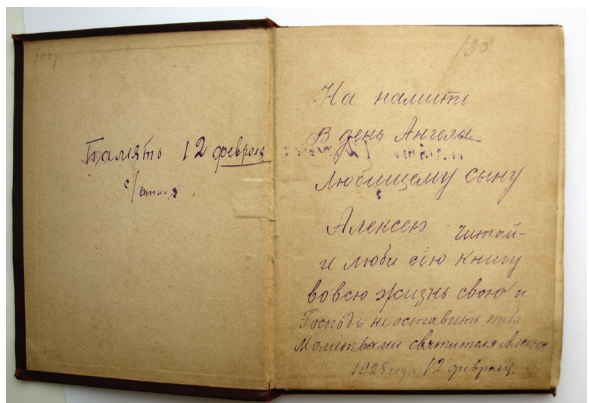

Цельный коленкоровый переплет с блинтовым тисненым растительным орнаментом и 4-конечным крестом, с гравюрой (благословляющий Алексей).

На форзаце дарственная надпись фиолетовыми чернилами отца, отцовское наставление 35 летнему сыну. 12 февраля 1928 года, церковь отделена от государства, первое десятилетие новой советской безбожной власти. «Память 12 февраля с/стиля. На память в день Ангела любящему сыну Алексею/ читай и люби сию книгу во всю жизнь свою/ и Господь не оставит тебя молитвами Святителя Алексея».

Алексей Григорьевич Смирнов родился в 1893 г. в д. Деево Алексинского района Тульской губернии. До революции служил в булочной Филиппова «мальчиком-булочником». Прожил долгую жизнь (умер в 1985 в Ленинском районе). Книгу передала его дочь тулячка Руденко Софья Алексеевна в 2000 г.

Благодарственное моление к всецедрому Богу... во возведение на всероссийский Престол... великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны... М.: Московская типография, 1762.

Тетрадь вложена в самодельную обложку из обойной бумаги позднего времени, предположительно 19 в., что подтверждает владельческая запись. На верхней обложке приклеен лист голубой бумаги с рукописной надписью коричневыми чернилами «Коронация» в дореволюционной орфографии и записью на обороте скорописью: фрагмент прошения («братится взысканием ...ево имения... смилостивясь государя прошу вашего иператорского величества... дня 1811 года»).

В современной орфографии фиолетовыми чернилами ниже первой записи рукописная надпись другим почерком: «1945 года. 1944 года. Раскинулось море широко!» и две «галочки-птицы». Это поступление 2006 г. из незаписанных предметов. Трудно сказать определенно о судьбе книги и ее владельцах, о дате последней записи: была ли она сделана в военные годы или это воспоминание о военных годах ее владельца, но несомненно одно, книга была дорога кому-то, ее берегли, обернули и хранили долгие годы.

Красивые, добротные переплеты, гравюры, шрифт – все говорит о том, что книги изданы с любовью. В XVII - первой половине XIX вв. переплетные работы велись вручную. Каждый переплет уникален, изготовлялся по заказу владельца. Все мастера переплета книг духовного содержания до 1917 года соблюдали «Подлинник о книжном переплете» анонимного автора, датируемого концом XVII – началом XVIII вв. В форме беседы мастера и ученика там подробно простым языком изложены секреты переплетного искусства. Упомянутый выше московский переплетчик Григорий Евлампиевич Евлампиев учился в мастерской своего отца, который был в свою очередь учеником известного московского мастера по переплету духовных книг Тихона Васильевича Юзлова.

Так из поколения в поколение книга передает духовное наследие, семейные ценности. Книга как предмет духовной и материальной культуры формирует культурную среду, культуру чтения, эстетический вкус читателя.

Опубликовано: Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской духовной семинарии. – Тула, 2015. – Вып. 4. – С. 6–9.

-
1. Чернопяттов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Родословец. Материалы. Ч. 6. М, Б.Г. С. 344–345. ТОКМ НВ 6469.
 2. Неврастения. СПб, Б. Г. Руководство к частной хирургии. СПб., 1886; Диагностика. Б. М, Б. Г. Руководство к частной патологии. СПб., 1892. ТОКМ 12959/1, 4, 5, 6, 7.

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА. XIV– XX вв. КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТУЛЬСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Неотъемлемой частью нашей сегодняшней жизни стала возрастающая потребность общества к самопознанию своих исторических корней. В этом аспекте деятельность военно-исторических музеев позволяет связать в единую цепь звенья «прошлое-настоящее-будущее» и ответить на вопрос «с чего начинается Родина?».

В таком понимании Тульский кремль, как главное оборонительное сооружение Тулы, надежного южного форпоста Московского государства, тесно сплетается с понятием «малая Родина».

Открытие в кремле Тульского военно-исторического музея придаст кремлю значение социокультурного ядра города, ориентированного на воспитание патриотизма и гражданственности.

Цель экспозиции: сохранение исторической памяти о роли Тульского края в защите Отечества и участии туляков в военной истории России.

Задачи экспозиции:

1. Проиллюстрировать героический боевой и трудовой вклад туляков в защиту Отечества во все времена от Куликовской битвы до наших дней.

2. Способствовать формированию патриотического сознания, уважения к истории России.

3. Сформировать мотивацию к изучению истории Отечества и края.

В основу построения экспозиции положены принципы историзма, научности, предметности.

Основу экспозиции составляют предметы из фондов Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей» – вещественные, документальные, изобразительные, письменные источники.

Концепция базируется на основных положениях целевых федеральных и региональных программ «Патриотическое воспитание граждан РФ», «Культура России 2012–2015 годов», Программа развития отрасли культуры Тульской области на 2012–2016 годы.

Особенность музея заключается в показе военной истории региона на протяжении всего хронологического периода, начиная с первых событий, зафиксированных исторической наукой. При этом военная история представлена во всем ее многообразии, включая не только героику войны, но и военную повседневность.

Тема военной повседневности выходит сегодня на первый план и героем этой темы является простой человек, наш земляк, который жертвовал на военные нужды, отправлял в русскую, а потом советскую армию сухари и капусту, мясо и яйца, сам жил подчас впроголодь, но во все времена помогал чем мог Отечеству, фронту, солдатам. Работа тульских промышленных предприятий, госпиталей и школ, благотворительность должны стать ключевыми темами новой экспозиции. И здесь нам важно показать различные сословия, различные социальные и возрастные группы, которые во все времена помогали Отечеству в годину военных испытаний.

Не битвы и сражения выходят на первый план, а человек – наш земляк на фронте и в тылу, на передовой и в шахте, на танке и паровозе, в госпитале, суворовском училище и т.д.

При создании экспозиции предполагается применение новейших музейных технологий, различных мультимедийных (видео, аудио) средств, создание музейных инсталляций, реконструкций, использование световых, звуковых эффектов, позволяющих сделать экспозицию более привлекательной, в ряде случаев интерактивной.

Экспозиция должна отвечать следующим требованиям:

- сочетать в себе научную достоверность и художественную выразительность;
- посетители должны получать полное представление по всем тематическим разделам, а одиночный посетитель должен иметь возможность самостоятельно изучать и анализировать необходимую информацию;
- должна быть предусмотрена возможность проведения экскурсий как по «полному», так и по «укороченному» маршруту, одновременного проведения нескольких экскурсий.

Три зала экспозиции будут располагаться на двух этажах здания бывшей электростанции и охватывать период с 14 века до наших дней.

Экспозиционный зал № 1. «За Отечество» Площадь: 240 кв. м.

Вводная тема: история Куликовской битвы, которую можно считать летописным началом военной истории Тульского края.

Основные темы:

1. Тульский край в средние века. Фактически военная история Тульского края начинается в начале XVI века, когда Тула вошла в состав Московского княжества и стала важным в военном отношении стратегическим пунктом.

2. «Тульский край в Отечественной войне 1812 года»;

3. «Забывтая война. Крымская война 1855–1856 г.г. и Тульский край»;

4. «Великая война. Тульский край в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.»

Тематические комплексы раскрывают значение Тулы как кузницы оружия, рассказывают о формировании и участии тульских ополченцев в военных событиях, о туляках – героях, о вкладе различных тульских сословий в снабжение русской армии продовольствием, снаряжением, обмундированием.

Предметная база: подлинные предметы, реплики вооружения, обмундирования, снаряжения русской армии 19–начала 20 вв., фотографии и документы, музейные инсталляции, отражающие военный быт ополченцев. Военная повседневность туляков в период Первой мировой войны будет показана через благотворительные общества, работу госпиталей, быт туляков.

Эти музейные предметы будут характеризовать:

- разнообразие исторических эпох, пережитых Россией в 19- начале 20 века
- калейдоскоп событий и судеб туляков – участников различных войн масштабность и значимость их дел;
- место и роль Тульского края в истории страны.

2. Экспозиционный зал №2 «Тульская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» 2 этаж (общая площадь – 256 кв. метров)

Основные темы:

1. Начало войны и оборона Тулы (октябрь–декабрь 1941 года)

2. Тульский городской комитет обороны (Инсталляция «Кабинет Тульского городского комитета обороны»).

3. Начало Тульской наступательной операции. Освобождение Тульской области от немецко-фашистских захватчиков.

4. Тыл фронту! Промышленность и сельское хозяйство. Госпитали. Культура. Образование. Тульское суворовское училище. Работа правоохранительных органов. Письма с фронта

5. Празднование Дня Победы 9 Мая. Встреча демобилизованных.

Предметная база позволит показать героический боевой и трудовой вклад туляков в Великую Победу. История Великой Отечественной войны представлена многочисленными подлинными предметами, среди которых фотографии, документы, карты, листовки, газеты, личные вещи, образцы вооружения, обмундирования и снаряжения советской и немецкой армии.

Музейная инсталляция «В городском комитете обороны» позволит образно раскрыть работу городского комитета обороны по защите города от врагов.

Интерактивная зона даст возможность посетителям как бы заглянуть на улицы военной Тулы, подержать в руках гранаты и пистолеты, получить навыки бойца по тушению зажигательных бомб, умению обращаться с винтовкой, бутылками с зажигательной смесью.

В экспозиции будут широко использованы различные видео-, аудио- звуковые и световые эффекты: кадры документальной кинохроники о героической обороне Тулы, освобождению области конницей Белова, сообщения Совинформбюро, сигналы о воздушной тревоге и т. п.

Включение в данный тематико-экспозиционный комплекс интерактивной зоны «Книга памяти» с использованием мультимедийного оборудования позволит посетителям музея пролистать страницы героической обороны города, почувствовать и трагизм, и героизм тех дней.

Видеозаписи встреч с ветеранами войны и труда в рамках музейного проекта «Победные судьбы» позволят сохранить живой образ участника войны, передать его эмоции, переживания, услышать его рассказ.

3. Экспозиционный зал №3 «Время выбрало нас» (военные конфликты второй половины 20-го века).

Цели и задачи: рассмотреть события афганской войны через судьбы наших земляков, которые вдали от Родины с честью выполняли свой воинский долг.

Основные темы:

1. Геополитика и история Афганистана
2. Участие туляков в боевых действиях.
3. Туляки, погибшие в Афганистане
4. Деятельность региональных общественных объединений ветеранов боевых действий
5. Туляки – участники миротворческих операций конца 20 – начала 21 вв.

Уже 5 марта 1946 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль призвал западную цивилизацию объявить войну коммунизму и ввел в обращение термин «холодная война», для которой было характерно частое появление «горячих» точек.

Военные события в Афганистане, проходившие на закате «холодной войны» и длившиеся 10 лет, пожалуй, самый яркий и трагический пример «горячих точек» второй половины 20-го столетия.

С первых дней войны в ней принимали участие туляки. Туляки – десантники и летчики, военврачи и саперы, контрразведчики и пограничники, радисты и военные корреспонденты расскажут об афганской войне, о боевой службе и фронтовом братстве, о своих погибших друзьях.

В экспозиции представлены многочисленные личные вещи туляков - участников афганских событий, их военная форма, документы и фотографии из личных архивов. Командир батальона отдельного гвардейского 345-го парашютно-десантного полка О. Т. Пустовит, участник штурмового подразделения группы КГБ «Гром» В. В. Дроздов, разведчики 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии братья-близнецы Алексей и Александр Альховики, коменданты Кабула Ю. И. Двугрошев и А. С. Герасименко – это лишь малая часть имен туляков – участников афганской войны.

Отдельный комплекс экспозиции будет посвящен тулякам – геройски погибшим в Афганистане: старший лейтенант Вячеслав Михайлович Щербаха, лейтенант Александр Николаевич Земцов, старший прапорщик Николай Викторович Устинов, младший сержант Эдуард Валерьевич Цаплигин, гвардии рядовой Андрей Николаевич Исаев и многие другие. В экспозиции представлены их награды, письма, личные вещи, военная форма и многое другое.

О «горячих точках» второй половины 20-го века расскажут личные вещи и документы туляков-участников антитеррористической операции в Чеченской республике, личные вещи и документы туляков – участников миротворческих операций конца 20 – начала 21 вв., многочисленные образцы вооружения и снаряжения, документальные источники (книги, газеты, письма, фотографии, наградные документы).

Средства представления:

В рамках тематического комплекса предполагается создание музейной инсталляции «Засада на автомобильную колонну в горах», которая связана с действительным историческим событием и судьбой нашего земляка Александра Земцова, погибшего в этом бою. В инсталляции использованы подлинные музейные предметы: радиостанция, оружие и военное снаряжение, уникальные средства связи, военная форма наших бойцов и моджахедов.

Данный комплекс предполагает использование мультимедийного оборудования для демонстрации военной документальной кинохроники, уникальных фотографий и видеофильмов из личных архивов туляков, применение звуковых и световых эффектов.

В ходе экскурсии предполагается использование различных интерактивных элементов (примерка бронежилетов, касок, возможность подержать и почувствовать вес боевого оружия и др.), что вызывает неизменный интерес посетителей музея.

Песни в исполнении наших земляков – участников афганской войны В. Венюкова и Е. Коналова, видеофильмы о работе региональных общественных объединений ветеранов боевых действий и др. сделают этот раздел музейной экспозиции живым и эмоциональным.

4. Экспозиционный зал №4 Музей Героев. Площадь: 113 кв. м.

Цели и задачи: Заключительная часть региональной программы по созданию в историческом центре города-героя Тулы – Тульском кремле (памятнике русского оборонного зодчества XVI века) музейно-выставочного комплекса по военной истории Тульского края.

Музей Героев представляет собой последнюю коммуникативно-диалоговую часть экспозиционного пространства и несет концептуальный смысл эпилога, размышления, ощущения сопричастности к историческим событиям, сопереживания историческим персонажам.

Экспозиция зала героев представляет собой систему мультимедийных экспозиционных комплексов, аудио-визуального наполнения и художественного оформления.

Она состоит из проекционного экрана, длиннофокусного проектора, мультимедийного многофункционального стола, 9 штук LED-экранов с функцией «Touchscreen» и управляющими панелями.

Первые девять комплексов представляют собой попарно связанные между собой панель-экран для просмотра информации и панель –тачскрин для введения поисковых запросов.

Одно из центральных мест в экспозиции будет занимать мультимедийный комплекс для размещения контента открытого социально-культурного проекта Тульского региона «Живи и помни». Мультимедийный комплекс предназначен для поиска и демонстрации материалов о участниках Великой отечественной войны, проживавших на территории Тульского края.

5. Экспозиционный зал №5

Детский культурно-образовательный центр для проведения интерактивных занятий. Площадь: 80 кв. метров

Цели и задачи: проведение исторических ролевых игр, интерактивных занятий, работа военно-исторических клубов.

Оборудование: музейные инсталляции, манекены, мишени, реконструкции стрелкового вооружения и массо-габаритные модели огнестрельного оружия, реконструкции обмундирования и снаряжения для примерок и фотографирования, столы и скамьи для занятий.

Музейно-педагогические занятия «Военное детство», «Фронтной привал», «Аты-баты шли солдаты», «Дорога на Берлин», «Солдатский хлеб» позволят провести целый ряд интерактивных занятий, в процессе которых участники пройдут курс молодого бойца, познакомятся с особенностями военной службы, примерят военную одежду, соберут солдатский вещмешок, почувствуют атмосферу времени, споют военные песни.

Создание различных интерактивных зон позволит проводить как циклы тематических интерактивных занятий, так и разовые занятия не только с учащимися младших и средних классов, но что особенно важно, среди подростков, студентов и взрослых посетителей музейных экспозиций и выставок

На базе музея предполагается организация деятельности ряда военно-исторических клубов, поисковых организаций, школьных научных и краеведческих обществ: военно-исторические клубы по 1812 г., Первой Мировой войне, клуб коллекционеров военной техники, клуб ролевых игр, клуб ветеранов войны и тружеников тыла «Фронтальная подруга» и др.

Все это, безусловно, будет способствовать формированию чувства сопричастности к событиям истории, поможет в приобретении знаний, умений, навыков, необходимых в различных сферах жизни общества, развивает патриотизм и ответственность за судьбу Родины.

Применение в образовательном детском центре передовых мультимедийных технологий позволит существенно поднять информативность музейного продукта, многократно усилить его эмоциональное воздействие.

6. Выставочный зал. Площадь: 56 кв. метров

Концепция выставочного зала Тульского военно-исторического музея отвечает уставным целям музея в деле военно-патриотического воспитания, развития у молодежи гражданственности и патриотизма, как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей.

В выставочном зале музея будут проходить выставки по военно-исторической тематике и истории Тульского края на основе фондовых коллекций ГУК ТО «Объединение «ИКХМ», а также передвижные выставки различных музеев Тульской области и РФ.

Цели: Основной целью является формирование позитивных мировоззренческих взглядов и позиций по основным социальным, историческим, нравственным, политическим, военным и другим проблемам, таких как любовь к Родине, уважение к законности, ответственность за выполнение конституционных обязанностей по защите Отечества.

Задачи: организация временных выставок музея, проведение конференций, круглых столов, встреч, занятий различных научных краеведческих обществ, объединений, работа кинозала военного фильма.

Оборудование: витрины для музейных предметов временных выставок, подвесная система по стенам, мультимедийное оборудование для презентаций, демонстрации документальных и художественных фильмов военно-исторической тематики.

ИСТОРИЯ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ. XVI–XXI вв. КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

I. Историческая записка.

Тульский кремль – выдающийся памятник русского оборонного зодчества XVI века, одна из немногих русских средневековых крепостей, сохранившаяся до наших дней почти в первоизданном виде. Архитектурные формы этого уникального военно-инженерного сооружения являются бесценным источником информации по истории фортификации, военного и строительного дела сравнительно малоизученной в этом отношении эпохи.

Построенный в начале XVI века по указу Василия III, Тульский кремль длительное время оборонял и закрывал от кочевников путь на Москву. Строительство этой крепости – главного южного оборонительного рубежа Московского государства – проходило в тяжелые времена нападений на русские земли крымских татар.

Вошедшая в начале XVI столетия в состав Московского государства, Тула с городища на реке Тулице по стратегическим соображениям была перенесена на менее затопляемый и менее обжитой левый берег реки Упы, где вскоре и был построен ныне существующий Тульский кремль.

Строился кремль в три этапа. Вначале, в 1507 году его стали возводить из камня, но в связи с активизацией крымских татар строительство в 1509 году приняло иной характер: вместо камня городские мастера стали применять дерево, что дало им возможность осуществить постройку в более короткий срок. Поскольку боевые качества деревянной крепости уступали каменной, в 1514 году строительство из камня, очевидно, было продолжено. Воскресенская летопись повествует о том, что в 1520 году «совершеша» город «па Туле камен».

Тульский кремль – это регулярная крепость, один из первых примеров воплощения принципов геометрии в фортификации России. Общая площадь архитектурного памятника составляет 6 гектаров, его стены протянулись более чем на километр. Сейчас стены кремля достигают высоты чуть больше 10 м, хотя первоначально они были значительно выше, покоятся на мощном фундаменте до 8,5 м глубины.

Прясла стен поделены широкими арками, в нижней части которых расположены бойницы нижнего или «подошвенного» боя. На высоте 6,5 м расположен «боевой ход» – площадка для размещения воинов. Завершаются стены двурогими зубцами в форме ласточкина хвоста. В них устроены бойницы верхнего боя.

Огневая мощь кремля была сосредоточена в девяти башнях, далеко вынесенных за линию стен. Четыре круглые угловые башни – глухие (Никитская, Спасская, Тайницкая, Наугольная); четыре прямоугольные по центру стен – проездные (Одоевская, Пятницкая, Ивановская, Водяная). Из прямоугольных башен единственная, лишенная воротного проезда, башня На Погребу.

Мастера, которые строили Тульский кремль, умело сочетали традиции древнерусской архитектуры с последними достижениями западноевропейского фортификационного искусства. Бесспорно, в создании Тульской крепости, помимо русских каменщиков, принимали участие итальянские зодчие, которые в конце XV в. завершили строительство Московского Кремля.

За свою историю Тульский кремль ни разу не сдавался неприятелю. В 1552 году под стенами кремля было нанесено поражение войскам крымского хана Девлет-Гирея, что, во многом, обеспечило успех прославленного похода царя Ивана Грозного на Казань. В 1607 году в Туле больше четырех месяцев оборонялись восставшие крестьяне под предводительством Ивана Болотникова против царских войск. Город удалось захватить лишь после затопления.

Из исторических источников известно, что в XVI–XVII веках территория крепости была плотно застроена. Здесь находились соборы – в XVI веке Архангельский и Успенский (деревянные), а в XVII столетии – каменный Успенский, наместничий, а позднее, «воеводский» дворы, «приказная» изба, «губная» изба, двор Коломенского епископа, и более 100 «осадных дворов», принадлежащих тульским дворянам, и «осадных клетей» ратных людей (пушкарей, затинщиков, стрельцов, ямских охотников и т.д.). Основная часть «клетей» располагалась вблизи башни Пятницких ворот и Водяных.

Во второй половине XVIII века застройка крепости претерпела значительные изменения: оставшиеся деревянные строения были полностью снесены, поскольку планировалось в кремле строить здание для Присутственных мест. В силу ряда причин эта идея не была воплощена в жизнь.

Сегодня Тульский кремль – музейная реликвия, имеющая общенациональное значение. Ежегодно его посещают тысячи российских и зарубежных гостей. В архитектурный комплекс кремля, помимо древних стен и башен, входят Успенский собор (XVIII век) с уникальной монументальной росписью ярославских мастеров (1765–1766), Богоявленский собор (XIX век), торговые ряды (XIX век) и здание первой городской электростанции (начало XX века).

II. Содержание концепции экспозиции музея истории Тульского кремля.

Тема экспозиции: «История Тульского кремля. XVI–XXI вв. »

Характеристика площадей: 130 кв.м

Цель: на основе комплекса археологических, письменных иконографических источников представить историю Тульского кремля в XVI–XVII веках не только как памятника фортификационного искусства средневековой России, но и объекта историко-культурного наследия с самобытной многослойной системой материальной и духовной культуры.

Хронологические рамки: XVI–XXI вв.

Характеристика предметной базы: археологические, письменные, иконографические источники.

Задачи экспозиции:

- Познакомить посетителей выставки с этапами строительства Тульского кремля;
- представить архитектурные особенности крепости – уникального образца регулярного оборонительного сооружения XVI в.;
- рассказать о военной организации и боевой летописи Тульского кремля;
- отобразить застройку кремля XVI–XVII вв. как важный источник по малоизученному периоду истории города, представить характерный тип размещения жилых и административных строений на территории крепостного сооружения XVI–XVII вв.;
- показать этапы археологических изысканий, проходивших на территории кремля на протяжении XX–XXI вв.;
- воссоздать интерьер жилого дома XVI–XVII вв. (изба-клеть «дворника», хоромы);
- показать изменения в составе и численности населения кремля в рассматриваемый период времени;
- представить «Кремль ремесленный» как малоизученное и неоднозначное явление в жизни русского средневекового города (специфика ремесел, промыслов, орудия труда, сбыт и т. д.);
- дать представление о русском изразцовом искусстве XVI–XVII вв., богатстве и разнообразии изразцового декора на примере археологического материала Тульского кремля;
- представить целостную картину, рисующую быт и нравы кремлевских жителей в XVI–XVII вв. (повседневная жизнь, культурно-бытовые традиции и т.д.).
- показать эволюцию планировки и застройки кремля в XVIII–XX вв.; представить основные архитектурные памятники кремлевского ансамбля;
- отобразить этапы реставрации Тульского кремля. XVIII–XXI вв.

Характеристика посетительской аудитории: экспозиция будет интересна всем гостям Тульского кремля, поскольку в силу объективных причин музей до сих пор не располагал постоянной экспозицией, посвященной истории крупнейшей крепости южного рубежа Русского государства XVI–XVII веков.

Между тем, опыт многолетней работы показывает, что история строительства и становления Тульской цитадели в контексте формирования древней и современной Тулы, материальная культура допетровской Руси, т.е. повседневный уклад жизни русского средневекового города в его вещном проявлении является предметом особого интереса каждого музейного посетителя Тульского кремля.

На наш взгляд, особенной популярностью данная экспозиция может пользоваться у детско-юношеской аудитории – учащихся 5-11 классов тульских общеобразовательных школ, которые составляют около 60% посетителей кремлевского ансамбля. Эта экспозиция станет наглядным дополнением уроков истории и краеведения.

Методологическая основа: тематико-хронологический принцип

Структура выставки:

1. Строительство Тульского кремля (1507–1520 гг.).
 - 1.1 Время строительства Тульского кремля.
 - 1.2 Местоположение Тульского кремля. Фундамент Тульского кремля.
 - 1.3 Архитектурные особенности: регулярность, влияние западноевропейских тенденций, строительные технологии.
2. Военная организация Тульского кремля. XVI–XVII вв.
 - 2.1 Гарнизон Тульского кремля.
 - 2.2 Оружие и вооружение русских воинов. XV–XVII вв. XVI–XVII вв.
3. Военная история Тульского кремля и г. Тулы.
 - 3.1. Татарские набеги на Тульский край.
 - 3.2. Осада г. Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем. 21–23 июня 1552 г.
4. Кремль – «место воспоминаний».
 - 4.1. Восстание И.И.Болотникова и Тульский кремль
 - 4.2. Лжедмитрий I.
5. Планировка и застройка территории Тульского кремля. XVI–XVII вв.
 - 5.1. Планировка и застройка Тульского кремля.
 - 5.2. Материальная культура Тульского кремля.
6. Планировка и застройка Тульского кремля в XVIII–XX вв.
 - 6.1. Гауптвахта.
 - 6.2. Торговые ряды.
 - 6.3. Соборы кремля.
 - 6.4. Электростанция.
7. Планы музеефикации кремля в XX в. Неосуществленные проекты.
8. Реставрация Тульского кремля в XVIII–XXI вв.

Зонирование, основные проблемы:

Экспозиция будет построена по тематико-хронологическому принципу, в каждом отрезке времени будут прослеживаться разные аспекты истории градостроительного ядра Тулы.

Ключевым экспонатом станет макет Тульского кремля, который послужит своеобразным связующим ядром всей экспозиции. Макетное изображение кремля позволит посетителям, не выходя за пределы зала, образно представить архитектурное своеобразие памятника.

Все пространство помещения будет задействовано при формировании экспозиционных комплексов. Фактически выделяются три экспозиционных пояса или ряда, а именно: вещественный, представленный археологическими находками, которые будут располагаться в витринах, документально-иллюстративный ряд, представленный в виде планшетов, закрепленных на стенах и образно-художественный (реконструкции).

На наш взгляд, логично разделение всей экспозиции на несколько смысловых частей. Одна из них будет посвящена истории строительства, становления Тульской крепости – уникального военно-инженерного сооружения допетровской России, другая будет представлять материальную культуру Тульского кремля XVI–XVII веков, третья – эволюции кремлевского ансамбля в XVIII–XXI вв.

Для более четкого и наглядного разделения смысловых нагрузок данных частей, вся площадь экспозиционного зала планируется использовать для размещения ключевых экспозиционных комплексов. А именно военная тематика должна быть представлена в виде композиции, представляющей стрельца XVI века, его личное вооружение, а также крепостные орудия (пушка, ядра и пр.). Вторую часть выставки, представляющей быт и нравы кремлевских жителей в XVI–XVII веках, будет характеризовать экспозиционная композиция с изображением интерьера избы «дворника» с характерными деталями мебелировки и быта того времени.

Первоначально экспозиция познакомит посетителей с военно-политической обстановкой на южных границах Московского княжества начала XVI века, предшествовавшей сооружению Тульского кремля, этапами сооружения Тульской крепости, с особенностями архитектурны древнего памятника (в частности фундаментной системы крепостных стен). Здесь же посетители смогут познакомиться с военной организацией обороны кремля, будет показан численный и социальный состав гарнизона кремля в XVI–XVII веках, видовые характеристики вооружения боевой крепости и пр. Здесь же будут охарактеризованы основные события военно-политической истории кремля в период XVI–XVII веков – осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 году, восстание под руководством И. И. Болотникова, пребывание в кремле летом 1605 года Лжедмитрия I. Данная информация будет включена в документально-иллюстративный ряд в виде планшетов с текстами и изображениями, схемами; каждый из планшетов будет посвящен отдельной теме.

Детальным подтверждением документально-иллюстративного материала станут археологические памятники, которые будут демонстрироваться в витринах. Здесь будут представлены фрагменты строительных материалов, которые использовались при сооружении фундамента и стен, предметы снаряжения и оружие из раскопов в кремле периода 1999–2001 гг. Возможно размещение в витринах фотографий раскопов разных лет, некоторых иллюстративных материалов (фоторепродукции – изображение русских всадников из «Записок» С. Гербенштейна, миниатюры «Лицевого свода XVI века» с изображениями оружейника за работой, репродукции картин А. М. Васнецова, Э. Лесснера и пр.).

Вторая часть экспозиции расскажет о материальном воплощении быта и нравов жителей кремля в данное время. Будут охарактеризованы планировка и застройка Тульского кремля в XVI–XVII столетиях, отличительные особенности жилых сооружений кремля в XVI–XVII веках, характерные черты интерьеров построек осадных дворов разной социальной принадлежности, развитие ремесел и промыслов на территории кремля, численный, социальный и профессиональный состав населения крепости.

Кроме того, достаточно полно будет представлен мир повседневности – бытовые детали жизни туляков XVI–XVII веков: игрушки, украшения, изразцы, осветительные приборы, посуда, атрибуты азартных и развивающих игр, курительные трубки и пр. Археологические памятники будут экспонироваться в витринах и своеобразных витринах-нишах по темам: «Кремль ремесленный», «Предметы домашнего обихода», «Мелочи быта», «Многоликий мир изразцов», «Игры, игрушки, развлечения».

Всего в зале планируется экспонировать более 100 предметов из черных и цветных металлов, глины, кожи, дерева, животной кости, рога и камня периода XVI –XVII веков.

В качестве иллюстративного материала будут использованы репродукции с гравюр XVI–XVIII веков, рисунков А. Олеария, миниатюр из «Жития Сергия Радонежского», картин А. П. Рябушкина, А. М. Васнецова, Д. П. Васильева, фотоизображения с реконструкций Г. В. Борисевича, А. В. Арциховского и др.

Кроме того, будут представлены карты-схемы «Планировка Тульского кремля в XVI–XVII веках», «Археологические раскопки на территории Тульского кремля. 1930–2000-е гг.».

Текстовые комментарии, расположенные на планшетном пространстве, будут представлять собой цитаты из документов XVI–XVII веков (статистические материалы данной эпохи: писцовые книги 1587–1589 гг., 1629 г., 1685–1686 гг.), отрывки из прославленных литературных памятников XVI века «Домостроя Сильвестрова извода», «Казанской истории».

Применение современных технологий. В формировании экспозиционного ряда активно будут задействованы мультимедийные средства. Прежде всего, для формирования так называемого образно-художественного ряда, будут использоваться разные варианты слайд-фильмов, рассказывающих о разных составляющих истории Тульского кремля.

Дополнительным средством, расширяющим информационные возможности экспозиции, станут сенсорные панели, дающие возможность получить разноплановый справочный материал по истории строительства и становления Тульского кремля, эпизодов военной летописи, археологии, материальной культуре, реставрации памятника в XVIII–XXI вв.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ТЕМА ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ В ТУЛЬСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ)

В Тульском областном краеведческом музее проводится работа по созданию новой стационарной выставки «Помни войну», посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Она должна дополнить подлинными документальными, фотографическими и изобразительными материалами, а также объёмными вещевыми предметами постоянную экспозицию музея «Воинская слава туляков», созданную ранее в декабре 2013 г.

Экспозиционной основой новой стационарной выставки станут фондовые коллекции Тульского областного краеведческого музея, собранные, обработанные и изученные несколькими поколениями музейных работников, начиная с периода Великой Отечественной войны и до сего времени. Здесь следует назвать некоторых научных сотрудников музея, внесших значительный вклад в комплектование его фондов по военной тематике: М. Ф. Щербакову, А. Т. Коркину, В. Г. Сёмушкина, В. И. Ботя, Н. С. Фомину, Е. М. Полозова, Н. Б. Немову, В. Г. Плотицына, Л. Я. Говенко, Л. П. Родину.

Предполагается привлечение на время выставки ряда экспозиционных материалов из семей туляков-участников войны.

Подготовка стационарной выставки, изучение и отбор необходимой экспонатуры проходит на основе изучения фондовых коллекций, документальных материалов и многочисленной литературы, освещающей деятельность туляков на фронте и в тылу в 1941–1945 гг., а также боевых действий воинских частей РККА в 1941 г. на территории Тульской области.

Ряд фотографических, иллюстративных и документальных материалов будут показаны не только в витринах и на планшетах выставки, но и в электронном варианте с помощью технических средств на плазменном экране.

Выставка будет размещена в двух экспозиционных залах площадью 43,1 м² и 42,6 м² на первом этаже музея. В первом зале выставки предполагается показать материалы, связанные с героической обороной Тулы от немецко-фашистских захватчиков в 1941 г. В частности, здесь будут показаны предметы, фотографии и документы высшего командного состава 50-й (А. Н. Ермаков, И. В. Болдин), 49-й (И. Г. Захаркин), 10-й армий (Ф. И. Голиков), 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (П. А. Белов) и членов военного совета 50-й армии (К. Л. Сорокина, В. Г. Жаворонкова), а также членов Тульского городского комитета обороны (Н. И. Чмутова, В. Н. Суходольского, А. К. Мельникова) и представителей партийно-хозяйственного актива города (А. В. Калиновского, А. Н. Малыгина, Г. Н. Степанова). Эти люди внесли большой вклад в организацию обороны Тулы и мобилизацию населения на оказание всемерной помощи воинам Красной Армии в ремонте оружия, боевой техники, в изготовлении различного воинского снаряжения, в пошиве обмундирования и тёплой одежды. Эту работу туляки смогли наладить, несмотря на уже проведённую эвакуацию из города на восток основного оборудования оборонных предприятий.

Будут показаны материалы конкретных участников героической обороны Тулы, некоторые из которых ранее не экспонировались, в частности это материалы командиров и бойцов 732-го зенитно-артиллерийского полка (М. Т. Бондаренко, Г. М. Волнянского, Ф. Н. Никитенко, И. И. Беспалова, М. И. Сизова), 156-го полка НКВД (С. Ф. Зубкова, С. М. Старостина, Ф. Г. Воронина и др.), Тульского рабочего полка (А. П. Горшкова, Г. А. Агеева, И. Я. Богомолова, отца и сына Строковых, З. В. Владимировой, Л. П. Волкова, И. Я. Кравченко, В. А. Бенцеля, И. П. Исаева, Б. М. Сосонкина и др.) Представлены будут также и материалы о дивизиях 50-й армии, вы-

державших натиск врага, а затем отбросивших его от Тулы в декабре 1941 г.:154-й (Я. С. Фоканов), 217-й(К. П. Трубников), 258-й(М. А. Сиязов), 290-й (Н. В. Рякин), 413-й (А. Д. Терешков) стрелковых, 31-й кавалерийской(М. Д. Борисов) 108-й (С. А. Иванов) и 112-й (А. Л. Гетман) танковых дивизий, а также о других частях и подразделениях, отличившихся в боях при обороне г.Тулы: 32-й танковой бригаде(И. И. Ющук), 447-м корпусном артиллерийском (А. А. Маврин), 171-м истребительном (С. И. Орляхин) и 74-м штурмовом(С. Е. Сентемов) авиационных полках, бронепоезде №16 (В. А. Коржевский), артиллерийской батарее старшего лейтенанта Г. А. Шахреряна.

Предполагается выделить Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за боевые подвиги, совершённые ими под Тулой: Г. А. Агеева, В. А. Григорьева, В. Г. Жаворонкова, Б. Г. Пирожкова, А. П. Чекалина.

Уделено будет место и материалам о тульских партизанах и патриотах, действовавших в тылу врага, о юных героях-туляках. И конечно будет экспонироваться уникальная реликвия: пальто начальника штаба партизанского отряда «Передовой» Е. И. Осипенко, изорванное осколками самодельной мины, которую он, когда мина не сработала, привёл в действие, ударив по ней палкой, показав готовность любой ценой уничтожить немецкий эшелон. За этот подвиг он был награждён орденом Ленина, а позже ему была вручена первая в СССР вновь учреждённая медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Второй зал выставки будет посвящён подвигам туляков в 1942–1945гг. В частности здесь будут показаны материалы об участниках обороны г. Ленинграда, г. Сталинграда, битвы на Орловско-Курской дуге, форсирования Днепра и других крупнейших сражений по освобождению оккупированной территории СССР и стран Европы от немецко-фашистских захватчиков. Это прежде всего материалы о дважды Героях Советского Союза И. А. Воробьёве, Б. Ф. Сафонове, М. Г. Фомичёве, В. И. Чуйкове, о Героях Советского Союза Ф. А. Агальцове, Н. Д. Захарове, А. М. Лукьянове, О. П. Матвееве, А. И. Миронове, Г. Г. Николаеве, Н. Т. Полукарове, П. П. Полубоярове, А. А. Рогожине, А. В. Рыкове, Л. П. Тихмянове, а также о воинах-туляках К. П. Казакове, П. Е. Ловягине, Н. А. Зябреве, А. А. Тюрине, С. И. Орляхине, С. Т. Ивлеве, Н. А. Ишанове, Б. А. Кучерове, А. В. Завьялове и др.

Впервые предполагаем экспонировать материалы 59-го района авиационного базирования, воинской части, сформированной в Туле и прошедшей боевой путь от Тулы до Вены.

Будут экспонировать и материалы о тульских партизанах и разведчиках, которых готовили в нашем городе органы госбезопасности, а затем отправляли в тыл врага. Здесь будут показаны материалы Ф. И. Титкина, Е. М. Жаворонковой (Шкудной), В. Д. Дервенёва, А. С. Провоторовой (Скрипкиной).

Отдельная тема связана с фронтовыми письмами, и в частности, здесь будет отражена драматическая и трогательная семейная история фронтовиков Ф. Д. Гордеева и С. И. Рудюка на основе последнего поступления в музей фотографий и писем, переданных в наши фонды тулячкой О. В. Евсюковой.

Будут показаны материалы о тульских медиках в годы войны, тружениках тыла, в частности, планируется показать материалы простого тульского почтальона А. И. Миляевой, которые ранее не экспонировались, а также об участии туляков в сборе денежных средств и подарков в помощь Красной Армии.

Уделим место на выставке и материалам о пребывании в Туле французского авиационного полка «Нормандия Неман», который базировался на Клоковском аэродроме с ноября 1941 по май 1944гг. и готовился здесь к новым боям с нашим общим тогда врагом германской армией.

Предполагается показ фрагментов оружия и вооружения, найденных на местах боёв с гитлеровцами на территории Тульской области, а также показ советских плакатов, газет и журналов периода Великой Отечественной войны.

Обязательно будет экспонироваться акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германией, опубликованной в советских газетах 9 мая 1941 г., материалы о туляках-участниках парада Победы в Москве 24 июня 1945 г.

Важной темой выставки будет показ материалов об увековечении в нашем городе памяти туляков-героев Великой Отечественной войны.

В год 70-летия Великой Победы наше Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» совместно с областным Управлением Федеральной почтовой связи – филиалом ФГУП «Почта России» начало реализацию нового проекта выпуска двусторонних немаркированных иллюстрированных почтовых карточек из серии «Школы г.Тулы, носящие имена туляков-героев – защитников Отечества». Уже издана первая карточка данной серии, посвященная Герою Советского Союза Л.П. Тихмянову, именем которого названа средняя общеобразовательная школа №33 г.Тулы. Материалы о презентации этой почтовой карточки мы тоже предполагаем показать на выставке.

Приглашены к участию в нашей выставке и члены Тульской областной организации Союза филателистов России во главе с её председателем В.В.Лебедевым, которые представят для временного экспонирования свои коллекции марок, почтовых карточек и конвертов, отражающих подвиг нашего народа в борьбе с гитлеровской Германией и её союзниками.

Выставка «Помни войну» рассчитана на широкий круг посетителей, причём как туляков, так и гостей города-героя Тулы. Она имеет задачу почтить память поколения победителей, наших отцов, дедов и прадедов, отстаивших свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне. Этой выставкой мы хотим внести наш посильный вклад в благородное дело патриотического воспитания молодёжи на славных боевых и трудовых традициях старшего поколения туляков.

При работе над выставкой «Помни войну» помимо работы с фондовыми коллекциями музея, нами был определён блок литературы, представляющей наибольший интерес для изучения и раскрытия данной темы:

Список литературы:

1. Апарин, Ю. В. Роль командарма А. Н. Ермакова в обороне Тулы / Ю. В. Апарин // Человек в социальном мире: проблемы, исследования, перспективы. – 2006. – Вып. 2. – С. 70–72.
2. Баграмян, И. Х. Мои воспоминания / И.Х. Баграмян. – Ереван: Айастан, 1980.
3. Белов, П. А. За нами Москва / П. А. Белов. – М.: Воениздат, 1963.
4. Бессмертен подвиг их высокий. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1983.
5. Битва за Тулу: сб. док. и материалов / сост. В. Е. Ильин, Н. П. Тарасов. – Изд. 4-е, доп. и испр. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1969.
6. Болдин, И. В. Страницы жизни / И. В. Болдин. – М.: Воениздат, 1961.
7. Боть, В. И. Подвиг народа бессмертен. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1987.
8. Боть, В. И. 100 лет со дня рождения (1899) А. Н. Ермакова // Тульский край. Памятные даты на 1999 г.: указ. лит. – Тула, 1998. – С. 69–71.
9. Брянский фронт / сост. В. А. Зеблов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1973.
10. Великая Отечественная война, 1941–1945: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1985.
11. Великая Отечественная война, 1941–1945 гг.: справ. пособие / авт. – сост. И.И. Максимов. – М.: Изд-во «ДИК», 2005.
12. Великая Отечественная война. Командармы: воен. биограф. слов. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.
13. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945гг.: документы и материалы / сост. В. В. Душенькин [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1975.
14. Военно-энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983.
15. Вышли на фронт «катюши»: воспоминания ветеранов гвардейских миномётных частей / сост. В.А. Шмаков. – М.: Моск. рабочий, 1982.
16. Галицан, А. С. Тула – город - герой / А. С. Галицан, Д. З. Муриев. – М.: Воениздат, 1981.
17. Герои Советского Союза: краткий биограф. слов.: в 2 т. – М.: Воениздат, 1987–1988.
18. Гетман, А. Л. Танки идут на Берлин / А. Л. Гетман. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1982.

19. Голиков, Ф.И. В Московской битве: записки командарма / Ф.И. Голиков. – М.: Наука, 1967.
20. Голоса из бессмертия: письма с фронта, воспоминания, даты / сост. и гл. ред. Н.К. Дружинин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: Гриф и К, 2005.
21. Города-герои Великой Отечественной войны: атлас. – М., 1990.
22. Гудериан, Г. Воспоминания солдата: пер. с нем. / Г. Гудериан. – Смоленск: Русич, 1998.
23. Данилов, М.Х. Битва за Тулу / М.Х. Данилов. – Тула, 1996.
24. Дубинин, Т.Д. Непокорённая Тула / Т.Д. Дубинин. – Тула: Гриф и К, 2004.
25. Елькин, А.А. 50 дней мужества / А.А. Елькин. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1976.
26. Еременко, А.И. В начале войны / А.И. Еременко. – М.: Наука, 1965.
27. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1969.
28. Исаев, И.П. От Тулы до Кенигсберга: воспоминания о боевых подвигах воинов Тульского рабочего полка. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1972.
29. Климов, И.Д. Героическая оборона Тулы: (оборонительная операция войск 50-й армии, окт.- дек. 1941г.) / И.Д. Климов. – М.: Воениздат, 1961.
30. Книга памяти, 1941-1945: Рос. Федерация, Тульская обл. Т.1-16. – Тула, 1994-2002.
31. Коломиец, М. Битва за Москву, 30 сент.- 5дек. 1941г. / М. Коломиец. – М.: Изд-во «Стратегия КМ», 2002.
32. Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941-1945. Люди, События, Факты: краткий справ. – 2-е изд. доп. – М.: Республика, 2000.
33. Лелюшенко, Д.Д. Москва-Сталинград-Берлин-Прага: записки командарма / Д.Д. Лелюшенко. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1975.
34. Макашов, А.И. В центре России / А.И. Макашов. – Орёл: Изд-во ОГТРК, 1994.
35. Максимцов, М.Д. Солдат Родины: док. очерк о И.В. Болдине / М.Д. Максимцов. – Киев: Политиздат Украины, 1979.
36. Малыгин, А.Н. Рабочая Тула сражается: записки бывшего секретаря партии / А.Н. Малыгин. – Изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1982.
37. Материалы краеведческих чтений: к 75-летию Тульского областного краеведческого музея / сост. Е.М. Полозов. – Тула: Рарус, 1995.
38. Меднов, М. От Тулы до Балтики / М. Меднов. – Тула: Тульский полиграфист, 2008.
39. Мерников, А.Г. Армия Победы против Вермахта / А.Г. Мерников. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005.
40. Михеенков, С.Е. Остановить Гудериана: 50-я армия в боях за Тулу и Калугу, 1941-1942 / С. Е.Михеенков. – М.: Центрполиграф, 2013.
41. Михеенков, С. Е. Тайна безымянной высоты: 10-я армия в Московской и Курской битвах. От Серебряных прудов до Рославля, 1941-1943 / С.Е. Михеенков. – М.: Центрполиграф, 2014.
42. Мы помним... 1941. Ч.1.: Книга воспоминаний и размышлений поколений / ред.-сост. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцева. – Тула: Гриф и К, 2012.
43. Освобождение городов: справ. по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941-1945 / Ин-т воен. ист. Мин-ва обороны СССР; Центр. архив Мин-ва обороны СССР ; под общ. ред. С.П. Иванова. – М.: Воениздат, 1985.
44. Панков, Ф.Д. Огненные рубежи / Ф.Д. Панков. – М.: Воениздат, 1984.
45. Победители / сост. В.А. Салихов. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2005.
46. Полозов Е.М. Имена и судьбы / Е.М. Полозов, С.Н. Немова. – Тула: Тульский полиграфист, 2013.
47. Путь борьбы и побед: хроника Тульской организации КПСС, 1883-1978. Кн. 2: 1938-1978. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1972.

48. Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта, 16 нояб.1941г. - 31января.1942г. / под гл. ред. Б.М. Шапошникова; ред.- сост. А.В. Жаворонков. – Новое изд., перепеч. с изд. 1943г. - М.: Изд - во Главархива Москвы «Московские учебники», 2006.
49. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. М.: Воениздат, 1998.
50. Сандалов, Л.М. На Московском направлении / Л.М.Сандалов – М.: Наука, 1970.
51. Сафронов, А. Сражение за Тулу. Операции Брянского и Западного фронтов, 24 окт. – 16 дек. 1941г. / А. Сафронов, В. Курносков. – М., 2008.
52. Солдаты Победы, 1941-1945: Рос. Федерация, Тульская обл. Т.1-9. – Тула, 2004-2012.
53. Сорокин, К.Л. А за нами Москва!: записки политработника. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1995.
54. Сорокин, К.Л. Трудные дни сорок первого / К.Л.Сорокин. – М.: Воениздат, 1991.
55. Сражение за Тулу: к 70-летию сражения за Тулу: сб. док., воспоминаний, мемуаров / сост. А.Н.Лепёхин. – Тула: Гриф и К, 2012.
56. СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.: (краткая хроника) / АН СССР, Ин-т ист. – М., 1964.
57. Терентьев, Н. Город-воин, город-труженик: Героическая оборона Тулы в Великую Отечественную войну / Н.Терентьев – Тула: Приок.кн.изд-во, 1963.
58. Третья армия: история, люди, подвиги / сост. Г.А. Колтунов. – М.: Эрго-Пресс, 1995.
59. Тула в Великой Отечественной войне 1941-1945: путеводитель по местам боевой славы. Вып. 3 / авт.- кол.: С.И. Демидов, В.Г. Плотицын. – Тула: ИПО «Лев Толстой», 1995.
60. Тула. Памятники боевой славы / авт. текста А.В. Калиновский, А.Т. Коркина. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1970.
61. Тула. Памятники истории и культуры: путеводитель. – Изд. 2-е, испр. и доп. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1973.
62. Тула, 1941: люди, события, судьбы / ред. В.П. Варфоломеев. – Тула: Гриф и К, 2001.
63. Хоссбах,Ф Пехота Вермахта на Восточном фронте: 31-я пехотная дивизия в боях от Бреста до Москвы, 1941–1942 / Ф. Хоссбах. – М.: Центрполиграф, 2014.
64. Шеин, Д. 1-я гвардейская танковая бригада в боях за Москву / Д. Шеин. – М.: Изд-во «Стратегия КМ», 2007.

Доклад на Международном научно-практическом форуме «Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире», посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тула, 2015 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Авдюшкина Ирина Николаевна – заведующая Тульским военно-историческим музеем
Белов Александр Георгиевич – ведущий специалист Тульского военно-исторического музея, кандидат экономических наук
Боть Вячеслав Иванович – старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева
Гнидина Татьяна Георгиевна – ведущий специалист отдела учета и хранения фондов
Двойникова Елена Евгеньевна – заведующая Историко-мемориальным музеем Демидовых
Дементьева Ирина Николаевна – ведущий специалист отдела учета и хранения фондов
Дроздова Елена Ефимовна – заместитель генерального директора по научной и экспозиционной работе, доктор исторических наук
Дутова Вера Андреевна – хранитель фондов Богородицкого дворца-музея
Екимов Юрий Георгиевич – заведующий отделом археологии
Зацаринный Сергей Валерьевич – старший научный сотрудник отдела археологии
Зыкова Елена Герольдовна – заведующая Музеем «Тульский кремль»
Жерздева Марина Владимировна – заведующая Богородицким дворцом-музеем и парком
Кузнецова Ольга Евгеньевна – заведующая Музеем П. Н. Крылова
Малолетнева Ольга Александровна – заведующая Тульским областным краеведческим музеем
Маршавина Марина Викторовна – ведущий специалист музея Мемориального музея Н. И. Белобородова
Мечетина Ольга Александровна – ведущий специалист Музея П. Н. Крылова
Николаев Николай Николаевич – методист Дома-музея В. В. Вересаева
Перова Ольга Владимировна – заведующая отделом Богородицкого дворца-музея
Петраков Тимур Валериевич – ведущий специалист музея Тульского военно-исторического музея
Печников Вадим Евгеньевич – ведущий специалист Тульского военно-исторического музея
Поступальский Вадим Вадимович – ведущий специалист Тульского областного краеведческого музея
Савко Ираида Львовна – заведующая Мемориальным музеем Н. И. Белобородова
Скопинцева Зоя Николаевна – заведующая отделом Тульского областного художественного музея
Тимачев Дмитрий Юрьевич – экскурсовод Тульского областного краеведческого музея
Ткач Виктория Юрьевна – заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева
Чернова Бэлла Александровна – ведущий специалист Дома-музея В. В. Вересаева
Чулицкий Алексей Валерьевич – методист музея Тульского военно-исторического музея

СОАВТОРЫ ИЗ ДРУГИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Архангельская Т. Н. – Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
Козмирчук И. А. – Фонд научного краеведения Липецкой области
Моисеев А. В. – Фонд научного краеведения Липецкой области